

ТРИ
ВЕКА
РУССКОЙ
ПОЭЗИИ



ТРИ ВЕКА
РУССКОЙ ПОЭЗИИ



ТРИ ВЕКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ



Составил Н. В. БАННИКОВ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

ספרים שנשלחו
לכתובת הסוכנות היהודית
ולא נדרשו ע"י שולחיהם
והועברו לפודום הציוני

הספרייה של הפודום הציוני
של יוצאי בריה"מ
БИБЛИОТЕКА СИОНИСТСКОГО ФОРУМА
СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1979

ББК 83.3Р
Б 23

עיריית חיפה
מערכת תרבות הסנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריה
מט. מלאי.....

Банников Н. В.

Б 23 Три века русской поэзии/Сост. Н. В. Банников. — 2-е Изд. доп. — М.: Просвещение, 1979. — 864 с., ил.

Книга «Три века русской поэзии» представляет собой собрание преимущественно лирических стихотворений русских поэтов от Ломоносова до середины XX века. Сборник рассчитан на широкого читателя. Замысел книги необычен и очень интересен: дать не привычную хрестоматийную подборку текстов в объеме школьной программы по литературе, а помочь читателю выйти за рамки этой программы, познакомить его с менее известными явлениями русской поэзии, помочь по-новому прочитать знакомые стихи, с новой стороны узнать знакомых поэтов.

Т 60501—421
103(03)—79 Без объявл. 4306010300

ББК 83.3Р
8Р1

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Три века русской поэзии» не обычная хрестоматия, где можно найти подборку стихотворений, предусмотренных обязательной школьной программой. В то же время это и не академический свод стихотворных текстов, охватывающий историю русской поэзии XVIII, XIX и XX вв., — для подобного издания, составленного с необходимой полнотой и обстоятельностью, потребовался бы не один том. Задача книги иная — помочь учителю и учащемуся выйти за рамки школьной программы и ознакомиться с такими явлениями русской поэзии, о которых на уроках литературы за недостатком времени порой не упоминается. Эта книга может служить и целям литературного самообразования и просто стать собеседником читателя, любящего поэзию.

Составитель стремился выделить в русской поэзии наиболее характерные для разных этапов ее истории имена, наиболее характерные, преимущественно лирические, произведения. Составитель учитывал не только факты историко-литературного процесса за истекшие двести с лишним лет после появления первых од Ломоносова, но и степень эмоционально-художественного воздействия стихов на современного читателя. Именно этим объясняются иные пропуски в книге, неправомерные в школьной или вузовской хрестоматии. Это в особенности относится к «архаическим», наиболее трудным для восприятия пластам русской поэзии — к XVIII в., показанному в книге весьма скупно. Читатель не найдет в ней и достаточно полного перечня советских поэтов. В замысел составителя входило дать представление лишь об основных линиях советской поэзии, приоткрыв золотой ее фонд, ее классику и не касаясь тех поэтических имен, которые выдвинулись в последнее время. Только при таком условии можно было сохранить и нужные внутренние соразмерности книги, и ее сравнительную компактность.

Русская поэзия — наше великое духовное достояние, наша национальная гордость. С самого своего рождения кровно связанная с устным народным творчеством, с песней, она затем снова входила в народную песню, проникала в букварь, внедрялась в повседнев-

ный быт. Поэзия стала нравственным наставником народа. Ее многогранность, многокрасочность поистине удивительны. Какие безмерно разные поэтические характеры и темпераменты соседствуют в ней! Какое богатство поэтических стилей и интонаций! Сверкающий красками, словно старинная плотная парча, весомый и зримый, меднокованный стих Державина, а рядом — воздушные строфы его младшего современника — Жуковского с их нежной, арфической мелодией, с их переливающимися мягкими полутонами и оттенками. Или два таких несхожих поэта, как Баратынский и Языков, живших в одни и те же годы. Стих первого почти лишен эмоциональных эффектов и узоров, обнажен в своей рассудочности и интеллектуальности, архаическая лексика придает ему особую, торжественную мощь и упругость. Перед нами поэт-мыслитель, философ, Гамлет-Баратынский, как называл его Пушкин. Но вот уже мы отдаемся «разгульному», стремительному темпу стиха Языкова — звучного, как бы играющего, смелого, с неожиданными эпитетами и словосочетаниями. Эта «лихость» и «хмельное буйство выражений» Языкова ошеломляло его современников. Откуда он «ни начнет период, с головы или хвоста, — писал о Языкове Гоголь, — он выведет его картинно и замкнет так, что остановишься пораженный...»

Кольцов и Лермонтов, Дельвиг и Полежаев, Тютчев и Некрасов, Курочкин и Фет, Суриков и А. К. Толстой, Есенин и Маяковский, Асеев и Багрицкий, Прокофьев и Заболоцкий, Сельвинский и Твардовский — эти примеры многоликости, многогранности русской поэзии можно было бы обильно умножить. И всех русских поэтов связывает между собой трепетное лирическое чувство любви к родной земле, к человеку.

Русская поэзия издавна шла со своим народом. Самые светлые, самые прогрессивные идеалы времени всегда полнили ее паруса.

Вдумываясь в законы природы, наблюдая чудо северного сияния или экспериментируя в мастерской, где изготовлялись стекла для мозаик, слагал свои ямбы Ломоносов. Никогда не забывал он юношеских впечатлений: помнил, как шуршат льдины под носом рыбацкой лодки в разводах Белого моря, как смутно горит светец в курной крестьянской избе, сколь горяч трудовой пот лесоруба и пахаря, сколь ясен народный разум. Дерзнувшие вступить в пререкания с императрицей, замолвить слово за народ, были изгнаны из столицы Сумароков и Крылов. Пехотный офицер Батюшков, присоединившись к ополчению, храбро сражался против войск Наполеона на полях Европы и затем прошел с победоносной русской армией до Парижа. В юхновских и вяземских лесах стяжал свою славу гроза наполеоновских солдат, вторгшихся в Россию, вожак партизан Денис Давыдов. Великий Пушкин, чей неподкупный го-

лос «был эхо русского народа», явился истинным пропагандистом идей передового отряда русского общества в начале XIX в. — декабристов. Труд Пушкина колоссально обогатил культуру нашей многонациональной страны, и свет его гения все глубже проникает в нас. Жизнь заплатил за свой подвиг во имя свободы родины Рылеев, считавший себя в поэзии учеником Пушкина. Вместе с Одоевским и Кюхельбекером русская поэзия была «во глубине сибирских руд», вместе с Полежаевым она обливалась кровью под шпидерутенами царских палачей. Им, этим палачам, бросил свой грозный вызов, услышав о гибели Пушкина, Лермонтов. Наперекор косной и темной среде звенели песни Кольцова, Никитина, Сурикова. Могучая трагическая муза Некрасова оплакивала страдания народа и одновременно внушала веру в его светлое будущее. С думой о народном благе шли на каторгу закованные в кандалы Михайлов и Якубович. Неоднократно оказывался в тюремной камере провозвестник пролетарской литературы — Максим Горький. В одиночке Бутырской тюрьмы учился поэзии арестованный за большевистскую пропаганду Маяковский. «Слушать музыку революции» страстно призывал Александр Блок. В красноречивых воинских шлемах шагнули в литературу и Тихонов, и Светлов, и многие другие поэты советской эпохи. Они были верны своему народу и в годы мирного труда, и в суровые, тяжкие дни Великой Отечественной войны.

Высокая гражданственность — вот что отличало русскую поэзию во все времена, вот что придавало ей особую сердечность и открытость. Высокая гражданственность, или, по Пушкину, «дум высокое стремленье», стала как бы законом развития русской поэзии, ее неотъемлемым свойством.

Поэтому-то народ всегда нуждался в поэзии и любил ее.

Пусть же эта книга заставит читателя еще раз поразмыслить о волшебной силе русского языка, который, по выражению Гоголя, есть сам по себе поэт; пусть читатель еще раз ощутит, как велики, как неисчерпаемы сокровища русской поэзии, и затем потянется к солидным изданиям — к томам, выходящим в большой и малой сериях «Библиотеки поэта», к специальным пособиям и исследованиям по истории поэзии. Пусть читатель всем сердцем воспримет мысль о том, что поэзия — орудие в развитии человеческой культуры, что поэзия, как писал Белинский о лирике Пушкина, «есть школа лелеющей душу гуманности».

Пусть Большая Поэзия придет к читателю как радость, как новое открытие мира!

Михаил Васильевич Ломоносов — пламенный патриот, великий русский ученый и поэт; один из основоположников современного естествознания. Родился в Архангельской губернии, близ Холмогор, в семье крестьянина-помора. С детства, помогая отцу в работе, ходил в море на промысел за рыбой и морским зверем. Грамоте научился у соседей-крестьян году на десятом. Жадно тянулся к знаниям, самостоятельно штудировал случайно попавшие ему в руки учебные пособия. Псалтырь, переложенная в славянские стихи Симеоном Полоцким, впервые дала юному Ломоносову понятие о поэзии. В декабре 1730 г. девятнадцатилетний Ломоносов ушел учиться в Москву. Преодолев множество препятствий, он попал в Славяно-греко-латинскую академию, потом учился при Академии наук в Петербурге, завершив образование в Германии. В 1745 г. получил звание профессора (академика). «Историк, Ритор, Механик, Химик, Минералог, Художник и Стихотворец — он все испытал и все проник», — писал о нем А. С. Пушкин. Ломоносов сделал замечательные открытия в науке, опережая свое время более чем на столетие. Научные труды Ломоносова по языку и литературе укрепляли национальную самостоятельность русской культуры. Ломоносов утвердил в русской поэзии силлабо-тоническую систему стихосложения. Его «Ода на взятие Хотина» (1739), написанная звучным четырехстопным ямбом, впервые введенным в русский стих, стала исходным рубежом новой эпохи русской поэзии. Ода — любимый поэтический жанр Ломоносова. Ее гражданский пафос, торжественный язык, полный ораторских восклицаний и обращений, пышные, нередко развернутые в целую строфу метафоры и сравнения, обильно рассыпанные славизмы и библейские образы, ее, по выражению самого Ломоносова, «высокость и великолепие» послужили образцом почти для всех русских поэтов XVIII в. В своих одах Ломоносов неизменно пропагандировал науку и просвещение, воспевал благо мирного тру-

МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ



1711—1765

да — «возлюбленную тишину», славил русский народ. Рисую идеализированный образ императрицы, он, по сути дела, поучал царей, читал им наставления. Ломоносов открыл богатейшие возможности развития русской поэзии, определил ее общественную роль в жизни народа.

Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты,
На бисер, золото и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,—
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты, кроме той, всего превыше;
Но дух ее зефира тише
И зрак приятнее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя, прияв, обლობызала:
Мне полно тех побед,— сказала,—
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархия, сей кроткий глас.
О, коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал:
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет,
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни:
Послал в Россию человека,
Каков не слыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попанну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки,
Чрез горы, реки и моря,
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах! жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ,
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой.

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О, коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики,
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьем может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Возри на горы превысоки,
Возри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу,
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми Борей крилами
Твои взвевает знамена,
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напоет
И брега наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простираты!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм!
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить;

Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны,
Питаюсь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знаю строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием,
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завида нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранил
Во всех путях беспреткновецну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

*Вечернее размышление
о божием величестве при случае
великого северного сияния*

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла влажна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,—
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав:
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны быют в эфир.

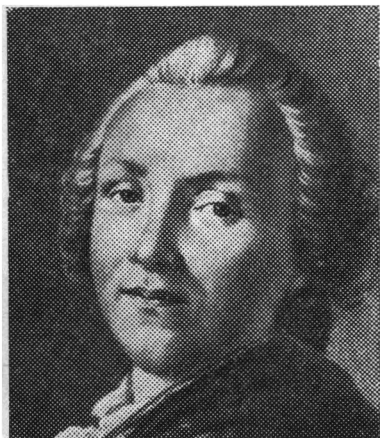
Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

* * *

*

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом пароде,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алпейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

АЛЕКСАНДР СУМАРОКОВ



1717—1777

Александр Петрович Сумароков родился в Москве. Отец его принадлежал к старинному дворянскому роду, был петровским генералом. Первоначальное образование будущий поэт получил дома. Затем учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе — привилегированном учебном заведении для дворян. В духе новых, «елизаветинских времен», в шляхетном корпусе преобладали изящные науки: «новоманирные дворяне», которых при Петре учили артиллерийскому делу и фортификации, теперь изучали также правила этикета, упражнялись в искусствах. Сумароков стал участником литературного кружка кадетов, сочиняя галантные песни о любви. Они были положены на музыку на мотивы модных тогда танцев — менуэтов и пелись дворянской молодежью по всему Петербургу. Песни Сумарокова пришлись по вкусу императрице, и он был приглашен во дворец. После окончания шляхетного корпуса Сумароков стал адъютантом графа А. Разумовского, фаворита Елизаветы. Он сохранил связи с кадетским корпусом и для любительского спектакля у кадетов переделал по канонам классицизма «Гамлета» Шекспира. Вскоре он уже писал и собственные пьесы. Многочисленные трагедии, комедии и оперы Сумарокова пользовались у современников огромным успехом. Как самый известный русский драматург, он был назначен директором первого русского театра, основанного Федором Волковым. Сумароков в своих произведениях нападал на беззакония и «дворянское злонаравие», ратовал за смягчение крепостничества. В 1763 г., в день коронации Екатерины II, Федор Волков прочитал написанный Сумароковым «Хор ко превратному свету» — резкую сатиру на российские социальные нравы. Это стихотворение навлекло на поэта гнев императрицы, которая нашла способы заставить его умолкнуть и покинуть Петербург. Умер Сумароков в нищете, затравленным, опустившимся человеком. Сумароков разрабатывал в своем творчестве жанры интимной лирики, писал оды, басни, сатиры, эпиграммы. Он явился первым профессиональным русским литератором и гордо называл себя стихотвор-

дем, что в ту пору для дворянина было неслыханным. Многие в наследии Сумарокова принадлежат прошлому. Но в его песнях, несмотря на архаичность языка, чувствуется непосредственное поэтическое начало. «Он первый чистоты во оных был примером», — говорил о Сумарокове и его песнях один из современников поэта.

* *
*

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтее в поход ийти;
Неведомо мне то, увижусь ли с тобой,
И ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, — иль смертный рок меня унес?
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

* *
*

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой, —
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернись лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего не весела?»

Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах! несчастье, ах! несносная беда,
Что досталась я такому молода;
Мне в совете с ним вовеки не житья,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою,
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

* * *

*

Тщетно я скрываю сердца муки люты;
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь.

Сердце тяжким стоном, очи током слезным
Извлекают тайну муки сей:
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременял в неволю,
Ты утечи в горесть обратил;

И к лютейшей муке ты, того не зная,
Может быть, вздыхаешь о иной;
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся,
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил...

Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь.

Гавриил Романович Державин—замечательный русский поэт, виднейший представитель классицизма. Родился в семье мелкопоместного дворянина, близ Казани. Рано лишился отца, детство провел в бедности, систематического образования не получил. После трехлетнего пребывания в казанской гимназии был вызван в Петербург, в гвардейский Преображенский полк. Десять лет прослужил солдатом, в 1772 г. был произведен в офицеры. В 1777 г. перешел на штатскую службу — служил в сенате, был губернатором (в Петрозаводске и в Тамбове), секретарем Екатерины II, министром юстиции при Александре I. Отличаясь независимостью характера и прямоотой («Горяч и в правде черт!» — говорил он о себе), Державин постоянно ссорился с начальством, побывал даже под судом. С 1803 г. жил на покое, проводя лето в своем имении Званке, на берегу Волхова. Писать Державин начал еще в солдатской казарме; расцвет его творчества падает на 80-е годы XVIII в. Державин в значительной мере разрушил систему классицизма с ее условностями, ввел в стихи просторечие, элементы фольклора. В творчестве Державина отразилось много конкретных черт русской жизни, русского быта, в нем было много злободневного. С Державиным русская поэзия как бы шагнула в живую жизнь, в реальную действительность. В произведениях Державина впервые четко проступил образ самого автора, возникли полнокровные портреты его современников. Палитра державинских красок необыкновенно ярка, очень остро его чувственное ощущение окружающего мира. Высокие гражданские чувства, мощь и самобытность стихотворений Державина обусловили огромное его воздействие на развитие русской поэзии. Державин — один из непосредственных предшественников Пушкина.

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН



1743—1816

На смерть князя Мещерского

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снесает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глощает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать,
И быть себя он вечным чаёт;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышням.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там.— Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утех, радость и любовь
Где купно с здоровьем блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хабса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,

Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны;
Я в двéрях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам, конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

Властителям и судиям

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастьевым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

Осень во время осады Очакова

(Отрывок)

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугуновых из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запаслися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осепь хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олепь на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит...

Приглашение к обеду

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, молодая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давний,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и серебра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность —
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благодетель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю,
И знаю то, что век наш тень;
Что, лишь младенчество проводим,—
Уже ко старости приходим
И смерть к нам сметрит чрез забор;
Увы! — то как не умудриться,
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слышал, слышал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он с громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней
И приголубливает счастье
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откусать,
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравьи и спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

Арфа

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?

Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным,
Как эхо, мне вдали щекочет нежно слух
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.

Так ты, подруга муз! лишь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей хариты,
Когда ее чело венчает вкуса бог
И улыбаются любовью ланиты.

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей свящанны?

Звучи, о арфа! ты все о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

Русские девушки

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Бапмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?

Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколиий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Снегирь

Что ты заводишь песню военную
Флейте подобно, милый снегирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военную, снегирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отсюда томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Денис Иванович Фонвизин родился в Москве, в дворянской семье. Учился в гимназии при Московском университете, а затем на философском факультете того же университета. Входил в кружок известного стихотворца, почитателя Московского университета Хераскова. Состоял на службе в иностранной коллегии, был секретарем Никиты Панина, крупного политического деятеля екатерининских времен. По поручению Панина Фонвизин написал «Рассуждение» — политический трактат в форме памфлета, остро критиковавший порядки самодержавной России. Это сочинение распространялось в списках и впоследствии оказало известное влияние на декабристов. Как дипломат Фонвизин путешествовал по Европе и оставил чрезвычайно интересные письма, в которых правдиво отразил обстановку во Франции накануне революции. Фонвизин вошел в историю русской литературы как автор комедий «Бригадир» и «Недоросль». Это лучшее, что создал Фонвизин. В юности же он написал несколько стихотворных сатир, столь смелых и оригинальных по мысли, что они с необычайной быстротой облетели Москву, не будучи напечатанными. Опасаясь преследований, Фонвизин сжег тетрадь со своими стихами. Сохранились только две его сатиры — «Лисьяца-казнодей» и «Послание к слугам...». В первой сатире Фонвизин выступает как непримиримый враг тирании. Недаром Пушкин назвал его «другом свободы». В «Послании к слугам...» Фонвизин рисует типические характеры барина и слуг. Образ Шумилова, несомненно, подсказал Пушкину характер Савельяча в «Капитанской дочке». Стих Фонвизина исполнен комической силы, его неторопливая, свободная строфа с отточенными афоризмами, философской остротой, тонкой характеристикой персонажей заставляет вспомнить не только басни Крылова и эпиграммы Пушкина, но и непревзойденную стихотворную комедию Грибоедова «Горе от ума». Белинский говорил, что фонвизинское «Послание» «переживает все толстые поэмы того времени».

ДЕНИС ФОНВИЗИН



1745—1792

Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься бога ты, боишься сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам, скажи, Шумилов, мне?
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою;
«Не знаю, — говоришь, — не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем, и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами;
Что должен я смотреть за всей твоей казной,
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки:
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».

К тебе я обращаю теперь мои слова,
Широкие плеча, большая голова,
Малейшего ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница,
И стало наконец угодно небесам,
Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
На светску суету вседневно ты зриаешь
И, стоя назади, Петрополь обтекаешь;
Готовься на вопрос премудрый дать ответ,
Вещай, великий муж, на что сей создан свет?

Как тучи ясный день внезапно помрачат,
Так Ванькин ясный взор слова мои смущают.
Сомнение его тревожить начало,
Наморщились его и харя и чело.
Вещает с гневом мне: «На все твой затей
Не могут отвечать и сами грамотей.
И мне ль о том судить, когда мои глаза

Не могут отличить от ижицы аза!
С утра до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о бoге и о свете;
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце,
Откуда каждый час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к каретам провожают;
Но если на вопрос мне должно дать ответ,
Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет.

Москва и Петербург довольно мне знакомы,
Я знаю в них почти все улицы и дома.
Шатаюсь по свету и вдоль и поперек,
Что мог увидеть я, того не простерег.
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасный с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты
И все, мне кажется, на свете — суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да, сверх того, приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кощеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господ, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри при том карманы набивают,
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.
Но если говорить на свете правду можно,
То мнение мое скажу я вам неложно:

За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь и овца!
Что дурен здешний свет, то всякий понимает.
Да для чего он есть, того никто не знает.
Довольно я молод, пора и помолчать;
Петрушка, может быть, вам станет отвечать».

«Я мысль мою скажу, — вещает мне Петрушка,
Весь свет, мне кажется, — ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нўжды, хоть потом и вўзьмут душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти!
На что молиться нам, чтоб дал бог видеть рай?
Жить весело и здесь, лишь ближними играй.
Играй, хоть от игры и плакать ближний будет,
Щечи его казну, — твоя казна прибудет;
А чтоб приятнее еще казался свет,
Бери, лови, хватай все, что ни попадет.
Всяк должен своему последовать рассудку;
Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку;
Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами?
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные рўзвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет! а для чего он так,
Не ведает того ни умный, ни дурак.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите нам ее...» Сим речь окончил он,
За речию его последовал поклон.
Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
Отвесили за ним мне также по поклону;
И трое все они, возвыся громкий глас,
Вещали: «Не скрывай ты таинства от нас;
Яви ты нам свою в решениях удачу,
Реши ты нам свою премудрую задачу!»

А вы внимлите мой, друзья мои, ответ:
«И сам не знаю я, на что сей создан свет!»

Николай Михайлович Карамзин родился на Волге, под Симбирском, в имении своего отца, небогатого помещика, капитана в отставке. Тринадцать лет был определен в частный пансион в Москве. Здесь он изучал языки, историю, словесность и философию. Затем, по настоянию отца, Карамзин переехал в Петербург и поступил на военную службу. Сближение с И. И. Дмитриевым, впоследствии известным баснописцем, пробудило в нем «желание авторства». Вскоре юноша оставил военную службу и отдался литературному труду, начав с переводов. Поселившись в Москве, он входит в кружок просветителя Н. И. Новикова и принимает участие в выпуске первого русского журнала для детей — «Детское чтение». В 1789 г. Карамзин уезжает путешествовать по Европе. Он посетил Германию, Швейцарию, Францию, Англию, виделся с Гете, беседовал с Кантом. Его путешествие совпало по времени с событиями Великой французской революции, к которой он относился враждебно, хотя и чувствовал ее историческое значение. Возвратившись на родину, Карамзин опубликовал «Письма русского путешественника» — книгу, прославившую его имя. С 1791 г. он издает «Московский журнал», а с 1802 г. — «Вестник Европы». Карамзин печатает одну за другой свои повести («Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и др.), горячо принятые читающей публикой. В русской литературе Карамзин выступил зачинателем сентиментализма. Наряду с прозой Карамзин писал и стихи. Полные меланхолии и горестного томления стихотворения Карамзина — элегии, дружеские послания, мадригалы — своим психологизмом, лирической трактовкой пейзажа прокладывали путь поэзии Жуковского. Карамзин широко применял не только ямб, традиционный в лирике классицизма, но и хорей, и трехсложные стопы, и белый стих. Карамзин

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН



1766—1826

приблизил язык литературы к разговорной речи образованных кругов русского общества, освободив прозу от обветшалых, архаических форм, выработав легкую, изящную и непринужденную интонацию фразы, обогатив словарный состав. В последние годы жизни Карамзин создал капитальный труд в двенадцати томах — «Историю Государства Российского».

Выздоровление

Нежная мать Природа!
Слава тебе!
Снова твой сын оживает!
Слава тебе!

Сумрачны дни мои были.
Каждая ночь
Медленным годом казалась
Бедному мне.

Желчию облито было
Все для меня;
Скука, уныние, горесть
Жили в душе.

Черная кровь возмущала
Ночи мои
Грозными, страшными снами,
Адской мечтой.

Томное сердце вздыхало
Ночью и днем.
Тронули мать Природу
Вздохи мои.

Перст ее, к сердцу коснувшись,
Кровь разжидил;
Взор ее светлый рассеял
Мрачность души.

Все для меня обновилось;
Всем веселюсь:
Солнцем, зарею, звездáми,
Ясной луной.

Сон мой приятен и кроток;
Солнечный луч
Снова меня призывает
К радости дня.

Осень

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
Скрылись птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несясь
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
Вянет природа
Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весной;
С гордой улыбкой
Снова природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

Веселый час

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край, вино!
Всё до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал —
В бедном рубище, в порфире —
Но и радость бог нам дал.

Он вино нам дал на радость, —
Говорит святой Мудрец, —
Старец в нем находит младость,
Бедный — горестям конец.

Кто все плачет, все вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем —
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Всё печальное забудем,
Что смуцало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

Иван Андреевич Крылов, великий баснописец, был сыном бедного армейского офицера. Семья Крыловых постоянно переезжала с места на место, и где родился писатель, в точности неизвестно — вероятнее всего, в Заволжье. В 1775 г. отец Крылова, оставив военную службу, осел в Твери и стал мелким чиновником. Малолетний Крылов обучался французскому языку и начаткам наук вместе с детьми тверского губернатора, пускавшего Крылова в дом из милости. Дальнейшего образования Крылов, собственно, и не получил, хотя его обширным знаниям впоследствии удивлялся Пушкин. На десятом году Крылов остался без отца и, чтобы поддержать семейство, за ничтожную плату служил писцом в тверском магистрате. Переехав в 1783 г. в Петербург, Крылов четыре года работал в Казенной палате. Тогда же он, совсем еще юным, пробует свои силы в драматургии, сочиняя главным образом комедии. В них Крылов зло высмеивал пороки дворянства, и поасть на сцену его произведения, разумеется, не могли. С 1789 по 1793 г. Крылов в компании с другими литераторами издавал сатирические журналы: «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий». Это были боевые демократические издания, нападавшие на самодержавный деспотизм. Крылов публикует свои повести («Кайб» и «Похвальная речь в память моему дедушке»), проявив блестящее мастерство сатирика. Литературная и журнальная деятельность Крылова вызвала недовольство правительства, над ним был установлен полицейский надзор. Крылов покинул столицу и десять лет не выступал в печати. С 1805 г. он начал писать басни, принесшие ему громкую славу. Снова поселившись в Петербурге и непрерывно работая над баснями, Крылов почти тридцать лет, с 1812 по 1841 г., прослужил в Публичной библиотеке библиотекарем. Под старость он был

ИВАН КРЫЛОВ



1769—1844

окружен всеобщим почетом, с ним дружили лучшие русские люди того времени. Крылов — сатирик, обличитель пороков крепостной, бюрократической России, несравненный мастер языка — является одним из зачинателей русского реализма. Собрание басен Крылова Гоголь назвал «книгой мудрости самого народа».

Квартет

Проказница-Мартышка,

Осел,

Козел

Да косолапый Мишка

Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альты, две скрипки

И сели на лужок под липки —

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, деруг, а толку нет.

«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. — Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альты,

Я, прима, сяду против вторы;

Тогда пойдет уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он все-таки на лад нейдет.

«Постойте ж, я сыскал секрет! —

Кричит Осел, — мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд,

А все-таки Квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье:

«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,

Чтобы Квартет в порядок наш привесть:

И ноты есть у нас, и инструменты есть;

Скажи лишь, как нам сесть!» —

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уметь

И уши ваших понежней, —

Им отвечает Соловей, —
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мýка.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Любопытный

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни, как изумруд, другие, как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

Демьянова уха

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ущица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» —
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян. — Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Зеркало и Обезьяна

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, — говорит, — кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

Свинья под Дубом

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с Дубу вóрон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б желуды: ведь я от них жирею». —

«Неблагодарная!» примолвил Дуб ей тут:
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Две собаки

Дворовый, верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне,
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья, чуть не плачет
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что, Жужутка, как живешь,
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?» —
«На счастье грех роптать, — Жужутка отвечает, —
Мой господин во мне души не чаёт;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?» — «Я, — отвечал Барбос,
Хвост плетью опуствя и свой повеся нос, —
Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.

Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно! —
С насмешкой отвечал Жужу. —
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

Рыбья пляска

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их собирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» — спросил сердито Лев.
«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев, —
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». —
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.) —
«Да отчего же, — Лев спросил, — скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О мудрый царь! — Мужик отвечивал, — оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

Щука

На Щуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые, да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шел,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила, —
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно, и опасно —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

Алексей Федорович Мерзляков родился в селе Долматове, Пермской губернии, в семье небогатого купца. Учась в Пермском народном училище, Мерзляков в тринадцать лет написал «Оду на заключение мира со Швецией», которая через инспектора училища стала известна Екатерине II. Ода была напечатана, а ее автор определен на казенный счет в пансион при Московском университете. Окончив в 1799 г. университет, Мерзляков в 1804 г. получил степень магистра и до конца жизни был профессором российского красноречия и поэзии в Московском университете. Его лекции слушали Грибоедов, Вяземский, Тютчев, Веневитинов, Лермонтов. Известность Мерзлякова как поэта падает на первое десятилетие XIX в. Он писал оды, в которых еще царил дух классицизма, переводил древнегреческих и древнеримских поэтов, много способствовал выработке русского гекзаметра. Тяготая по своим теоретическим представлениям к литературе XVIII в., Мерзляков выступал против романтиков, требовал от поэзии героической гражданственности по старым канонам, хотя, как передают мемуаристы, плакал от восторга, читая «Кавказского пленника» Пушкина, и недоумевал, почему эта поэма, написанная вразрез с его взглядами, так ему нравится. Главное в поэтическом наследии Мерзлякова — его романсы и песни, которые нередко весьма близки к подлинному фольклору. Ценя дарование Мерзлякова, Белинский говорил, что поэт перенес в свои песни «русскую грусть-тоску, русское гореванье» и верно выразил лирическую сторону народной жизни.

АЛЕКСЕЙ МЕРЗЛЯКОВ



1778—1830

* *
*

Среди долины ровныя
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюсь,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне:
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не выются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад:
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

Велизарий

Малютка, шлем нося, просил,
Для бога, пищи лишь дневных
Слепцу, которого водил,
Кем славны Рим и Византия.
«Троньтесь жертвою судеб! —
Он так прохожих умоляет, —
Подайте мальчику на хлеб:
Он Велизария питает.

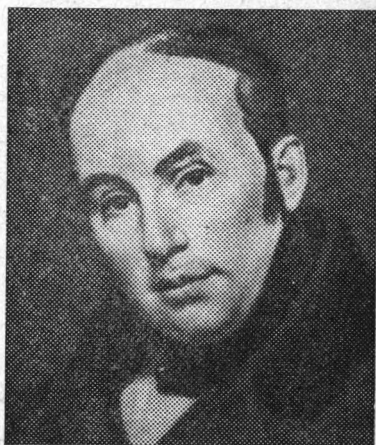
Вот шлем того, который был
Для готфов, вандалов грозою;
Врагов отечества сразил,
Но сам сражен был клеветою.
Тиран лишил его очей,
И мир хранителя лишился.
Увы! свет солнечных лучей
Для Велизария закрылся!

Несчастный, за кого в слезах
Один вознес я глас смиренный,
Водил царей земных в цепях,
Законы подавал вселенной;
Но в счастья своем равно
Он не был гордым, лютым, диким;
И ныне мне твердит одно:
«Не называй меня великим!»

Не видя света и людей,
Парит он мыслью в царстве славы
И видит в памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вот постоянство здешних благ!
Сколь чуден промысл твой, содетель!
И я — сиротка, в юных днях
Стал Велизарью благодетель!»

Василий Андреевич Жуковский родился в селе Мишенском Белевского уезда, Тульской губернии. Он был сыном помещика Бунина и пленной турчанки Сальхи, привезенной во время войны крестьянами из-под крепости Бендеры и подаренной Бунину. Хотя воспитывался будущий поэт в семье Бунина, фамилию и отчество он получил от своего крестного отца — бедного дворянина Андрея Жуковского, жившего в бунинском доме. Учился сначала в Туле, в частном пансионе, затем его поместили в Благородный пансион при Московском университете. Еще находясь в пансионе, стал печатать стихи, а в 1802 г. приобрел известность, опубликовав вольный перевод элегии английского поэта Томаса Грея «Сельское кладбище». Нашествие Наполеона в 1812 г. Жуковский откликнулся патриотической поэмой «Певец во стане русских воинов». Был в рядах ополчения, видел битву под Бородином. К 1815 г., когда вышло первое собрание стихотворений Жуковского, его считали уже лучшим русским поэтом. Тогда же Жуковский был назначен учителем русского языка в царскую семью, а с 1826 по 1841 г. состоял наставником наследника престола (впоследствии царя Александра II). Жуковский — один из основоположников русского романтизма. В элегиях и балладах Жуковского впервые с необычайной искренностью открылся читателю внутренний мир, оттенки душевных движений поэта. Стих его музыкален, певуч, богат полутонами и нюансами, исполнен, по выражению Пушкина, «членительной сладости». Жуковский наряду с Батюшковым фактически создал нашу лирику и проложил множество новых троп для русской поэзии. Но значение творчества Жуковского сильно ограничивалось его пассивной мечтательностью, религиозным мистицизмом, монархическими воззрениями. Жуковский — классик поэтического перево-

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ



1783—1852

да, он познакомил русскую публику с лучшими образцами мировой поэзии. Жуковский — друг и предшественник Пушкина. «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина», — писал Белинский. Последние годы жизни Жуковский провел за границей, уже ослепшим стариком завершая свой непревзойденный и до сих пор перевод «Одиссеи» Гомера.

К месяцу

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.

Ты блеснул... и просветлел
Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.

Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,
И минувшего привет
Слышу в тишине.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла.

Ах! то было и моим,
Чем так сладко жить,
То, чего, расставшись с ним,
Вечно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
С одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,

Кто делит с душой родной,
Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

Песня

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей в минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится;
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Лесной царь

Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» —
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой». —
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». —
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей». —
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой». —
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Дружба

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перупами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О Дружба, это ты!

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их *нет*,
Но с благодарностию: *были*.

Из элегии „Вечер“

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы.

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!..

Светлана

(Отрывок)

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;

Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстлали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.

«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи...

Море

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земная неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистого его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,

Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

Желание

Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне отголь зефиры
Благовония весны;•
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам;
Предо мной поток ужасный
Грозно мчитя по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено...
Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

Торжество победителей

Баллада

Пал Приамов град священный;
Грудой пепла стал Пергам;
И, победой насыщенный,
К острогрудым кораблям
Собрались эллены — тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.

Пойте, пойте гимн согласный:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.

Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их вели в далекий плен.
И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий,
Невозвратный Илион.

Вы, родные холмы, нивы,
Нам вас боле не видать;
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И с предведением во взгляде
Жертву сам Калхас заклал:

Грады зиждущей Палладе
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону
Богу смертных и богов!

Суд окончен; спор решился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Град великий сокрушился.

Царь народов, сын Атрея
Обозрел полков число:
Вслед за ним на брег Сигея
Много, много их пришло...
И внезапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;
Часто Марсом пощаженный
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен.

И стоящий близ Елены
Менелай тогда сказал:

Плод губительный измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Парид
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронид,
Все блюдет с Олимпа он.

Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.

Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Сколько бодрых жизнь поплёкла!
Сколько низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Смертный, царь Зевес Фортуне
Своей предал нас:
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.

Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева.

О Ахилл! о мой родитель!
(Возгласил Неоптолем)
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.

Жить в любви племен делами —
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвеств она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!

Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед провозгласил):
Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом:
Тот, почтённый и врагом,
Будет жить в преданьях славы.

Нестор, жизнью убеленный,
Нацедил вица фиал
И Гекубе сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.
— Пей страданий утоленье;
Добрый Вакхов дар вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепленье сердцу дали.

Вспомни мать Ниобею:
Что извела она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх недаром был:

Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит:
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета.

И вперила взор Кассандра,
Вняв пеннувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандра,
На дымящийся Пергам.
Все великое земное
Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покорися и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ



1787—1855

Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде, в дворянской семье. Образование получил в частном французском пансионе в Петербурге. В 1803 г., служа в министерстве народного просвещения, начал печатать в журналах свои стихи. В 1807 г. во время войны с Наполеоном вступил в армию, в сражении при Гейльсберге был ранен. Участвовал в русско-шведской войне 1808 г. В 1812 г. он вновь в рядах русской армии, сражался под Лейпцигом и был с русскими войсками в Париже. С 1815 г., выйдя в отставку, жил в Москве, в 1817 г. выпустил первый свой сборник стихов и прозы — «Опыты». Расстроенное здоровье поэта требовало переезда на юг. Друзья устроили его служить в русской дипломатической миссии в Неаполе. Но вскоре Батюшкова стал мучить наследственный недуг — мания преследования. Безнадёжно больного поэта привезли в Россию; с 1822 г. он жил в попечении родных в Вологде, там и скончался. Батюшков был одним из лучших поэтов своего времени. Он с блеском разрабатывал жанр интимного дружеского послания и элегии. Плавность и гармоничность его стихов восхищала Пушкина. «Звуки италянские! Что за чудотворец этот Батюшков!» — писал Пушкин на полях его книги. Батюшков, с его пристальным вниманием к внутреннему миру человека, с сильным и глубоким ощущением земной радости, земной любви, закладывал своими стихами основы русской лирики. Творчество Батюшкова оказало влияние на многих русских поэтов и способствовало развитию гения Пушкина.

Мой гений

О, память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху да в разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

Совет друзьям

(Отрывок)

Дайте мне свирель простую,
Друзья! и сядьте вокруг меня
Под эту вяза тень густую,
Где свежесть дышит среди дня;
Приблизьтесь, сядьте и внимайте
Совету музы вы моей:
Когда счастливо жить хотите
Среди весенних кратких дней,
Друзья! оставьте призрак славы,
Любите в юности забавы
И сейте розы на пути.
О юность красная! цвети!
И, током чистым окропленна,
Цвети хотя немного дней,
Как роза, миртом осененна,
Среди смеющихся полей;
Но дай нам жизнью насладиться,
Цветы на тернах находить!
Жизнь — миг! не долго веселиться,
Не долго нам и в счастье жить!..

К Дашкову

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,

На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! Талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не повесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотолле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

К Никите

(Отрывок)

Как я люблю, товарищ мой,
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорных вершины
Необозримый наших строй
На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекий
И погрузиться до утра
Под теплой буркой в сон глубокий.

Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот
И ружей протяженный грохот
Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне,
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки,
Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
Сюда, летучие полки,
Башкирцы, горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи, свинец!
Летайте, ядры и картечи!
Что вы для них? для сих сердец,
Природой вскормленных для сечи?..

Песнь Гаральда Смелого

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далёко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сяканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.

О други! я-младость не праздно провел!
С сынами Дронтейма вы помните сечу?
Как вихорь, пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.

Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом;
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и выюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упряждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный, по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далёко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

* *
*

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН



1799—1837

Александр Сергеевич Пушкин — явление в истории русской литературы исключительное. Великий поэт, прозаик и драматург, родоначальник критического реализма, основоположник современного литературного языка, он был у нас, по верному слову Горького, «началом всех начал». Пушкин родился в Москве. Принадлежал к старинному, но обедневшему дворянскому роду. Мать Пушкина происходила из семьи Ганнибалов, потомков Абрама Ганнибала, выходца из Эфиопии, возвысившегося волей Петра I. В детстве Пушкин воспитывался дома, с 1811 по 1817 г. учился в Царскосельском лицее. В лицейские годы завязалась его дружба с Ча-

адаевым, Дельвигом, Пущиным, Кюхельбекером, Жуковским. В лицее он пережил великую эпопею Отечественной войны 1812 г. В печати первое стихотворение Пушкина появилось в 1814 г., в журнале «Вестник Европы». К 1820 г., когда он написал поэму «Руслан и Людмила», Пушкин был уже сложившимся поэтом. Вольнолюбивые произведения Пушкина, его острые антиправительственные эпиграммы широко распространялись в списках среди революционно настроенной дворянской молодежи. На Пушкина обрушился царский гнев — поэт был выслан из Петербурга на юг. До 1824 г. он жил в Кишиневе и Одессе, затем был переведен как ссыльный в псковское имение своих родителей — село Михайловское. На юге Пушкин был близок к кругу дворянских революционеров — будущих декабристов, всецело разделял их взгляды. В этот период своего творчества — его можно назвать романтическим — Пушкин создал цикл поэм («Кавказский пленник», «Братья разбойники» и др.), начал писать роман в стихах «Евгений Онегин». В Михайловском гений Пушкина достиг зрелости; в его творениях уже возобладала реалистическая струя. Именно тогда были написаны народная драма «Борис Годунов», многие шедевры пушкинской лирики. В 1826 г., после разгрома восстания декабристов, новый царь Николай I вызвал Пушкина в Москву и, желая подкупить поэта и в то же время привлечь на свою сторону общественное мнение, «простил» Пушкина и навязал ему свою личную цензуру. Вся дальнейшая жизнь Пушкина проходила под надзором жандармов и царского двора. Однако поэт не отказался от своих передовых, прогрессивных убеждений и до конца дней был противником самовластья. «Полтава», «Молик в Коломне», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», богатейшая лирика — основные плоды пушкинской работы 1826—1830 гг. В 30-х годах в творчестве Пушкина преобладает проза («Дубровский», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «История Пугачева»). Но в эту же пору им создана поэма «Медный всадник», оставшаяся при

жизни не напечатанной, сказки в стихах, «Песни западных славян» и замечательные по философской глубине стихотворения. В 1836 г. Пушкин основал журнал «Современник», ставший лучшим русским периодическим изданием XIX в. Враждебное отношение правящих кругов, низкие придворные интриги, которые плелись не без ведома царя, душили Пушкина. Дуэль с приемным сыном голландского посланника Дантесом безвременно оборвала его жизнь. Поэзия Пушкина — классика русской и мировой литературы. «Чувство красоты развито у него до высшей степени, как ни у кого», — говорил о Пушкине Лев Толстой. Гармоническая ясность чувства и мысли, мощная волна жизнелюбия, широта и многогранность отличают гений Пушкина. «В нем, как будто в лексиконе, — писал Гоголь, — заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа; это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

К Чаадаеву

Любовь, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Погасло днёвное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волнением и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаям упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златая,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...



Редает облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижину сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

Нереида

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел нереиду.
Сокрытый меж деревьев, едва я смелдохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,

И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:

Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье,
Он раб мольбы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редее;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Доучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновение,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

* *
*

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье

Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

* *

*

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:

Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

*Анчар**

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растоясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

* Древо яда. (Прим. Пушкина.)

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.

Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

* *
*

На хълмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Обвал

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних воли упорный гнев
 Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
 Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
 И пылью вод,
И шумной пеной орошал
 Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И копь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
 Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
 Небес жилец.

* *
*

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.



Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладающие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где веба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружится доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж оп далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Труд

Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату принявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Осень

(Отрывок)

Чего в мой дремлющий
тогда не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.

Суровую зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это накопек и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.

Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет,
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно, — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,

Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявлением —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?
.
.

Полководец

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстрокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славой чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,

И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительной думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могучим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ищя желанной смерти, —
Вотще! —

.
.

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

* *
*

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

* *
*

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

Меж нив золотых и пахитей зеленых
Оно, синее, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилила крылья
Ворочая при ветре...

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

Exegi monumentum *

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознеся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

* Я воздвиг памятник (лат.). Ред.

Кондратий Федорович Рылеев родился в сельце Батове, под Петербургом. Сын мелкопоместного дворянина. Шести лет был отдан в кадетский корпус в Петербурге. В 1814 г. выпущен из корпуса прапорщиком-артиллеристом; с русскими войсками побывал за границей. В 1818 г., из протеста против аракчеевского режима в армии, вышел в отставку; служил в Петербургской уголовной палате, потом — в Российско-Американской компании. В 1823 г. вступил в тайное Северное общество и стал одним из его руководителей. Возглавлял подготовку восстания 14 декабря 1825 г. и отдавал распоряжения в его ходе. Арестованный сразу же после разгрома восстания, Рылеев 13 июля 1826 г. вместе с четырьмя другими вождями декабристов был повешен на кронверке Петропавловской крепости. Литературный путь Рылеева был краток. Впервые он выступил в печати в 1820 г. со стихотворением «К временщику». В этом стихотворении Рылеев с огромной силой изобличал царского любимца, реакционера Аракчеева. Оно нашло горячий отклик среди передовой молодежи и принесло Рылееву литературную известность. В 1821—1824 гг. Рылеев публикует цикл исторических стихотворений, объединенных общим названием «Думы». В них он рисовал образы героев русской старины, стремясь «возбудить доблесть граждан», воспитать читателей в духе патриотической, революционной программы декабристов. Как и все поэты-декабристы, Рылеев усматривал в этом главную цель своей литературной деятельности. Вместе с А. Бестужевым-Марлинским он создал несколько острейших агитационно-сатирических песен. Высокими гражданскими идеалами проникнуты и поэмы Рылеева, романтические по характеру: «Войнаровский», «Наливайко», «Хмельницкий» (последние две не закончены). Своим наставником в поэзии Рылеев считал Пушкина.

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ



1795—1826

Стансы

К А. Б<естуже>ву

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей;
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

Гражданин

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сап
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятиях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятых праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

Смерть Ермака

П. А. Муханову

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите,— мнил герой,—
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомним славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны,—
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, казачьи челны.
С вождем покой в объятых сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долиба,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильнее —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Из поэмы „Войнаровский“

В стране мятежей и снегов,
На берегу шпрокой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких;
Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные равнины,
И тянутся кремнистых гор
Разнообразные вершины...

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалый;

Лишь раз иль дважды в круглый год,
С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,
Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.
На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой;
Всё зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и юкагир пустынный,
Неся богатый свой ясак,
Лесной тунгуз, и с пикой длинной
Сибирский строевой казак.

Тогда зима на миг единый
От мест угрюмых отлетит;
Безмолвный лес заговорит,
И чрез зеленые долины
По камням Лена зашумит.
Так посещает в подземелье
Почти убитого тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Так в душу мрачную влетит
Подчас спокойствие ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодея прояснит...

Из поэмы „Наливайко“

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей парода, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искушлена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую и знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Антон Антонович Дельвиг родился в Москве, в семье генерал-майора, происходившего из обедневшего рода прибалтийских баронов. Семья была настолько обрусевшей, что Дельвиг даже не знал немецкого языка. В 1811 г. Дельвиг поступил в Царскосельский лицей, где на всю жизнь стал одним из любимейших друзей Пушкина. Рано начал писать стихи, увлекаясь классическими греческими и римскими образцами. Служил в различных департаментах, занимался издательской деятельностью (альманах «Северные цветы», «Литературная газета»). Был близок к передовым деятелям декабристского движения, хотя сам в тайное общество не входил. Как считали некоторые современники, безвременно скончался от огорчения вследствие грубых выговоров за направление редактируемой им «Литературной газеты», которые делал Дельвигу не раз вызвавший его к себе шеф жандармов Бенкендорф. Видный поэт пушкинской поры, Дельвиг обладал необыкновенно тонким литературным вкусом. Его идиллии на античные темы Пушкин называл удивительными. Кроме идиллий, Дельвиг разрабатывал жанр элегии, сонета; особой известностью пользовались его песни в русском духе, многие из которых, положенные на музыку М. И. Глинкой и А. А. Алябьевым, исполняются до сих пор.

АНТОН ДЕЛЬВИГ



1798—1831

Первая встреча

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но всё меня к нему влекло,
Всё мне гвердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкруг шеи сбвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я, —
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо пазвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

К Диону

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

Мальчик, наполни фиал фалернским вином искрометным!
В честь вечно-юному Вакху осушим мы дно золотое;
В чаше, обвитой венком, принеси дары щедрой Помоны, —
Вкусы, румяны плоды.

Тщетно юность спешит удержать престарелого Хрона,
Просит, молит его — не взирая, он далее мчится;
Маленький только Эрот смеется, поет и, седого
За руку взявши, бежит.

Что нам в жизни сей краткой за тщетною славой гоняться,
Вечно в трудах только жить, не видеть веселий до гроба? —
Боги для счастья нам и веселия дни даровали,
Для наслаждений любви.

Пой, в хороводе девиц белогрудых, песни веселью,
Прыгай под звонкую флейту; сплетяся руками, кружися,
И твоя жизнь протечет, как быстро в зеленой долине
Скачет и вьется ручей.

Друг, за лавровый венок не кланяйся гордым пританам.
Пусть за слепою богиней Лициний гоняется вечно,
Пусть и обнимет ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратит от главы.

Что нам богатства искать? им счастья себе не прикупим:
Всех на одной ладие, и бедного Ира и Креза,
В мрачное царство Плутона, чрез волны ужасного Стикса
Старый Харон отвезет.

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

Пушкину

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих
В сладких грезах отвился от матери, —

Тот в советах не мудрствует; на́ стены
Побежденных знамена не вешает;
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым;

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассеивает от взоров, — и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимпе торжествующий.

Вдохновение

Сонет

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье.

И презренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

Русская песня

Голова ль моя, голсушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Собоями отороченной,
Днем ли в те поры я выеду,
В очи солнце — ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглошную;
Красна ль девица приглянется —
И без слов ей все повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые —
Только взглянут и успокоятся.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?

Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке,
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

Элегия

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть или любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, --
Зачем тогда, в вешке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько доли и леса
И милый взгляд забыл, --
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
Не повторяйте ей!

ВИЛЬГЕЛЬМ КЮХЕЛЬБЕКЕР



1797—1846

Вильгельм Карлович Кюхельбекер родился в Петербурге, в дворянской семье немецкого происхождения; раннее детство провел в Эстонии, в родительском поместье. В 1811 г. был принят в Царскосельский лицей, где сдружился с Пушкиным и Дельвигом. Отличался редкой начитанностью и вольнолюбием. В печати выступил в 1815 г., еще до окончания лицея. Служил в архиве министерства иностранных дел, преподавал русский и латинский языки. Находясь в 1820—1821 гг. за границей, читал в Париже публичные лекции по русской литературе, вызвавшие недовольство царского правительства. Поэту было приказано немедленно возвратиться в Россию; с тех пор он находился под надзором полиции. Недолгое время служил чиновником на Кавказе, при генерале Ермолове, где сблизился с А. С. Грибоедовым. В 1825 г., приехав в Петербург, вступил в тайное Северное общество. Принял активное участие в восстании 14 декабря. После разгрома восстания пытался бежать за границу, но был схвачен и приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Десять лет просидел в одиночном заключении в различных крепостях, затем был сослан в Сибирь. Жестоко бедствуя, под конец лишившись зрения, поэт оставался тверд духом и не прекращал литературной работы. Умер в Тобольске от туберкулеза. В своей литературной деятельности Кюхельбекер выступал против пассивного романтизма, за высокую гражданскую поэзию. Гражданской, революционной страстью проникнута вся его лирика, оды и трагедии.

К Ахатесу

Ахатес, Ахатес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас?

Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг, — полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским святым знаменам!

Нет! нет! — не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждет меня сладостный бой —
И, если паду я, паду, как герой.

И в вольность и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки душою со мной сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!

Огонь запылал в возвышенных сердцах;
Эллада бросает оковы во прах!
Ахатес! нас предки зовут —
О, скоро ль начнем мы божественный труд!

Мы презрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет среди радостных сеч!

Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат,
В тот сумрачный, пламенный пир:
«Что любим свободу», поверит нам мир!

19 октября

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушенных сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет.

Не принесет он новых песен вам,
И с них не затрепещут перси ваши,
Не выпьет с вами он задравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям —
Он ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим;
По ним, по ним душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним.

Пора и мне! — Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она того меня лишает дара,
С которым дух мой неразрывно слит.
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание и срам и сиротствó;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!

Теперь пора! — Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота:
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душевной

Когда-то созидал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же хладных и немых?

Участь русских поэтов

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,—
Пожались годной роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любезников презренных
Шлет пулю их священному челу;

Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет,
Чей блестящий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную.

ДЕНИС ДАВЫДОВ



1784—1839

Денис Васильевич Давыдов родился в Москве, в семье кавалерийского офицера. Ребенком Денису случилось поговорить с Суворовым, и он страстно мечтал о военной карьере. С 1801 г. служил в кавалергардском полку, но за «возмутительные» стихи, высмеивающие царя и придворную знать, был выслан из столицы в захолустный гусарский полк. С тех пор начальство смотрело на Давыдова как на неблагонадежного и до конца жизни всячески ущемляло его. До 1812 г. Давыдов участвовал в трех войнах. Был адъютантом у Багратиона. В Отечественную войну 1812 г. являлся выдающимся организатором партизанских действий в тылу врага. С авангардом русских войск прошел Европу до Парижа. В 1823 г., чувствуя себя несправедливо обойденным, подал в отставку. Однако в 1826 г. и в 1831 г. участвовал в персидской и польской кампаниях, с трудом выпросив на то разрешение. Принадлежа к суворовской военной школе, Давыдов любил и уважал солдата. Его подвиги принесли ему европейскую известность, портрет Давыдова висел в рабочем кабинете Вальтера Скотта. Отставным генералом Давыдов жил большей частью в своем симбирском имении Верхняя Маза, временами — в Москве. Самобытные, размахистые стихи Давыдова пронизаны истинным демократизмом. Читатели той поры высоко ценили его сатиру — «Современную песню», басни. Герой многих стихотворений поэта — удалой рубака-гусар, честный, прямодушный патриот. В самом его существе как бы заложен протест против мертвящего духа аракчеевщины. Кроме стихов, перу Давыдова принадлежит «Дневник партизанских действий 1812 года» и другие произведения по истории военного искусства.

Песня

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французиски гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

Гусарский пир

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»
Бурцов, брат, что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет,
Пей, люби да веселися!—
Вот мой дружеский совет.

Песня старого гусара

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деда, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Ответ

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастаньским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалиясь, лень, негу и покой..
Пусть грянет Русь военной грозой —
Я в этой песни запеваю!

Полусолдат

...Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Всё так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И все кипит, и все гремит;
А я, меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вокруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш;
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век золотой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?

Бывало, слово: *друг, явись!*
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый *выродком* глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вокруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой! —

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы велеьем
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз, нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Но воин наш не упоен
Ночную роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека гряда снеговая...

На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

Вальс

Ев. Д. З <олотарев> ой

Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольпо,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.

Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,
Летит, воздушна и стройна,
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновенный,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

Романс

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных свидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

ФЕДОР ГЛИНКА



1786—1880

Федор Николаевич Глинка родился в Смоленской губернии, в дворянской семье. С 1803 г., окончив кадетский корпус в Петербурге, служил в армии. Участник войн против Наполеона, сражался под Аустерлицем и Бородином. Описал походы армий в книге «Письма русского офицера», принесшей ему широкую известность. За храбрость был награжден золотым оружием. С окончанием войны служил в Гвардейском штабе, был адъютантом при петербургском генерал-губернаторе, редактировал «Военный журнал». Видный деятель декабристского движения на ранней его стадии; будучи сторонником сохранения монархии, к Северному обществу Глинка уже не примкнул. Тем не менее позже восстания 14 декабря 1825 г. Глинка был дважды арестован, просидел три месяца в Петропавловской крепости и по приказу царя был сослан в Петрозаводск под надзор полиции. Здесь он написал поэму «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», своим этнографическим материалом и красками представляющую интерес и поныне. Прослужив десять лет в провинции, в 1835 г. поселился в Москве. С 1862 г. жил в Твери, где и умер в глубокой старости. К тому времени он уже растерял былые свои убеждения и впал в мистицизм. В стихах Глинки, явившихся откликом на Отечественную войну и отражавших взгляды раннего круга декабристов, простота и искренность часто сочетались с дидактизмом и архаической риторикой. Как поэт Глинка к концу жизни был полузабыт. Но его «Тройка» и «Узник» («Не слышно шуму городского...»), написанный в Петропавловской крепости, стали народными песнями.

Тройка

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
И колокольчик, дар Балдая,
Гудит уныло под дугой.

Ямщик лихой — он встал с полночи,
Ему взгрустнулося в тиши —
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:

«Ах, очп, очи голубые!
Вы сокрушили молодца;
Зачем, о люди, люди злые,
Вы их разрознили сердца?»

Теперь я бедный спротина!..»
И вдруг махнул по всем по трем —
И тройкой тешился детина,
И заливался соловьем.

Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.

На твоих церквях старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка Москва!*

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря?*..

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот?*!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе,—
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Буршопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Петр Андреевич Вяземский родился в Москве, в знатной княжеской семье. Учился в двух пансионах в Петербурге, затем дома, под руководством профессоров Московского университета. С шестнадцати лет числился на службе, но вел рассеянную светскую жизнь. Рано начал писать, рано попал в круг литераторов, находясь после смерти отца на попечении Карамзина, женатого на сестре Вяземского. В 1812 г. вступил в Московское ополчение, участвовал в Бородинском сражении, проявив незаурядную храбрость — под Вяземским были убиты две лошади. С 1817 г. служил в Варшаве при имперском комиссаре, в 1821 г. за оппозиционные настроения уволен со службы и отдан под негласный надзор полиции. Как поэт, литературный теоретик и критик в 20 и 30-х годах выступал против реакционно-охранительной литературы рука об руку с Пушкиным, с которым его связывала тесная дружба. В некоторых его стихотворениях звучали мотивы, идейно близкие декабристам. Позднее Вяземский становится на путь примирения с самодержавием; в 40 и 50-х годах, превратившись в реакционера, занимает высокие правительственные посты. Последние два десятилетия своей долгой жизни провел за границей, умер в Баден-Бадене. Поэтическое наследие Вяземского разнообразно: тут колкая эпиграмма (он славился остроумием) и политическая сатира, ода державинского тембра и стихотворный фельетон, тонкая зарисовка природы и набросок песни в русском духе.

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ



1792—1878

Дорожная дума

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!
И простертый саван снежный
На холодный груп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно, —
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

Метель

День светит; вдруг не видно зги,
Вдруг ветер налетел размахом,
Степь поднялася мокрым прахом
И завивается в круги.

Снег сверху бьет, снег веет снизу,
Нет воздуха, небес, земли;
На землю облака сошли,
На день насунув ночи ризу.

Штурм сухопутный: тьма и страх!
Компас не в помощь, ни кормило:
Чутье заглохло и застыло
И в ямщике и в лошадях.

Тут выскочит проказник леший,
Ему раздолье в кутерьме:
То огонек блеснет во тьме,
То перейдет дорогу пеший,

Там колокольчик где-то бряк,
Тут добрый человек аукнет,
То кто-нибудь в ворота стукнет,
То слышен лай дворных собак.

Пойдешь вперед, поищешь сбоку,
Все глушь, все снег, да *мерзлый пар*.
И божий мир стал снежный шар,
Где как ни шарись, все без проку.

Тут к лошадям косматый враг
Кувыркнется с поклоном в ноги,
И в полночь самую с дороги
Кибитка на бок — п в овраг.

Ночлег и тихий и с простором:
Тут тараканам не залезть,
И разве волк ночным дозором
Придет проведать — кто тут есть?

Разговор 7 апреля 1832 года

Графине Е. М. Завадовской

Нет-нет, не верьте мне: я пред собой лукавил,
Когда я вас на спор безумно вызывал;
Ваш май, ваш Петербург порочил и бесславил
И в ваших небесах я солнце отрицал.

Во лжи речей моих глаза уликой были:
Я вас обманывал — но мог ли обмануть?
Взглянули б на меня, и первые не вы ли
К тому, что мыслю я, легко нашли бы путь?

Я Петербург люблю, с его красоею стройной,
С блестящим поясом роскошных островов,
С прозрачной ночью — дня соперницей безнойной,
И с свежей зеленью молодых его садов.

Я Петербург люблю, к его пристрастен лету:
Так пышно светится оно в водах Невы;
Но более всего как не любить поэту
Прекрасной родины, где царствуете вы?

Природы северной любуюся зеркалом,
В вас любит он ее величье, тишину,
И жизнь цветущую под холодным покрывалом,
И зиму яркую, и кроткую весну.

Роскошен жаркий юг с своим слянем знойным
И чудно-знойными глазами жен и дев —
Сим чутким зеркалом их думам беспокойным,
В котором так кипят любви восторг и гнев.

Обворожительны их прелестей зазывы,
Их нега, их тоска, их пламенный покой,
Их бурных прихотей неожиданные порывы,
Как вспышки молнии из душевной тьмы ночной.

Любовь беснуется под воспаленным югом;
Не ангелом она святит там жизни путь —
Она горит в крови отравой и недугом,
И уязвляет в кровь болезненную грудь.

Но сердцу русскому есть красота иная,
Сын севера признал другой любви закон:
Любовью чистой таинственно сгорая,
Кумир божественный лелеет свято он.

Красавиц северных он любит безмятежность,
Чело их, чуждое язвительных страстей,
И свежесть их лица, и плеч их белоснежность,
И пламень голубой их девственных очей.

Он любит этот взгляд, в котором нет обмана,
Улыбку свежих уст, в которой лести нет,
Величье стройное их царственного стана
И чистой прелести ненарушимый цвет.

Он любит их речей и ласк неторопливость,
И в шуме светских игр приметные едва,
Но сердцу внятные — чувствительности живость
И, чувством звучные, немногие слова.

Красавиц северных царица молодая!
Чистейшей красоты высокий идеал!
Вам глаз и сердца дань, вам лиры песнь живая
И лепет трепетный застенчивых похвал!

Еще тройка

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аukaется с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темпой
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный?
Ждут ли путника пшры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

На память

В края далекие, под небеса чужие
Хотите вы с собой на память перенести
О ближних, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог, в минуты неземные,
Как верный часовой, откликнуться: Россия!
Когда беда придет, иль просто как-нибудь
Тоской по родине занеет ваша грудь,
Не ждите от меня вы радостного слова;
Под свежим трауром печального покрова,
Сложив с главы своей венок блестящих роз,
От речи радостной, от песни вдохновенной
Отвыкла муза: ей над урной драгоценной
Отныне суждено быть музой вечных слез.
Одною думою, одним событием полный,
Когда на чуждый брег вас переносят волны
И звуки родины должны в последний раз
Печально врезаться и отзываться в вас,
На память и в завет о прошлом в мире новом
Я вас напутствую единым скорбным словом,
Затем, что скорбь моя превыше сил моих;
И, верный памятник сердечных слез и стона,
Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана среди бури роковой,
Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой,
Что пал во всей поре красоты и славы зрелой
Наш лавр, наш вещий лавр, услада наших дней,
Который трепетом и сладкозвучным шумом
От сна воспрянувших пророческих ветвей
Вещал глагол богов на севере угрюмом,
Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.

Масленица на чужой стороне

Здравствуй, в белом сарафане
Из серебряной парчи!
На тебе горят алмазы,
Словно яркие лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свежей прелестью лица
Пробуждаешь к чувствам новым
Усыпленные сердца.

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!

Из-за льдистого Урала
Как сюда ты невзначай,
Как, родная, ты попала
В бусурманский этот край?

Здесь ты, сирая, не дома,
Здесь тебе не по нутру;
Нет приличного приема
И народ не на юру.

Чем твою мы милость встретим?
Как задать здесь пир горой?
Не сумеь им, немцам этим,
Поздороваться с тобой.

Не напрасно дедов слово
Затвердил народный ум:
«Что для русского здорово,
То для немцев карачун».

Нам не страшен снег суровый,
С снегом — батюшка-мороз,
Наш природный, наш дешевый
Пароход и паровоз.

Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масленицы бойкой
Закипит широкий пир,
И блинами и настойкой
Закутит крещеный мир.

В честь тебе и ей Россия,
Православных предков дочь,
Строит горы ледяные
И гуляет день и ночь.

Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топóча у крыльца.

Вот взвились и полетели,
Что твой сокол в облаках!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжал в руках;

В шапке, в синем полушубке
Так и смотрит молодцом,
Погоняет закадычных
Свистом, ласковым словцом.

Мать дородная в шубейке
Важно в розвальнях сидит,
Дочка рядом в душегрейке
Словно маков цвет горит.

Яркой пылью иней сыплет
И одежду серебрит,
И мороз, лаская, щиплет
Нежный бархатец ланит.

И белее и румней
Дева блещет красотой,
Как алеет на поляне
Снег под утренней зарей.

Мчатся вихрем, без помехи
По полям и по рекам,
Звонко щелкают орехи
На веселие зубкám.

Пряник, мой однофамилец,
Также тут не позабыт,
А наш пенник, наш кормилец,
Сердце любо веселит.

Разгулялись город, села,
Загуляли стар и млад, —
Всем зима родная гостья,
Каждый масленице рад.

Нет конца веселым кликам,
Песням, удали, пирам.
Где тут немцам-горемыкам
Вторить вам, богатырям?

Сани здесь — подобной дряни
Не видал я на веку;
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному русаку.

Нет, красавица, не место
Здесь тебе, не обиход,
Снег здесь — рыхленькое тесто,
Вял мороз и вял народ.

Чем почтят тебя, сударку?
Разве кружкой пивной,
Да копеечной сигаркой,
Да копченой колбасой.

С пива только кровь густеет,
Ум раскиснет и лицо;
То ли дело, как прогреет
Наше рьяное винцо!

Как шепнет оно в догадку
Ретивому на ушко, —
Не споет, ей-ей, так сладко
Хоть бы вдовушка Клико!

Выпьет чарку-чародейку
Забубенный наш земляк:
Жизнь копейка! — смерть-злодейку
Он считает за пустяк.

Немец к мудрецам причислен,
Немец — дока для всего,
Немец так глубокомыслен,
Что провалишься в него.

Но, по нашему покрою,
Если немца взять врасплах,
А особенно зимою,
Немец — воля ваша! — плох.

Царскосельский сад зимой

С улыбкою оледенелой
Сошла с небес суровых дочь,
И над землей серебристо-белой
Белеет северная ночь.

Давно ль здесь пестротой чудной
Сафир, рубин и бирюза
Сливались с тенью изумрудной,
Чаруя жадные глаза?

Зимы покров однообразный
Везде сменил наряд цветной,
Окован сад броней алмазной
Рукой волшебницы седой.

В дому семьи осиротелой,
Куда внезапно смерть вошла,
Задержаны завесой белой
С златою рамой зеркала.

Так снежной скатертью печальной
Покрыты и объяты сном
И озеро с волной зеркальной,
И луг с цветным своим ковром.

Природа в узах власти гневной,
С смертельной белизной в лице,
Спит заколдованной царевной
В своем серебряном дворце.

Русский бог

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог грудей и <...> отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в саях при двух лакеях,
Вот он, вот он, русский бог.

К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский бог.

* * *

*

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить.

Как мы состарились, состарился и он;
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,
Чернилами он весь расписан, окроплен,
Но эти пятна нам узоров всех дороже;

В них отпрыски пера, которому во дни
Мы светлой радости иль облачной печали
Свои все помыслы, все таинства свои,
Всю исповедь, всю боль свою передавали.

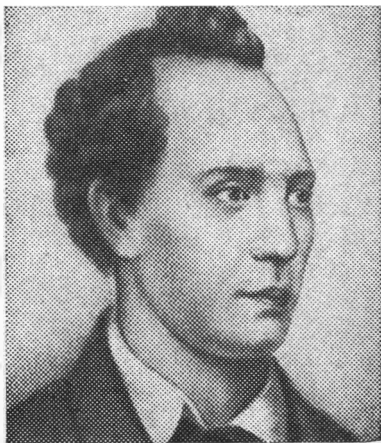
На жизни также есть минувшего следы:
Записаны на ней и жалобы, и пени,
И на нее легла тень скорби и беды,
Но прелесть грустная таится в этой тени.

В ней есть предания, в ней отзыв наш родной
Сердечной памятью еще живет в утрате,
И утро свежее, и полдня блеск и зной
Припоминаем мы и при дневном закате.

Еще люблю подчас жизнь старую свою
С ее ущербами и грустным поворотом,
И, как боец свой плац, простреленный в бою,
Я хожу свой халат с любовью и почетом.

Евгений Абрамович Баратынский — замечательный русский поэт, видный представитель пушкинской плеяды. Родился в знатной дворянской семье, в Тамбовской губернии. Учился в Петербурге в Пажеском корпусе, в 1816 г. по высочайшему повелению исключен из корпуса за участие в мальчишеской проделке. Три года потрясенный Баратынский ждал царского прощения, живя то в усадьбе матери, то у дяди; все хлопоты были тщетны. В 1819 г. поступил рядовым в гвардейский полк, стоявший в Петербурге, впоследствии унтер-офицером, служил в Финляндии. Особых тягот солдатчины, благодаря связям и знакомствам, поэт не чувствовал. В печати выступил в 1819 г., быстро завоевал успех, прославившись как мастер элегии. Подружился с Дельвигом, Пушкиным, Рылеевым, Жуковским. В 1825 г. получил чин прапорщика и вышел в отставку, поселившись в Москве. В дальнейшем творчестве Баратынский утвердил свое имя как исключительно оригинальный лирик философского склада. Баратынского чрезвычайно ценил Пушкин, называя его «поэтом мысли». «Поверить, воображение рассудком» — таков был поэтический девиз Баратынского. Его стих зрелой поры несколько гол и суховат, но чрезвычайно упруг, блещет великолепными ритмами. Поздние произведения Баратынского, испытавшего после разгрома декабристов горький разлад с жизнью, приобретали все более драматическую напряженность и минорный тон. Романтик по истокам своего мышления, поэт страшился духа «промышленных забот» наступавшего века, однако, как свидетельствуют его письма и предсмертное стихотворение — изумительный «Пироскаф», хранил веру в светлое будущее. Последние годы Баратынский провел в имении Муранове, под Москвой, умер во время путешествия за границу в Неаполе. Кроме стихотворений, Баратынский создал и несколько поэм: «Пиры», «Эда», «Бал».

ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ



1800—1844

Водопад

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвуком долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодой ревучей
Твой рев мятежный согласен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвуком долины!

* *
 *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков,
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов.

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Дельвигу

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.

Похищенной искрой созданы свое
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он презрел — и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущениям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На брэнную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает...

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

Стансы

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал; по сны молодые
Соединили нас на миг;
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах —
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

Смерть

Смерть дочерью тьмы не назову я
И, раболепную мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косою.

О дочь верховного эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твоё храненье всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нём прохладным дуновеньем
Смирять буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на берега свои бегущий,
Вспять возвращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

Муза

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почитит небрежной похвалой.

* *
*

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

На смерть Гете

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном все земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалея,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных создання,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упования;
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек!
И ежели жизнью землею
Творец ограничил летучий наш век,
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего,—
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзвѣвах сполна
Все должное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

* *
*

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется,
Скорбь-невзгода распоеется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

* *
*

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искусенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтуня старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

* *
*

Спасибо злобе хлопотливой,
Хвала вам, недруги мои!
Я, не усталый, но ленивый,
Уж пил летийские струи.

Слегка седеющий мой волос
Любил за право на покой;
Но вот к борьбе ваш дикий голос
Меня зовет и будит мой.

Спасибо вам, я не в утрате!
Как богоизбранный еврей,
Остановили на закате
Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую,
И человеческим сынам
Досель безвестную, пирую
Я в зависть Флакку, в славу вам!

На посев леса

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж должный мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит,—
К ее сынам еще зовет лира.

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый:
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

* *
*

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

* *
*

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Снятся мне доли, леса благовонны,
Снятся упавших чертогов колонны!

Пироскаф

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Рокот волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.

Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только вдали, океана жилища,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развив, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбацья качается в море, —
С берегом набережное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душой
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду; мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной!

Дмитрий Владимирович Веневитинов родился в старинной дворянской семье, в Москве. Получил прекрасное домашнее образование. Посещал вольнослушателем Московский университет, окончил его в 1824 г. Уже в четырнадцать лет читал в подлиннике греческих и римских авторов; проявил разносторонние способности: был хорошим музыкантом, живописцем, литературным критиком, знатоком античных и новейших философов. Служил в архиве министерства иностранных дел. Являлся душой московского кружка «любомудров» — молодых поклонников немецкой идеалистической философии, в частности Шеллинга. В этот кружок входили В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский, С. П. Шевырев, А. С. Хомяков и др. Ранние стихи Веневитинова насыщены отзвуками того общественного подъема, который предшествовал восстанию декабристов. После разгрома декабристов его эмоционально напряженная, одухотворенная гражданскими идеалами поэзия приобретает минорный, почти пессимистический характер. Будучи типичным романтиком, Веневитинов рисует в своих произведениях возвышенный образ художника, «сына богов», с презрением отвергающего пошлую действительность. Этот художник-пророк, как и сам Веневитинов, стремится постигнуть тайны мироздания, быть поборником добра и правды, вождем человечества. Гнетущая атмосфера, все сгущавшаяся после декабря 1825 г., губительно сказалась на душевно хрупком поэте. Осенью 1826 г., томимый безнадежной любовью к княгине З. Волконской, Веневитинов покинул Москву и переехал в Петербург. В марте 1827 г. он внезапно умер. Ему не было тогда полных двадцати двух лет. Смерть одаренного, много обещавшего поэта вызвала глубокое сожаление в литературных кругах России.

ДМИТРИЙ ВЕНЕВИТИНОВ



1805—1827

Послание к Рожалину

Я молод, друг мой, в цвете лет,
Но я изведал жизни море,
И для меня уж тайны нет
Ни в пылкой радости, ни в горе.
Я долго тешился мечтой,
Звездам небесным слепо верил
И океан безбрежный мерил
Свою углою ладьей.
С надменной радостью, бывало,
Глядел я, как мой смелый челн
Печатал след свой в бездне волн.
Меня пучина не пугала.
«Чего страшиться? — думал я,—
Бывало ль зеркало так ясно,
Как зыбь морей?» Так думал я
И гордо плыл, забыв края.
И что ж скрывалось под волною?
О камень грянул я ладью,
И вдребезги моя ладья!
Обманут небом и мечтою,
Я проклял жребий и мечты...
Но издали манил мне ты,
Как брег призывный улыбался,
Тебя с восторгом я обнял,
Поверил снова наслажденьям
И с холодной жизнью сочетал
Души горячей сновиденья.

Элегия

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!

На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огонь в груди моей зажгла.
Но этот огонь томительный, мятежный,
Он не горит любовью тихой, нежной, —
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

Поэт

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья?
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном зоре.
Пусть вокруг него, в чаду утех,
Бушует ветреная младость —
Безумный крик, нескромный смех
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно он взирает,
Лишь редко что-то с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня — простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, упованья —
Все тайна в нем, все в нем молчит:
В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства...

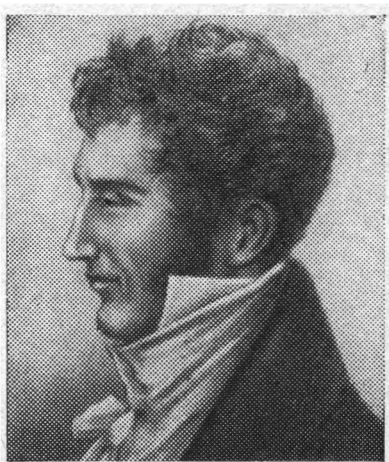
Когда ж внезапно что-нибудь
Взволнует огненную грудь —
Душа без страха, без искусства
Готова вылиться в речах
И блещет в пламенных очах...
И снова тих он, и стыдливый
К земле он опускает взор,
Как будто слышит он укор
За невозвратные порывы.
О, если встретишь ты его
С раздумьем на челе суровом —
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов!
Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Любимец муз и вдохновенья!

* *
*

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй:
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выпренных уроков,
С глаголом неба на земле.

Иван Иванович Козлов родился в Москве, в знатной дворянской семье. Домашние учителя дали Козлову отличное образование. С шестнадцати лет он служил в гвардии. Вел светскую жизнь, славился как прекрасный танцор и щеголь. Перейдя на гражданскую службу, быстро продвигался вверх и не помышлял о литературных занятиях. В 1816 г. заболел, стал терять зрение, к 1821 г. совсем ослеп и вследствие паралича лишился ног. За годы болезни выучил английский и немецкий языки (итальянским и французским владел с детства), стал знатоком мировой поэзии, начал переводить и писать стихи. Козлова толкала к литературной работе и нужда: наследственное состояние было прожито. Жуковский и его друзья оказывали Козлову всевозможную помощь. В 1825 г. была напечатана поэма Козлова «Чернец», пользовавшаяся необыкновенной популярностью. Поэт усвоил высокую стихотворную культуру пушкинской эпохи; его лучшие стихи задумчивы и очень музыкальны. Козлов — романтик и продолжатель линии Жуковского в литературе; в поэзии Козлова, далекой от социальной действительности, явственно звучат мотивы религиозного смирения и пассивности.

ИВАН КОЗЛОВ



1779—1840

Венецианская ночь

(Фантазия)

П. А. Плетневу

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Brenta протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенье аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав —

Все вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир;
По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы молодой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Иступленного певца?

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит серебристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густее тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Все спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещей бой
Медь гудящая сливала
С вечно шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядюю,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тьма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тьме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет, —
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! — свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

На погребение английского генерала сира Джона Мура

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почать к ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе —
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Не долго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

Вечерний звон

Т. С. Вдмрв-ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

К тени Дездемоны

Hast thou prayed.

Дездемона, Дездемона!
Далека тревог земных,
К нам из тучи с небосклона
Ты дрожишь звездой любви.

Ты красу свою и младость
Обрела мечте святой;
Но тебе мелькнула радость
Под могильной пеленой.

Кто небесным лишь дышала,
Та цвести здесь не могла;
В бурях неги ты искала, —
Розу молния сожгла.

И мольбе твоей, и стону
Африканец не внимал;
В страсти буйной Дездемону
Он для сердца сберегал.

И, любовник безнадежный,
Звездный мир страша собой,
Все кометою мятежной
Он стремится за тобой.

АЛЕКСАНДР ОДОЕВСКИЙ



1802—1839

Александр Иванович Одоевский, известный поэт-декабрист, родился в Петербурге, в старинной княжеской семье. Получил прекрасное домашнее образование. В 1821 г. поступил на военную службу в лейб-гвардию. Рано стал писать стихи, проникнутые свободолобием и враждой к крепостному праву. Сблизившись с Рылевым, Бестужевым, Кюхельбекером, летом 1825 г. вступил в тайное Северное общество. Принял активное участие в восстании декабристов. После годичного заключения в Петропавловской крепости, закованный в кандалы, был отправлен в Сибирь, на каторгу. С 1832 г. жил под Иркутском на поселении, в 1837 г., по окончании срока наказания, переведен на Кавказ, рядовым в Нижегородский драгунский полк. Здесь он встретился и подружился с Лермонтовым, который посвятил памяти Одоевского чудесное стихотворение. На Кавказе, не вырвавшись из солдатчины, Одоевский и умер. Все ссыльные декабристы, после разгрома восстания, считали Одоевского своим певцом и глашатаем. Н. Огарев, познакомившийся с Одоевским в 1838 г. в Пятигорске, свидетельствовал, что поэт в ту пору постоянно сочинял стихи, но не записывал их, и много из его произведений не сохранилось. Одоевский, вспоминал Н. Огарев, «носил свою солдатскую шинель с тем же спокойствием, с каким выносил каторгу и Сибирь, с той же любовью к товарищам, с той же преданностью своей истине, с тем же равнодушием к своему страданию». «Из искры возгорится пламя» — эти слова Одоевского из ответа на послание Пушкина в Сибирь В. И. Ленин взял эпиграфом для газеты «Искра».

Сон поэта

Таится звук в безмолвной лире,
Как искра в темных облаках;
И песнь, неизвестную в мире,
Я вылью в огненных словах.
В темнице есть певец народный,
Но не поет для суеты:
Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но, похвалой не обольщенный,
Не ищет раннего венца...
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.

Ответ А. С. Пушкину

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

* *
*

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил...
Ты знаешь их! Как я, ты жал им руку

И передал мне дружный разговор,
Душе моей знакомый с давних пор;
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу союзников-друзей.

Так путники идут на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океан,
И пальмы тень, студеных вод приволье
Манят их вдаль... лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодрят силы,
И далее проходит караван,
Забыв про зной пылающей могилы.

* *
*

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
И нас, и нас далекий путь влечет...
Но солнце там души не отогреет
И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям,

Славянские девы

Нежны и быстры ваши напевы!
Что ж не поете, ляшские девы,
В лад ударя легкой стопой?

Сербские девы! песни простые
Любите петь; но чувства живые
В диком напеве блещут красой!

Кто же напевы чехинь услышит,
Звучные песни сладостных дев, —
Дышит любовью, славою дышит,
Помня всю жизнь и песнь и напев.
Девы! Согласно что не поете
Песни святой минувших времен,
В голос единый что не сольете
Всех голосов славянских племен?

Боже! когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как небо, как море, широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Старшая дочь в семействе Славяна
Всех превзошла величием стана,
Славой гремит, но грустно живет.
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи,
И заунывно песни поет.

Что же не выйдешь в чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле!
Сердцу тепло от ясных лучей!
В поле спеши с меньшими сестрами —
И хоровод веди за собой!

Дружно сплетая руки с руками,
Радостно песнь свободы запой!

Боже! когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как небо, как море, широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Александр Иванович Полежаев родился в селе Рузаевке, Пензенской губернии. Его отец — помещик Леонтий Струйский, сосланный впоследствии за убийство дворового в Сибирь, мать — крепостная девушка, для прикрытия барского греха выданная замуж за мещанина Ивана Полежаева. Раннее детство поэт провел в усадьбе Струйского, среди грубых слуг и дикого помещичьего разгула. Десяти лет был отправлен в Москву, в частный пансион. С 1820 г. учился в Московском университете, начал писать и печатать стихи, приобрел известность в литературных кругах. В 1826 г. список вольнолюбивой поэмы Полежаева «Сашка» попал в руки Николая I; рассерженный царь вызвал автора к себе и распорядился отдать его унтер-офицером в пехотный полк. Не вынеся унижений и мук солдатчины, поэт в 1827 г. бежал из полка, после чего по приказу царя его лишили дворянского звания (последнее он получил по окончании университета) и разжаловали в рядовые без права выслуги. Через год за пререкания с фельдфебелем Полежаев шесть месяцев просидел под арестом в подвале Спасских казарм, заболев там чахоткой, а затем с пехотным полком был направлен на Кавказ. В боях на Кавказе он проявил храбрость, его дважды представляли к производству в офицеры, но царь не давал на то согласия. Он подписал приказ о производстве Полежаева в прапорщики лишь за шесть дней до смерти поэта. Трагическая судьба Полежаева отразилась в его стихах — в них слышен гневный протест против деспотизма и горькое сознание своего бессилия и обреченности. Порой неровные по своей отделке, они поражают энергией чувств. Поэзия Полежаева — характерная страница истории мрачных лет, наступивших в России после разгрома декабристов, с которыми поэт духовно был тесно связан.

АЛЕКСАНДР ПОЛЕЖАЕВ



1804—1838

Песнь погибающего пловца

Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот крутится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!..

Все чернее
Свод надзвездный,
Все страшнее
Воют бездны!
Глубь без дна!
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!..

Горе, горе!
Он настигнет:
В шумном море
Челн погибнет!
Гроб готов!..
Треск громов
Над пучиной
Ярых вод
Вздых пустынный
Разнесет!..

Дар заветный
Провиденья,
Гость приветный
Наслажденья —
Жизнь иль миг!
Не привык
Утешаться
Я тобой, —
И расстаться
Мне с мечтой!

Сокровенный
Сын природы,
Неизменный
Друг свободы, —
С юных лет
В море бед
Я направил
Быстрый бег
И оставил
Мирный брег!

На равнинах
Вод зеркальных,
На пучинах
Погребальных
Я скользил;
Я шутил
Грозной влагой —
Смертный вал
Я отвагой
Побеждал!

Как минутный
Прах в эфире,
Бесприютный
Странник в мире,
Одинок,
Как челнок,
Уз любви
Я не знал,
Жаждой крови
Не сгорал!

Парус белый
Перелетный,
Якорь смелый,
Беззаботный,
Тусклый луч
Из-за туч,
Проблеск дали
В тьме ночей —
Заменяли
Мне друзей!

Что ж мне в жизни
Безывестной?
Что в отчизне
Повсеместной?
Чем страшна
Мне волна?
Пусть настигнет
С вечной мглой,
И погибнет
Труп живой!..

Все чернее
Свод надзвездный;
Все страшнее
Воют бездны;
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

Негодование

Где ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Где ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Как видение прекрасное,
В блеске радужных лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось от очей!
Ты не светишь мне по-прежнему,
Не горишь в моей груди —
Предан року неизбежному
Я на жизненном пути.
Тучи мрачные, громовые
Над главой моей шумят;
Предвещения суровые
Дух унылый тяготят.
Ах, как много драгоценного
Я в сей жизни погубил!
Как я идола презренного —
Жалкий мир — боготворил!

С силой дивной и кичливою
Добровольного бойца
И с любовью ревнивою
Иступленного жреца
Я служил ему торжественно,
Без раскаянья страдал
И рассудка луч божественный
На безумство променял!
Как преступник, лишь окованный
Правосудною рукой, —
Грозен ум, разочарованный
Светом истины нагой!
Что же?.. Страсти ненасытные
Я таил среди огня,
И друзья — злодеи скрытные —
Злобно предали меня!
Под эгидою ласкательства,
Под личиною любви
Роковой кинжал предательства
Потонул в моей крови!
Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов
И, поправному обидою,
Видеть вечно за собой
С неотступной Немизидою
Безответственный разбой!
Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле,
Между тем как притеснители
Торжествуют на земле!
Люди, люди развращенные —
То рабы, то палачи, —
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную —
Лютой ярости кумир!
Вашу внутренность голодную
Не насытит целый мир!
Ваши зубы кровожадные
Блещут лезвием косы —
Так грызитесь, плотоядные,
До последнего, как пси!..

Цыганка

Кто идет перед толпою
По широкой площади
С загорелой красотой
На щеках и на груди?
Под разодранным покровом
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?
Вьются локоны небрежно
По нагим ее плечам,
Искры наглости мятежно
Разбежались по очам, —
И, страшней ударов сечи,
Как гремучая река,
Льются сладостные речи
У бесстыдной с языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:

Ты коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!
Под узлами бедной шали
Ты не скроешь от меня
Ненавистницу печали,
Друга радостного дня!
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканские цветы!
Ах, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сон;
Фараонка, не напрасно
Тяготит мне душу он!
Пронеслась с годами сила,
Я увял, — и наяву
Мне рука твоя вручила
Приворотную траву...

Романс

Пышно льется светлый Терек
В мирном лоне тишины;
Девы юные на берег
Вышли встретить пир весны.

Вижу игры, слышу ропот
Сладкозвучных голосов,
Слышу резвый, легкий топот
Разноцветных башмачков.

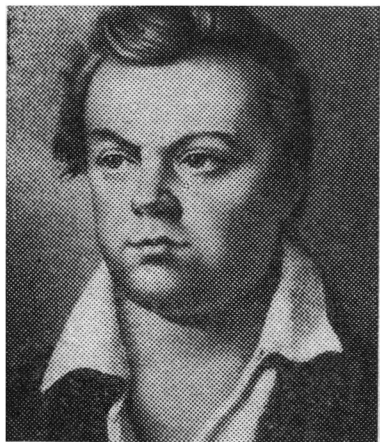
Но мой взор не очарован
И блестит не для побед —
Он тобой одним окован,
Алый шелковый бешмет!

Образ девы недоступной,
Образ строгой красоты
Думой грустной и преступной
Отравил мои мечты.

Для чего у страсти пылкой
Чародейной силы нет —
Превратиться невидимкой
В алый шелковый бешмет?

Для чего покров холодный,
А не чувство, не любовь,
Обнимает, жмет свободно
Гибкий стап, живую кровь?

НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ



1803—1846

Николай Михайлович Языков родился в Симбирске, в культурной помещицкой семье. С одиннадцати лет учился в Петербурге, в горном кадетском корпусе и институте инженеров путей сообщения, но курса нигде не кончил. В 1822 г. поступил в Дерптский университет, на философский факультет, в Дерпте провел семь лет. Здесь царил атмосфера бесшабашного студенческого разгула, и Языков, без которого не обходилась ни одна пирушка, завоевал славу певца любви, дружбы и вина. Жадный к знаниям, Языков много читает и работает. В ту пору он отличался свободолобием, резко осуждал самодержавие, насмеялся в стихах над Александром I. Он создал в своей лирике привлекательный и колоритный образ вольнодумца, поэта-студента. Летом 1826 г., приехав в гости в Тригорское, по соседству с Михайловским, Языков встретился с ссыльным Пушкиным, и поэты стали друзьями. В 1829 г. Языков, оставив Дерпт, обосновался в Москве. К тому времени его считали одним из лучших русских поэтов. Полный сил, Языков создает множество песен, дружеских посланий, стихи его блещут виртуозным мастерством. «Имя Языков пришлось ему недаром, — писал Гоголь. — Владеет он языком, как араб коном своим, и еще как бы хвастается своею властью». Позднейший период жизни поэта был печален. В 40-х годах он поддается религиозным настроениям, выступает против передовой русской общественности, скатывается в лагерь реакции. Больной, с 1837 г. Языков пять лет тщетно ездил по европейским курортам и полуинвалидом скончался в Москве.

Песня

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим.
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам,
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! бокалы к небесам,
Обет правителю природы.

Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятие и безделье!
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

Родина

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибрежной дубравы
И разыгравшихся валов!

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует:
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, —
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обрелись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

* *
*

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые, —
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

Молитва

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

Песня

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где смело юность ваша
Красуется могуществом вина,
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит, свободна и шумна,

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните играющим вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И празднуйте об имени моем.

Все тлен и миг! Блажен, кому судьбою
Свою весну прошировать дано;
Чья грудь полна свободой удалю,
Кто любит жизнь за песни и вино!..

П. А. Осиповой

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты:
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей Каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне с грустию утешной
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И все божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!
Златые дни! златые дни!
Взываю к вам, и где ж они?

Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было — оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук, —
И, друг природы, лени друг,
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожидаемый досуг.
Итак, вперед! Молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

К няне А. С. Пушкина

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены, —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Аревых наук питомец молодой.

Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

Из послания Д. В. Давыдову

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась

Пряморусская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Пловец

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспрем
И помужествуем с ней!

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой!

Весенняя ночь

Татьяне Дмитриевне

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю уют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный, журчит и замирает,
Как он кипит, веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,
Крутишь головой, сверкаешь, и дрожишь,
И прыгаешь, и скидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

Алексей Васильевич Кольцов, выдающийся русский поэт, родился в Воронеже, в семье прасола. Учился в уездном училище, но не кончил и двух классов: отец заставил его помогать в своих торговых делах. Разъезжая в степи с гуртами скота, ночуя под открытым небом, сталкиваясь с разнообразными людьми, Кольцов смолоду входит в мир русской природы, русской народной жизни. Шестнадцати лет впервые узнал, что такое стихи, начал сочинять их сам. В 1830 г. встретился в Воронеже с московским философом и поэтом Станкевичем, который в 1831 г. напечатал в «Литературной газете» одну из песен Кольцова. В том же году, приехав в Москву, Кольцов познакомился с Белинским и нашел в его лице своего литературного учителя и друга. Скоро стараниями кружка Станкевича была выпущена первая книга стихов Кольцова. В 1836 г. Кольцов по торговым делам был в Петербурге — здесь его обласкал Пушкин. Стихотворение Кольцова «Урожай» Пушкин напечатал в журнале «Современник». По мере роста таланта и знаний жить Кольцову в душной мещанской среде, под властью невежественного и жестокого отца, становилось все труднее. Оставить торговлю и целиком отдаться литературе ему никак не удастся. Заболев чахоткой, одинокий поэт, при полном равнодушии семьи, скончался тридцати трех лет от роду. Стихи Кольцова поразили современников своей самобытностью, поэтической новизной, песенным народным складом. В песнях Кольцова, как выразился Герцен, подавала о себе голос забитая, бедная, мужицкая Россия. Впервые в истории русской литературы Кольцов с удивительной задушевностью воспел жизнь простого земледельца, воспел его труд, его жажду воли и счастья.

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ



1809—1842

Кольцо

(Песня)

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распай, растопи
Чисто золото.

Без него — для меня
Ты ненадобно;
Без него — на руке,
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,

И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня
Безутешную?

Нет надежды в душе.
Ты рассыпся же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

Сельская пирушка

Ворота тесовы
Растворилися,
На конях, на саях
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись,
Со двора кланялись
В светлу горенку.
Перед Спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновых скамьях
Сели званые.
На столах кур, гусей

Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу *горькова*;
Сам хозяин, за ней,
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Родных потчует;

А хозяйская дочь
Медом сыченым
Обносила кругом,
С лаской девичьей.
Гости пьют и едят,
Речи гúторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку.
Как-то бог и господь
Хлеб урóдит нам?
Как-то сено в степи

Будет зелено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;
От ворот поворот
Виден по снегу.

Песня пахаря

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большова леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне:
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,

Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

Косарь

Не возьму я в толк...
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк...
Ох, в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет.
У меня ль плечо —
Шире дедова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Все мне спорится!
Да в несчастный час,
В бесталанный час
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшкѹ,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,
Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?
Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Я ль за тем гонюсь,
Что отец ее
Богачом слывет?
Пускай дом его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:

Лицо белое —
Заря алая,
Щеки полные,
Глаза темные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала;
Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее, —
И прости-прощай,
Село рѣдное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Моловней, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,

Подкошбнная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохнете,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копен,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну;
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью, —
Так разжалоблю
Золотой казной!..

Раздумье селянина

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Горькая доля

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом изнасилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил как душу —
И то изменило.

Как былинку ветер
Молодца шатает;

Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился,
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою,
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит гниет...

Первая песня Лихача Кудрявича

С радости-веселья
Хмелем кудри выются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучью веленью
Все тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело, на белом,
С черными бровями!

Вовремя, да в пору,
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;

С ними все на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

Разлука

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет;
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь волшебница!

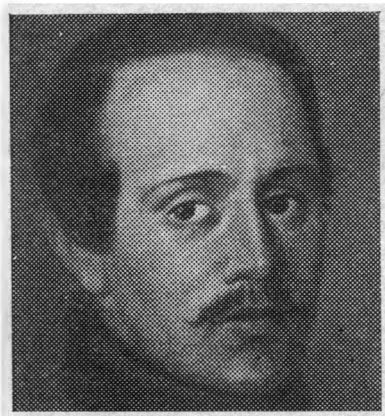
Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылось,—
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ



1814—1841

Михаил Юрьевич Лермонтов, великий русский поэт, прозаик и драматург, родился в Москве, в дворянской семье. Детство поэта прошло в Тарханах — имении его бабушки в Пензенской губернии. В 1828 г. Лермонтов был определен в Благородный пансион при Московском университете, в 1830 г. стал студентом Московского университета. Вскоре, после столкновения с реакционной профессурой, он вынужден был покинуть университет и поступить в Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1834 г., по окончании школы, был назначен в лейб-гвардии гусарский полк. В 1837 г. за гневные, обращенные против правящих кругов николаевской России стихи на смерть Пушкина

поэт был сослан на Кавказ. Произведения Лермонтова, написанные после возвращения из ссылки, а также его независимое поведение вызвали неприязнь и вражду к нему со стороны царского двора и правящей верхушки. За дуэль с сыном французского посланника Барантом Лермонтов был сослан на Кавказ вторично — в Тенгинский пехотный полк. В боевых действиях поэт проявил незаурядную храбрость, однако царская немилость по-прежнему преследовала его: Николай I вычеркивал имя Лермонтова из наградных списков. Хлопоты друзей и родных о переводе поэта в Петербург потерпели неудачу. Даже пребывание Лермонтова в отпуске весной 1841 г. было прервано: ему приказали в сорок восемь часов покинуть Петербург и отправиться в полк. По дороге в полк Лермонтов остановился на некоторое время в Пятигорске. Здесь у него, не без тайных интриг жандармских чинов, произошла ссора с Мартьяновым, закончившаяся 15 июля 1841 г. дуэлью, на которой поэт был убит. Писать Лермонтов начал еще в детстве. Не прекращал он литературных занятий ни в Благородном пансионе, ни в юнкерский период. Одним из первых появившихся в печати его произведений была опубликованная без ведома автора в 1835 г. поэма «Хаджи Абрек». По воспоминаниям одного из мемуаристов, Пушкин, прочтя поэму, высоко оценил ее и предсказывал поэту большое будущее. Широким читательским кругам имя Лермонтова стало известно после разошедшегося в многочисленных списках его стихотворения «Смерть поэта». Этим стихотворением Лермонтов с полным правом занял место погибшего Пушкина в русской литературе. В каком бы жарге Лермонтов ни выступал — в поэзии, в прозе или драматургии, на все ложилась печать его гения. Поэмы «Демон», «Мцыри», «Песня про купца Калашникова...», множество лирических стихотворений, роман «Герой нашего времени», драма в стихах «Маскарад» — эти произведения Лермонтова стали шедеврами русского искусства. Творчество Лермонтова формировалось под огромным влиянием декабристских идей. В то же вре-

мя в нем отразился тот кризис, то отрицание действительности и разочарованности в ней, те мучительные поиски выхода, которые были характерны для передовой, вольнолюбивой части русского общества после 1825 г. Поэзия Лермонтова — исповедь независимого и свободного духом человека, отданного во власть деспотизма. В творчестве Лермонтова заключен страстный порыв к мятежу, к подвигу. Вырвавшийся на свободу монастырский послушник Мцыри, по мнению Белинского, — «любимый идеал нашего поэта», «отражение в поэзии тени его собственной личности». «Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела», — писал о Лермонтове Герцен. Как поэт и мыслитель, Лермонтов оказал громадное влияние на всю последующую литературу, вплоть до Толстого и Чехова, до молодого Горького. Его «железный стих, облитый горечью и злостью», в известной мере подготовил поэзию Некрасова, став как бы мостом между Пушкиным и великим певцом «мести и печали». Романтические тенденции у Лермонтова теснейшим образом переплетались с реалистическими. Его творчество знаменует собой вершину романтизма XIX в., с одной стороны, и качественно новый скачок в развитии русского критического реализма — с другой. Если в Пушкине Толстой особенно ценил идеал прекрасного, то у Лермонтова он находил необычайную глубину нравственного чувства, дух поиска истины. «Какие были силы у этого человека! — говорил Толстой о Лермонтове. — Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имущий... Каждое его слово было словом человека, власть имущего».

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Русалка

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долегал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

6

Но к страстным лобзапьям, не зная зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!»

Так пела русалка над синей рекой,
 Полна непонятной тоской;
 И, шумно катясь, колебала река
 Отраженные в ней облака.

Смерть Поэта

Погиб Поэт! — невольник чести —
 Пал, оклеветанный молвой,
 С свинцом в груди и жаждой мести,
 Поникнув гордой головой!..
 Не вынесла душа Поэта
 Позора мелочных обид,
 Восстал он против мнений света
 Один, как прежде... и убит!
 Убит!.. к чему теперь рыданья,
 Пустых похвал ненужный хор
 И жалкий лепет оправданья?
 Судьбы свершился приговор!
 Не вы ль сперва так злобно гнали
 Его свободный, смелый дар
 И для потехи раздували
 Чуть затаившийся пожар?
 Что ж? веселитесь... он мучений
 Последних вынести не мог:
 Угас, как светоч, дивный гевий,
 Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
 Навел удар... спасенья нет:
 Пустое сердце бьется ровно,
 В руке не дрогнул пистолет.
 И что за диво?.. издалика,
 Подобный сотням беглецов,
 На ловлю счастья и чинов
 Зброшен к нам по воле рока;
 Смеясь, он дерзко презирал
 Земли чужой язык и нравы:
 Не мог щадить он нашей славы;
 Не мог понять в сей миг кровавый,
 На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрую счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Ветка Палестины

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали,
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин,
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Вокруг тебя и над тобой.
Все полно мира и отрады



Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принеся, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О, если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мечь тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример небесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Дума

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Три пальмы

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонился под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы неожиданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,

И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Дары Терека

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить я готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он упрямо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,

И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он выиграл, веселья полный,—
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Воздушный корабль

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он назад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

* *
*

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волнения
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу.
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Из Гете

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный горлого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

* *
*

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Олета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одинок
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Спор

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою *
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат, —
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь!
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегись! многолюден
И могуч Восток!»
«Не боюсь я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;

* Ш а т — Элбрус. (Прим. Лермонтова.)

И, склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил;
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой цenia...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня!»

«Не хвались еще заранее! —
Молвил старый Шат,—
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,

Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток.

И, томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку * на брови надвинул —
И навек затих.

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пульей ранен был;

* Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. (Прим. Лермонтова.)

Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Огца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом;
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветамп,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

Листок

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и желт — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

* *
*

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

* *
*

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездой говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

КАРОЛИНА ПАВЛОВА



1807—1893

Каролина Карловна Павлова родилась в Ярославле. Дочь профессора физики и химии Явиша, немца по происхождению, Павловой стала по мужу, известному беллетристу Н. Ф. Павлову. С детства жила в Москве, получила прекрасное домашнее образование. Как молодая поэтесса, посещала литературные салоны А. П. Елагиной и княгини Зинаиды Волконской, где познакомилась с выдающимися русскими писателями. В творческой биографии поэтессы большую роль сыграла ее встреча с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем, у которого в 1827 г. в Москве она брала уроки польского языка. Мицкевич сделал ей предложение, но помолвка расстроилась по воле родственников невесты. В 1833 г. выпустила в Дрездене сборник своих переводов стихотворений русских поэтов (на немецком языке), затем — сборник в Париже, куда вошли переводы К. Павловой из русских, немецких, английских и польских поэтов на французский язык. С 1839 г. печатает стихи в русских журналах, разрабатывая жанр стихотворного послания элегии и своеобразной повести в стихах. Стих ее, как правило, рационалистичен, сдержан. Принадлежит к романтической школе, своим учителем К. Павлова считала Баратынского. Самое интересное в ее стихах — «лирика женского сердца». По своим воззрениям поэтесса примыкала к лагерю славянофилов. В 1858 г. К. Павлова уехала за границу; жила в Дрездене. В старости сильно нуждалась, но не прекращала литературной работы. Умерла в местечке Хлостервиц близ Дрездена. Итоговый сборник ее стихотворений вышел в России в 1863 г., когда слава К. Павловой уже давно померкла.

10 ноября 1840

Среди забот и в людной той пустыне,
Свои мечты покинув и меня,
Успел ли ты бывшее вспомнить ныне?
Заветного ты не забыл ли дня?
Подумал ли, скажи, ты ныне снова,
Что с верою я детской, в оный час,
Из рук твоих свой жребий взять готова,
Тебе навек без страха обрелась?
Что свят тот миг пред божьим провиденьем,
Когда душа, глубоко полюбя,
С невольным скажет убежденьем
Душе чужой: я верую в тебя!
Что этот луч, ниспосланный из рая, —
Какой судьба дорогой ни веда, —
Как в камне искра спит живая,
В остывшей будет спать груди;
Что не погубит горя бремя
В ней этой тайны неземной;
Что не истлеет это семя
И расцветет в стране другой.
Ты вспомнил ли, как я, при шуме бала,
Безмолвно назвалась твоей?
Как больно сердце задрожало,
Как гордо вспыхнул огонь очей?
Вносясь над всей тревогой света,
В тебе, хоть жизнь свое взяла,
Осталась ли минута эта
Средь измененного цела?

* *
*

Снова над бездной, опять на просторе, —
Дальше и дальше от тесных земель!
В широкошумном качается море
Снова со мной корабля колыбель.

Сильно качается; ветры востока
Веют навстречу нам буйный привет;
Зыбь разблажилась и воет глубоко,
Дерзко клокочет машина в ответ.

Рвутся и бьются, с досадою явной,
Сияются волны отбросить нас вспять.
Странно тебе, океан своенравный,
Воле и мысли людской уступать.

Громче все носится ропот подводный,
Бурных валов все сердитее взрыв;
Весело видеть их бой сумасбродный,
Радужный их перекатный отлив.

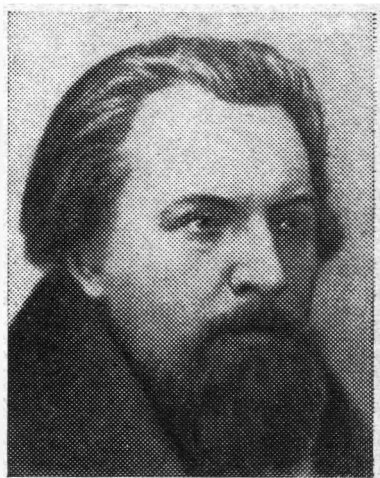
Так бы нестись, обо всем забывая,
В споре с насилнем вьюги и вод,
Вечно к брегам небывалого края,
С вечною верой, вперед и вперед!

* *
*

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло;
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять;
Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье.
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ



1822—1864

Аполлон Александрович Григорьев родился в Москве, в семье состоятельного чиновника. Учился в Московском университете, вместе с кружком друзей, куда входили будущие поэты Фет, Полонский и историк Соловьев, увлеченно штудировал немецкого философа-идеалиста Шеллинга. В 1842 г., по окончании университета, поступил на службу, но скоро ее оставил, занявшись литературной работой. Первый сборник стихотворений издал в 1846 г. Выступая со статьями в журнале славянофильского направления «Москвитянин», а также в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», А. Григорьев приобрел широкую известность как литературный критик. Поэтическое творчество А. Григорьева развивалось под сильным влиянием Лермонтова. Противоречивый и мятущийся, А. Григорьев называл себя «последним романтиком». Безысходное страдание, извечная дисгармония мира — главные мотивы его поэзии. Тоска и отчаяние нередко выливались у Григорьева в стихию разгула, надрывного веселья. Во многих произведениях (особенно в цикле стихов о городе) А. Григорьев бичевал социальные пороки общества; эти стихи были впервые напечатаны лишь в бесцензурной русской прессе за границей. Поэтическое наследие А. Григорьева очень неравноценно. Лучшие его стихотворения эмоциональны и яркие, порой в них заложена глубокая мысль. Творчество Аполлона Григорьева с любовью изучал Блок.

Комета

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзпущанных стихий нестового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

* * *

*

Над тобою мне тайная сила дана,
Это — сила звезды роковой.
Есть преданье — сама ты преданий полна —
Так послушай: бывает порой,
В небесах загорится, средь сонма светил,
Небывалое вдруг иногда,
И гореть ему ярко господь присудил —
Но падучая это звезда...
И сама ли нечистым огнем сожжена,
Или, звездному кругу чужда,
Серафимами свержена с неба она, —
Рассыпается прахом звезда;
И дано, говорят, той печальной звезде
Искушение посеять одно,
Да лукавые сны, да страданье везде,
Где рассыпаться ей суждено.

Над тобою мне тайная сила дана,
Эту силу я знаю давно:
Так уносит в безбрежное море волна
За собой из залива судно,
Так, от дерева лист оторвавши, гроза
В вихре пыли его закружит,
И, с участием следя, не увидят глаза,

Где кружится, куда он летит...
Над тобою мне тайная сила дана,
И тебя мне увлечь суждено,
И пускай ты горда, и пускай ты скрытна,—
Эту силу я понял давно.

* *
*

Я ее не люблю, не люблю...
Это — сила привычки случайной!
Но зачем же с тревогою тайной
На нее я смотрю, ее речи ловлю?

Что мне в них, в простодушных речах
Тихой девочки с женской улыбкой?
Что в задумчиво-робко смотрящих очах
Этой тени воздушной и гибкой?

Отчего же — и сам не пойму —
Мне при ней как-то сладко и больно,
Отчего трепещу я невольно,
Если руку ее на прощанье пожму?

Отчего на прозрачный румянец ланит
Я порою гляжу с непопятною злостью
И боюсь за воздушную гостью,
Что, как призрак, она улетит.

И спешу насмотреться, и жадно ловлю
Мелодически-милые, детские речи;
Отчего я боюсь и жду с нею встречи?..
Ведь ее не люблю я, клянусь, не люблю.

* *
*

...К чему они, к чему свиданья эти?
Бессонницы — расплата мне за них!
А между тем, как зверь, попавший в сети,
Я тщетно злюсь на крепость уз своих.
Я к ним привык, к мучительным свиданьям...
Я опиум готов, как турок, пить,
Чтоб муку их в душе своей продлить,
Чтоб дольше жить живым воспоминаньем...
Чтоб грезить ночь и целый день бродить
В чаду мечты, под сладким обаяньем

Задумчиво опущенных очей!
Мне жизнь темна без света их лучей.

Да... я люблю вас... так глубоко, страстно,
Давно... И страсть безумную свою
От всех, от вас особенно таю.
От вас, ребенок чистый и прекрасный!
Не дай вам бог, дитя мое, узнать,
Как тяжело любить такой любовью,
Рыдать без слов, метаться, ощущать,
Что кровь свипцом расплавленным, не кровью,
Бежит по жилам, рваться, проклинать,
Терзаться ночи, дни считать тревожно,
Бояться встреч и ждать их, жадно ждать;
Беречься каждой мелочи ничтожной,
Дрожать за каждый шаг неосторожный,
Над пропастью бездонною стоять
И чувствовать, что надо погибать,
И звать, что бегство больше невозможно.

Цыганская венгерка

(Отрывок)

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой — ты ли?

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки —
Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,
Сыщют дробью звуки...

Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь, да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам
Буйный и мятежный.

Перебор... и квинта вновь
Ноет, завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает...

* *
*

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
Отравкою облитое,
Что я вшивал в себя ее
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

* *
*

Когда колокола торжественно звучат
Иль ухо чуткое услышит звон их дальний,
Невольно душою печальною объят,
Как будто песни погребальной,
Веселым звукам их внимаю грустно я,
И тайным ропотом полна душа моя.

Преданье ль темное тайник взволнует груди
Иль точно в звуках тех таится звук иной,
Но, мнится, колокол я слышу вечевой,
Разбитый, может быть, на тысячи орудий,
Властям когда-то роковой.

Да, умер он, давно замолк язык народа,
Склонившего главу под тяжкий царский кнут;
Но встанет грозный день, но воззовет свобода
И камни вопли издадут,
И расточенный прах и кости исполина
Совокупит опять дух божий воедино.

И звучным голосом он снова загудит,
И в оный судный день, в расплаты час кровавый,
В нем новгородская душа заговорит
Московской речью величавой...
И весело тогда на башнях и стенах
Народной вольности завевт красный стяг...

Николай Платонович Огарев родился в Петербурге, в семье богатого пензенского помещика. Еще мальчиком познакомился с А. И. Герценом (тот был на год старше Огарева) и стал его другом и соратником навсегда. Друзья мечтали посвятить свою жизнь освобождению народа, продолжить подвиг декабристов, в чем однажды торжественно поклялись на Воробьевых горах. Будучи еще студентами Московского университета, в 1834 г. Герцен и Огарев подверглись аресту по делу «о лицах, певших пасквильные куплеты». После тюремного заключения Огарев был выслан в Пензу под надзор отца и местной полиции. Из ссылки освобожден в 1839 г. В 1856 г. эмигрировал в Лондон и рука об руку с Герценом издавал там революционную русскую газету «Колокол» и журнал «Полярная звезда». В 1861—1862 гг. участвовал в создании тайного народнического общества «Земля и воля». После смерти Герцена (1870 г.) терпел нужду в одиноко скончался в английском городе Гринвиче. В 1906 г. прах его был перевезен в Москву. Огарев — выдающийся деятель русского освободительного движения, замечательный мыслитель, публицист и поэт. В раннем своем творчестве он романтик, поклонник Лермонтова, на гибель которого откликнулся горячим стихотворением. В стихах Огарева той поры звучали тоска и отчаяние, столь характерные для мыслящих русских людей после разгрома декабристов, в полосу мрачной реакции. В юности создал цикл стихотворений, реалистически рисующих быт народа; они предшествовали подобным стихам Некрасова. Но лишь с отъездом за границу Огарев становится певцом борьбы и свободы; он славит Рылеева, бодрым словом напутствует сосланного в сибирскую каторгу поэта М. Михайлова. Стихи и поэмы Огарева в рукописных копиях расходились в России и были известны передовой молодежи 60—70-х годов. Они полны искренности, в них есть живая интонация, как бы раздумье вслух. Творчество Огарева — важная страница русской гражданской поэзии.

НИКОЛАЙ ОГАРЕВ



1813—1877

Деревенский сторож

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокий,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной
Бела утра ждет
И в края доски чугуновой
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

Sérénade

(Из Людвиг Рельштаба)

Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу легкою стопою
Ты приди, друг мой.
При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о друг мой милый,
Не услышит нас.
Слышишь, в роще зазвучали
Песни соловья;
Звуки их, полны печали,
Молят за меня.
В них понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводят умиленье
На душу они.
Дай же доступ их призыванью
Ты в душе своей
И на тайное свиданье
Ты приди скорей!

Дедушка

Ах, изба ты моя невысокая!
Посажу, погляжу из окна,
Только степь-то под снегом широкая,
Только степь впереди и видна.
Погляжу я вовнутрь: полно ль, пусто ли?..
Спит старуха моя, как в ночи;
Сиротинка-внучонок, зная с устали,
Под тулупом залег на печи,
Взял с собой и кота полосатого...
Только я словно жду-то чего, —
А чего?.. разве гроба дощатого,
Да недолго, дождусь и его.
Жаль старуху мою одинокую!
А внучонок подсядет к окну —
Только степь-то под снегом широкую,
Только степь и увидит одну.

Дорога

Тускло месяц дальней
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ящик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

Упование. Год 1848

Anno cholerae morbi *

Все говорят, что ныне страшно жить,
Что воздух заражен и смертью веет;
На улицу боятся выходить.
Кто встретит гроб — трепещет и бледнеет.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Так не отдам. Всей жизнью человека
Еще дышу я, всею мыслью века
Я жизненно проникнут до ногтей,
И впереди довольно много дела,
Чтоб мысль о смерти силы не имела.

Что мне чума? — Я слышу чутким слухом
Со всех сторон знакомые слова:
Вблизи, вдали — одним все полно духом, —
Все воли ищут! Тихо голова
Приподнялась; проходит сон упрямый,
И человек на вещи смотрит прямо.
Встревожен он. На нем так много лет
Рука преданья дряхлого лежала,
Что страшно страшен новый свет сначала.
Но свыкнись, узник! Из тюрьмы на свет
Когда выходят — взору трудно, больно,
А после станет ясно и раздольно!

О! из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы, —
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественной свободы.
Мне с юга моря синяя волна
Лелеет слух внезапным колыханьем...
Роскошных снов ленивая страна —
И ты полна вновь юным ожиданьем!
Еще уныл «Ave Maria» ** глас
И дремлет вокруг семи холмов поляна,
Но втайне Цезарю в последний раз
Готовится проклятье Ватикана.

* В холерный год (лат.). — Ред.

** Радуйся, Мария (лат., католическая молитва). — Ред.

Что ж? Начинай! Уж гордый Рейн восстал,
От долгих грез очнулся тих, но страшен,
Упрямо воли жаждущий вассал
Грозит остаткам феодальных башен.
На Западе каким-то новым днем,
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля всем общий дом.
Как волхв, хочу с Востока в путь суровый
Идти и я, дабы вещать о том,
Что видел я, как мир родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут,
Еще за то, что, вместе изнывая,
С тобою я и плакал и страдал,—
И цепью нас одною рок связал,—
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапывасяшь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой,
И верю, что пробьюсь — как наш народ родной —
В терпении и с твердостью многой
На новый свет неведомой дорогой!

Арестант

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!

Край родной повидеть пужно
Да жену поцеловать.
И пойду пол шелест дружный
В лес зеленый умирать!..» —

«Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подает приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

Свобода

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Зывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода. —
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ! шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

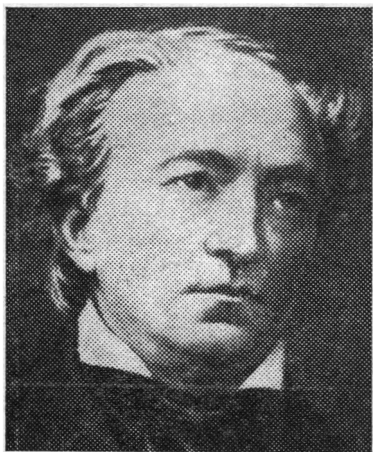
* *
*

Сторона моя родимая,
Велики твои страданья,
Но есть мощь неодолимая,
И мы полны упованья:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие, —
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится вольная!

ФЕДОР ТЮТЧЕВ



1803—1873

Федор Иванович Тютчев родился в старинной дворянской семье, в имении Овстуг, Брянского уезда, Орловской губернии. Юные годы провел в Москве. В 1821 г. блестяще закончил словесный факультет Московского университета. Вскоре поступил на службу в министерство иностранных дел, в 1822 г. уехал за границу, получив назначение на скромную должность в русское посольство в Мюнхене — столице тогдашнего Баварского королевства. Служил также в Турине (Сардиния). В чужих краях Тютчев прожил двадцать два года, но не терял духовной связи с родиной и изредка навещал ее. В Мюнхене приобщился к немецкой идеалистической философии, свел знакомство с

Шеллингом, дружил с Генрихом Гейне. Стихи Тютчев начал писать еще подростком, но выступал в печати редко и не был замечен ни критикой, ни читателями. Настоящий дебют поэта состоялся в 1836 г.: тетрадь стихотворений Тютчева, переправленная из Германии, попадает в руки Пушкина, и тот, приняв тютчевские стихи с изумлением и восторгом, опубликовал их в своем журнале «Современник». Однако признание и известность приходят к Тютчеву гораздо позднее, после его возвращения на родину, в 50-х годах, когда о поэте восхищенно отзывались Некрасов, Тургенев, Фет, Чернышевский и когда вышел отдельный сборник его стихотворений (1854 г.). И все же Тютчев не становится профессиональным литератором, до конца жизни оставаясь на государственной службе.

Тютчев — гениальный лирик, поэт романтического склада. Он своеобразно развивал наряду с Баратынским философскую линию в русской поэзии. Певец природы, остро ощущавший космос, тончайший мастер стихотворного пейзажа, Тютчев рисовал его одухотворенным, выражающим эмоции человека. В поэзии Тютчева нет непроходимой грани между человеком и природой, они почти тождественны. Мир в глазах Тютчева полон таинственности, загадочности — где-то в подоснове его «шевелится» хаос, под златотканым покровом дня скрывается ночь, в избытке и торжестве жизни проглядывает смерть, людская любовь лишь роковой поединок, грозящий гибелью. В природе, по Тютчеву, противостоят враждебные силы. «Хаос» вот-вот прорвется и опрокинет установившуюся гармонию, ввергнет мир в катастрофу. Полный тревоги, поэт и страшится этой катастрофы, и тянется к ней. Современник многих войн и социальных потрясений, Тютчев воспринимает свое время как «минуты роковые», канун великих событий. Поэзия Тютчева — поэзия глубокой и бесстрашной мысли. Но мысль у Тютчева неизменно слита с образом, с точными и смелыми, необычайно выразительными красками.

В стихотворениях Тютчева много изящества, пластики, в них есть, по

выражению Добролюбова, и «знойная страстность» и «суровая энергия». Они очень цельны, законченны: при чтении их возникает впечатление, что они созданы мгновенно, единым порывом. Несмотря на скептические ноты в поэзии Тютчева, подчас утверждавшего, что вся деятельность человека — «подвиг бесполезный», от большинства его произведений веет молодостью, неистребимым жизнелюбием. Тютчев был, наряду с Пушкиным, любимым поэтом Льва Толстого. Его высоко ценил Владимир Ильич Ленин.

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

* *
*

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

Полдень

Лениво дышит полдень мгlistый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так! но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир;
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

*Silentium!**

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пуускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

* Молчание! (лат.). — Ред.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

* *
*

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слились тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста!

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

Конь морской

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смиренный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!

Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав,
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься!..

* *
*

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

* *
*

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

* *
*

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятым сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

* *
*

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымаешь вдруг
И словно молнией небесной
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуту страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

День и ночь

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покровов
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

* *
*

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

* *
*

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

* *
*

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминаья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

* *
*

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

* *
*

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозюю,
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

* *
*

В разлуке есть высокое значенье —
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

* *
*

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

Предопределение

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

* *
*

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

* *
*

Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья*
Через бездну двух или трех дней?

* *
*

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

* *
*

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

* *
*

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

* *
*

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

* *
*

Est in arundineis modulatio musica ripis

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею создаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

* *
*

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движенье, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

* Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (лат.).—

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

* *
*

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело, —
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

* *
*

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

* * *
*

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

* * *
*

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

* * *
*

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубрам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искряться река
И поля дышать на зное.

* *
*

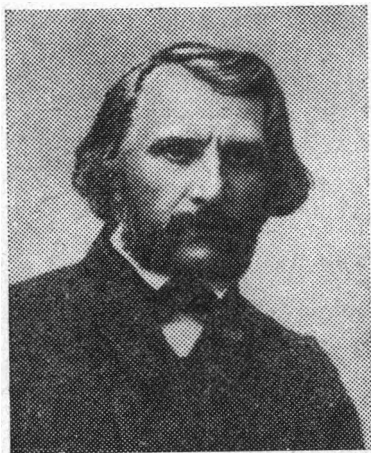
От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезю природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

ИВАН ТУРГЕНЕВ



1818—1883

Великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев родился в городе Орле, в среднепоместной дворянской семье. Учился в частном пансионе в Москве, затем в университетах — Московском, Петербургском, Берлинском. Свой литературный путь Тургенев начал как поэт. В 1838—1847 гг. он пишет и печатает в журналах лирические стихотворения и поэмы («Параша», «Помещик», «Авдрей» и др.). На первых порах поэтическое творчество Тургенева развивалось под знаком романтизма, позднее в нем преобладают реалистические черты. Белинский, пристально наблюдавший за работой Тургенева, подчеркивал в стихах и поэмах молодого поэта сатирический элемент и «намек на русскую жизнь». Перейдя в 1847 г. к прозе («Хорь и Калиныч» из будущих «Записок охотника»), Тургенев оставил поэзию, но в конце жизни он создал замечательный цикл «Стихотворений в прозе» — жанр, до того в русской литературе мало разработанный. Поэтический опыт Тургенева отразился в его прозе, отличающейся особой чуткостью к ритму фразы, большой музыкальностью. Стихотворения Тургенева «В дороге» и «Баллада» были положены на музыку (последняя — А. Рубинштейном) и вошли в народный песенный репертуар.

Баллада

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потушил — сумрачно глядит.

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенета волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертью лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..

Мы певали песни, как из леса шли,
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да не долго песней тешились купцы...

Да еще певал я — в домике твоём;
Запивал я песни — всё твоим вином;

Заедал я чарку — барскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

В дороге

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

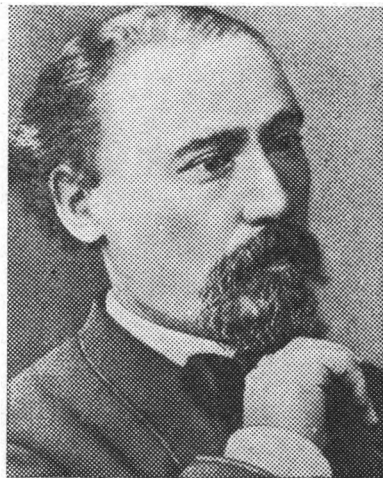
Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Первый снег

Здравствуйте, легкие звезды пушистого, первого снега!
Быстро на темной земле таете вы чередой.
Но проворно летят за вами другие снежинки,
Словно пчелы весной, воздух недвижный пестря.
Скоро наступит зима; под тонким и звучным железом
Резвых саней завизжит холодом стиснутый лед.
Ярко мороз затрещит; румяные щеки красавиц
Вспыхнут; иней слегка длинных коснется ресниц.
Так! пора мне с тобой расстаться, степная деревня!
Крыш не увижу твоих, мягким одетых ковром,
Струек волнистого дыма на небе холодном и синем,
Белых холмов и полей, грозных и темных лесов.
Падай обильнее, снег! Зовет меня город далекий;
Хочется встретить опять старых врагов и друзей.

Николай Алексеевич Некрасов родился в селе Немирове, Каменец-Подольской губернии. Детство поэта прошло в имении Грешнево, на Волге, близ Ярославля. Отец Некрасова, отставной офицер, был ярким крепостником, внушавшим страх и крестьянам, и собственной семье. В 1832 г. Некрасов поступил в Ярославскую гимназию, но курса не окончил. Отец требовал, чтобы он учился в Дворянском полку и пошел по военной линии. Но, вырвавшись в Петербург, Некрасов подал прошение в университет и был зачислен вольнослушателем на историко-филологический факультет. Разгневанный отец лишил его материальной поддержки. Начались петербургские мытарства Некрасова, о которых он рассказал в своем романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: голод, случайные заработки, нищенские ночлежки. Дворянин по происхождению, он вел жизнь разночинца, испытал многие страдания, выпадавшие на долю безродного бедняка. «На мне года гнетущих впечатлений оставили неизгладимый след», — писал Некрасов. В 1840 г. под инициалами Н. Н. вышел в свет сборник его стихотворений «Мечты и звуки» — книга подражательная, незрелая. Некрасов был огорчен неудачей и скупал экземпляры сборника, чтобы уничтожить весь его тираж. Литература постепенно становится основным делом Некрасова. Он писал водевили под псевдонимом Наум Перепельский, печатал статьи на литературные темы. Встреча с Белинским в 1841 г. во многом определила творческий и жизненный путь Некрасова. Когда в 1845 г. Некрасов прочитал Белинскому свое стихотворение «В дороге», критик, пораженный новизной и оригинальностью стихов, воскликнул: «Да знаете ли вы, что вы поэт и поэт истинный!» В 1847 г. Некрасов стал редактором и издателем журнала «Современник». К участию в этом журнале он привлек лучшие литературные силы. Здесь печатались Белинский и Герцен, Достоевский и Григорович, Лев Толстой и Фет, Тургенев и Гончаров, здесь развернулась деятельность Чернышевского и Добролюбова. «Современник» стал трибуной русской революционной де-

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ



1821—1878

мократии, сыграв исключительно важную роль и в подготовке отмены крепостного права, и в разъяснении крепостнического характера реформы 1861 г. В 1866 г. журнал был запрещен по высочайшему повелению. Не только всероссийское признание, но и царское запрещение было свидетельством великих заслуг Некрасова в борьбе за освобождение народа. С 1868 г. и вплоть до кончины Некрасов — редактор журнала «Отечественные записки». «Я лиру посвятил народу своему», — писал Некрасов. Его стихи и поэмы представляют собой подлинную энциклопедию русской жизни 50—70-х годов. В них вста-

ют яркие картины деревенского быта, показаны социальные контрасты большого города. Поэт огромного гражданского чувства, Некрасов был сатириком и публицистом, сказочником и хроникером, фельетонистом и тончайшим лириком, эпическим бытописателем и историком. «Тишина» и «Русские женщины», «Мороз, Красный нос» и «Рыцарь на час» принадлежат к лучшим образцам русской поэмы. «Кому па Руси жить хорошо» — исторический эпос, глубоко народный по содержанию и форме. «У кого была такая смелость, чтобы не побояться громко и во всеулышание заговорить о бедствующем народе? — с восхищением писал Глеб Успенский. — А в этом именно и состояла нота Некрасова...» Как народный заступник, провозвестник правды и справедливости, Некрасов навсегда вошел в историю русской литературы. «Это было раненое сердце, раз и на всю жизнь, — говорил Достоевский о Некрасове, — и незакрывшаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой так часто доле его». По интонации и настроению стих Некрасова резко отличается от стиха Пушкина и Лермонтова, он гораздо ближе к обыденной, разговорной речи. Некрасов смело вносил в свои стихи прозаические оттенки, «газетную» точность факта. Некрасов оказал огромное влияние на всю современную поэзию — вплоть до Маяковского и многих поэтов наших дней.

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой во след?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Поллюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как почь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старпка разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За перяху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной, и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой во след не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки. —
И ящик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

* *
*

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

* *
*

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильнее, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

* *
*

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день, —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:

Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным правом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядом...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?

Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятия
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

В больнице

Вот и больница. Светя, показал
В угол нам сонный смотритель.
Трудно и медленно там угасал
Честный бедняк сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
Что, зануждавшись в столице,
Не известил он друзей никого,
А приютился в больнице...

«Что за беда, — он шутя отвечал, —
Мне и в больнице покойно.
Я все соседей моих наблюдал:
Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вот этот субъект,
Что меж кроватями бродит, —
Есть у него превосходный проект,
Только — беда! не находит
Денег... а то бы давно превращал
Он в бриллианты крапиву.
Он покровительство мне обещал
И миллион на разживу!

Вот старикашка-актер: на людей
И на судьбу негодует;
Перевирая, из старых ролей
Всюду двустушия сует;
Он добродушен, задорен и мил,
Жалко — уснул (или умер?) —
А то бы, верно, он вас посмешил...
Смолк и семнадцатый номер!
А как он бредил деревней своей,
Как, о семействе тоскуя,
Ласки последней просил у детей,
А у жены поцелуя!

Не просыпайся же, бедный больной!
Так в забытьи и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожем будут закрыты!
Завтра дежурные нас обойдут,
Саваном мертвых накроют,
Счетом в мертвецкий покой отнесут,
Счетом в могилу зароят.
И уж тогда не являйся жена,
Чуткая сердцем, в больницу —
Бедного мужа не сыщет она,
Хоть раскопай всю столицу!

Случай ужасный недавно тут был:
Пастор какой-то немецкий
К сыну приехал — и долго ходил...
«Вы поищите в мертвецкой», —
Сторож ему равнодушно сказал;
Бедный старик пошатнулся,
В страшном испуге туда побежал,
Да, говорят, и рехнулся!
Слезы ручьями текут по лицу,
Он между трупами бродит:
Молча заглянет в лицо мертвецу,
Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
Помню: с прошибленной в кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора: в остроге его
Буйный товарищ изранил.
Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вздогнула вдруг — и ни слова...
В странном молчаньи минута прошла:
Смотрят один на другого!

Кончилось тем, что угрюмый злодей,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдруг зарыдал — перед первой своей
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга они...)
Круто старик изменился:

Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был странен
(Помню я эту печальную ночь):
Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,
Тихо над ним раздавался: «Живи,
Милый, желанный, сердечный!»
Все, что имела она, продала —
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
А что любовь ей дала, кроме бед,
Кроме печали и муки?
Смолоду — стыд, а на старости лет —
Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
Вот, посмотрите: украдкой,
Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу —
Думал бедняга в храм славы попасть —
Рад, что попал и в больницу!
Всем он читал свой ребяческий бред —
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о, нет!
Думал я горькую думу.
Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —
Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
Начал метаться тревожно;
Мы посидели, пока он уснул, —
И разошлись осторожно...

*Зеленый Шум**

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйшка
Наталья Патрикеевна,
Воды не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.

* Так народ называет пробуждение природы весной. (Прим. Некрасова).

В глаза твои бесстыжие
Соседи паплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком.
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И все мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют стаицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце большое сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосюю.

* *
*

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной вестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, похосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепались косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

Орина, мать солдатская

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...
(Из народной песни)

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорова, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! Пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю.
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился.
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
— Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?.. —
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эти бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, как шелковые...»

И опять молчит несчастная...
— Не молчи — развежь кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку? —

«Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал,
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости! —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» — вижу — задыхается;

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»

Я над Ваней наклонилась,
Покрестила, попрощалась,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

Крестьянские дети

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Т р е т ь и й

Потише вы, черти!

В т о р о й

У бар бороды не бывает — усы.

П е р в ы й

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Ч е т в е р т ы й

А вона на шапке, гляди-тко, — часы!

П я т ы й

Ай, важная штука!

Ш е с т о й

И цепь золотая...

С е д ь м о й

Чай, дорого стоит?

В о с ь м о й

Как солнце горит!

Д е в я т ы й

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

П я т ы й

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий (с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека слыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
— Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И, видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой... — «Услышит, молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельывал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался заметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!

Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу повернет.
«Прощайте, ребята! Старайтесь наипаче
На господу бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им все покажи,
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая; спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!

Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косою,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок

На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:

Сплела себе славный веноч,
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.

Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

— Довольно, Ванюша! гулял ты не мало,
Пора за работу, родной!
Но даже и труд обернется сначала

К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно:
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека).
— А что, у отца-то большая семья?
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? —

— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
 Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
 Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
 На эту картину так солнце светило,
 Ребенок был так уморительно мал,
 Как будто все это картонное было,
 Как будто бы в детский театр я попал!
 Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
 И дровни, и хворост, и пегонький конь,
 И снег, до окошек деревни лежащий,
 И зимнего солнца холодный огонь —
 Все, все настоящее русское было,
 С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
 Что русской душе так мучительно мило,
 Что русские мысли всеяет в умы,
 Те честные мысли, которым нет воли,
 Которым нет смерти — дави не дави,
 В которых так много и злобы и боли,
 В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
 На то вам и красное детство дано,
 Чтоб вечно любить это скудное поле,
 Чтоб вечно вам милым казалось оно.
 Храните свое вековое наследство,
 Любите свой хлеб трудовой —
 И пусть обаянье поэзии детства
 Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
 Заметив, что стали ребята смелей,
 «Эй! вору идут! — закричал я Фингалу: —
 Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
 Фингалушка скорчил серьезную мину,
 Под сено пожитки мои закопал,
 С особым стараньем припрятал дичину,
 У ног моих лег — и сердито рычал.
 Обширная область собачьей науки
 Ему в совершенстве знакома была;
 Он начал такие выкидывать штуки,
 Что публика с места сойти не могла,
 Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!

Командуют сами! — «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

Мороз, Красный нос

(Отрывок)

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы завесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

«Вглядись, молодлица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?»

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы из льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных — и конных, и пеших —
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

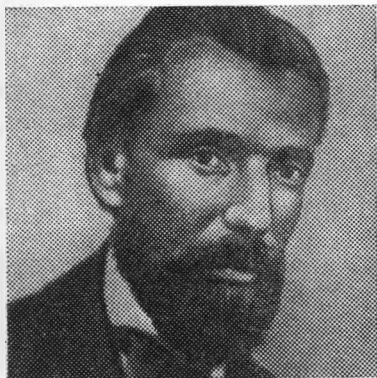
Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Пощарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

* *
*

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

ИВАН НИКИТИН



1824—1861

Иван Саввич Никитин родился в Воронеже, в семье купца, владельца свечного завода. Семья была некультурная, с дикими нравами. Никитин учился в духовном училище, потом — в Воронежской семинарии, но не закончил ее: отцу грозило разорение, юноше пришлось, бросив учение, помогать семье. Сбыв с рук завод, отец приобрел полуразвалившийся постоялый двор, на котором стал работать Иван Саввич. Но он уже давно любил литературу и писал стихи. «Продавая извозчикам овес и сено, — рассказывал Никитин, — я обдумывал прочитанные мною и поразившие меня строки, обдумывал их в грязной избе, передко под крик и песни разгулявшихся мужиков». Долгое время Никитин не решался предложить свои стихи в печать, упорно трудясь над ними без всякой поддержки. Лишь в 1853 г. в воронежской газете было опубликовано стихотворение Никитина «Русь», сразу принесшее ему известность. Вскоре его стали печатать столичные журналы. В 1856 и 1859 гг. Никитин выпустил отдельные сборники своих произведений. Тогда же, в 1859 г., он открыл в Воронеже книжный магазин и библиотеку при нем. Тяжелые условия жизни и напряженный труд подорвали здоровье поэта: он умер от чахотки в возрасте тридцати шести лет, в расцвете своего крупного таланта. Никитин — поэт демократического, некрасовского направления. Его дарование по преимуществу эпическое. В ряде стихотворений — почти всегда сюжетных — он нарисовал яркую картину жизни социальных низов России: крестьян, бурлаков, ямщиков, городской бедноты. Несмотря на воздействие Кольцова и Некрасова, Никитин выработал свой, самостоятельный поэтический стиль и завоевал широчайшую популярность. Многие стихотворения Никитина прочно вошли в песенный народный репертуар. В стихах Никитина слышится не только печаль и горе, но и протест против бесправия народа, против его нищеты и забитости. В сти-

хотворении «Падет презренное тиранство» звучат революционные мотивы. Царская цензура порой не пропускала стихи Никитина в печать и считала его писателем крамольным. Перу Никитина, кроме стихотворений, принадлежат поэмы «Поездка на хутор», «Кулак», «Тарас» и повесть в прозе «Дневник семинариста».

Зимняя ночь в деревне

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.

Месяца лучами
Божий храм облит;
Крест под облаками,
Как свеча, горит.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина немая
В улицах пустых,
И не слышно лая
Псов сторожевых.

Помоляся богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.

Лишь в одной избушке
Огонек горит:
Бедная старушка
Там больна лежит.

Думает-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает,
Как она умрет.

Горемыки-детки,
Долго ли до бед!
Оба малолетки,
Разуму в них нет;

Как начнут шататься
По дворам чужим —
Мудрено ль связаться
С человеком злым!..

А уж тут дорога
Не к добру лежит:
Позабудут бога,
Потеряют стыд.

Господи, помилуй
Горемык-сирот!
Дай им разум-силу,
Будь ты им в оплот!..

И в лампадке медной
Теплится огонь,
Освещая бледно
Лик святых икон,

И черты старушки,
Полные забот,
И в углу избушки
Дремлющих сирот.

Вот петух бессонный
Где-то закричал;
Полночи спокойной
Долгий час настал.

И бог весть отколе
Песенник лихой
Вдруг промчался в поле
С тройкой удалой,

И в морозной дали
Тихо потонул
И напев печали,
И тоски разгул.

Утро

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет,
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

* *
*

По всей степи — ковыль, по краям — все туман.
Далеко, далеко от кургана курган;
Облака в синеве белым стадом плывут,
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте день,
Пробежать по траве ветру сонному лень.
А цветы-то, цветы! как живые, стоят,
Улыбаются, глазки на солнце глядят,
Словно речи ведут, как их жизнь коротка,
Коротка, да без слез, от забот далека.
Вот и речка... не верь! то под жгучим лучом
Отливается тонкий ковыль серебром.
Высоко-высоко в небе точка дрожит,

Колокольчик веселый над степью звенит.
В ковыле гудовень — и поют, и жужжат,
Раздаются свистки, молоточки стучат;
Средь дорожки глухой пыль столбом поднялась,
Закружилась, в широкую степь понеслась...
На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Необъятная гладь! неоглядный простор!

* *
*

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,

Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

* *
*

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Теплый вечер прозрачно-румян.

Вот уж веет прохладой ночью;
Грезит колос над узкой межою;

Месяц огненным шаром встает,
Красным заревом лес обдает.

Кротко звезд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молжусь от души.

Гнездо ласточки

Кипит вода, ревет ручьем,
На мельнице и стук и гром,
Колеса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнем летят,
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясет,
На камни рожь дождем течет,
Под жерновом муку родит,
Идет мука, в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый черт, как зверь глядит,
Чужим добром и пьян, и сыт;
Детей забыл, жену извел;
Барбос с ним жил, барбос ушел...

Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила-слепила гнездышко,
Детьми обзавелась.

Поет, пока не выгнали.
Чужой-то кров — не свой;
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься с нуждой.

В ночь темную под крылышко
Головку подогнет
И спит себе под гром и стук,
Носком не шевельнет.

Рассказ крестьянки

Ох, много, мой матушки,
И слез я пролила,
И знала горя горького,
И нужд перенесла!

Тут бог послал безвременье —
Овин у нас сгорел,
Тут, эдак через полгода,
Вдруг муж мой заболел.

Пора была рабочая —
И кинуть жаль его,
И в поле-то не убрано,
Как надо, ничего,

А там детишки малые, —
Хлопочешь день-деньской,
Разломит все суставчики
Ночною-то порой.

Раз в поле я работаю —
Жара, терпеть не в мочь,
Напиться-то мне нечего...
Пока настала ночь,

Уж так я утомилась —
Не подыму руки,
Щемит мое сердечушко
И ноет от тоски.

Ох, ну-ка, мол, проведу
Больного я, пойду;
Пришла, а он, касатик мой,
Уж мечется в бреду.

Теленок был на привязи —
Покромку оборвал
И всю солому кой-куда
В избе поразбрыкал.

Сынишка перепуганный
Сидит, кричит в углу,
А дочь грудная ползает
И плачет на полу.

Я на нее как глянула —
Едва не обмерла!
Взяла бедняжку на руки
Да к мужу подошла.

«Васильевич! Васильевич!
Опомнись, мол, на час.
Уж на кого, родименький,
Ты покидаешь нас?»

Он застонал, голубчик мой,
Рукой вот так махнул,
Сказал: «На волю божию» —
Да и навек уснул.

Осталась с детишками
Одна я одной...
Покрылся без хозяина
Широкий двор травой.

Пришла зима с морозами —
А я без дров сижу,
Не знаю себе отдыха,
Горюю и тужу.

Тут дети просят хлебушка,
Покою не дают,
Там лошади голодные
Стоят и корму ждут;

То надо печь соломою
Топить и щи варить;
То за водою на реку
С ведерками сходить;

То снег самой откидывать
Лопатой от ворот, —
Денек-ат как промаешься,
Еда на ум нейдет.

Детишки, мои ягодки,
Сиротками глядят,
Общипаны, оборваны,
Худеют да болят.

Смотрю на них и думаю:
«Уж чем их я вскормлю?»
И думу свою крепкую
И сплю-то не засплю...

Вдруг за меня посватался
Зажиточный мужик;
Такой, господь с ним, взбалмошный,
Причудливый старик,

Всегда с женою ссорился,
А бабу грех корить —
Она была разумная,
Умела домом жить.

И был он мне не по сердцу,
А вышла за него;
Теперь глаза и колет мне
Семья-то вся его:

«Что вот-де навязалась
Какая-то с детьми,
Сама родила, нянчила,
Сама их и корми!»

Да благо, что сиротки-то
Пригреты у меня,
А о себе-то, матушки,
Уж не забочусь я.

Пахарь

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лес спускается;
Лес стоит под шапкой темною,
В золотом огне купается.

На бугре трава зеленая
Спит, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да камнями унизана.

Не слышать-то в поле гoлoсa,
Молча ворон на меже сидит,
Тoлькo слышен гoлoс пахаря, —
За сохой он на коня кричит.

С ранней зорькп пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идет — понурил голову,
Мужичок идет — шатается...

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмешь верх над долей горькою?
Из земли ты роешь золото,
Сам-то сыт сухою коркою!

Зреет рожь — тебе заботушка:
Как бы градом не побилася,
Без дождей в жары не высохла,
От дождей не положилася.

Хлеб поспел — тебе кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то он осыплется,
Без куска-то ты останешься.

Урожай — купцы спесивятся;
Год плохой — в семье все мучатся;
Все твой двор не поправляется,
Детки грамоте не учатся.

Где же клад твой заколдованный,
Где талан твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на горе
Вдоволь вчуже я наплакался!

* *
*

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

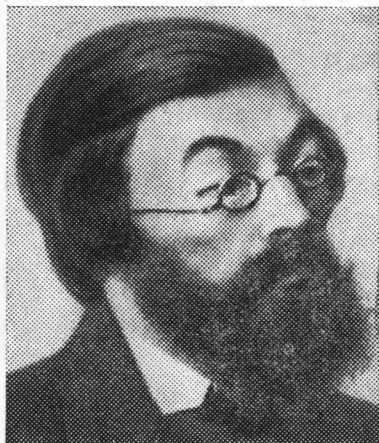
Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырую землю придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная —
Гостя погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

* *
*

Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.
Не нам — иному поколенью
Отдашь ты бич свой вековой
И будешь ненавистной тенью,
Пятном в истории родной...
Весь твой разврат и вероломство,
Все козпи время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.
Мужик — теперь твоя опора,
Твой вол — и больше ничего —
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ



1829—1865

Михаил Ларионович Михайлов родился в Оренбурге, в семье чиновника. Его отец — из вольноотпущенных крепостных; поднимаясь по служебной лестнице, он выслужил звание дворянина. М. Михайлов получил хорошее домашнее воспитание, свободно владел несколькими иностранными языками. Рано остался без родителей. Юношей переехал в Петербург и в качестве вольнослушателя посещал университет, где подружился с Н. Г. Чернышевским. Тогда же начал печатать свои стихотворения, в том числе переводные, и очерки. Затем, гонимый нуждой, уехал в Нижний Новгород и служил писцом в Соляном управлении. С 1851 г., издав свою повесть «Адам Адамыч», Михайлов снова жил в Петербурге. Он сблизился с руководителями журнала «Современник», впоследствии вел в нем отдел иностранной литературы. Своими статьями, особенно по вопросу о женском равноправии, приобрел громкое имя публициста. Принимал активное участие в организации революционной пропаганды, содействовал выпуску нелегальных антиправительственных прокламаций. По доносу провокатора в сентябре 1861 г. был арестован. 14 декабря того же года над Михайловым был совершен обряд гражданской казни, затем, закованного в кандалы, его отправили в Сибирь на каторгу. Прожив три года в руднике Кадай (Нерчинский округ), измученный невзгодами и болезнями, поэт на каторге скончался. До конца своих дней Михайлов не прекращал писать стихи и переводить иностранных поэтов. Поэтические переводы Михайлова — его главный вклад в литературу. Особенно много он переводил своего любимого поэта Генриха Гейне. Оригинальные стихи Михайлова отличаются высокой гражданственностью, горячим патриотизмом. Написанное им в Петропавловской крепости стихотворение «Смело, друзья!» было положено на музыку и стало гимном народовольцев.

* *
*

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!
Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых.

Стонет и тяжело вздыхает
Бедный забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Час обновления настанет —
Воли добьется народ,
Добрый нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых.

* *
*

Вышел срок тюремный:
По горам броди;
Со штыком солдата
Нет уж позади.

Там под темным сводом
Тяжело дышать:
Сердце уставало
Биться и желать.

Волл больше; что же
Стены этих гор
Пуще стен тюремных
Мне теснят простор?

Здесь над головою
Под лазурный свод
Жаворонок вьется
И поет, зовет.

* *
*

Снова дней весенних
Дождалися мы:
Ласточки щебечут
Над окном тюрьмы.

Между гор зеленых
Темной полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

* *
*

Вечером душным, под черными тучами нас похоронят,
Молния вспыхнет, заропщет река, и дубрава застонет.

Ночь будет бурная. Необоримою властью могучи,
Громом, огнем и дождем разразятся угрюмые тучи.

И над могилами нашими, радостный день предвещая,
Радугу утро раскинет по небу от края до края.

Гренадеры

(Из Гейне)

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до немецкой земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болят мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? Просить Христа ради
Пущу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

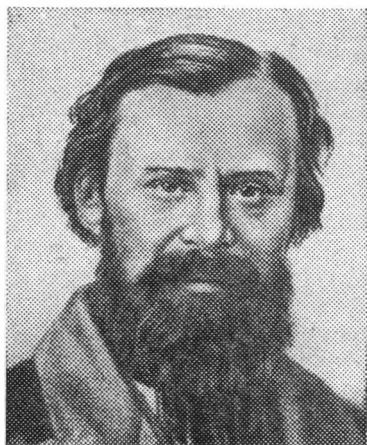
Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу:

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

ЛЕВ МЕЙ



1822—1862

Лев Александрович Мей родился в Москве. Происходил из обрусевших немцев. Дед его был книготорговцем и издателем, отец — офицером. Мей учился в Московском дворянском институте, потом за успехи его перевели в Царскосельский лицей. По окончании лицея в 1841 г. Мей служил в канцелярии московского генерал-губернатора, затем инспектором в гимназии. Позднее уехал в Петербург, мечтая издавать там журнал, но полное отсутствие материальных средств помешало Мею осуществить эти планы. До конца жизни он был вынужден сотрудничать в журналах, исполняя срочную работу за грошовую плату. Безденежье и богемный, неустроенный быт подточили здоровье поэта, рано сведя его в могилу. На творчество Мей наложила сильный отпечаток его горячая любовь к русскому фольклору: поэт создал много лирических песен фольклорной окраски, а также стихотворений-баллад, где отразилась сказочная фантастика народных поверий. Ему принадлежат две драмы в стихах с сюжетами из древнерусской жизни — «Царская невеста» (1849) и «Псковитянка» (1859). Они проложили дорогу исторической драматургии А. Н. Островского и А. К. Толстого. Впоследствии по драмам Мей написал свои знаменитые оперы композитор Н. А. Римский-Корсаков. Современники считали Мей прекрасным знатоком и мастером языка. Отличаясь большой образованностью, Мей был плодовитым и видным переводчиком; его подражания библейской «Песни песней» и переводы из Шиллера сохранили свое значение до наших дней.



О господи, пошли долготерпенье!
Ночь целую сжужу я напролет,
Неволю мысль цензуре в угожденье,
Неволю дух — напрасно! не сойдет
Ко мне твое святое вдохновенье.

Нет, на кого житейская нужда
Тяжелые вериги наложила,
Тот — вечный раб поденного труда,
И творчества живительная сила
Ему в удел не дастся никогда.

Но, господи, ты первенцев природы
Людьми, а не рабами создавал.
Завет любви, и братства, и свободы
Ты в их душе бессмертной начертал,
А твой завет нарушен в род и роды.

Суди же тех всеправедным судом,
Кто губит мысль людскую без возврата,
Кошунствует над сердцем и умом —
И ближнего, и кровного, и брата
Признал своим бессмысленным рабом.

Плясунья

Окрыленная пляской без роздыху,
Закаленная в серном огне,
Ты, помпеянка, мчишься по воздуху,
Не по этой спаленной стене.

Опрозрачила ткань паутинная
Твой призывно-откинутый стан;
Ветром пашет коса твоя длинная,
И в руке замирает тимпан.

Пред твоею красой величавою
Без речей и без звуков уста,
И такой же горячею лавою,
Как и ты, вся душа облита.

Но не сила Везувия знойная
Призвала тебя к жизни: легка
И чиста ты несешься, спокойная,
Как отчизны твоей облака.

Ты жила и погибла тедескою
И тедескою встала навек,
Чтоб в тебе, под воскреснувшей фрескою,
Вечность духа прозрел человек.

Хозяин

В низенькой светелке, с створчатым окном,
Светится лампадка в сумраке ночном:
Слабый огонечек то совсем замрет,
То дрожащим светом стены обольет.
Новая светелка чисто прибрана:
В темноте белеет занавесь окна;
Пол отструган гладко; ровен потолок;
Печка развальная стала в уголок.
По стенам — укладки с дедовским добром,
Узкая скамейка, крытая ковром,
Крашенные пальцы с стулом раздвижным
И кровать резная с пологом цветным.
На кровати крепко спит седой старик:
Видно, пересыпал хмелем пуховик!
Крепко спит — не слышит хмельный старина,
Что во сне лепечет под ухом жена.
Душно ей, неловко возле старика:
Свесилась с кровати полная рука;
Губы покраснелись, словно корольки;
Кинули ресницы тень на полщеки;
Одеяло сбито, свернуто в комок;
С головы скатился шелковый платок;
На груди сорочка ходит ходенём,
И коса сползает по плечу ужом.
А за печкой кто-то нехотя ворчит:
Знать, другой хозяин по ночам не спит!
На мужа с женою смотрит домовый
И качает тихо дряхлой головой:
«Сладко им соснулось: полночь на дворе...
Жучка призатихла в теплой конуре;

Обошел обычным я дозором дом —
Весело хозяйить в домике таком!
Погреба набиты, закрома полны,
И на сеновале сена с три копны;
От конюшни кучки снега отгребешь,
Корму дашь лошадам, гривы заплетешь,
Сходишь в кладовые, отомкнешь замки —
Клади дорогие ломают сундуки.
Все бы было ладно, все мне по нутру...
Только вот хозяйка нам не ко двору:
На сердце тревога, в голове — беда!
Больно черноброва, больно молода, —
Кровь-то говорлива, грудь-то высока...
Мигом одурачит мужа-старика...
Знать, и домовому не сплести порой
Бороду седую с черною косою.
При людях смеется, а — глядишь — тайком
Плачет да вздыхает — знаю я по ком!
Погоди ж, я с нею шуточку спущу
И от черной думы разом отучу:
Только обойдется с грезой горячо,
Я тотчас голубке лапу на плечо,
За косу поймаю, сдерну простыню —
Волей аль неволей грезу отгоню...
Этим не пройметса — пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена!
Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дам ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю ей сердце в крепкие тиски:
Скажут, что зачихла с горя да с тоски».

Русалка

Софье Григорьевне Мей

Мечется и плачет, как дитя больное
В беспокойной люльке, озеро лесное.

Тучей потемнело, брызжет мелкой зернью —
Так и отливает серебром и чернью...

Ветер по дубраве серым волком рыщет;
Молния на землю жгучим ливнем прыщет;

И на голос бури, побросавши прялки,
Вынырнули со дна резвые русалки...

Любо некрещеным в бурю-непогоду
Кипятить и пенить жаркой грудью воду,

Любо им за вихрем перелетным гнаться,
Громким, звучным смехом с громом окликаться!..

Волны им щекочут плечи наливные,
Чешут белым гребнем косы рассыпные;

Ласточки быстрее, легче пены зыбкой,
Руки их мелькают белобокой рыбкой;

Огоньком под пеплом щеки половикут;
Ярким изумрудом очи зеленеют.

Плещутся русалки, мчатся вперегонку,
Да одна отстала, отплыла в сторонку...

К берегу доплыла, на берег выходит,
Бледными руками ивняки разводит;

Притаилась в листве на побережье черном,
Словно белый лебедь в тростнике озерном...

Вот уж понемногу непогодь стихает;
Ветер с листьев воду веником сметает;

Тучки разлетелись, словно птицы в гнезды;
Бисером перловым высыпали звезды;

Месяц двоерогий с неба голубого
Засветил отломком перстня золотого...

Чу! переливаясь меж густой осокой,
По воде несется благовест далекой —

Благовест далекий по воде несется
И волною звучной прямо в душу льется:

Видится храм божий, песнь слышна святая,
И сама собою крест творит десная...

И в душе русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски и муки,

Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресли много были позабытой...

Вот в селе родимом крайняя избушка;
А в избушке с дочкой нянчится старушка:

Бережет и холит, по головке гладит,
Тешит лентой алой, в пестрый ситец рядит...

Да и вышла ж девка при таком уходе:
Нет ее красивей в целом хороводе...

Вот и бор соседний — там грибов да ягод
За одну неделю наберешься на год;

А начнут под осень грызть орехи белки —
Сыпь орех в лукошки: близко посиделки.

Тут-то погуляют парни удалые,
Тут-то насмеются девки молодые!..

Дочь в гостях за прялкой песни распевает,
А старуха дома ждет да поджидает:

Огоньку добыла — на дворе уж ночька —
Долго засиделась у соседей дочка...

Оттого и долго: парень приглянулся
И лихой бедою к девке подвернулся;

А с бедою рядом ходит грех незваной...
Полюбился парень девке бесталанной.

Так ей полюбился, словно душу вынул,
Да и насмеялся — разлюбил и кинул,

Позабыл голубку сизокрылый голубь —
И остались бедной смех мирской да прорубь...

Вспомнила русалка — белы руки гложет;
Рада б зарыдала — и гого не может;

Сотворить молитву забытую хочет —
Нет для ней молитвы — и она хохочет...

Только, пробираясь на село в побывку,
Мужичок проснулся и стегает сивку,

Лоб и грудь и плечи крестно знаменует
Да с сердцов на хохот окаянный плюёт.

Вихорь

При дороге пива...
Доня-смуглоличка
День-деньской трудится —
Неустанно жнет:
Видно, не ленива,
А — что божья птичка —
На заре ложится,
На заре встает.

Против нашей Дони
Поискать красотки.
Разве что далёко,
А в соседстве нет...
Кось по ладони;
Грудь, как у лебедки;
Очи с поволокой:
Щеки — маков цвет.

Солнце так и жарит,
Колет, как иглою;
Стелется на поле
Дым, не то туман;
С самой зорьки парит —
Знать, перед грозюю:
Скинешь поневоле
Душный сарафан.

Разгорелась жница:
Жнет, да жнет, да вяжет,
Вяжет без подмоги
Полные снопы...
А вдали зарница
Красный полог кажет...

Ходят вдоль дороги
Пыльные столпы...
Ходят *вихри*, ходят,
Вертятся воронкой —
Все поодиночке:
Этот, тот и тот —
Очередь заводят...
А один, сторонкой,
К Дониной сорочке
Так себе и льнет.

Оглянулась девка —
И сама не рада:
Кто-то за спиною
Вырос из земли...
На губах издевка,
А глаза без взгляда,
Волосы кошною,
Борода в пыли.

Серый-серый, зыбкой,
Он по ветру гнется,
Вьется в жгут и пляшет,
Пляшет и дрожит,
Словно бы с улыбкой,
Словно бы смеется,
Головою машет —
Доне говорит:

«Ветерок поднялся —
Славная погодка!
Светится зарница
Среди бела дня:

Я и разыгрался...
Белая лебедка,
Красная девица,
Полюби меня!»

Отскочила Доня —
Ей неймется веры,
За снопами кроясь,
Силится уйти,
А за ней погоня —
Настигает *серый*,
Кланяется в пояс,
Стал ей на пути:

«Что ж не молвишь слова,
Что не приголубишь?
Аль еще не знаешь —
Что за зелье страсть?
Полюби седого:
Если не полюбишь,
И его скончаешь,
И тебе пропасть...»

Сам по полю рыщет,
К Доне боком-боком —
Тесными кругами
Хочет закружить:
Будто в жмурках ищет,
Будто ненароком
Пыльными руками
Тянется схватить.

Вот схватил и стиснул...
Да она рванулась.
«Аль серпа хотелось?
На тебе, лови!»
Серп блеснул и свистнул...
Пыль слегка шатнулась,
Да и разлетелась...
Только серп в крови...

С призраком пропали,
Словно вихорь шаткой,

И девичьи грезы...
Отчего ж потом
Мать с отцом видали,
Как она украдкой
Утирала слезы
Белым рукавом?

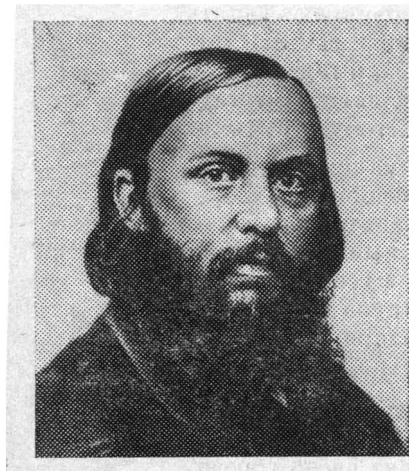
Отчего гурьбою
Сватов засылали,
А смотрён ни разу
Не пришлось запить?..
Думали семьею,
Думали-гадали,
И решили: «С глазу!» —
Так тому и быть...

Зимка проскрипела,
И весной запахло;
Зеленя пробили
Черный слой земли...
Доня все хирела,
Сохнула и чахла...
Знахари ходили,
Только *не дошли*.

Рожь поспела снова...
Светится зарница...
Ходят вдоль дороги
Пыльные столпы...
Только нет *седого*,
И другая жница
Вяжет без подмоги
Полные снопы.

«Эхма! Жалко Домны!» —
Всем селом решили:
Этакой напасти
Где избыть серпом!
Старики-то скромны —
Видно, не учили:
«От беды да *страсти*
Оградить крестом».

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН



1831—1875

Василий Степанович Курочкин родился в Петербурге. Его отец — чиновник, бывший крепостной, отпущенный на волю в 1813 г. К 1822 г. он получил чин коллежского асессора и вместе с ним потомственное дворянство. Десяти лет Василий Курочкин, к тому времени лишившийся отца, был отдан в кадетский корпус и в восемнадцать лет стал офицером гренадерского полка. Не чувствуя влечения к военной службе, Курочкин в 1853 г. вышел в отставку. Скоро он отдался исключительно литературной работе, с трудом пробивая себе дорогу: писал водевили, повести, куплеты для театра. Только в конце 50-х годов о Курочкине заговорили: один за другим появлялись его блестящие переводы произведений французского поэта-песенника Беранже. В 1859 г. Курочкин совместно с художником Н. А. Степановым основал в Петербурге журнал «Искра» — самый острый и значительный из всех сатирических русских журналов 60-х годов. «Искра» пользовалась среди передовых читателей огромной популярностью и вызывала зlobу реакционеров. В ней широко развернулось дарование Курочкина — талантливейшего поэта-сатирика и демократа. В 1873 г. журнал царское правительство закрыло. Еще раньше за Курочкиным был установлен негласный надзор; в 1866 г., после покушения Каракозова на царя, Курочкина арестовали, свыше двух месяцев он просидел в Петропавловской крепости. Поэт был тесно связан с революционными народническими кругами, состоял членом центрального комитета «Земли и воли». В своих стихотворениях и эпиграммах, полных сарказма и злободневности, Курочкин высмеивал зубров-крепостников, болтунов-либералов, полицейских шпииков. Лучшие стихи Курочкина и его замечательные переводы из Беранже не утратили своего обаяния и поныне.

Человек с душой

(Идиллия)

Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!
Носил он галстук голубой
И клетчатый жилет.

Он уважал отчизну, дом,
Преданья старины;
Сюртук просторный был на нем
И узкие штаны.

Не ведал он во все житье,
Что значит праздность, лень;
Менял он через день белье,
Рубашки каждый день.

Он слишком предап был добру,
Чтоб думать о дурном;
Пил рюмку водки поутру
И рюмку перед сном.

Он не искал таких друзей,
Чтоб льстили, как рабы;
Любил в сметане карасей
И белые грибы.

В душе не помнил он обид;
Был честный семьянин —
И хоть женой был часто бит,
Но спать не мог один.

До поздней старости своей
Был кроткий человек,
И провинившихся детей
Он со слезами сек.

Когда же час его настал —
Положенный на стол,
Он в белом галстуке лежал,
Как будто в гости шел.

В день похорон был дан большой
Кухмистерский обед.
Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!

Знаки препинания

Старый хапуга, отъявленный плут
Отдан под суд;
Дело его, по решению строгом,
Пахнет острогом...
Но у хапуги, во-первых, жена
Очень умна;
А во-вторых — еще несколько дочек
.
(Несколько точек.)

Дочек наставила, как поступать,
Умная мать.
(Как говорят языком и глазами —
Знаете сами.)
Плачет и молится каждую ночь
Каждая дочь...
Ну... и нашелся заступник сиятельный
!
(Знак восклицательный.)

Старый хапуга оправдан судом,
Правда, с трудом;
Но уж уселся он в полной надежде,
Крепче, чем прежде.
Свет, говорят, не без добрых людей —
Правда, ей-ей!
Так и покончим, махнув сокрушительный
?
(Знак вопросительный.)

В разлуке

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
Я грусти признака тебе не подала.
Мы разошлись навек... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
Не знаю; сделал мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

Старый капрал

(Из Беранже)

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята....
Вся в седилах голова...
Вот она — служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,

Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Знатный приятель

(Из Беранже)

Я всей душой к жене привязан;
Я в люди вышел... Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит, как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою,
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою —
Как муж, и я туда попал.
Там руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим!..
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:
Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,
Поздравить с ангелом моим...
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращенья!
Приедет вечером, сидит...
«Что вы всё дома... без движенья?..
Вам нужен воздух...» — говорит.

— «Погода, граф, весьма дурная...»
— «Да мы карету вам дадим!»
Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский;
Шампанское лилось рекой...
Жена уснула в спальне дамской...
Я в лучшей комнате мужской.
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал —
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им...
А счастье-то, а честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: ходят слухи...
Что будто, граф... моя жена...
Граф, говорю, приобретаю...
Трудясь... я должен быть слепым...
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

ДМИТРИЙ МИНАЕВ



1835—1889

Дмитрий Дмитриевич Минаев родился в Симбирске, в небогатой дворянской семье. Отец Минаева в 30—40-х годах выступал в печати со стихами. Дмитрий Дмитриевич учился в Петербурге в военном заведении — Дворянском полку, затем несколько лет служил в Симбирской казенной палате и министерстве внутренних дел. С 1857 г. стал профессиональным писателем. Произведения Минаева печатались во многих журналах — в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском слове». Наиболее тесно поэт был связан с сатирическими и юмористическими журналами «Искра», «Будильник», «Гудок», где он публиковал свои произведения под псевдонимами «Обличительный поэт», «Майор Бурбоцов», «Общий друг», «Иван Кисточкин». Как поэт-сатирик он был близок к Василию Курочкину. В поэзии Минаева есть острые социальные мотивы («Песня горемыки», «Песня пролетария» и др.), хотя поэту порой не доставало глубины и проникновенности. Стих Минаева, бойкий, точный, построенный на остроумной игре рифмами, особенной силы достигает в пародиях, сатире и каламбурах. Классическим примером стихотворного каламбура является двустишие Минаева: «Даже к финским скалам бурым обращаюсь с каламбуром». Минаев был очень популярным поэтом-фельетонистом, быстро откликавшимся на общественные события. Его стихотворная техника оказала заметное влияние на развитие русского стиха, на поэтов-сатириков позднейших поколений.

Юмористам

Юмористы! смейтесь все вы,
Только пусть ваш стих,
Как улыбка юной девы,
Будет чист и тих.
Будьте скромны, как овечка,
Смейтесь без тревог,
Но от желчного словечка
Сохрани вас бог!..

Без насмешки, без иголок,
Весело для всех,
Смейтесь так, чтоб не был колок
Безобидный смех;
Чтоб ребенок в колыбели
Улыбнуться мог...
От иной гражданской цели
Сохрани вас бог!..

Смейтесь... ну хоть над природой —
Ей ведь нет вреда,
Над визитами, над модой
Смейтесь, господа;
Над ездой в телеге тряской
Средь больших дорог...
От знакомства с свистопляской
Сохрани вас бог!..

Пойте песнь о стройном франте,
О ханже, хлыще,
Только личностей не троньте,
Смейтесь — вообще...
И от кар, от обличений
Вдоль и поперек,
От новейших всех учений —
Сохрани вас бог!..

Две смерти

(Баллада)

1

Действительный статский советник Курдюк,
Дородный, румяный, как солнечный круг,

Обедов хороших знаток и ценитель
И пола прекрасного страстный любитель,

Позавтракав плотно в трактире «Москва»
И шубу медвежью надевши, едва

На улицу вышел, как скрыть удивленья
Не мог. Никогда он такого движенья

Не видел, не помнил таких похорон:
Как тихое море, с различных сторон

Вокруг колесницы толпа тысяч во сто
Содвинулась как-то торжественно просто...

Отдельными группами шла молодежь
С венками лавровыми, — их не сочтешь, —

И убраны пышно венки были эти,
Смешались мужчины, и дамы, и дети,

Печально у многих потуплен был взор,
За хором одним новый следовал хор,

И весь подвижной погребальный тот клирос
От самой Литейной до Знаменской вырос.

2

Действительный статский советник Курдюк,
Толпой увлеченный, смотреть стал вокруг

На пышный кортеж, на толпу вокруг гроба
И думал: «Конечно, большая особа

Скончалась, вельможа помре, крупный чин,
А иначе не было б вовсе причин

В столице его хоронить так парадно...
Однако... однако тут что-то неладно, —

Курдюк с беспокойством раздумывать стал. —
Я сам в крупном чине, я сам генерал,

Различных особ хоронил я немало
И знаю, что так на Руси генерала

Нельзя, невозможно никак погребать.
Во-первых, регалий нигде не видеть,

А их для парада — они не игрушки —
Всегда до кладбища несут на подушке;

Затем нет мундиров, чиновных фигур;
Толпа либеральна на вид чересчур,

И слишком уж много в ней «длинноволосых»:
Сюда пять-шесть тысяч, не меньше, сошлось их...

Притом полицейских не видно почти,
Хотя образцовый порядок в пути

Народ соблюдает... Теряюсь в догадках!
Приходится век доживать при порядках

Таких, что идет кругом вся голова.
Бывало, два-три человека едва

Сойдутся случайно — глядь, бог весть откуда
Является чин полицейский как чудо,

А нынче посмотришь... Однако кого б
Спросить: в Лавру, что ли, несут этот гроб?

И кто был покойник: почтенье внушая
Такое, он, верно, особа большая...»

«Позвольте спросить, — оглянувшись вокруг,
Действительный статский советник Курдюк

Спросил одного господина в еноте, —
Кого хоронить, господа, вы идете?»

— «Кого? — с изумленьем заметил енот,
Невольно свой шаг замедляя. — Идет

За гробом почти целый город, и вдруг вы
(Курдюк стал красней кумача или клюквы)

С вопросом подобным!..» — «За этот вопрос
Прошу извиненья, — но умер-то кто-с?»

— «Не знаете разве? Известный писатель».
— «Писатель, и только, — что слышу, создатель!

Подобный кортеж... цугом шесть лошадей...»
— «Покойник был автором «Бедных людей»

И «Мертвого дома»... Вам этого мало?»
— «Простите, я думал, везут генерала

Иль знатного барина, что ли, — а он...»
— «А он был бедняк, и чинов всех лишен,

И выдержал каторгу даже в Сибири,
Но чтут его память в читающем мире,

И имя его, хоть кого ни спроси,
Известно повсюду у нас на Руси

И лишь незнакомо безграмотным людям,
Которых за то и винить мы не будем...»

4

Курдюк не дослушал его до конца.
Курдюк то горел, то бледней мертвеца

От мыслей, бушующих в нем, становился;
Курдюк поскакал и дорогой крепился;

Когда же завидел квартиры порог,
В дверях оборвал он мгновенно звонок,

Рванул ручку двери, и ахнула громко,
Всплеснувши руками, его экономка;

Но, сбросивши шубу с себя и сюртук,
Действительный статский советник Курдюк

Дал полную волю проклятьям и гневу,
Смутив экономку, почтенную деву,

Потоком ругательств отборных таких,
Что немка застыла, услышавши их.

Та дева из Риги, лет за́ сорок с лишком,
Хотя к генеральским капризам и вспышкам

Давно привыкала, робка по натуре,
Но все ж не слыхала она такой бури.

Курдюк же ревел, словно раненый: «Как?
Писака какой-нибудь... нищий... голяк

(Он тут оборвал у сорочки весь ворот)
Такой удостоился чести! Весь город

За гробом его нес хоругви, венки!..
Что власти смотрели? Мои кулаки

Сжимались все время при этом скандале...
О, если бы волю... сегодня... мне дали,

То я...» Тут упал как подкошенный вдруг
Действительный статский советник Курдюк,

И — был генерал оскорблен очень тяжело —
Хватил его насмерть в то утро кондрашка.

И доктор, взглянувши на казус такой,
Ушел, безнадежно махнувши рукой.

5

Прошло трое суток. По грязной дороге
На Волково двигались крытые дроги.

На них возвышался глазетовый гроб,
За гробом, нахмутивши низкий свой лоб,

Плелась экономка, с ней две-три старушки;
Несли ордена на обычной подушке,

А сзади шла кучка знакомых, родных, —
Покойник едва ли узнал бы иных,

Отставши от многих родных и знакомых:
Путейский полковник, что выпить не промах

И ради поминок покушать, кадет,
Чиновник из банка — партнер и сосед

Умершего, писарь, какая-то полька,
Курьер да племянник с супругой — и только.

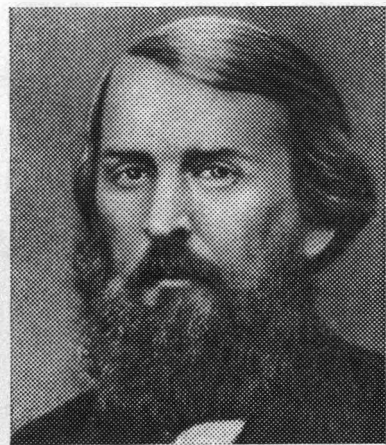
И если бы мог оглянуться вокруг
Действительный статский советник Курдюк,

Слегка приподняв над собой крышку гроба,
Такая б проснулась в нем дикая злоба,

Увидя своих провожатых, что вновь
Застыла б слегка забродившая кровь,

И, выбравив эту компанию зычно,
С досады наверно б он умер вторично.

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ



1825—1893

Алексей Николаевич Плещеев родился в Костроме, в семье чиновника, происходившего из старинного дворянского рода. Далекий предок поэта участвовал в битве с татарами на Куликовом поле. Алексей Николаевич провел детство в Нижнем Новгороде, учился в Петербурге, в школе гвардейских подпрапорщиков, затем, оставив ее, — в университете, на восточном факультете. В 1844 г. выступил с первыми стихами в «Современнике», в 1846 г. напечатал отдельный сборник стихотворений, принесший ему широкую известность. Плещеев входил в нелегальный кружок Петрашевского, в котором проповедовались социалистические идеи. В частности, он доставил Петрашевскому запрещенное властями письмо Белинского к Гоголю. В апреле 1849 г., когда царское правительство разгромило кружок Петрашевского, поэт был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. 22 декабря 1849 г. его, вместе с другими петрашевцами, привезли на Семеновскую площадь для казни, которая была отменена лишь в последнюю минуту. Поэт был приговорен к четырем годам каторги, замененной «во внимание к молодым его летам» ссылкой — рядовым в Оренбургский линейный батальон. Он получил разрешение на въезд «в обе столицы» и вернулся к литературной деятельности только через десять лет солдатчины. Плещеев, наряду с Огаревым, возродил в 40-е годы заглушенные было традиции гражданской лирики. В его искренних, патетических стихах звучал призыв к общественному подвигу, к защите страдающих и угнетенных. Стихотворение Плещеева «Вперед! без страха и сомненья...» стало в ту пору гимном демократической молодежи. В позднейшие годы, несмотря на некоторую расплывчатость идейных позиций поэта, его творчество развивалось под явным влиянием Некрасова и Чернышевского. Большой популярностью пользовались стихи Плещеева для детей, читаемые поныне. Известны переводы Плещеева. Он переводил стихотворения таких поэтов, как Гейне и Байрон, Гюго и Леопарди, Петефи и Шевченко.



Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездой путеводной
Святая истина горит;
И, верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

* *
*

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;

Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нет в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вот — и худ и бледен,
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

* *
*

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки!
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,
Ни избушек этих, сереньких, как тучи;
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

На берегу

(Картинка)

Домик над рекою,
В окнах огонек,
Светлой полосой
На воду он лег.

В доме не дождутся
С ловли рыбака:
Обещал вернуться
Через два денька.

Но прошел и третий,
А его все нет.
Ждут напрасно дети,
Ждет и старый дед.

Всех петерпеливей
Ждет его жена,
Ночи молчаливей
И как холст бледна.

Вот за ужин сели,
Ей не до еды:
«Как бы в самом деле
Не было беды».

Вдоль реки несется
Лодочка, на ней
Песня раздается
Все слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услышав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прятки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песню заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился
Весел и здоров!
В рассказы пустился
Тотчас про улов:

В морды он и в сети
Наловил всего;
С любопытством дети
Слушают его.

Смотрит дед на щуку —
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька.

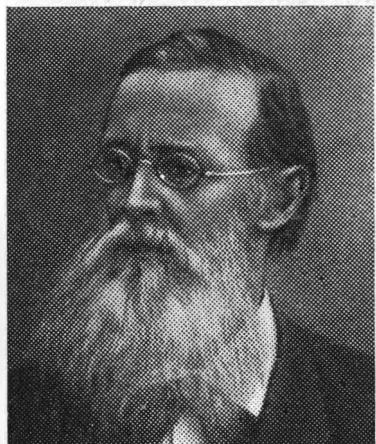
Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Детки, если вдруг
Рыбки встрепенутся,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звезды с вышины;
Детям обещали
Радостные сны.

АПОЛЛОН МАЙКОВ



1821—1897

Аполлон Николаевич Майков родился в Москве, детские годы провел в подмосковном селе Никольском, близ Троице-Сергиевой лавры. Происходил из старинного дворянского рода. Отец поэта был академиком живописи, мать — писательницей. В семье постоянно собирались художники, литераторы, музыканты; среди домашних учителей будущего поэта был И. А. Гончаров. В 1841 г. Майков окончил юридический факультет Петербургского университета, где охотно и много работал по истории древней Греции и Рима, изучал латинский язык и римских поэтов. Рано начал писать стихи, но в юности хотел стать художником. В 1842 г. совершил путешествие в Италию. По возвращении в Петербург на время сблизился с Белинским, посещал собрания петрашевцев, но, придерживаясь в сущности консервативных политических взглядов, скоро отошел от прогрессивного лагеря. Печататься начал в 1840 г., выступив со стихами в апологическом духе. Навянные античными образами, созданиями греческой и римской скульптуры, миром идеально прекрасных богов и богинь, эти стихи несли светлое и оптимистическое начало, но в то же время обнаруживали эпикурейство и пассивную созерцательность поэта, далекую от повседневной действительности. Сама поэзия для Майкова — непостижимая разумом стихия, «божественная тайна». Майкова занимают исторические темы, взятые из жизни древней Греции и Рима, Италии, славянских стран и России (философско-лирические драмы «Три смерти», «Два мира», баллада «Емшан» и др.). Вместе с тем Аполлон Майков — замечательный певец природы, мастер чистого и трогательного среднерусского пейзажа. Его стихи очень пластичны, гармонически законченны. В них ясно и точно, без полутеней и намеков, проступают линии, формы и краски рисуемого; эмоции автора в этих стихах как бы скрыты, стихи лишены психологической напряженности, «объективизированы». Майков не искал новых ритмов и рифм; его стиль традиционен. В отличие от Тютчева и Фета, Майков не видит в природе ника-

ких многозначительных символов, но создает конкретные картины и образы, проявляя глубокое чувство и большую живописную зоркость. Много стихотворений Майкова было положено на музыку Чайковским, Римским-Корсаковым и другими композиторами. Майков — автор одного из лучших переводов великой древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве».

Октава

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

* *
*

Я в гроте ждал тебя в урочный час.
Но день померк; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальционы, —
Напрасно!.. Месяц встал, серебрился и угас;
Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса, —
Ты не являлась...

* *
*

Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!
Под таким небом невольно художником станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как будто картины
Из ярких стихов антологии древней Эллады.
Ну вот, поглядите: по каменной белой оgrade разросся
Блуждающий плющ, как развешанный плащ иль завеса;
В середине, меж двух кипарисов, глубокая темная ниша,

Откуда глядит голова с преуродливой миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня, упадает.

К фонтану альбанка (ах, что за глаза из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом алом корсете!),

Подставив кувшин, ожидает, как скоро водою
Наполнится он, а другая подруга стоит неподвижно,

Рукой охватив осторожно кувшин на облитой
Вечерним лучом голове... Художник (должно быть, германец)

Спешит срисовать их, довольный, что случай неожиданно
В их позах сюжет ему дал для картины, и вовсе не мысля,

Что я срисовал в то же время и чудное небо,
И плющ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже — его самого с его кистью!

* *
*

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

Тарантелла

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьёко уж идет!
Вон уж скрипка загудела!
В круг становится народ!
Приударил Чьёко старый.
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вон — уж кружатся давно!

Как стройна, гляди, Аглая!
Вот помчались в круг живой —
Очи долу, ударяя
В тамбурин над головой!
Ловок с нею и Дженнаро!..
Вслед за ними нам — смотри!
После тотчас третья пара...
Ну, Нинета... раз, два, три...

Завязалась, закипела,
Все идет живой, живой,
Обуяла тарантелла
Всех отвагою своей...
Эй, простору! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, синьора? Вы б и рады,
К нам сердечко вас зовет...
Да снуровка без пощады
Вашу грудь большую жмет...
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда!
Иль кто раз вкусил науки —
Не смеется никогда?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин!
В сердце памятью былого,
Чай, отдался тамбурин?
Ну — так к нам — и шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Словно в вихре мчатся пары,
Не сидится старикам...
Расходился Чьеко старый
И подплясывает сам...
Мудрено ль! вокруг старой скрипки
Так и носятся цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Не робейте! смейтесь дружно!
Пусть детьми мы будем век!
Человеку знать не нужно,
Что такое человек!..
Что тут думать!.. шибче, скрипки!
Наши — юность и цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

* *
*

Она еще едва умеет лепетать,
Чуть бегать начала, но в маленькой плутовке
Кокетства женского уж видимы уловки.
Зову ль ее к себе, хочу ль поцеловать,
И трачу весь запас ласкающих названий —
Она откинется, смеясь, на шею няни,
Старушку обовьет руками горячо,
И обе щеки ей целует без пощады,
Лукаво на меня глядит через плечо
И тешится моей ревнивою досадой.

Летний дождь

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

* *
*

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

Сенокос

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

Гроза

Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкою своей.

Но вот, как бы в испуге, тени
Бегут по золотым хлебам,
Промчался вихрь — пять-шесть мгновений —
И, встречу солнечным лучам,

Встают с серебряным карнизом
Чрез все полнеба ворота,
И там, за занавесом сизым,
Сквозит и блеск и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злою,
И все свирепей и быстреей.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огонь и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удалце
Ее чествят! как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

* *
*

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пеня
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

Нива

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — с трудом ее руками разбирая.
Мелькают и жужжат колосья предо мной,
И колют мне лицо... Иду я, наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда, перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день.

О, божья благодать!.. О, как прилечь отраднo
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемля, вижу я — на всем полей просторе
И жницы и жнецы, ныряя точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы;
Вон на заре стучат проворные цепи;
В амбарах воздух полн и розана и меда;
Везде скрипят возы; среди шумного народа
На пристанях кули валяются; вдоль реки
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влаге ударяя...

О боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена

Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами несгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои проворно, —
О, дай нам солнышка! пошли ты ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтѳб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать,
И, позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

Кто он?

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.

Только вот — рыбацьѳ хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый,
И бранился, и вздыхал.

Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй, дед!»
А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Все ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие...
Жди да ў моря сиди.

Вам ведь все ничто, боярам,
А челнок для рыбака
То ж, что бабе веретена
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает — ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, в лес бы... Ведь грешно!..
Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото —
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето.

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай». —

«На Петрово! эго слово
Молвил! — думает рыбак. —
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ



1817—1875

Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге, в знатной дворянской семье. Детство будущего поэта прошло на Украине, в имении его дяди А. Перовского, известного беллетриста 20-х годов, выступавшего в печати под псевдонимом Антоний Погорельский. Еще подростком Толстой побывал за границей, в Германии и Италии, видел Гете. Ранние стихотворные опыты Толстого, начавшего писать с детства, одобрил В. А. Жуковский. В 1834 г. Толстого определили «студентом» в Московский архив министерства иностранных дел. С 1837 г. он служил в русской миссии в Германии, в 1840 г. получил службу в Петербурге при царском дворе. Литературным дебютом Толстого была фантастическая повесть «Упырь» (1844); в 50-х годах он печатался в «Современнике», входил в круг передовых писателей, но впоследствии занял по отношению к русскому революционному движению отрицательную позицию. В 50-е же годы А. Толстой вместе с тремя братьями Жемчужниковыми создает вымышленный образ Козьмы Пруткова, от имени которого авторы писали сатирические и юмористические стихи, пьесы, афоризмы, приобретшие большую популярность. В 1855 г., когда шла Крымская война, поэт вступил в армию, а потом был назначен на придворную должность флигель-адъютанта. Общаясь с Александром II, Толстой очень дорожил своей независимостью и смело отстаивал свои мнения. Так, он, вызвав недовольствие царя, защищал перед ним Чернышевского и Шевченко. А. Толстой выступал и как прозаик (роман «Князь Серебряный») и как драматург (трилогия в стихах «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»). В своей поэзии Толстой стремился передать, как он говорил, «вечное, абсолютное, что не зависит от моды, от веяния». Это давало повод причислять Толстого к сторонникам «чистого искусства». Однако такое мнение очень условно. В творчестве Толстого много злободневного, проникнутого жгучими «веяниями времени». Его поэма «Сов Попова», например, принадлежит к числу лучших образцов рус-

ской политической сатиры. Стих Толстого отличается мажорным тоном, энергией чувства и пластичностью образного строя. Толстой — мастер баллады, мастер лирической миниатюры и романа. На стихи Толстого писали музыку Чайковский и Римский-Корсаков, Бородин и Рахманинов. Толстым восхищались такие поэты, как Блок и Брюсов. Маяковский признавался, что он знал стихи Толстого «от доски до доски».

* *
*

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой, —
А куда? не знаю!

* *
*

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

* *
*

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

* *
*

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листья,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,

Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье...

* *
*

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

* *
*

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь —
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь;

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог;

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подойдет.

* *
*

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре,
О, не грусти, ты все мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе:
Мою любовь, широкую как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею холодной
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!

* *
*

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатались слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

* *
*

Солнце жжет; перед грозой
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзой
Изумруд и малахит.

Здесь на камне буду ждать я,
Как, вздымая корабли,
Море бросится в объятия
Изнывающей земли,

И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.

* *
*

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив.

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

* *
*

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой прело мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

* *
*

Ой, честь ли то молодцу лен прясти?
А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть?
Во приказе сидеть, потолок коптить?

Ой, коня б ему! гусли б звонкие!
Ой, в луга б ему, во зеленый бор!
Через реченьку да в темный сад,
Где соловушка на черемушке
Целу ноченьку напролет поет!

* *
*

Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,
Звонкононого, долгогривого,
Супротив окон на дыбы вздымал!

Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,

С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано до свету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе поженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы,
Не проедет ли тем проселком он,
На руке держа пестра сокола!

Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалине,
На завалине, близ колодезя,
Поджидаячи да гадаючи,
Не придет ли он, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

Колодники

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взмывают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затынемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затанули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет все боле, — а цепи
Дорогу метут да метут...

* *
*

Как селянин, когда грозят
Войны тяжелые удары,
В дремучий лес несет свой клад
От нападения и пожара,

И там во мрачной тишине
Глубоко в землю зарывает,
И на чешуйчатой сосне
Свой знак с заклиньем зарубает, —

Так ты, певец, в лихие дни,
Во дни гоненья рокового,
Под темной речью хорони
Свое пророческое слово!

* *
*

У приказных ворот собирался народ
Густо,
Говорил в простоте, что в его животе
Пусто!
«Дурачьё! — сказал дьяк, — из вас должен быть всяк
В теле;
Еще в Думе вчера мы с трудом осетра
Съели!»

На базар мужик вез через реку обоз
Пакли;
Мужичок-то, вишь, прост, знай, везет через мост,
Так ли?
«Вишь, дурак! — сказал дьяк, — тебе мост, чай, пустяк,
Дудки?
Ты б его поберег, ведьплыли ж поперек
Утки?»

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты!
В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо!
Дьяк сказал: «Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать, стало, Ваське и дать
Таску!»

Пришел к дьяку больной, говорит: «Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче!
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько!»
«Вишь, дурак! — сказал дьяк, — ну не ешь натошак;
Только!»

Пришел к дьяку истец, говорит: «Ты отец
Бедных;
Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
Медных —
Я б те всыпал, ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка!»
«Сышь сейчас, — сказал дьяк, подставляя колпак, —
Ну-тка!»

Илья Муромец

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья.

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет напоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
 «Ну, Владимир, что ж?
 Посмотрю я, без Ильи-то
 Как ты проживешь?»

4

Двор мне, княже, твой не диво!
 Не пиров держусь!
 Я мужик неприхотливый,
 Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
 В очередь мою —
 Так шагай же, мой чубарый,
 Уноси Илью!

6

Без меня других довольно!
 Сядут — полон стол!
 Только лакомы уж больно:
 Любят женский пол!

7

Все твои богатыри-то,
 Значит, молодежь;
 Вот без старого Ильи-то
 Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стбю,
 Что забыл уж баб;
 А как тресну булавою,
 Так еще не слаб!

Правду молвить, для княжого
 Не гожусь двора;
 Погулять по свету снова
 Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,
 Мраморных тех плит;
 От царьградских от курений
 Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрине,
 Только киснет кровь!
 Государыне-пустыне
 Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
 Волюшку мою.
 Ну же, ну, шагай, чубарый,
 Уноси Илью!»

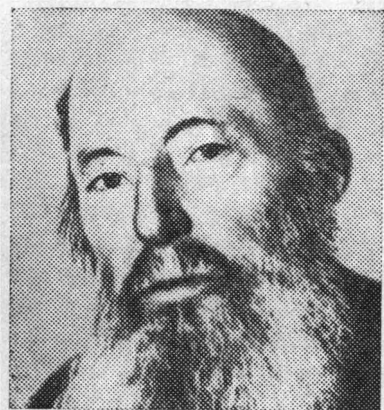
13

И старик лицом суровым
 Просветлел опять,
 Попутру ему здоровым
 Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
 На него простор,
 И смолой и земляникой
 Пахнет темный бор.

АФАНАСИЙ ФЕТ



1820—1892

Афанасий Афанасьевич Фет родился в имении Новоселки, Мценского уезда, Орловской губернии. Был внебрачным сыном помещика Шеншина и в четырнадцать лет по решению духовной консистории получил фамилию своей матери Шарлотты Фет, одновременно утратив право на дворянство. Впоследствии он добился потомственного дворянского звания и возвратил себе фамилию Шеншин, но литературное имя — Фет — осталось за ним навсегда. Учился Фет на словесном факультете Московского университета, здесь он сблизился с Аполлоном Григорьевым и входил в кружок студентов, усиленно занимавшихся философией и поэзией. Еще студентом, в 1840 г., Фет издал первый сборник своих стихотворений — «Лирический Пантеон». В 1845—1858 гг. он служил в армии, затем приобрел большие земли и стал помещиком. По своим убеждениям Фет был монархистом и крепостником, крайним консерватором. Его статьи, в которых он ратовал за интересы помещиков, возбуждали негодование всей передовой печати. Фет вошел в историю русской поэзии как представитель так называемого «чистого искусства». Он утверждал, что красота — единственная цель художника. Природа и любовь были главными темами произведений Фета. Но в этой сравнительно узкой сфере талант его проявился с огромным блеском. Фет обогатил русскую лирику новыми ритмами, интонациями, новыми приемами строфики. Он расширил возможности поэтического изображения действительности. Поэт большой эмоциональной силы, Фет особенно мастерски передавал нюансы чувств, смутные, беглые или едва зарождающиеся настроения. «Уменье уловить неуловимое» — так характеризовала критика эту черту его дарования. Подобно Тютчеву, Фет одушевляет природу: лирическое чувство поэта словно бы проникает в окружающий мир, разливаясь в нем. Фет очень музыкален, его стих часто уже самим подбором звуков, инструментальной созданием у нас то или иное настроение. «Что не выскажешь словами, звуком на душу навей», — писал Фет. Пейзаж в стихах Фета необычайно тонок, он сп-

яет чистыми и свежими красками. По выражению С. Маршака, стихи Фета как бы «вошли в русскую природу, стали ее неотъемлемой частью». Вместе с тем некоторый субъективизм в восприятии мира, «импрессионистичность» Фета уже прокладывала путь искусству русских символистов. Лирiku Фета высоко ценили его современники — Некрасов, Чернышевский, Лев Толстой. Она оказала значительное влияние на творчество Александра Блока и других поэтов XX в. К поэзии Фета охотно обращались Чайковский и другие русские композиторы.

Ласточки

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечеряющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

* *
*

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

* *
*

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

Степь вечером

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь!

Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь прошлыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.

Уж сумраком пыливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный Путь.

* *
*

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудет и колыхается,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко зывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

* *
*

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебяся, как будто дремлет он.
Так резко сух спотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют пеба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почпющей природы.
Волнистые проходят облака.

* *
*

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь — но только песня зреет.

Буря

Свежеет ветер, меркнет почь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит —
То прынет, то отхлынет прочь.

Все раздражительней буруц;
Его шипучая волна

Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугуи.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

Вечер

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немойю,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

* *
*

Шепот, робкое дыханье,
Трепи соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

* *
*

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

* *
*

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огчедышащее око.

* *
*

Ласточки пропали,
А вчера зарей

Всё грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекасти-поле
Прыгает, как мяч.

* *
*

Облаком волнистым
Пыль встает вдали:
Ковный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

* *
*

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

* *
*

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

* *
*

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

Весна на дворе

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

Весенние мысли

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгаящим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

* *
*

Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.

Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля, —
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?

* *
*

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Эти стаи, эти птицы,
Этот крик и вереницы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затмеья,
Этот вздох почной селенья,
Эта почь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё — весна.

У каминна

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурный мотылек.

Виденый пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,

И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не пужно
Всего, чего глубоко жаль.

* *
*

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь ищую,
Учуять ветер с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

* *
*

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковой.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!

Ну как устави́т гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

Змей

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

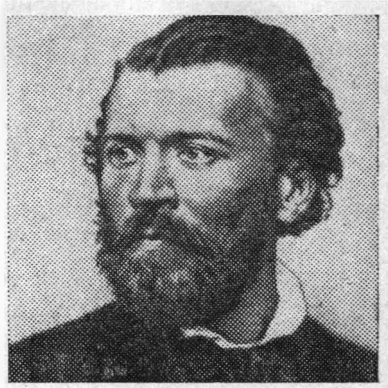
И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьинным двором,
Над соломенной крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

Яков Петрович Полонский родился в Рязани, в семье чиновника. Учился в Рязанской гимназии, окончил юридический факультет Московского университета. В 1844 г. вышла в свет первая книжка его стихотворений — «Гаммы». Стихи Полонского заметил Гоголь: «Пришли и стали тени ночи...» он переписал в свою тетрадь. Полонский смолodu был беден, перебивался частными уроками. В 1844 г. он уехал из Москвы в Одессу, затем пять лет прожил в Тифлисе, служа в канцелярии заместника и занимая пост помощника редактора официальной газеты «Закавказский вестник». В Грузии Полонский сблизился с грузинскими, армянскими и азербайджанскими поэтами, изучал нравы и историю Кавказа. Там он создал много превосходных стихотворений, отличающихся точностью местного колорита, насыщенных фольклорными мотивами. Эти стихотворения были объединены в сборник «Сазандар», вышедший в 1849 г. в Тифлисе. С 1858 г. Полонский жил в Петербурге, был редактором журнала «Русское слово», через два года получил должность секретаря комитета иностранной цензуры, где служил до конца своих дней. Слава к Полонскому пришла поздно. Наряду с Аполлоном Григорьевым и Фетом, Полонский разрабатывал в своем творчестве жанр романса, песни, элегии. Его стихотворениям свойствен напряженный драматизм, народно-песенные мотивы, склонность к повествованию, к лирической «новелле». Одно из лучших стихотворений Полонского «Колокольчик» привел в своем романе «Униженные и оскорбленные» Достоевский. Поэзия Полонского сыграла заметную роль в творческих исканиях Бунина и Блока. На слова Полонского писали романсы, кантаты, хоры многие русские композиторы. Его «Песня цыганки», написанная в 1853 г., стала народной и поется поныне.

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ



1819—1898

Дорога

Глухая степь — дорога далека,
Вокруг меня волнует ветер поле,
Вдали туман — мне грустно поневоле,
И тайная берет меня тоска.

Как кони ни бегут — мне кажется, лениво
Они бегут. В глазах одно и то ж —
Все степь да степь, за нивой снова нива.
— Зачем, ямщик, ты песни не поешь?

И мне в ответ ямщик мой бородатый:
— Про черный день мы песню бережем.
— Чему ж ты рад? — Недалеко до хаты —
Знакомый шест мелькает за бугром.

И вижу я: навстречу деревушка,
Соломой крыт стоит крестьянский двор,
Стоят скирды. — Знакомая лачужка,
Жива ль она, здорова ли с тех пор?

Вот крытый двор. Покой, привет и ужин
Найдет ямщик под кровлею своей.
А я устал — покой давно мне нужен;
Но нет его... Меняют лошадей.

Ну-ну, живей! Долга моя дорога!
Сырая ночь — ни хаты, ни огня.
Ямщик поет — в душе опять тревога —
Про черный день нет песни у меня.

* *
*

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо
Ее волос моей небрежной
Рукой измятое кольцо.

Промедли ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!
Ты, время, дряхлую рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаясь, назад.
Ее потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! погоди!

Затворница

В одной знакомой улице —
Я помню старый дом,
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:
«Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные —
Забудем гордый свет...

Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали —
И поцелуй звучал —
И ветер запавескою
Тревожно колыхал.

Качка в бурю

Посв. М. Л. Михайлову

Гром и шум. Корабль качает;
Море темное кипит;
Ветер парус обрывает
И в спастях свистит.

Помрачился свод небесный,
И, вверясь кораблю,
Я дремлю в каюте тесной...
Закачало — сплю.

Вижу я во сне: качает
Няня колыбель мою
И тихопько напевает —
«Баюшки-баю!»

Свет лампады на подушках;
На гардинах свет луны...
О каких-то все игрушках
Золотые спы.

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое? Новый шквал? —
«Шлохо — стеньга обломилась,
Рулевой упал».

Что же делать? что могу я?
И, вверясь кораблю,
Вновь я лег и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Скоро ночь — темнеют ели...
Слышу ласково-живой,
Тихий лепет: «На качели
Сядем, милый мой!»

Стан ее полувоздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось? —
«Руль оторван; через нос
Вдоль волна перекатилась,
Унесен матрос!»

Что же делать? Будь что будет!
В руки бога отдаюсь:
Если смерть меня разбудит —
Я не здесь проснусь.

Старый сазандар

Земли, полуднем раскаленной,
Не освежила ночи мгла.
Заснул Тифлис многобалконный;
Гора темна, луна тепла...

Кура шумит, толкаясь в темный
Обрыв скалы живой волной...
На той скале есть домик скромный,
С крыльцом над самой крутизной.

Там, никого не потревожа,
Я разостлать могу ковер,
Там целый день, спокойно лежа,
Могу смотреть на цепи гор:

Гор не видать — вся даль одета
Лиловой мглой; лишь мост висит,
Чернеет башня минарета,
Да тополь в воздухе дрожит.

Хозяин мой хоть брови хмурит,
А, право, рад, что я в гостях...
Я все молчу, а он все курит,
На лоб надвинувши папах.

Усы седые, взгляд сердитый,
Суровый вид; но песен жар
Еще таит в груди разбитой
Мой престарелый сазандар.

Вот, медных струн перстом касаясь,
Поет он, словно песнь его
Способна, дико оживляясь,
Быть эхом сердца моего!

«Молись, кунак, чтоб дух твой крепнул,
Не плачь; пока весь этот мир
И не оглох и не ослепнул,
Ты званный гость на божий пир.

Пока у нас довольно хлеба
И есть еще кувшин вина,
Не раздражай слезами неба
И знай — тоска твоя грешна.

Гляди — еще цела над нами
Та сакля, где, тому назад
Полвека, жадными глазами
Ловил я сердцу милый взгляд.

Тогда мне мир казался тесен;
Я умирал, когда не мог
На празднике, во имя песен,
Переступить ее порог.

Вот с этой старою чингури
При ней бывало на дворе
Я пел, как птица после бури
Хвалебный гимн поет заре.

Теперь я стар; она — далеко!
И где? — не ведаю; но верь,
Что дальше той, о ком глубоко
Ты, может быть, грустишь теперь...

Твое мученье — за горами,
Твоя любовь — в родном краю;
Моя — над этими звездами
У бога ждет меня в раю!»

И вновь молчит старик угрюмый:
На край лохматого ковра
Склонясь, он внемлет с важной думой,
Как под скалой шумит Кура.

Ему былое время снится...
А мне?.. Я не скажу ему,
Что сердце гостя не стремится
За эти горы ни к кому;

Что мне в огромном этом мире
Невесело; что, может быть,
Я лишний гость на этом пире,
Где собрались есть и пить;

Что песен дар меня тревожит,
А песням некому внимать,
И что на старости, быть может,
Меня в раю не будут ждать!

Не жди

Я не приду к тебе... Не жди меня! Недаром,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучит за Авлабаром,
Всю ночь за банями поют сазандари.

Здесь теплый свет луны позолотил балконы,
Там углубились тени в виноградный сад,
Здесь тополи стоят, как темные колонны,
А там, вдали, костры веселые горят,—

Пойду бродить! Послушаю, как льется
Нагорный ключ во мгле заснувших Саллалак,
Где звонкий голос твой так часто раздается,
Где часто, вижу я, мелькает твой личак.

Не ты ли там стоишь на кровле под чадрую,
В сиянье месячном?! Не жди меня, не жди!
Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди;

Когда сама душа — сама душа не знает,
Какой любви, каких еще чудес
Просить или желать, — но просит — но желает —
Но молится пред образом небес

И чувствует, что уголок твой душен,
Что не тебе моим молениям отвечать, —
Не жди! я в эту ночь к соблазнам равнодушен —
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать.

Песня цыганки

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяжи:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Колокольчик

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!

Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть; белый призрак луны
Смотрит в душу мою — и былую печаль
Наряжает в забытые сны.

То вдруг слышится мне — страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет —
Отдохнуть на груди у меня!

У меня ли не жизнь!.. чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
За цветной занавеской, кровать!..

У меня ли не жизнь!.. ночью ль ставень открыт
По стене бродит месяца луч золотой,
Забушует ли вьюга — лампада горит,
И, когда я дремлю, мое сердце не спит,
Все по нем изнывая тоской».

То вдруг слышится мне — тот же голос поет,
С колокольчиком грустно звеня:
«Где-то старый мой друг?.. Я боюсь, он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!

Что за жизнь у меня! и тесна, и темна,
И скучна моя горница: дует в окно.
За окошком растет только вишня одна,
Да и та за промерзлым стеклом не видна
И, быть может, погибла давно!..

Что за жизнь!.. полинял пестрый полога цвет,
Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому — милого нет,
Лишь старуха ворчит, как приходит сосед,
Оттого, что мне весело с ним!..»

На закате

Вижу я, сизые с золотом тучи
Загромоздили весь запад; в их щель
Светит заря, — каменные кручи,
Ребра утесов, березник и ель

Озарены вечерующим блеском;
Ниже — безбрежное море. Из мглы
Темные скачут и мчатся валы
С неумолкаемым гулом и плеском.

К морю тропинка в кустах чуть видна,
К морю схожу я, и —
Здравствуй, волна!

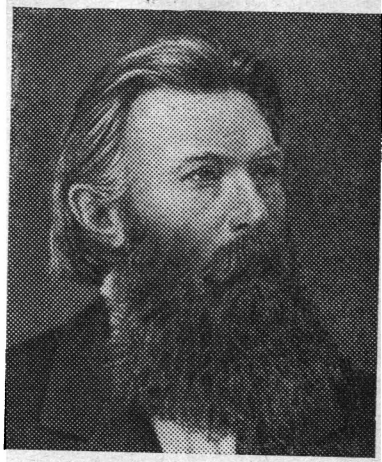
Мне, охлажденному жизнью и светом,
Дай хоть тебя встретить теплым приветом!..

Но на скалу набежала волна —
Тяжко обрушилась, в пену зарылась
И прошумела, отхлынув назад:
— Новой волны подожди, — я разбилась...

Новые волны бегут и шумят, —
То же, все то же я слышу от каждой...
Сердце полно бесконечною жаждой —
Жду, — все темно — погасает закат...

Иван Захарович Суриков родился в глухой деревушке Новоселовке, Угличского уезда, Ярославской губернии. Отец его был крепостным графа Шереметева, жившим в Москве на оброке, где у него была небольшая лавочка. Восьми лет будущего поэта привезли в Москву. Мальчик помогал отцу в торговле, урывками учился грамоте у соседей. В конце 50-х годов, начитавшись Пушкина, Суриков начал складывать стихи. У его родственников и знакомых это вызывало лишь раздражение, над юношей жестоко глумились. Жизнь Сурикова, проводившего целые дни в мелочной лавке отца или дяди, была очень тяжелой; однажды он едва не утопился. В 1862 г. Суриков свел знакомство с поэтом А. Н. Плещеевым. Плещеев оценил талант юноши и помог ему выступить со стихами в печати. Это было в 1862 г., а в 1871 г. Суриков издал первый сборник своих стихотворений. Его печатали уже не только мелкие журналы, но и такие издания, как «Вестник Европы», «Дело». В 1875 г. поэт был избран членом «Общества любителей российской словесности», его кандидатуру поддержал Лев Толстой. Собирая вокруг себя писателей из народа, живших в разных городах России, в 1872 г. Суриков подготовил и напечатал сборник их произведений под названием «Рассвет». Группа поэтов-«суриковцев» впоследствии издавала газету «Доля бедняка» и объединилась в «Суриковский литературно-музыкальный кружок», существовавший вплоть до Октябрьской революции. Суриков преимущественно лирик. Он с гордостью сознавал себя демократом и считал свою поэзию наследницей музыки Кольцова и Никитина. Горестные стихи Сурикова о народной нужде, о жизни крестьянской бедноты и ремесленного люда близки по духу к народной песне. Его «Рябина», «В степи», «Доля бедняка», «Казнь Стеньки Разина» стали песенным достоянием народа. На слова Сурикова писали музыку Чайковский и Кюи. Не в силах вырваться из тисков нищеты, Суриков до конца жизни был вынужден торговать железным старьем и углем; умер он от чахотки в расцвете своего незаурядного таланта.

ИВАН СУРИКОВ



1841—1880



Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя:
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой:

Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх, ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

Горе

Получил письмо от внука
Дедушка Федот;
Внук на фабрике прядильной
В Питере живет.

Что в письме том пишет внучек,
Нужно деду знать, —
Да письма-то не умеет
Сам он прочитать.

И выходит на крылечко
Дедушка Федот,
Сел с письмом и грамотей
С нетерпеньем ждет.

Время к вечеру подходит,
Скот идет с полей.
Вот пред дедом показался
Жданный грамотей.

Мальчик в беленькой рубашке
По селу идет.
Дед кричит ему: «Вапюша!
На, прочти-ка вот!

Что тут пишет милый внучек,
Нужно мне узнать».
Мальчик взял письмо и бойко
Принялся читать.

Дед нагнулся к грамотею,
Слушает его.
Пишет внук, чтобы не ждали
Денег от него.

Знает он, что деньги нужны,
Что оброк стоит,—
Где же взять их? Он в больнице
В Питере лежит.

И едва ли скоро выйдет,
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работе
Руку шестерней,
И теперь семье помощник
Будет он плохой.

Хоть и выйдет из больницы —
Так опять беда:
Искалеченный, безрукий —
Годен он куда?

Много в том письме для деда
Горя и забот!
И заплакал горько, горько
Дедушка Федот.

И глядит тоскливо мальчик —
Тяжело ему;
Горе старого понятно
И его уму.

И поник головкой русой,
Опустил глаза,
И по личику ребенка
Катится слеза...

Летом

Вот и лето. Жарко, сухо;
От жары нет мочи.
Зорька сходится с зарею,
Нет совсем и ночи.

По лугам идут работы
В утренние росы;
Только зорюшка займется,
Звякают уж косы.

И ложится под косами
Травушка рядами...
Сколько гнезд шмелиных срежут
Косари косами!

Вот, сверкнув, коса взмахнула.
И — одна минута —
Уж шмели вверху кружатся:
Нет у них приюта.

Сколько птичьих гнезд заденут
Косари косою!
Сколько малых птичьих деток
Покосят с травой!

Им не враг косарь, — косою
Рад бы их не встретить;
Да трава везде густая —
Где ж их там заметить!..

Поднялось и заиграло
Солнце над полями,
Порассыпалось своими
Жгучими лучами,

По лугам с травы высокой
Росу собирает,
И от солнечного зноя
Поле высыхает.

А косить траву сухую —
Не косьба, а горе!
Косари ушли, и сохнет
Сено на просторе.

Солнце жарче все и жарче:
На небе ни тучи;
Только вьется над травой
Мошек рой летучий;

Да шмели, жужжа, кружатся,
Над гнездом хлопочут;
Да кобылки, не смолкая,
На поле стрекочут.

Вот и полдень. Вышли бабы
На поле толпами,
Полувыхшее сено
Ворошат граблями.

Растрясают, разбивают,
По лугу ровняют;
А на нем, со смехом, дети
Бегают, играют.

Растрясли, разворошили —
С плеч долой забота!
Завтра за полдень другая
Будет им работа.

Подгребать сухое сено,
Класть его копнами
Да возить домой из поля,
Навивать возами.

Вот и вечер. Солнце село;
Близко время к ночи;
Тишина в полях, безлюдье, —
Кончен день рабочий.

Рябина

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?» —

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,

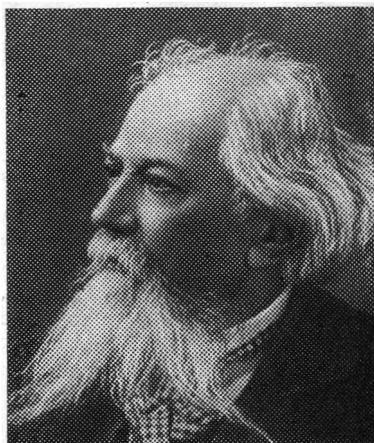
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться:
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ



1821—1908

Алексей Михайлович Жемчужников родился в селе Почеп, Черниговской губернии, в богатой дворянской семье. Окончил Петербургское училище правоведения, служил в сенате. В 1858 г. вышел в отставку и целиком отдался литературной деятельности. В 50-х годах входил в число активных авторов журнала «Современник». Был близок к Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Тургеневу. В сотрудничестве со своими братьями Владимиром и Александром Жемчужниковыми и двоюродным братом А. К. Толстым создал образ Козьмы Пруткова, благодаря чему получил большую известность. Читатели видели в Жемчужникове преимущественно юмориста и сатирика, но значительное место в его творчестве всегда занимала лирика. Жемчужников — поэт некрасовской школы; в его простых по форме, ясных стихах видно искреннее сочувствие угнетенному народу, верность передовым идеалам 60-х годов. В эпоху реакции, в 80-х годах, творчество Жемчужникова утверждало в русской поэзии гражданственность, мотивы социального характера. Но голос Жемчужникова был негромок, нарисовать яркие и широкие картины народной жизни поэт не мог. Скромный и строгий к себе, Жемчужников выпустил свои произведения отдельным изданием (в двух томах) только в 1892 г., когда ему исполнилось семьдесят лет. Уже глубоким старцем, живя на Тамбовщине, Жемчужников встретил революцию 1905 г.; очень волновали и щемили сердце поэта известия об ужасах русско-японской войны.

Нищая

С ней встретились мы средь открытого поля
В трескучий мороз. Не летá
Ее истомили, но горькая доля,
Но голод, болезнь, нищета,
Ярмо крепостное, работа без прока
В ней юную силу сгубили до срока.

Лоскутья одежд на ней были надеты;
Спеленатый грубым тряпьем,
Ребенок, заботливо ею пригретый,
У сердца покоился сном...
Но если не сжалятся добрые люди,
Проснувшись, найдет ли он пищи у груди?

Шептали мольбу ее бледные губы,
Рука подаянья ждала...
Но плотно мы были укутаны в шубы;
Нас тройка лихая несла,
Снег мерзлый взметая, как облако пыли...
Тогда в монастырь мы к вечерне спешили.

Осенние журавли

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей все ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издавека летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и, все громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ячлег, журавли?..

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воев ветео унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный землп...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

Придорожная береза

В поле пустынном, у самой дороги, береза,
Длинные ветви раскинув широко и низко,
Молча дремала, и тихая снилась ей греза;
Но встрепенулась, лишь только подъехал я близко.

Быстро я ехал; она свое доброе дело
Все же свершила: меня осенила любовно;
И падо мной, шелестя и дрожа, прошумела,
Наскоро что-то поведать желая мне словно —

Словно со мной поделилась тоской безутешной,
Вместе с печальным промолвя и нежное что-то...
Я, с ней прощаясь, назад оглянулся поспешно,
Но уже снова ее одолела дремота.

Старость

Сколько мне жить?.. Впереди — неизвестность.
Жизненный пламень еще не потух;
Бодрую силу теряет телесность,
Но, пробудясь, окрыляется дух.

Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мне бытие,
Эти картины родимой природы —
Все это словно уже не мое.

Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода в обитель теней;
С милой землей расторгаются узы,
Дух взлетает все выше над ней.

Чужд беспокойному страсти недугу,
Ведая тихую радость одну, —
Словно хожу по цветистому лугу,
Но ни цветов, ни травы уж не мну!..

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН



1840—1893

Алексей Николаевич Апухтин родился в городе Болхове, Орловской губернии, в старинной дворянской семье. В 1859 г. окончил Петербургское училище правоведения. Служил в министерстве юстиции. С детства проявлял блестящие способности, впервые выступил в печати в четырнадцатилетнем возрасте. При содействии Тургенева цикл стихотворений молодого Апухтина появился в 1859 г. в «Современнике». Затем в течение почти двадцати лет Апухтин ничего не печатал, хотя поэзии не оставлял. В 70-х годах стихи Апухтина, ходившие в списках, возбуждают огромный интерес. В 1886 г. Апухтин выпускает первый свой стихотворный сборник, выдержавший несколько изданий. Апухтин становится широко известным поэтом. Расцвет его славы падает на десятилетия реакции и безвременья. Мотивы отчаяния и тоски, сетования на жизнь, окрашивающие поэзию Апухтина, находили отклик в среде русской интеллигенции тех лет. Наиболее характерные формы стихотворений Апухтина — это романс и лирический, полный внутреннего драматизма рассказ-монолог («Сумасшедший», «Перед операцией»). Каким-то гранями поэзия Апухтина родственна творчеству Аполлона Григорьева, но гораздо беднее его по содержанию. Апухтин писал и поэмы, и прозу, был мастером экспромта и язвительной пародии, чем блистал в светских салонах. Многие его стихотворения положены на музыку русскими композиторами, в частности Чайковским, другом Апухтина со студенческих лет. Произведения Апухтина в свое время широко читались с эстрады.

* *
*

Ни отзыва, ни слова, ни привета,
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

* *
*

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор,
Твои умышленно уклончивые речи,
И твой намеренно холодный, строгий взор —
Все говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было и прошло...

Но в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.
Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно, —
О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!
В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен,
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Боясь потерять ребяческие бредни...
Такой же детский страх теперь объял меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!

* *
*

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, неспосные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

* *
*

Из отроческих лет он выходил едва,
Когда она его безумно полюбила
За кудри детские, за пылкие слова.
Семью и мужа — все она тогда забыла!

Теперь пред юношей, роскошна и пышна,
Вся жизнь раскинулась, орел расправил крылья,
И чует в воздухе недоброе она,
И замирает вся от гневного бессилья.

В тревоге и тоске ее блуждает взгляд,
Как будто в нем застыл вопрос и сердце гложет:
«Где он, что с ним и с кем часы его летят?..»
Все знать она должна и знать, увы! — не может.

И мечется она, всем слухам и речам
Внимая горячо, то веря, то не веря,
Бесцельной яростью напоминая нам
Предсмертные прыжки израненного зверя.

* *
*

Мне не жаль, что тобою я не был любим,—
Я любви недостойн твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим,—
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и налил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим, и к слезам, и к мольбам
Оставалась ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил, —
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

Пара гнедых

(Из Донаурова)

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятых любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доньше,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!

Памяти Ф. И. Тютчева

Ни у домашнего, простого камелька,
Ни в шуме светских фраз и суеты салонной
Нам не забыть его, седого старика,
С улыбкой едкою, с душою благосклонной!

Ленивой поступью прошел он жизни путь,
Но мыслью обнял всё, что на пути заметил,
И перед тем, чтоб сном могильным отдохнуть,
Он был как голубь чист и как младенец светел.

Искусства, знания, события наших дней —
Всё отклик верный в нем будило неизбежно,
И словом, брошенным на факты и людей,
Он клейма вечные накладывал небрежно...

Вы помните его в кругу его друзей?
Как мысли сыпались неожиданные, живые,
Как забывали мы под звук его речей
И вечер длившийся, и годы прожитые!

В нем злобы не было. Когда ж он говорил,
Язвительно смеясь над жизнью или веком,
То самый смех его нас с жизнью мирил,
А светлый лик его мирил нас с человеком!

Константин Константинович Случевский родился в Петербурге, в семье видного чиновника. Готовился к военной карьере, окончил кадетский корпус, потом, после службы в гвардии, поступил в академию генерального штаба, но скоро вышел в отставку и занялся изучением философии. Слушал лекции в Париже, Берлине, Лейпциге; в Гейдельбергском университете получил степень доктора философии. Вернувшись на родину, поступил на гражданскую службу и дослужился до высоких чинов. В течение многих лет редактировал «Правительственный вестник» — большую официальную газету. Случевский дебютировал в печати еще в конце 50-х годов, в 1860 г. его стихотворения появились в журнале «Современник». Далекое от вопросов, которые волновали тогда общество, необычные по форме, они вызвали резкие отзывы критики и стали объектом эпиграмм. Случевский надолго прекратил печататься. Вновь он выступил со стихами в печати лишь в 80—90-х годах, в эпоху реакции. Именно тогда его имя постепенно обретает известность. Дарование Случевского в высшей мере своеобразно: большой темперамент сочетается в нем с глубоким скептицизмом и рассудочностью, сила и яркость стиха — с тяжеловесностью, с нарочитыми прозаизмами, фамильярно звучащими строками. Склонный к философичности, даже дидактике, Случевский в то же время умел нарисовать оригинальный, вполне реалистический пейзаж (циклы «Черноземная полоса», «Мурманские отголоски»), создать интересную балладу на исторический сюжет («Мемфисский жрец», «Петр I на каналах»). Острый психологизм, интеллектуальная насыщенность поэзии Случевского и главным образом новизна его стиля оказали серьезное влияние на творчество ранних символистов, в частности на молодого Брюсова.

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ



1837—1904

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь, — блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блески;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям сагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба; хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдаю, —
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

Рассвет в деревне

Огонь, огонь! На небесах огонь!
Роса дымится, в воздух отлетая;
По грудь в реке косматый конь,
На ранний ветер уши наостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идет обоз с богатой кладью жита;
А за селом погост и низкие кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вот ставней хлопнули; в окне старик седой
Глядит и крестится на первый луч рассвета;
А вот и девушка извилистой тропой
Идет к реке, огнем зари пригрета.

Готово солнце встать в мерцающей пыли,
Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздикую и медом
И теплой свежестью распаханной земли...

Из „Мурманских отголосков“

Какие здесь всему великие размеры!
Вот хоть бы лов классической трески!
На крепкой бечеве, верст в пять иль больше меры,
Что ни аршин, навешены крючки;

Насквозь проколота, на каждом рыбка бьется...
Пять верст страданий! Это ль не длина?
Порою бечева китом, белугой рвется —
Тогда страдать артель ловцов должна.

В морозный вихрь и снег — а это ль не напасти? —
Не день, не два, с терпеньем без границ
Артель в морской волне распутывает снасти,
Сбивая лед с промерзлых рукавиц.

И завтра то же, вновь... В дому помору хуже:
Тут, как и в море, вечно сир и нищ,
Живет он впроголодь, а спит во тьме и стуже
На гнойных нарах мрачных становищ.

Шарманщик

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилит,
Мучает, душит... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщик в окошко глядит!

Эту забытую песню когда-то
Слушал я иначе, слушал душой,
Слушал тайком... скрыл от друга, от брата!
Думал: не знает никто под луной...

Вдруг ты воспрянула, заговорила!
Полная неги, мечте говоришь.
Время ли, что ли, тебя изменило?
Нот не хватает — а всё ты звучишь!

Значит, подслушали нас! Ударенья
Ясны и четки на тех же словах,
Что и тогда, в эту ночь увлеченья...
Память сбивается, на сердце страх!

Злая шарманка пллйт и хохочет,
Песня безумною стала сама,
Мысль, погасая, проклятья бормочет...
Не замолчишь ты — сойду я с ума!

Слышу, что тянет меня на отмщенье...
Но ведь то время погасло давно,
Нет тех людей... нет ее!.. Наважденье!..
Глупый шарманщик все смотрит в окно!

* *
*

Воспоминая вы убить хотите?!
Но — сокрушите помыслом скалу,
Дыханьем груди солнце загасите,
Огнем костра согрейте ночи мглу!..

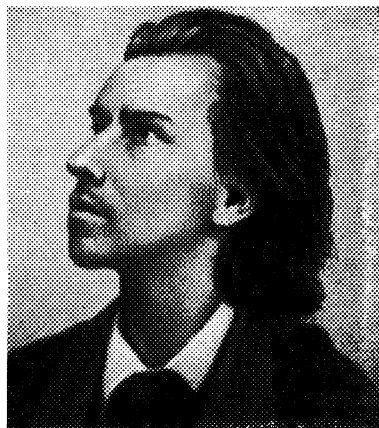
Воспоминая — вечные лампы,
Былой весны чарующий покров,
Страданий духа козние награды,
Последний след когда-то милых снов.

На склоне лет живешь, годами согнут,
Одна лишь память светит на пути...
Но если вдруг воспоминаья дрогнут, —
Погаснет все, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкие монеты!
Когда других монет не отыскать —
Они пригодны! Целые банкеты
Воспоминая могут задавать.

Беда, беда, когда средь них найдется
Стыд иль пятно в свершившемся былом!
Оно к банкету скрытно проберется
И тенью Банко сядет за столом.

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ



1862—1911

Константин Михайлович Фофанов родился в Петербурге. Отец поэта был небогатым купцом, торговавшим в столице дровами, дед — олонецкий крестьянин. Воспитывался Фофанов в дешевых частных пансионах, хорошего образования не получил. Печататься начал с 1881 г., первая книга его стихотворений вышла в 1887 г. Мрачные десятилетия 80—90-х годов, время политической реакции в стране, время упадка сил и идейного разброда среди русской интеллигенции, наложили на творчество Фофанова свою резкую печать. Фофанов выступал глашатаем «чистого искусства», стремился в своих стихах уйти от пошлой и грубой действительности в мир волшебной мечты. Сын «большого поколения», он чтит порывы борцов за народное благо, сочувствовал бедным и сирым, но в бессилии перед злом лишь противопоставлял ему чистую, поэтическую природу, слагая романтические сказки о цветах и растениях. Поэзия Фофанова окрашена в минорные тона; для нее характерна особая певучесть, щедрое разнообразие оттенков настроений, запечатленных в их мимолетности, зыбкость и приглушенность лирических образов. Порой его стих, порывистый и нервный, портят банальные «красивости». В 80-е годы Фофанов был одним из популярнейших поэтов. О нем тепло отзывались Лев Толстой, Майков, Чехов, его нежно любил Репин. Фофанов во многом оказался близок символистам, которые объявили его своим предшественником. Жизненный путь поэта был с юности отягощен постоянной нуждой, болезнью, невзгодами. Слава Фофанова к концу его дней уже закатилась. Умер он, оставив большую семью, полунинцам.

* *
*

Весенней полночью бреду домой усталый.
Огромный город спит, дремотою объят.
Немеркнущий закат дробит свой отблеск алый
В окошках каменных громад.

За спящею рекой, в лиловой бледной дали,
Темнеет и садов и зданий тесный круг.
Вот дрожки поздние в тиши продребезжали,
И снова тишина вокруг.

И снова город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой
То пьяной оргии разнузданные крики,
То вздохи нищеты больной.

После грозы

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася,
Ей любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалась
И умолкла до утра!..

* *
*

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!

Очи ясные потушены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Не домолвлены слова.

Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречались
И расстанемся без слез.

Только что-то не досказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.

Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?

Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

* *
*

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!

До полуночи мы украдкой
Увлекались речью сладкою:
Мы замыслили много чистых дел...
До утра б сидеть, да всему предел!..

Ты задумался, я сижу — молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

* *
*

Пел соловей, цветы благоухали.
Зеленый май, смеясь, шумел кругом.
На небесах, как на остывшей стали
Алеет кровь, — адел закат огнем.

Он был один, он — юноша влюбленный,
Вступивший в жизнь, как в роковую дверь,
И он летел мечтою окрыленной
К ней, только к ней, — и раньше и теперь.

И мир пред ним таинственным владыкой
Лежал у ног, сиял со всех сторон,
Насыщенный весь полночью безликой
И сладкою весною напоен.

Он ждал ее, в своей разлуке скорбной,
Весь счастье, весь трепет и мечта...
А эта ночь, как сфинкс женоподобный,
Темнила взор и жгла его уста.

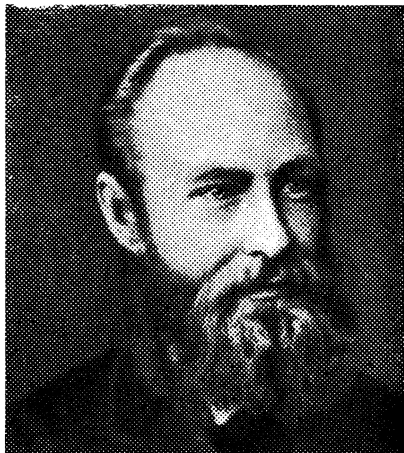
* *
*

Догорает мой светильник.
Все стучит, стучит будильник,
Отбивая дробь минут;
Точно капли упадают
В бездну вечности — и тают, —
И опять, опять живут!

Ночь морозна. Небо звездно,
Из него мерцает грозно
Вечность мудрая сама.
Сад в снегу, беседка тоже,
И горит в алмазной дрожи
Темных елок бахрома...

Леонид Николаевич Трефолев родился в городе Любиме, Ярославской губернии, в небогатой помещичьей семье. В 1856 г. окончил ярославскую гимназию и затем служил помощником редактора «Ярославских губернских ведомостей». Первые стихотворения Трефолева — переводные и оригинальные — появились в печати в 1857 г. Почти всю жизнь Трефолев прожил в Ярославле. Встречался с жившей там поэтессой Ю. В. Жадовской, автором хрестоматийного стихотворения «Нива», прислушиваясь к её советам. В 70-х годах произведения Трефолева печатались в журналах «Отечественные записки», «Дело», «Будильник», «Осколки». За открыто демократический дух поэзии Трефолева царская цензура дважды запрещала издание сборника его стихотворений. Этот сборник вышел в Москве только в 1894 г. Трефолев — поэт некрасовского направления. В своих стихах он прежде всего публицист и сатирик, чутко отзывавшийся на явления общественной и политической жизни. В известной мере он продолжил демократическую линию Курочкина и других поэтов «Искры». Творчество Трефолева было тесно связано с фольклором. Его сатирическое стихотворение «Песня о камарилском мужике» вошло в народный песенный репертуар. Пели и поют до сих пор и трефолевский перевод из польского поэта Владислава Сырокомли — «Когда я на почте служил ямщиком».

ЛЕОНИД ТРЕФОЛЕВ



1839—1905

Дубинушка

(Картинка из бывшего-отжившего)

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки.
Тяжело им, на каждом шагу устают
И «Дубинушку» тихо поют.
Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень
В этот жаркий, безоблачный день!
Все бы легче народу неволю терпеть,
Все бы легче «Дубинушку» петь.

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...
Покатились слезы из глаз.
Истомилась грудь. Лямка режет плечо...
Надо «ухать» еще и еще!
...От Самары до Рыбинска песня одна;
Не на радость она создана:
В ней звучит и тоска — похоронный напев,
И бессильный, страдальческий гнев.
Это праведный гнев на злодейку-судьбу,
Что вступила с народом в борьбу
И велела ему под ярмом за гроши
Добывать для других барыши...

«Ну, живее!» — хозяин на барке кричит
И костями на счетах стучит...
Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

Дочь охотника

— «Холодно мне, холодно, родимая!»
— «Крепче в холод спится, дочь любимая!
Богу помолиться не мешало бы,
Бог услышит скоро наши жалобы.
Тягачка твой с добычею воротится, —
В роще за медведем он охотится.
Он тебя согреет теплой шубкою,
Песенку затынет над голубкою.

Спи, спи, спи, дочь охотничка.
Спи, спи, спи, дочь работничка!
Сейчас же он
Пришлет поклон
Мне с ребятушками.
О чем реветь?
Убит медведь
С медвежатушками».

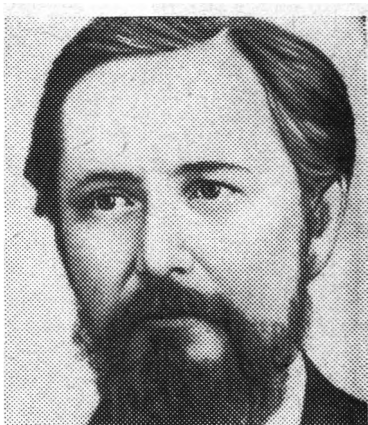
— «Голодно мне, голодно, родимая!»
— «Нету в доме хлебца, дочь любимая!
Богу помолиться не мешало бы,
Бог услышит скоро наши жалобы.
Тятыка твой охотится с рогатиной, —
Он тебя накормит медвежатипой.
Вдоволь мяса жирного отведаем,
Слаще, чем купчина, пообедаем.
Спи, спи, спи, дочь охотничка,
Спи, спи, спи, дочь работничка!
Сейчас же он
Пришлет поклон
Мне с ребятушками.
О чем реветь?
Убит медведь
С медвежатушками».

— «Снится сон тяжелый мне, родимая!»
— «Что же снится? Молви, дочь любимая!»
— «Тятенюшка-охотничек мерещится:
Будто под медведем он трепещется,
Будто жалко стонет, умираючи,
Кровь-руду на белый снег бросаючи...»
— «Бог с тобой, усни, моя страдалица!
Верь, что бог над нами скоро сжалится.
Спи, спи, спи, дочь охотничка!
Спи, спи, спи, дочь работничка!
Сейчас же он
Пришлет поклон
Мне с ребятушками.
О чем реветь?
Убит медведь
С медвежатушками».

Тук... тук... тук!.. Соседи постучались,
Старые ворота закачались.
«Эй, скорей вставайте, непроворные!
Мы приносим вести злые, черные:
Вышли мы из лесу из дремучего
Встретили Топтыгина могучего
Целою артелью без оружия...
Мишка встал на лапы неуклюжие,
Смял, смял, смял он охотничка,
Сшиб, сшиб, сшиб он работничка,
Пропал потом
В лесу густом
С медвежатухами...
В тяжелый день
Копель надень
Ты с ребятушками!»

Петр Филиппович Якубович родился в сельце Исаеве, Валдайского уезда, Новгородской губернии, в семье обедневшего дворянина. Окончил гимназию в Новгороде и филологический факультет Петербургского университета. Первое его стихотворение было напечатано в 1878 г. Выступал в журналах «Слово», «Вестник Европы» и др., подписывая свои стихи инициалами П. Я. Впоследствии книги Якубовича выходили также под псевдонимами Л. Мельшина и М. Рамшева. Еще в отрочестве у Якубовича сложились революционные убеждения. В начале 80-х годов он становится профессиональным революционером, членом народнической организации «Народная воля». Активно участвует в подготовке террористических актов против царя и царских сановников. В 1884 г. Якубович был арестован и после заключения в Петропавловской крепости приговорен в 1887 г. к смертной казни, замененной восемнадцатью годами каторги. До 1895 г. отбывал срок в рудниках Акатуя, затем был отправлен на поселение в Курган. С 1904 г. жил в Петербурге, входя в число редакторов журнала «Русское богатство». Поэзия Якубовича, продолжателя некрасовских традиций в русской литературе, автобиографична. Это страстная исповедь революционера, стойкого и кристально чистого, самоотверженного бойца. Стихи Якубовича имели большое пропагандистское значение в среде рабочих. Его литературную деятельность высоко ценили Чехов, Короленко, Горький. Перу Якубовича принадлежит книга очерков о каторге «В мире отверженных». Он первым перевел на русский язык «Цветы зла» французского поэта Ш. Бодлера, составил известную в свое время хрестоматию «Русская муза».

ПЕТР ЯКУБОВИЧ



1860—1911

Песня бурильщиков

Там, где, холодом облиты,
Сопки высятся кругом,
Обезличены, обриты,
В кандалах и под штыком,
В полумраке шахты душной,
Не жалея силы рук,
Мы долбим гранит бездушный
Монотонным «тук!» да «тук!»

Где высокие порывы,
Сны о правде, о добре?
Ранний гроб себе нашли вы
В темной каторжной норе!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано из рук...
Заглушая сердца раны,
Мы стучим лишь: «тук!» да «тук!»

С нелюдимого востока,
С плачем снежных непогод,
Этот стук пройдет далеко,
В грудь отчизны западет
И на гибнущее дело
Вышлет сотни свежих рук...
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: «тук! тук! тук!»

Ледоход

Берег пустынный опять пробужден —
Свист, гоготанье веселое, стон...
Лед на реке посинелый лежит,
Вздулся сердито и гулко трещит.

Холодно, жутко...

Но радостно-дик
В небе высоком несущийся крик.
«Скоро, уж скоро!» — поют журавли,
«Скоро!» — холмы отвечают вдали.

Сердце безумной тревоги полно,
«Скоро! — восторженно вторит оно. —
Порваны пути тяжелого сна —
Это шумит молодая весна!..»

Сумерки. Ветер подул верховой.
Лед шевелится внизу, как живой...
Странные думы роятся в уме:
Грозное что-то куется во тьме!..

Красный снег

Как прилив могучий,
Шел и шел народ,
С детски ясной верой,
Всё вперед, вперед.

Чтоб врага свободы
Поразить в бою,
Нес одно оружие —
Правоту свою...

Непорочно-белый
Снег кругом лежал;
Воздух, чуть морозный,
Еле трепетал.

Вдруг... ряд залпов грянул!
Меток был прицел:
Как под бурей листья,
Пали груды тел!

Юноши и дети,
Жены, старики
Бездыханны пали
От родной руки.

За одно лишь слово
Отнят белый свет:
«Жить в ярме постылом
Больше мочи нет!»

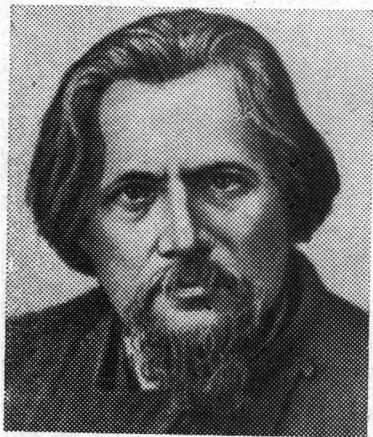
Тупо взор уставя
В обагранный снег,
Мы стояли молча...
Миг один, пль век?

— Каин, что ты сделал?!
Прячься, словно тать,
Божьего проклятья
Смоешь ли печать?

Знай: покамест в жилах
Капля крови есть,
Мысль одну мы держим —
Про святую месть!

У престола бога,
В утро райских нег,
Все мы видеть станем
Этот красный снег!

СПИРИДОН ДРОЖЖИН



1848—1930

Спиридон Дмитриевич Дрожжин родился в деревне Низовке, Тверской губернии, в семье крепостных крестьян, живших в безысходной бедности. Грамоте Дрожжин научился у сельского дьячка, посещая его школу две зимы. В 1860 г., когда Дрожжину было одиннадцать лет, его отправили «в люди» — на заработки в Петербург. Он был мальчиком-половым в трактире, подручным буфетчика, лакеем, приказчиком в магазинах, агентом волжского пароходного общества «Самолет». Объехав в поисках работы много городов России, Дрожжин не порывал связи с деревней, а с 1896 г. постоянно жил в Низовке, обрабатывая там свой крестьянский земельный надел. Стихи Дрожжин писал с шестнадцати лет, печататься начал в 1873 г. При жизни поэта вышло больше тридцати сборников его стихотворений. В 1910 г. Академия наук присудила ему премию. Поэзия Дрожжина сложилась под влиянием Никитина, Некрасова и Кольцова. Она почти полностью посвящена труду, быту и чувствам крестьянина. Поэтический слог Дрожжина прост и бесхитроsten, многим его стихотворениям свойственна задушевная песенность. Поэт-пахарь примыкал к демократическому крылу русской литературы и с радостью принял Октябрьскую революцию. Он писал и в советское время. В 1938 г. в поселке Завидове, Калининской области, открыт мемориальный музей Дрожжина.

* *
*

Быстро тучи проносились
Темно-синею грядой,
Избы снегом запушились:
Был морозец молодой.
Занесла кругом метелица
Все дороги и следы...
Из колодца красна девица
Достает себе воды.
Достает и озирается,
Молодешенька, кругом,
А водица колыхается,
Позадернутая льдом...
Постояла чернобровая,
Коромысло подняла
И свою шубейку новую
Чуть водой не залила.
Вдоль по улице, как павушка,
Красна девица идет,
А навстречу ей Иванушка
Показался из ворот;
И, взглянув ей в очи ясные,
Тихо молвил на пути:
— Бог на помощь, девка красная,
Дай мне ведра понести! —
Вдруг ведерочки дубовые
Стал Ванюша подымать
И с улыбкой чернобровую
Обнимать и целовать.
Поцелуем красна девица
Заглушила поцелуй...
Разгуляйся ты, метелица,
Ветер, в сторону подуй!..

Первая борозда

Вышел внук на пашню к деду
В рубашонке, босиком,
Улыбнулся и промолвил:
— Здравствуй, дедушка Пахом!

Ты, я вижу, притомился.
Научи меня пахать,
Как зимой в избе, бывало,
По складам учил читать.

— Что ж, изволь, коли охота
И силенка есть в руках,
Почнися, будь помощник
Деду старому в трудах!

И Пахом к сохе с любовью
Внука за руку подвел;
Внук тихонько бороздою
За лошаdkою пошел...

Бодро, весело лошаdка
Выступает впереди,
А у пахаря-то сердце
Так и прыгает в груди!

«Вот, — он думает, — вспашу я
Эту полосу, потом
Из кошницы дед засеет
Золотым ее зерном;

Уродится рожь густая;
А весною — благодать,
Как начнет она по зорькам
Желтый колос наливать;

Уберется васильками,
Словно море, зашумит.
Выйдут жницы на полоску,
Серп на солнце заблестит.

Мы приедем па телеге
И из связанных снопов
На гумне намечем много
Золотых тогда скирдов!»

Долго издали на внука
Смотрит дедушка седой
И любуется глубоко
Проведенной бороздой.

* *
*

Труд да горе, капли пота
Пополам с слезой
И тяжелая забота
С вечною нуждой.

Ломота в костях, мозоли
С грязью на руках,
Жизнь без счастья и без воли
В четырех стенах.

Холод, голод и страданье
Тела и души,
И за все, как подаянье,
Медные гроши.

Солнце весело проглянет,
Птичка запоет, —
Песню ей в ответ затянет
Труженик-народ.

И в стенах угрюмых льются,
Плачут голоса,
А над песнею смеются
Взмахи колеса.

ИВАН БУНИН



1870—1953

Иван Алексеевич Бунин родился в Воронеже, в старинной дворянской, сильно разорившейся семье. Детство Бунина прошло на хуторе Бутырки, в Елецком уезде, Орловской губернии, «в глубочайшей полевой тишине». Грамоте его учили дома, по «Одиссее» в переводе Жуковского. Формальное образование Бунина ограничилось елецкой гимназией, курс которой он не закончил. В молодости будущий писатель работал в редакциях провинциальных газет, служил земским статистиком, корректором, библиотекарем. Рано начал печатать свои стихи, а затем прозу. В 90-х годах выступал уже в лучших русских журналах. В 1898 г. опубликовал свой замечательный перевод поэмы американского поэта Лонгфелло «Песнь о Гайавате». С начала XX в. Бунин занял в русской литературе выдающееся место и как превосходный прозаик, и как поэт. Был близок к Чехову и одно время к Горькому. Много путешествовал — объездил Европу, Ближний Восток, плавал на Цейлон. Бунин — свидетель возникновения таких литературных течений, как символизм, акмеизм, футуризм, но его поэзия развивалась неизменно в традициях русской классики, почти без влияния современных ему литературных новшеств. Гибель дворянских гнезд, распад изживших себя общественных связей дворянско-помещичьей России — ведущая тема многих произведений Бунина в прозе и в стихах. Эта тема звучит у писателя элегически печально, но вместе с тем он великолепно передает и радость бытия и красоту жизни. Радуга на небосклоне, солнце, бегущие облака, зреющая нива, нежная человеческая любовь составляют в глазах поэта истинное счастье. Сила изобразительности у Бунина необыкновенна: его стиль совмещает в себе и острую четкость гравюры, и плотную многоцветность живописи. Бунин тонко улавливал связь человека с историей, с далью времен, со всей вселенной, но им всегда владело чувство неприкаянности и одиночества. Образ человека-творца, активного создателя был его поэзии чужд. Современность, разрушающую милую его сердцу старину, Бунин воспринимал

враждебно, благотворность революционных деяний не признавал. Вскоре после Октября эмигрировал. Живя во Франции, он обращался в своем творчестве почти целиком к прошлому. Многие бунивские страницы тех лет пронизаны мыслью о родине, о ее бессмертной красоте. Во время второй мировой войны Бунин решительно отказался от всяких контактов с гитлеровцами. С радостью встретил победу советского народа над фашистской Германией. Скончался Бунин в Париже.

Октябрьский рассвет

Ночь побледнела, и месяц садится
За реку красным серпом.
Сонный туман на лугах серебрится,
Черный камыш отсырел и дымится,
Ветер шуршит камышом.

Тишь на деревне. В часовне лампада
Меркнет, устало горя.
В трепетный сумрак озябшего сада
Льется со степи волнами прохлада...
Медленно рдеет заря.

* *
*

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном монотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

* *
*

Седое небо надо мной
И лес раскрытый, обнаженный.
Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листве лимонной.

Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья...
Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум!

Иней

Леса в жемчужном инее. Морозно.
Поет из телеграфного столба
То весело, то жалобно, то грозно
Звонящим гулом темная судьба.

Молчит и внемлет белая долина.
И все победней, ярче и пышней
Горит, дрожит и блещет хвост павлина
Стоцветными алмазами над ней.

* *
*

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинков
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

Холодная весна

Среди кривых стволов, среди ветвей корявых
Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету — и вот, в зеленых травах,
Огни, как языки, краснеют и дрожат.

Бесцветный запад чист — жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно-ярких звезд.

* * *

Перед закатом набежало
Над лесом облако — и вдруг
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокруг.

Стеклянный, редкий и ядреный,
С веселым шорохом спеша,
Промчался дождь, и лес зеленый
Затих, прохладой дыша.

Вот дожди! Уж это не впервые:
Прольется — и уйдет из глаз...
Как эти ливни золотые,
Пугая, радовали нас!

Едва лишь добежим до чащи —
Все стихнет... О, росистый куст!
О, взор счастливый и блестящий
И холодок покорных уст!

Степь

Синий ворон от падали
Алый клюв поднимал и глядел.
А другие косились и прядали,
А кустарник шумел, шелестел.

Синий ворон пьет глазки до донышка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя, ты сторонushка,
Вековая моя глухомань!

* *
*

В геллотроповом свете молний летучих
На небесах раскрывались дымные тучи,
На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром логу перед домом — белые травы.

Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночного дома —
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.

Молодость

В сухом лесу стреляет длинный кнут,
В кустарнике трещат коровы,
И синие подснежники цветут,
И под ногами лист шуршит дубовый.

И ходят дождевые облака,
И свежим ветром в сером поле дует,
И сердце в тайной радости тоскует,
Что жизнь, как степь, пуста и велика.

Последний шмель

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жильё человечьё
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

Вечер

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг,
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

Собака

Мечтай, мечтай. Всё уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих — и думаешь... Мы сами
Томим себя — тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо тундры, льды и чумы
В твоей студенной дикой стороне.

Но я всегда делю с тобою думы:
Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

Горе

Меркнет свет в небесах.
Скачет князь мельколесьем, по топям, где сохнет осока.
Реют сумерки в черных еловых лесах,
А по елкам мелькает, сверкает — сорока.

Станет князь, поглядит:
Нет сороки! Но сердце недоброе чует.
Снова скачет — и снова сорока летит,
Перелесьем кочует.

Болен сын... Верно, хуже ему...
Погубили дитя переходные старцы-калики!
Ночь подходит... И что-то теперь в терему?
Скачет князь — и все слышит он женские крики.

А в лесу все темней,
А уж конь устает... Поспешай, — недалеко!
Вон и терем... Но что это? Сколько огней!
— Нагадала сорока.

Мушкет

Видел сон Мушкет:
Видел он азовские подолья,
На бурьяне, на татарках — алый цвет,
А в бурьяне — ржавых копий колья.

Черт повил в жгуты,
Засушил в крови казачьи чубы.
Эх, Мушкет! А что же делал ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый брат
В Цареграде был посажен на кол.
Брат зовет Мушкета в Цареград —
И Мушкет проснулся и заплакал.

Встал, жену убил,
Сонных зарубил своих малюток,
И пошел в туретчину, и был
В Цареграде через сорок суток.

И турецкий хан
Отрубил ему башку седую,
И швырнули ту башку в лиман,
И плыла она, качаясь, в даль морскую.

И глядела в высь —
К господу глаза ее глядели.
И господь ответил: «Не журись,
Не тужи, Мушкет, — попы тебя отпели».

Сиваш

Багряная печальная луна
Висит вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблеск сеет,
И над болотом красный сумрак реет.
Уж поздно — и какая тишина!

Мне кажется, луна оцепенеет:
Она как будто выросла со дна
И допотопной розою краснеет.

Но меркнут звезды. Даль озарена.
Равнина вод на горизонте млеет,
И в ней луна столбом отражена.
Склонив лицо прозрачное, светлеет
И грустно в воду смотрится она.

Поет комар. Теплом и гпилью веет.

Обрыв Яйлы. Как руки фурий,
Торчит над бездною из скал
Колючий, искривленный бурей,
Сухой и звонкий астрагал.

И на заре седой орленок
Шипит в гнезде, как василиск,
Завидев за морем спросонок
В тумане сизом красный диск.

Песня

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черпа, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

Гробница Сафии

Горный ключ по скатам и оврагам,
Полусонный, убегает вниз.
Как чернец, над белым саркофагом
В синем небе замер кипарис.

Нежные, как девушки, мимозы
Льют под ним узор своих ветвей,
И цветут, благоухают розы
На кустах, где плачет соловей.

Ниже — дикий берег и туманный,
Еле уловимый горизонт:
Там простор воздушный и безгранный,
Голубая бездна — Геллеспонт.

Мир тебе, о юная! Смиренно
Я целую белое тюрье:
Пять веков бессмертна и нетленна
На Востоке память о тебе.

Счастлив тот, кто жизнью мир пленяет.
Но стократ счастливей тот, чей прах
Веру в жизнь бессмертную вселяет
И цветет легендами в веках!

В горах

Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий скат.
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,
Пастушеский костер и горький запах дыма!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!»
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нем нет!

* *
*

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный звой...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

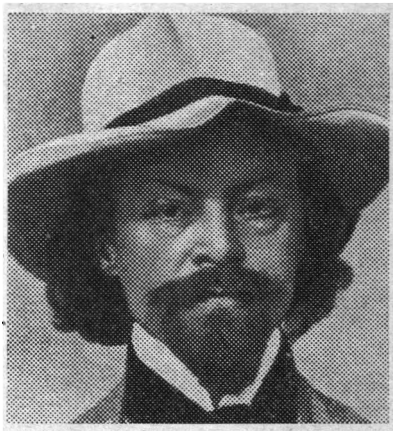
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Свет незакатный

Там, в полях, на погосте,
В роще старых берез,
Не могилы, не кости —
Царство радостных грез.
Летний ветер мотает
Зелень длинных ветвей —
И ко мне долетает
Свет улыбки твоей.
Не плита, не распятые —
Преодо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.
Разве ты одинока?
Разве ты не со мной
В нашем прошлом, далеко,
Где и я был иной?
В мире круга земного,
Настоящего дня,
Молодого, бывшего
Нет давно и меня!

Константин Дмитриевич Бальмонт родился в деревне Гумнище, Владимирской губернии, в дворянской семье. Учился в гимназии в Шуе. В 1886 г. поступил на юридический факультет Московского университета, но был исключен за участие в студенческом движении. Первый сборник стихотворений Бальмонта вышел в Ярославле в 1890 г., второй — «Под северным небом» — в 1894 г. В них преобладают мотивы гражданской скорби и жертвенности — отзвук поэзии поздних народников. Вскоре Бальмонт выступает как один из зачинателей символизма — литературного течения, прямым образом связанного с идеалистической философией, с мистикой, насаждавшего поэзию намеков, иносказаний, истолковываемых символистами как отблеск иного, потустороннего мира. В конце XIX в. и начале XX в. поэт выпустил сборники стихотворений «В безбрежности», «Тишина», «Горящие здания», «Будем как солнце». В десятилетие 1895—1905 гг. Бальмонт был едва ли не самым известным среди русских поэтов; позднее его популярность падает. Поэзию Бальмонта в значительной мере обезпечивает ложная экзотичность, манерность, крикливая самовлюбленность, напыщенность. Но многим его стихотворениям присущи гибкость и музыкальность языка, богатство аллитераций, искусная рифма, они по-настоящему интересны. Бальмонт совершил несколько кругосветных путешествий, описав их в очерковых прозаических книгах. Был захвачен революционными событиями 1905 г., выступал со стихами, изобличавшими царизм, славящими рабочих (книга «Песни мстителя»). С конца 1905 г. вследствие репрессий самодержавия жил за границей и получил возможность вернуться на родину лишь в 1913 г. Много, но далеко не всегда удачно переводил из поэзии Запада и Востока. Первым осуществил перевод на русский язык поэмы классика грузинской литературы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В 1921 г. эмигрировал, жил, сильно нуждаясь, во Франции. Создал там цикл ярких стихотворений, полных тоски по России. Умер в предместье Парижа.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ



1867—1942

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце стало грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

Меж подводных стеблей

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в море погиб.

Воспоминание о вечере в Амстердаме

Медленные строки

О тихий Амстердам,
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
Зачем я здесь — не там,
Зачем уйти не волен,
О тихий Амстердам,
К твоим церковным звонам,
К твоим, как бы усталым,
К твоим, как бы затонам,
Загрязившим каналам,
С безжизненным их лоном,
С закатом запоздалым,
И ласковым, и алым,
Горящим здесь и там,
По этим сонным водам,

По сумрачным мостам,
По окнам и по сводам
Домов и колоколен,
Где, преданный мечтам,
Какой-то призрак болен,
Упрек сдержать не волен,
Тоскует с долгим стоном,
И вечным перезвоном
Поет и здесь и там...
О тихий Амстердам!
О тихий Амстердам!

Зарождающаяся жизнь

Сонет

Еще последний снег в долине мгlistой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый
И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пенъ,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной, —

Как мир хорош в своей красе неожиданной,
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.

Белый пожар

Я стою на побережье, в пожаре прибоа,
И волна, проблестав белизной в вышине,
Точно конь, распаленный от бега и боя,
В напряженье предсмертном домчалась ко мне.

И за нею другие, как белые кони,
Разметав свои гривы, несутся, бегут,
Замирают от ужаса дикой погони,
И себя торопливостью жадною жгут.

Опрокинулись, вспыхнули, вправо и влево, —
И, пред смертью вздохнув и блеснувши полней,
На песке умирают в дрожании гнева
Языки обессиленных белых огней.

Скиф.

Мерю степь единой мерою,
Бегом быстрого коня.
Прах взмету, как тучу серую.
Где мой враг? Лови меня.

Степь — моя. И если встретится
Скифу житель чуждых стран,
Кровью грудь его отметится,
Пал — и строй себе курган.

У меня — броня старинная,
Меч прямой и два копыя,
Тетива на луке длинная,
Стрел довольно. Степь — моя.

Лик коня, прикрытый бляхами,
Блеском грифов, птиц и змей,
Ослепит огнем и страхами
Всех врагов меты моей.

А мета моя — высокая
Византийская княжна,
Черноокая, далекая,
Будет мне мечом дана.

Полетим как два мы сокола.
Звон бубенчиков, трезвонь.
Кто вдали там? Кто здесь около?
Прочь с пути! Огонь не тронь.

Дюнные сосны

Взвихрены ветром горбатые дюны,
Бор взгромоздился на выступ откосный.
Ветер качает зеленые струны,
Ветки поющие, терпкие сосны.

Голос безгласия, Север на Юге,
Ветру покорствуя, редко немые,
Те — перекручены в дикие дуги,
Те — как у нас, безупречно-прямые.

В этих лесах не курчавится щебет
Наших веселых играющих пташек.
В зарослях ветер лишь вереск теребит,
Нет здесь — знакомых нам с детства — ромашек.

Не закачается дружная стая
Солнышек желтых и луночек белых,
Пахнут лишь капли смолы, нарастая,
Ладан цветет в ветрохвойных пределах.

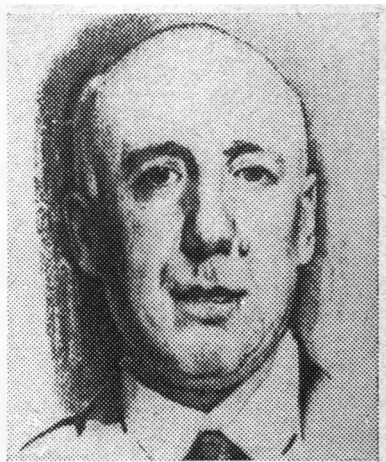
Лапдыш не глянет. Кукушка не стонет
В час, как везде — хороводами вёсны.
Ветер песчинки метелями гонит,
Медью трезвонит сквозь дюнные сосны.

Если б — «Ау!» — перекликнуться с лешим,
С теми тенями, что век с нами юны...
Грустные странники, чем себя тешим?
Гусли нам — сосны, и ветки их — струны.

Вся моя радость — к обветренным склонам,
Горько прильнуть, вспоминая и чая.
Если б проснуться в лесу мне зеленом,
Там, где кукует кукушка родная!

Федор Сологуб — псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова. Родился в Петербурге. Сын портного. Четырех лет лишился отца и воспитывался матерью, работавшей прислугой. Учился в уездном училище и Петербургском учительском институте. Стал преподавателем математики и до 1907 г., двадцать пять лет, учительствовал в глухих северных городках. Начал широко печататься в 90-х годах, в начале XX в. уже приобрел большую известность. Сологуб — поэт-символист, дитя реакционной эпохи 80-х годов. Громадное место в его поэзии занимает тема смерти, безнадежности и отчаяния; он воспеваает мир бесплотной «мечты», потусторонней «красоты». Жизнь для него — неволя, плен, «одноглазое дикое лихо». Против кладбищенских настроений и проповеди бесцельности бытия, насаждаемых поэзией Сологуба, резко выступала дореволюционная демократическая критика, в частности М. Горький. Сологуб — значительный мастер слова. Его стих певуч и мягок, прост и вместе с тем чрезвычайно изыскан. В лирике Сологуба, раскрывающей сложную гамму чувств, есть элементы и язвительного, сурового реализма. Сологуб — автор известного романа «Мелкий бес» (1905) и других прозаических произведений. Главные книги его стихов: «Родине» (1906), «Пламенный круг» (1908), «Алый мак» (1916), «Соборный благовест» (1922). Несмотря на сочувственный отклик, который вызвала у него революция 1905 г., Сологуб всегда был далек от передовых общественных кругов и остался чужд Октябрьской революции.

ФЕДОР СОЛОГУБ



1863—1927

Судьба

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась,
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, —

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

* *
 *

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой являлась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

* *
 *

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.

В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

Чертовы качели

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатую рукой.

Качает и смеется,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый капат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
— Попался на качели,
Качайся, черт с тобой! —

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, черт с тобой! —

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

* *
*

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: Помогите!
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
Брат мой, приблизься ко мне.
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!

* *
*

Только забелели поутру окошки,
Мне метнулись в очи пакостные хари.
На конце тесемки профиль дикой кошки,
Тупоносой, хищной и щекастой твари.

Хвост, копытца, рожки мреют на комодe.
Смутен зыбкий очерк молодого черта.
Нарядился бедный по последней моде,
И цветок алеет в сюртуке у борта.

Выхожу из спальни, — три коробки спичек
Прямо в нос мне тычет генерал сердитый,
И за ним мордашки розовых певичек.
Скоком вверх помчался генерал со свитой.

В сад иду поспешно, — машет мне дубинкой
За колючей елкой старичок лохматый.
Карлик, строя рожи, пробежал тропинкой,
Рыжий, красноносый, весь пропахший мятой.

Все, чего не надо, что с дремучей ночи
Мне метнулось в очи, я гоню амином.
Завизжали твари хором, что есть мочи:
«Так и быть, до ночи мы тебя покинем!»

Ирина

Помнишь ты, Ирина, осеня
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрёка
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упрёки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня,—
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод,

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

Расточитель

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
— Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст,
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожденней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У тебя, милосердного бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ



1873—1924

Валерий Яковлевич Брюсов родился в Москве в семье купца. Дед поэта был крепостным крестьянином Костромской губернии; разбогатев на торговле, он откупился от господ. Отец посещал вольнослушателем Петровскую сельскохозяйственную академию, был близок к народникам, увлекался сочинениями Чернышевского и Писарева. В семье царил дух атеизма и уважения к науке. После гимназии Брюсов поступает на историко-филологический факультет Московского университета и заканчивает его в 1899 г. Рано отдается литературному творчеству. В 1894—1895 гг. выпустил три сборника стихов «Русские символисты», печатая в них преимущественно собственные произведения. На рубеже XIX—XX вв. Брюсов — один из главнейших деятелей символизма. Обладая необыкновенным трудолюбием и эрудицией, Брюсов выступал не только как поэт; он был историком и литературоведом, беллетристом, переводчиком и драматургом, писал исследования о Пушкине, статьи по теории стиха, читал лекции по истории математики. Вопреки мистическим установкам символистов, поэтическое мышление Брюсова зрелых лет весьма конкретно и реалистично. Для него характерен твердый, чеканный, словно по меди резанный стих, разнообразие форм, их неустанный поиск, стремление обнять в своем творчестве все времена и страны. Брюсов ввел в русскую поэзию образ современного большого города с его людскими толпами и огнями реклам. Брюсову всегда была близка общественно-гражданская тема. С горячим сочувствием он откликнулся на революцию 1905 г. Труд, творческие возможности человека, подчиняющего своей воле силы природы, — один из важнейших мотивов поэзии Брюсова. В первые же дни Октябрьской революции поэт становится на путь сотрудничества с пролетариатом, с Советской властью. В 1919 г. вступает в ряды Коммунистической партии. Ведет боль-

шую культурно-просветительную работу, руководит литературно-художественным институтом. Важнейшие сборники стихотворений Брюсова: «Tertia Vigilia» («Третья стража», 1900), «Urbi et Orbi» («Городу и миру», 1903), «Stephanos» («Венок», 1906), «Зеркало теней» (1912), «Семь цветов радуги» (1916), «Mea» («Спешу», 1924). В 1973—1975 гг. издано собрание его сочинений в семи томах.

Ассаргадон

Ассирийская надпись

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг мой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

В дни заустений

Придут дни последних заустений,
Земные силы оскудеют вдруг;
Уйдут остатки жалких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.

А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос страшного суда,
Победный свет не заблестит в пустыне,
В ней не взгремят по рельсам поезда.

В плуще померкнут зодчего затей,
Исчезнут камни под ковром травы,
На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.

Но в эти дни последних запустений
Возникнет — знаю! — меж людей смельчак.
Он потревожит гордый сон строений,
Нарушит светом их безмолвный мрак.

На мшистых улицах заслышат звери
Людскую поступь в ясной тишине,
В домах застопут, растворяясь, двери,
Ряд изваяний встанет при огне.

Прочтя названья торжищ и святилищ,
Узнав по надписям за ликом лик,
Пришлец проникнет в глубь книгохранилищ,
Откроет тайны древних, наших книг.

И дни и ночи будет он в тревоге
Впивать вещанья, скрытые в пыли,
Исканья истины, мечты о боге,
И песни — гимны сладостям земли.

Желанный друг неведомых столетий!
Ты весь дрожишь, ты потрясен былым!
Внемли же мне, о, слушай строки эти:
Я был, я мыслил, я прошел, как дым...

Служителю муз

Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольных зол и бед.
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!

Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражьи знамена, —
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал, —
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточь кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет Мечь!

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

Каменщик

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи.

— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем все сами, молчи!

Сумерки

Горят электричеством луны
На выгнутых, длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира —
Далекie ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять осените меня!

Облака

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые лады.

Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.

И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.

Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье создавало бы
Этот вольный путь!

Конь блед

И се конь блед и сидящий
на нем, имя ему Смерть.
Откровение, VI, 8

I

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались omnibusы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и шелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле — души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II

И внезапно — в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред —
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал, с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая лица, — люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»
То, упав на мостовую, бились в общей груди...
Звери морды прятали, в смятении, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.

Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницей!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада и меча!»

IV

Но восторг и ужас длились — краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто;
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было все обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Грядущие гунны

Точки их рай, Аттила.
Вяч. И в а н о в

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Городу

Дифирамб

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев, — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта —
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду.
И плешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд, —

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей, с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой.

По меже

Как ясно, как ласково небо!
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!

По горбик у тесной межи
Иду и дышу ароматом
И мяты, и зреющей ржи.

За полем усатым, не сжатым,
Косами стучат косари.
День медлит пред ярким закатом...

Душа, насладись и умри!
Все это так странно знакомо,
Как сон, что ласкал до зари.

Итак, я вернулся, я — дома?
Так здравствуй, июльская тишь,
И ты, полевая истома,

Убогость соломенных крыш
И полосы желтого хлеба!
Со свистом проносится стриж
Вкруг церкви Бориса и Глеба.

У земли

Я б хотел забыться и заснуть.
Лермонтов

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядках, недавно взрытых.

Я — твой сын, я тоже — прах,
Я, как ты, — звено созданий.
Так откуда — страсть и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня с могилой?

Век за веком

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли, —
Чтоб осенью снежные вьюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Врезает им грудь бороздой.

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

Хвала Человеку

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещей молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних, вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов.

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдись, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств, —

Но, отважный, со стихией
После бьешься, с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! Ты поставишь
Над землей ряды ветрил,
Ты своей рукой направишь
Бег в пространстве, меж светил, —

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

Парки в Москве

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То — народными пирожницами,
То — крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

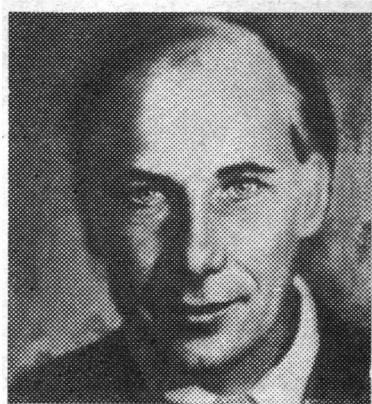
Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выскивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель:

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

Андрей Белый — псевдоним Бориса Николаевича Бугаева. Родился он в Москве. Сын профессора, известного математика. Окончил естественное отделение математического факультета Московского университета. Первая книга Андрея Белого — «Драматическая симфония» — вышла в свет в 1902 г. Она была написана ритмической прозой. В 1904 г. Белый опубликовал сборник стихов «Золото в лазури», выступив вполне зрелым, своеобразным поэтом. В 1909 г. появляется «Пепел» — едва ли не лучшая книга его стихов, посвященная памяти Некрасова. В ней чувствуются отголоски революции 1905 г., запечатлен трагический образ тогдашней деревенской Руси, даны сатирические портреты власть имущих. Стих Андрея Белого внес в русскую поэзию много свежего: ритмическую акцентировку отдельного слова, отдельной строки, смелые сдвиги и перебои в ритме, контрастные столкновения лирики, иронии и пафоса. В стихотворениях Белого оригинально сплавлены пейзаж и философские мотивы, бытовые зарисовки и интимные признания. С первых своих шагов в литературе Белый — символист, поклонник философа-идеалиста Вл. Соловьева. Он усиленно разрабатывал теорию символизма. Враждебный материализму идеалист-неокантианец в основе своих взглядов. Белый судорожно метался от одной философской доктрины к другой. В центре его исканий стояла богостроительская схоластика, окрашенная в мистические тона. «Смысл искусства, — утверждал Белый, — только религиозен». Белому принадлежит много книг по теории художественного мастерства («Символизм», «Луг зеленый», «Арабески», «Мастерство Гоголя»). Более значительное место, чем поэзия, в творчестве Белого занимала проза — романы «Серебряный голубь» (1909), «Петербург» (1914), «Котик Летаев» (1922), «Москва» (1926—1932). Эти произведения по существу гротескно-сатирические, однако действительность дается в них в мистическом преломлении. Им свойственна разбросанность, клочковатость сюжета, смещение временных плоскостей и граней, подчеркнутая игра рит-

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ



1880—1934

мами и звуками. Белый резко отрицательно воспринял первую мировую войну. Октябрьскую революцию приветствовал, хотя истолковывал ее неверно. Участвовал в советском культурном строительстве. Поэзия Андрея Белого, ее формальные новшества оказали влияние на раннего Маяковского; учился у Белого и Есенин. В 30-х годах Белым написаны интересные и ценные мемуары — «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций».

Заброшенный дом

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы — любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,
кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
среди нежно белеющих лилий —
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углем нарисованным зайцем.

Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдаль —
равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской,
обвеянный жизнью давней,
как шепчется ветер с листвою,
как хлопает сорванной ставней.

На горах

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод.
У меня на горах
очистительный холод.

Вот ко мне на утес
притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
прославляя лазурь.
Бородою взметал
вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
низким басом.
В небеса запустил
ананасом.

И, дугу описав,
озаря окрестность,
ананас ниспадал, просияв,
в неизвестность,

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили вниз:
«Это — диск пламезарного солнца...»

Низвергались, звеня,
омывали утесы
золотые фонтаны огня —
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшись боком,
горбуна окатил
светопенным потоком.

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
опускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —

холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвремяе мчится
пересошим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

На улице

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке,
Прижался — поник головой.

Уж вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют.
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

На серый, бесчувственный камень,
Лишь стужей октябрьской пахнет,
Кустарник червонный свой пламень,
Как слезы застывшие, льет.

Сшибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы —
Холодной, отравленной пыли
Взлетают сухие столбы.

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

На рельсах

Кублицкой - Пиоттух

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались — развеялись сном.
Один... многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век провлачу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился — молчу.

Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой увлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлах берез.

Изгнанник

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном,
В меня бросали вы камнями.
Вы в исступленьи скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник,
Моей свободы вы не свяжете,
Бегу — согбенный, бледный странник —
Меж золотистых хлебных пажитей.

Бегу во ржи, межой, по кочкам —
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я сединами.

Меня коснись ты, цветик нежный,
Кропи, кропи росой хрустальною!
Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальною.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно-розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

Предчувствие

Паренек плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним — поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень.
На дорогу тень упала: —
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает в высь.
Миловались вы, любились
С девкою надысь —

В колокольчиках, в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелковых трав.

Что ж ты вдруг поник тоскливо,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках — огни.
Паренек, сверни — сверни же,
Паренек, сверни!

Родине

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылоручие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Иннокентий Федорович Анненский родился в Омске, в состоятельной чиновничьей семье. В детстве был перевезен в Петербург. Рано лишившись родителей, воспитывался в семье своего старшего брата, Н. Ф. Анненского, народника, прогрессивного общественного деятеля. В 1879 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Был преподавателем древних языков, античной литературы, русского языка и теории словесности в гимназиях и на Высших женских курсах. В 1896 г. Анненского назначили директором гимназии в Царском Селе, где он жил до самой смерти. В печати выступил в 80-е годы с критическими статьями. Переводил французских поэтов XIX в., трагедии Еврипида, написал несколько собственных трагедий на сюжеты античной мифологии, одна из которых — «Фамиракифард» — в 1916 г. была поставлена на сцене. При жизни Анненского, в 1904 г., вышла единственная книга его стихов, подписанная псевдонимом Никто, — «Тихие песни». В 1910 г. напечатан главный сборник поэта — «Кипарисовый дарец». Поэзия Анненского развивалась в русле русского декадентства начала XX в. В ней отразился глубокий разлад поэта с действительностью, болезненно-острое ощущение одиночества, томительная мечта об осмысленной жизни. Пороку Анненский видит окружающий его мир как нечто призрачное, кошмарное, но мастерской деталью, разговорной интонацией он умеет придать своим стихам земную выразительность. По определению Блока, на творчестве Анненского лежит «печать хрупкой тонкости и настоящего поэтического чутья». При всей импрессионистичности своих красок Анненский — большой мастер в изображении внутреннего мира человека, жизни души. Не раз высказываясь по философским вопросам, поэт отвергал иллюзии религии и мистики. Иногда в его стихах («Старые эстонки», «Петербург») ощущим протест против самодержавного строя. Анненский оказал влияние на многих русских поэтов, особенно на символистов и акмеистов.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ



1856—1909

Бабочка газа

Скажите, что случилось со мной?
Что сердце так жарко забилося?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

В нем сила иль мука моя,
В волнении не чувствую сразу:
С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать,
Но к ней я вернуться не в силах...

Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

Свечку внесли

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле приник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.

Смычок и струны

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажжет
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?...»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

* *
*

Когда б не смерть, а забытье,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя — не жизнь, а мука.

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огни
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном нищенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что нависли,
Чтоб жемчугами ниспадать?..
А мне, скажите, в муках мысли
Найдется ль сердце сострадать?

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, то с Ней не надо света.

Снег

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —

То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

Дочь Иаира

Сини реки, светлы веси,
И с небес и из могил
Всем ответ «Христос воскрес!»,
Кто б о счастье не молил.

Нежны травы, белы плиты,
И звонит победно медь:
«Голубые льды разбиты,
И они должны сгореть!»

Точно кружит солнце, зимний
Долгий плен свой позабыв;
Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.

Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...

Для чего ж с контуров нежной
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ее цветы?

Для чего так сине пламя,
Раскаленность так бела,
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочерь Иаира
Поднял некогда Христос?

Не мигнул фитиль горящий,
Не забыл ветер ткань...
Подшел спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань».

Старые эстонки

Из стихов кошмарной совести

Если ночи тюремны и глухи,
Если сны паутинны и тонки,
Так и знай, что уж близко старухи,
Из-под Ревеля близко эстонки.

Вот вошли, — приседают так строго,
Не уйти мне от долгого плена,
Их одежда темна и убога,
И в котомке у каждой полено.

Знаю, завтра от тягостной жути
Буду сам на себя непохожим...
Сколько раз я просил их: «Забудьте...»
И читал их немое: «Не можем».

Как земля, эти лица не скажут,
Что в сердцах похоронено веры...
Не глядят на меня — только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый.

Но учтивы — столпились в сторонке...
Да не бойся: присядь на кровати...
Только тут не ошибка ль, эстонки?
Есть куда же меня виноватей.

Но пришли, так давайте калякать,
Не часы ж, не умеем мы тикать.
Может быть, вы хотели б поплакать?
Так тихопью, неслышно... похныкать?

Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берез на могилах...
Вы молчите, печальные куклы,
Сыновей ваших... я ж не казнил их...

Я, напротив, я очень жалел их,
Прочитав в сердобольных газетах,
Про себя я молился за смелых,
И священник был в ярких газетах.

Затрясли головами эстонки.
«Ты жалел их... Но что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?»

Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовью!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!

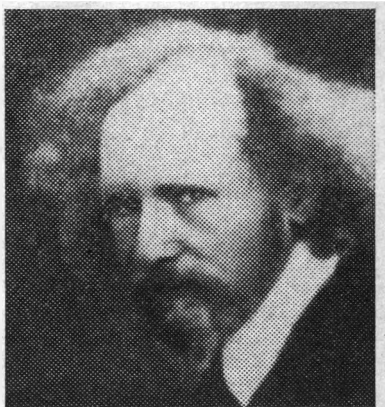
Добродетель... Твою добродетель
Мы ослепли вязавши, а вяжем...
Погоди — вот накопится петель,
Так словечко придумаем, скажем...»

.

Сон всегда отпускался мне скупю,
И мои паутины так тонки...
Но как это печально... и глупо...
Неотвязные эти чухонки...

Вячеслав Иванович Иванов родился в Москве. Отец его был землемером, мать, на попечении которой будущий поэт остался с раннего детства, происходила из духовного рода и своей религиозностью оказала на сына большое влияние. После гимназии и двух лет обучения на историко-филологическом факультете Московского университета В. Иванов в 1886 г. уехал в Берлин и занимался у знаменитого историка Древнего Рима Моммзена. Долго жил на Западе, преимущественно в Италии, возвратился в Россию лишь в 1905 г. За границей штудировал сочинения славянофилов, увлекся философией Ницше и Вл. Соловьева, предопределивших мотивы его поэзии. По существу дебютировал в литературе книгой «Кормчие звезды» (1903), в возрасте тридцати шести лет. Быстро стал виднейшей фигурой в кругу символистов, заняв место рядом с Блоком, А. Белым и другими поэтами «второй волны» символизма. Литературные вечера — «среды» В. Иванова «на Башне», в его петербургской квартире, в 1905 — 1907 гг. привлекали многих писателей. В. Иванов выступал не только как поэт, но и как теоретик символизма, драматург, переводчик. Истоки поэзии В. Иванова — в религиозно-мистических исканиях «соборности», под которой понималось преодоление людской разобщенности, «буржуазного индивидуализма» эпохи, в утопических надеждах на некое обновление религии, на новую эру в судьбах мира и человечества, когда восторжествует «синтетическое», «всенародное» искусство и красота. Поэт, по утверждению В. Иванова, — «религиозный устроитель жизни», а религия — «чувствование связи всего сущего и смысла всяческой жизни». Истинно научный, социально-политический подход к истории и обществу В. Ивановым, как и другими символическими, отвергался. Многие стихи В. Иванова чрезмерно отягощены филологической ученостью и трудны для восприятия; поэту присуща пышная, красочная и по-своему оригинальная архаическая лексика, сложные инверсии, тяжелая медлительность и «густота» стиха, в котором, по замечанию совет-

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ



1866—1949

ского литературоведа, как бы воплощена идея «вечного» русского языка «от Илариона и Епифания Премудрого до славяра Даля». Россия появлялась в стихах В. Иванова изредка, чаще мы видим в них картины античности, итальянский пейзаж, горы и моря южной Европы — его творчество давно определяли как «скитания славянина по чужим странам и дальним векам». Многие в наследии В. Иванова уже мертво, но роль, которую он сыграл в литературном движении начала XX века, и такие мастерские его произведений, как «Зимние сонеты» и «Римские сонеты», заставляют нас изучать его вклад в поэзию. После Октябрьской революции В. Иванов прини-

мал участие в культурном строительстве, был профессором классической филологии в Бакинском университете. В августе 1924 г. покинул родину и поселился в Риме. Перешел в католичество, чтобы, как он говорил, стать «до конца православным». Читал лекции по русской литературе и языку в университете города Павии. Скончался в Риме.

Любовь

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы — два коня, чьи держит удила
Одна рука, — одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы — двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почитет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы — Сфинкс единый оба.
Мы — две руки единого креста.

Собор святого Марка

Царьградских солнц замкнув в себе лучи,
Ты на порфирах темных и агатах
Стоишь, согбен, как патриарх в богатых
И тяжких ризах кованой парчи,

В деснице три и в левой две свечи
Подъемлющий во свещниках рогатых, —
Меж тем как на галерах и фрегатах
Сокровищниц початки и ключи

В дарохранительный ковчежец божий
Вселенная несет, служа жезлам
Фригийскою скуфьей венчанных дождей,

По изумрудным Адрии валам;
И роза Византии червенеет,
Где с книгой лев крылатый каменеет.

* *
*

Обнищало лѣстье златое.
Просквозило в сенях осенних
Ясной синью тихое небо.
Стала тонкоствольная роща
Иссеченной церковью из камня;
Дым повис меж белыми столпами;
Над дверьми сквозных узорчій
Завесы — что рыбарей господних
Неводы, разодранные ловом, —
Что твои священные лохмотья
У преддверій белого храма,
Золотая, нищая песня!

Троицын день

Дочь лесника незабудки рвала в осоке
В Троицын день;
Веночки плела над рекой и купалась в реке
В Троицын день...
И бледной русалкой всплыла в бирюзовом венке.

Гулко топор застучал по засеке лесной
В Троицын день;
Лесник с топором выходил за смолистой сосной
В Троицын день;
Тоскует и тужит и тешет он гроб смоляной.

Свечка в светлице средь темного леса блестит
В Троицын день;
Под образом блеклый веночек над мертвой грустит
В Троицын день.
Бор шепчется глухо. Река в осоке шелестит...

Из „Зимних сонетов“

Скрипят полозья. Светел мертвый снег.
Волшебен лес торжественный заснежен.
Лебяжьем пухом свод небес омрежен.
Быстрей оленя туч подлунных бег.

Чу, колокол поет про дальний берег...
А сон полей безвестен и безбрежен...
Нслежен путь, и жребий неизбежен:
Святая ночь, где мне сулишь ночлег?

И вижу я, как в зеркале гадальном,
Мою семью в убежище недалнем,
В медвяном свете праздничных огней.

И сердце, тайной близостью томимо,
Ждет искорки средь бора. Но саней
Прямой полет стремится мимо, мимо.

Дельфины

Ветер, пахнувший снегом и цветами,
Налетел, засвистел в снастях и реях,
Вырываясь из узкого ущелья
На раздолье лазоревой равнины.

Как Тритон, протрубил он клич веселья,
Вдох весенний кавказского Боря,
Вам, курносые, скользкие дельфины,
Плясуны с крутогорбыми хребтами.

На гостины скликал вас, на веснины,
Стеклоокого табуны Неря,
С силой рвущийся в устье из ущелья
Ветер, пахнувший снегом и цветами.

Зых

На Зыхе нет ни виноградной
В кистях лозы, ни инжиря:
Все выжег зной, все выпил жадный;

И в сакле я дремал прохладной
До половины сентября.
А перед саклею, горя
Сафирами восточной славы,
Текли Хвалынские струи.
И милы стали мне твои,
О Зых, возгорий плоских главы,
Твой остов высохшей змеи
Меж двух морей живой оправы,
И солнцем пахнущие травы,
И в белом камне колен.

Каменный дуб

Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами:
Хочет и каменный дуб майской листвою прозвенеть.
Дремлет в чеканной броне под бореями бурными зиму:
Зеленью свежей весна в пологах темных сквозит.
Черную ветвь разгляди: под металлом скорченных листьев
Ржавой смеется тюрьме нежный и детский побег.

Сонет из Петрарки

Ни ясных звезд блуждающие стапы,
Ни полные на взморье паруса,
Ни с пестрым зверем темные леса,
Ни всадники в доспехах средь поляны,
Ни гости с вестью про чужие страны,
Ни рифм любовных сладкая краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся фонтаны, —

Ничто не тронет сердца моего.
Все погребло с собой мое светило,
Что сердцу было зеркалом всего.

Жизнь однозвучна. Зрелище уныло.
Лишь в смерти вновь увижу то, чего
Мне лучше б никогда не видеть было.

МИХАИЛ КУЗМИН

1875—1936

Михаил Алексеевич Кузмин родился в Ярославле, в дворянской семье. С десяти лет жил в Саратове, закончил гимназию в Петербурге, затем три года учился в консерватории по классу композиции — у Лядова и Римского-Корсакова. В молодости совершил два больших путешествия в Италию и Египет, ездил со старообрядцами по русскому Северу, разыскивая древние иконы. До тридцати лет писал лишь вокальные тексты к своим композициям; в печати выступил в 1905 г. Первая книга его стихов «Сети» появилась в 1908 г., затем были изданы «Куранты любви» (с музыкой автора), «Осенние озера», «Глиняные голубки», «Вожатый», «Александрийские песни», «Нездешние вечера». Хотя в начале своего творческого пути Кузмин примыкал к символистам, в стихах он был мало похож на них: вместо тревожных духовных поисков и мистических устремлений в его поэзии была явная приземленность, любовь к бытовой детали, нарочитая наивность и лукавство, скрытая ирония, преднамеренная, интимно звучащая небрежность слога. Культ чувственных утех, любование галантными нравами XVIII века, имитация подлинных чувств, за которой порой сквозит горечь и грусть, сближали поэзию Кузмина с творчеством художников «Мира искусства» — Сомовым, Судейкиным, где, как и в стихах Кузмина, царил атмосфера маскарадных празднеств и масок. В 1910 г. в журнале «Аполлон» Кузмин напечатал статью «О прекрасной ясности», требуя в литературе логики и прозрачности (отсюда его термин «кларизм»), и тем дал методическую основу появившемуся поэтическому течению — акмеизму, однако сам в число акмеистов формально не вошел. Кузмин обогатил русскую поэзию своей особой живой интонацией, многими ритмическими новшествами, добился большой гибкости свободного стиха («Александрийские песни»). Выступал и как прозаик, критик, драматург, автор балетов и пасторалей. С музыкой Кузмина шел на сцене «Балаганчик» Блока. Среди многих переводов Кузмина — «Золотой осел» Апулея, печатающийся и поныне.



Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий, —
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро».

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных,
Веселой легкости бездушного житья!
Ах, верен я, далек чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!

Бисерные кошельки

I

Ложится снег... Печаль во всей природе.
В моем же сердце при такой погоде,
Иль в пору жарких и цветущих лет
Печаль все о тебе, о мой корнет,
Чью прядь волос храню в своем комодe.

Так тягостно и грустно при народе,
Когда приедет скучный наш сосед!
Теперь надолго к нам дороги нет!
Ложится снег.

Ни смеха, ни прогулок нет в заводе,
Одна нижу я бисер на свободе:
Малиновый, зеленый, желтый цвет, —
Твои цвета. Увидишь ли привет?
Быть может, ведь и там, в твоem походе
Ложится снег!

II

Я видела, как в круглой зале
Гуляли вы, рука с рукой;
Я слышала, что вы шептали,
Когда, конечно, вы не ждали.
Что мной нарушен ваш покой.

И в проходной, на геридоне,
Заметила я там письмо!
Когда вы были на балконе,
Луна взошла на небосклоне
И озарила вас в трюмо.

Мне все понятно, все понятно,
Себя надеждой я не лъщу!..
Мои упреки вам не внятны?
Я набелю румянца пятна
И ваш подарок возвращу.

О, кошелек, тебя целую;
Ведь подарил тебя мне он!
Тобой ему и отомщу я:
Тебя снесу я в проходную
На тот же, тот же геридон!

* *
*

Все тот же сон, живой и давний,
Стоит и не отходит прочь:
Окно закрыто плотной ставней,
За ставней — стынущая ночь.
Трещат углы, тепла лежанка,
Вдали пролетает сонный пес...
Я встал сегодня спозаранку
И мирно мирный день пронес.
Беззлобный день так свято долог!
Все — кроткий блеск, и снег, и ширь!
Читать тут можно голько Пролог
Или Давыдову Псалтирь.
И зной печной в каморке белой,
И звон ночной издадека,
И при лампадке вагорелой

Такая белая рука!
Размаривает и покоит,
Любовь цветет проста, пышна,
А вьюга в поле люто воет,
Вьюны сажая у окна.
Занесена пургой пушистой,
Живи, любовь, не умирай:
Настал для нас огнисто-льдыстый,
Морозно-жаркий русский рай!
Ах, только б снег, да взор любимый,
Да краски нежные икон!
Желанный, неискорепимый,
Души моей давнишний сон!

Дом

Какая-то лень недели кроет,
Замедляют заботы легкий миг, —
Но сердце молится, сердце строит:
Оно у нас плотник, не гробовщик.
Веселый плотник сколотит терем.
Светлый гес — не холодный гранит.
Пускай нам кажется, что мы не верим:
Оно за нас верит и нас хранит.

Оно все торопится, бьется под спудом,
А мы — будто мертвые: без мыслей, без снов...
Но вдруг проснемся пред собственным чудом:
Ведь мы все спали, а терем готов.
Но что это, боже? Не бьется ль тише?
Со страхом к сердцу прижалась рука...
Плотник, ведь ты не достроил крыши,
Не посадил на нее конька!

* *
*

Ах, не плыть по голубому морю,
Не видать нам Золотого Рога,
Голубей и площади Сан-Марка.
Хорошо отплыть туда, где жарко,
Да двойится милая дорога,
И не знаю, к радости иль к горю.

Не видать открытых, светлых палуб
И судов с косыми парусами,
Золотыми в зареве заката.
Что случается, должно быть свято,
Управляем мы судьбой не сами,
Никому не надо наших жалоб.

Может быть, судьбу и переспорю,
Сбудется веселая дорога,
Отплывем весной туда, где жарко.
И покормим голубей Сан-Марка,
Поплывем вдоль Золотого Рога
К голубому, ласковому морю!

Из „Александрйских песен“

* *
*

Если б я был древним полководцем,
покорил бы я Эфиопию и Персов,
свергнул бы я фараона,
построил бы себе пирамиду,
выше Хеопса,
и стал бы
сильнее всех живущих в Египте.

Если б я был ловким вором,
обокрал бы я гробницу Менкаура,
продал бы камни александрйским евреям,
накупил бы земель и мельниц
и стал бы
богаче всех живущих в Египте.

Если б я был вторым Антиноем,
утопившимся в священном Ниле,
я бы всех сводил с ума красотой,
при жизни мне были б воздвигнуты храмы,
и стал бы
сильнее всех живущих в Египте.

Если б я был мудрецом великим,
прожил бы я все свои деньги,

отказался бы от мест и занятий,
сторожил бы чужие огороды —
и стал бы
свободней всех живущих в Египте.

Если б я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземелье,
и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темниц проходишь,
и стал бы
счастливей всех живущих в Египте.

* *

*

Что за дождь!
Наш парус совсем смок
и не видно уж, что он — полосатый.
Румяна потекли по твоим щекам,
и ты — как тирский красильщик.
Со страхом переступили мы
порог низкой землянки угольщика;
хозяин со шрамом на лбу
растолкал грязных в коросте ребят
с большими глазами
и, поставив обрубок перед тобою,
смахнул передником пыль
и, хлопнув рукою, сказал:
«не съест ли лепешек, господин?»
А старая черная женщина
качала ребенка и пела:
«если б я был фараоном,
купил бы я себе две груши:
одну бы я дал своему другу,
другую бы я сам скушал».

* *

*

Сладко умереть
на поле битвы
при свисте стрел и копий,
когда звучит труба

и солнце светит,
в полдень,
умирая для славы отчизны
и слыша вокруг:
«Прощай, герой!»
Сладко умереть
маститым старцем
в том же доме,
на той же кровати,
где родились и умерли деды,
окруженным детьми,
ставшими уже мужами,
и слыша вокруг:
«Прощай, отец!»

Но еще слаще,
еще мудрее,
истративши все именье,
продавши последнюю мельницу
для той,
которую завтра забыл бы,
вернувшись
после веселой прогулки
в уже проданный дом,
поужинать
и, прочитав рассказ Апулея
в сто первый раз,
в теплой, душистой ванне,
не слыша никаких прощаний,
открыть себе жилы;
и чтоб в длинное окно у потолка
пахло левкоями,
светила заря
и вдалеке были слышны флейты.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

1877—1932

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился в Киеве, в дворянской семье, уходящей своими корнями к запорожским казакам. Детство провел на юге, в Феодосии, юношеские годы — в Москве. Учился на юридическом факультете Московского университета, в 1900 г. исключен из него за участие в «студенческих беспорядках» и выслан в Ташкент. В 1901 г. поступил в Берлинский университет, но скоро уехал в Париж. До 1916 г. жил то в Париже, то в Коктебеле (в Крыму, под Феодосией). Совершил путешествие в Египет, пешком ходил по странам Европы. Наравне с поэзией занимался живописью, которую считал «величайшим наслаждением». В печати выступил в 1903 г. Главные его книги: «Стихотворения» (1910), «Иверни» (1918), «Демоны глухонемые» (1919). В изощренной по форме, созерцательной поэзии Волошина переплелись влияния русских символистов и французских поэтов-парнасцев. Он воспевал «священные камни Европы», углублялся в легендарную древность, ощущая себя «странником по мировым путям и перепутьям». В годы революции у Волошина решительно возобладали русские темы. Октябрь он воспринял во многом неверно, заняв позицию «над схваткой», призывая «быть человеком, а не гражданином». Вместе с тем Волошин заявлял: «То, что мне пришлось в зрелые годы пережить русскую революцию, считаю для себя великим счастьем». Умозрительная символика сочеталась в творчестве Волошина с умением дать изображаемые предметы в их материальной осязаемости. В стихах Волошина неизменно чувствуется рука живописца. Особенно красочны стихотворения Волошина, посвященные природе восточного Крыма, где он с 1917 г. жил безвыездно. «Истинной родиной духа для меня, — писал Волошин, — был Коктебель и Киммерия — земля, насыщенная эллинизмом и развалинами Генуэзских и Венецианских башен».

Из цикла „Киммерийские сумерки“

I

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос как шерстью чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

II

Здесь был священный лес: Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой вещей дух ужален?
Кто знает путь богов — начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щебни
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.

Гроза

Див кличет по древию, велит послушати
Волзе, Поморью, Посулью,
Сурожу...

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой.

И тутнет, гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью —
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветер плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщит молнии в зыбучее стекло...

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

* *
*

Зеленый вал отпрянул и пугливо
Умчался вдаль, весь пурпуром горя...
Над морем разлилась широко и лениво
Певучая заря.

Живая зыбь, как голубой стеклярус.
Лиловых туч карниз.
В стеклянной мгле трепещет серый парус.
И ветер в снастях повис.

Пустыня вод... С тревогою неясной
Толкает челн волна.
И распускается, как папоротник красный,
Зловещая луна.

* *
*

Сердце мира, солнце Алкиана,
Сноп огня в сиянии Плеяд!

Над зеркальной влагой Океана —
Грозди солнц, созвездий виноград.

С тихим звоном, стройно и нескоро,
Возносясь над чуткою водой,
Золотые числа Пифагора
Выпадают мерной чередой.

Как рыбак из малой Галилеи,
Как в степях халдейские волхвы,
Ночь-Фиал, из уст твоей лилеи
Пью алмазы влажной синевы!

* *
*

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

* *
*

Ступни горят, в пыли дорог душа...
Скажи: где путь к невидимому граду?
— Остановись. Войди в мою ограду
И отдохни. И слушай не дыша,
Как ключ журчит, как шелестят вершины
Осокорей, звенят в воде кувшины...
Учись внимать молчанию садов,
Дыханью трав и запаху цветов.

* *
*

Звучит в горах, весну встречая,
Ручьев прерывистая речь;
По сланцам стебли молочая
Встают рядами бледных свеч.

А на полянах влажно-мшистых
Средь сгнивших за зиму листов —
Глухие заросли безлистных
Лилово-дымчатых кустов.

И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены.

* *
*

Я, полуднем объятый,
Точно крепким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном.

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно-красной пустыне
Не тревожь мои сны —
Мне враждебны рабыни
Смертно-влажной луны,

Запах лилий и гнили
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

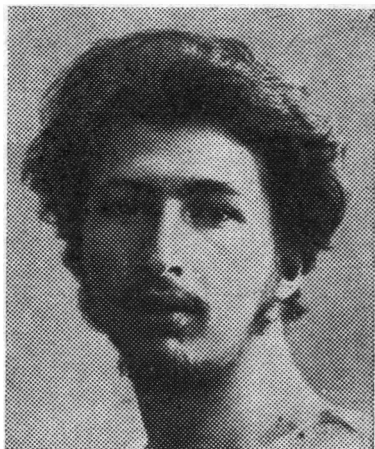
Коктебель

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерия темная страна,
Заклучена и преображена.

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.
Огонь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой, —
И сих холмов однообразный строй,
И папренный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху — разбег, а мысли — меру дали.
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Сергей Митрофанович Городецкий родился в Петербурге. Отец его, чиновник земского отдела министерства внутренних дел, из дворян, был литератором-этнографом, художником-самоучкой. Городецкий учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, там познакомился с Блоком, оценившим первые опыты молодого поэта. В 1907 г. выпустил книгу стихов «Ярь». В этой книге, созданной под впечатлением песен, игр и хороводов крестьян Псковщины, сказалось, по словам поэта, «упоение весной, солнечная, беспричинная, полузверинная радость бытия». Характерен для этих стихов образ Ярилы — языческого божества древних славян, олицетворявшего солнце и плодородие. Мифологические мотивы, чем-то напоминающие живопись Рериха и скульптуру Коненкова, близость к фольклорной стихии, стремительные ритмы, звонкие и резкие краски «Яри» вызвали восхищенные отзывы современников, в частности Блока, Брюсова, Белого. Рядом с «ярильскими песнями» в книге Городецкого звучала тема «подвальных окон», быта городских окраин, «подавленного, глухого страдания, не имеющего выхода». Она влилась и в последующие сборники поэта 1907—1914 гг. («Перун», «Дикая воля», «Русь», «Ива», «Цветущий посох»), хотя полоса реакции, наступившая после крушения революции 1905 г., сильно приглушила мажорную тональность его поэзии. Однако и в эту пору Городецкий пишет стихи, заряженные глубоким гражданским чувством: «На массу», отмеченная одобрением Л. Толстого («Ничья»). На раннем этапе своего творчества Городецкий примыкал к символистам, печатался в их журналах. В 1909 г. выступает одним из создателей «Цеха поэтов». Эта группа, просуществовавшая до Октября, получила название акмеистов. Акмеисты выступали против пристрастия символистов к туманной мистике и усложненной, зыбкой метафоричности. Они хотели утвердить в поэзии «земную», материально-чувственную, ясную предметность художественного образа и языка. Но акмеизм лишь частично подновил эстетическую

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ



1884—1967

систему символизма, что впоследствии признавал и Городецкий. Октябрьская революция обозначила решительный рубеж в мировоззрении поэта, находившегося в 1917—1918 гг. на турецком фронте войны, в Закавказье. Не прекращая поэтического творчества (сборники «Ангел Армении», «Серп», «Грань»), Городецкий ведет большую культурно-просветительскую работу. Много сил отдал он оперным либретто, написав, в частности, новый, воссоздающий истинный замысел композитора текст либретто оперы Глинки «Иван Сусанин». Городецкий выпустил несколько книг прозы; ему принадлежат ценные статьи о творчестве Никитицы, Короленько, Блока, Есенина.

Журавль

(Из цикла «Колдунок»)

На поле, за горкой, где горка низает,
Где красные луковки солнце сажает,
Где желтая рожь спорыньей поросла,
Пригнулась, дымится избенка седая,
Зеленые бревна, а крыша рудая,
В червонную землю давненько вросла.

Хихикает, морщится темный комочек,
В окошке убогом колдун-колдуночек,
Бородка по ветру лети, полетай!
«Тю-тю вам, красавицы, девки пустые,
Скончались деньки, посиделки цветные,
Ко мне на лужайку придешь невзначай.

Приступишь тихоней: «Водицы напиться
Пожалуйте, дяденька, сердце стыдится...»
— «Иди, напивайся, сердце журавля».
— «Журавль долгоспинный, журавлик высокий,
Нагнися ко мне, окунися в пстоки,
Водицы студеной пусти-ка, земля!»

Бадья окупется, журавль колыхнется,
Утробушка-сердце всполохнет, забьется:
Кого-то покажет живая струя!
«Курчавенький, русский, веселый, являйся,
Журавлик, качайся, скорей подымайся,
Во на тебе алая лента моя!»

Весна

(Монастырская)

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать вгуменья велела!
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:

— Ах ты, поле, моя воля,
Ах, дорога дорогá!
Ах, мосток у чиста поля,
Свечка чиста четверга!

Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышит жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась
У высокого мста,
Пламя свечек колебалось,
Целовались в уста.

Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый такой!
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий покой!

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря!

Странник

Молвил дождику закапать,
Завернулась пыль.
Подвязал дорожный лапоть,
Прицепил костыль.

И по этой по дороге
Закатился вдаль,
Окрестив худые ноги,
Схоронив печаль.

Береза

Я полюбил тебя в янтарный день,
Когда, лазурью светозарной
Рожденная, сочилась лень
Из каждой ветки благодарной.

Белело тело, белое, как хмель
Кипучих волн озерных.
Тянул, смеясь, веселый Лель
Лучи волосьев черных.

И сам Ярила пышно увенчал
Их сеть листвою заостренной
И, улыбаясь, разметал
В лазури неба цвет зеленый.

Ярила

В горенке малой
У бабы беспалой
Детей несудом.
Зайдет ли прохожий,
Засунется ль леший,
На свежей рогоже,
Алее моркови,
Милует и тешит;
Ей всякое гоже,
С любим по любви,
Со всяким вдвоем.

Веселая хата
У бабы беспалой.
Родятся ребята,
Середний и малый,
Урод и удалый,
Помене, поболе,
На волюшке-воле.

Отцов позабыла.
Пришел и посеял,
Кручину затеял,
Кручину избыла,
И томятся губы,
Засуха постыла,
Пустыни не любы.

— Где батько мой, мамо?
— За тучами, тамо,
Где ветер ночует,
— Где батя, родная?
— За теми лугами,
Где речка лесная
Истоки пестует.
— Где, мамо, родимый?
— За теми ночами,
Любимый,
Где месяц жарует.

Весною зеленой
У ярочки белой
Ягненок роженный;
У горлипки сизой
Горленок ядреный;
У пегой кобылы
Яр-тур жеребеноч;

У бабы беспалой
Невиданный малый:
От верха до низа
Рудой, пожелтый —
Не, не золоченый!
Ярила!

Нищая

Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.
Инея белые тернии
Тщились венки ей сплести.

День был морозный и ветренный,
Плакал ребенок навзрыд,
В этой метелице мертвенной
Старую свитку укрывает.

Молвил я: «Бедная, бедная!
Что ж, — прими мой пятак!»
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Гнется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куешь?

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгнула где без вестей?

Или сама ты заброшена
В тьму, маету, нищету?
Горе, незванно, непрошено,
Треплет твою красоту?

Ну-ка, вздохни по-старинному,
Злую помеху свали,
Чтобы опять по-былинному
Силы твои расцвели!

МАРИНА ЦВЕТАЕВА



1892—1941

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве. Дочь профессора-искусствоведа И. В. Цветаева, основателя московского Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. В 1908 г. окончила гимназию. Слушала лекции по истории литературы в Сорбонне. С шестнадцати лет начала печатать свои стихи. В 1912 г. вышла ее первая книга — «Вечерний альбом», — с одобрением отмеченная критиками, в том числе В. Брюсовым. Не поняв и не приняв Октябрьскую революцию, Цветаева в 1922 г. эмигрировала за границу. Жила сначала в Берлине, потом в Праге и Париже. Строптивая и гордая, с годами она все резче отходила от черносотенной эмигрантской среды, терпела острую материальную нужду, тосковала по родине. Писала стихи, полные презрения и ненависти к наступающей фашистской реакции в Европе. В 1939 г. вместе со своей семьей возвратилась в Советский Союз. Цветаева — поэтесса трагического склада, трагической судьбы. Создав много ценных произведений, она все же не смогла выйти на широкую дорогу той поэзии, которая говорит с целым народом, осталась «одиноким духом». Поэзии Цветаевой присуща особая интонация, неповторимые ритмы, острая экспрессивность. Звонкое и сильное, с мастерской звуковой инструментровкой, стихотворение Цветаевой — это как бы страстный монолог: весь его строй, весь темп согласован с жестом, с дыханием. Корни многих стихотворений Цветаевой — в русской песне; образы раздольной степи, ночных костров, удалой ямщицкой гоньбы, как и образ вольнолюбивого Степана Разина, — характерная черта лучших цветаевских книг. «Хождением по следу слуха народного» называла Цветаева работу поэта над словом.

* *
*

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз:
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти, — слепоты куриной
И маков набрав букет, —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда пельзя,

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои впись...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду — ему вслед.
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

* *
*

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

* *
*

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Ссыпая в узкогорлые бутылки.
Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крестным.
Кормилица с крикливым петухом
В переднике — как ночь ее повойник! —
Докладывает древним шепотком,
Что молодой — в часовенке — покойник.
И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой.
И яблони — что ангелы — белы,
И голуби на них — что ладан — сизы.
И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

* *
*

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке вереницы соломенных чучел
Под перекладами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба — посыпанный крупной солью
Черный ломоть у калитки жует и жует...

Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! — и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запыхлил, запыхлил отступающий путь...

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О господи боже ты мой!

* *
*

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Вчера еще в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал —
Жизнь выпала копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил — в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе я сделала?

Все ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Самó — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За все, за все меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала!

* *
*

Вот опять окно,
Где опять не снят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Не от свеч, от ламп темнота зажглась:
От бессонных глаз!

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...
Нет и нет уму
Моему покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

* *
*

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала — темней твоих.

Всходили и гасли звезды
(Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие песни
Я слушала ночью темной
(Откуда такая нежность?)
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — пет длинней?

* *
*

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек —
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре —
Помните утренний ветер и степь в серебре?

Синий дымок на горе
И о цыганском царе —
Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных — как ночь — сыновей,
Нищих — как ночь — сыновей...
И рокотал соловей —
Славу.

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры —
Звезды...

Глаза

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой —
Всегда б платили за постой —
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой —
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

* *
*

Русской ржи от меня поклон,
Полю, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Ты в погудке дождей и бед —
То ж, что Гомер в гекзаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь мои — обе заняты.

* *
*

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.

Через край — и мимо —
В землю черную, питать тростник.
Невероятно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

Из цикла „Стихи к дочери“

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем,

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным — так далеко-далеко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —

Серебряных перстней, чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в сграшный год, возвышены бедою,
Ты — маленькой была, я — молодою.

Николай Алексеевич Клюев происходил из крестьян, родился в деревне Коштуге, близ Вытегры, в Олонецкой губернии. Отец его, семнадцать лет прослуживший в солдатах, был сидельцем в казенной винной лавке, мать — из старообрядческой семьи, «былинница» и «вопленица». «Грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости, — писал Клюев, — обязан своей матери». Учился в церковно-приходской школе, городском народном училище (в Вытегре), позднее пробыл год в фельдшерской школе. Шестнадцати лет ходил в Соловецкий монастырь «спасаться», жил в старообрядческих скитах, увлекся сектантством, был «Давидом» у хлыстов — сочинял для них песнопения. Вероятно, осуществляя сектантские связи, ездил в Закавказье и Сибирь. В начале девятисотых годов появился в Петербурге, приехав на заработки. Входил здесь в литературный «народный кружок» П. Травина, в изданиях которого в 1904 г. выступил со стихами. За распространение противоправительственных прокламаций Крестьянского союза под Вытегрой в январе 1906 г. был арестован и полгода сидел в тюрьме, затем находился под негласным надзором. В 1907 г. завязал длительную переписку с Блоком, проявившим к поэту-крестьянину острый интерес. Первая книга стихов Клюева — «Сосен перезвон» — вышла в 1911 г. с предисловием Брюсова и была высоко оценена многими выдающимися поэтами и критиками. За ней последовало еще пять книг, а в 1919 г. был издан двухтомник клюевских стихов — «Песнослов». Клюева с его поэзией можно уподобить обросшему лесным мхом валуну, вынесенному рекой истории из времен протопопа Аввакума. Его незаурядный талант был в плену патриархальных и религиозно-мистических представлений; он ратовал за кондовую, старую Русь, за ветхозаветный уклад жизни, питая вражду к городу, к «железу», к машинной цивилизации. Как писал Клюев в 1914 г., он был готов пойти на голгофу, лишь бы «Америка не надвинулась на сизоперую зарю, на часовню на бору, на зайца у стога, на избу-сказку». Свержение ца-

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ



1887—1937

ризма Клюев принял восторженно («Распахнитесь, орлиные крылья, бей, набат, и гремите, грома»), в 1918—1919 гг. участвовал в работе коммунистической ячейки в Вытегре, однако смотрел на революцию сквозь призму консервативных крестьянских чаяний, мечтая о «мужицком рае», о мистической роли России в духовном преображении мира. Несовместимость таких устремлений Клюева с реальными задачами революции скоро дала себя знать, и все его попытки войти в русло советской поэзии оказались несостоятельными. Густой, терпкий, метафоричный, ярко-цветной, как старинная иконная живопись, стих Клюева часто насыщен сектантской символикой, но в то же время он несет в себе сильное фольклорное начало и отличается большой самобытностью. Поэт мастерски рисует северный заонежский пейзаж, дышащий у него своеобразным пантеизмом, доносит некоторые черты народной жизни. Клюев оказал немалое влияние на раннюю поэзию Есенина, но творческие пути этих поэтов после революции решительно разошлись.

* *
*

Я надену черную рубаху,
И вослед за мутным фонарем
По камням двора пойду на плаху
С молчаливо ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синий вечер, дрему паутин,
За окном ночующую галку,
На окне любимый бальзамец,

Луговин поемные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась, —
Не вовремя косынька
На две расплелась!

Развилась по спинушке,
Как льняная плеть, —
Не тебе — детинушке,
Девушкой владеть!

Дерева вилавого
С маху не срубить, —
Парня разудалого
Силой не любить.

Белая березынька
Клонится к дождю...
Не кукуй, загозынька,
Про судьбу мою...

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон, крошечный, как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежных деревень.

* *
*

Темным зовам не верит душа,
Не летит встречу призракам ночи.
Ты, как осень, ясна, хорсша,
Только строже и в ласках короче.

Потянулись с криком в отлет
Журавли над потусклой равниной.
Как с природой, тебя эшафот
Не разлучит с любимой кручиной.

Не однажды под осени плач,
О тебе — невозвратно далекой,
За разгульным стаканом палач
Головою поникнет жестокой.

* *
*

Я люблю цыганские кочевья,
Свист костра и ржанье жеребят,

Под луной как призраки деревья
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклатья живут.

Зорькой тишь, гармонику в потемки,
Дым овина, в росах коноплю...
Подвигятся дальние потомки
Моему безбрежному «люблю».

Что до них? Улыбчивые очи
Ловят сказки теми и лучей...
Я люблю остожья, грай сорочий,
Близь и дали, рощу и ручей.

* *
*

От кудрявых стружек тянет смолю,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья
На слова медлителен и скуп.

Тёпел паз, хватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, краица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сонь мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепя, как письмена:
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда очёсками кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о красном древодеде
По лесам, на запад и восток.

* *
*

Пашни буры, межи зелены,
Спит за елями закат,
Камней мшистые расщелины
Влагу вешнюю таят.

Хороша лесная родина:
Глушь да поймища кругом!..
Прослезилася смородина,
Травный слушая псалом.

И не чую больше тела я,
Сердце — всхожее зерно...
Прилетайте, птицы белые,
Клюйте ярое пшено!

Льются сумерки прозрачные,
Кроют дали, изб коньки,
И березки — свечи брачные
Теплят листьев огоньки.

* *
*

Талы избы, дорога,
Буры пни и кусты.
У лосяного лога
Четки елей кресты.

На завалине лыжи
Обсушил полудняк.
Снег дырявый и рыжий,
Словно дедов армяк.

Зорька в пестрядь и лыко
Рядит сучья раakit.
Кузовок с земляникой—
Солнце метит в зенит.

Дятел — пущ колотушка —
Дразнит стуком клеста,
И глухарья ловушка
На сегодня пуста.

* *
*

Уже хоронится от слезки
Прыскающий заяц... Синь и стыть,
И нечем голые колешки
Березке в изморозь прикрыть.

Лесных прогалин скатерётка
В черничных пятнах; на реке
Горбуньей-девушкой лодка
Грустит и старится в тоске.

Осина смотрит староверкой,
Как четки, листья обронив;
Забыв хомут, пасется Серко
На глади сонных, сжатых нив.

В лесной избе покой часовни —
Труда и светлой скорби след...
Как Ной ковчег, готовит дровни
К веселым заморозкам дед.

И ввечеру, под дождик сыпкий —
Знать, заплутав в пустом бору —
Зайчонок-луч, прокравшись к зыбке,
Заводит с первенцем игру.

* *
*

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомек
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся — к капли,
Дорога пегая — быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Нырять в хвой, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Спотворней бабких речей:

«К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь...»
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце, как скряга злато,
Теленье числа и удой,
Подойник с кринкою щербатой
Тревожат сумрак избяной.

* *
*

Вернуться с оленьего извоза,
С бубенцами, с пургой в рукавицах,
К печным солодовым грозам,
К ржаным и щаным зарницам.

К черемухе белой — женке,
К дитяти — свежэй поляны.
Овчинные жаворонки
Поют, горласты и рьяны.

За трапезой гость пречудный —
Сермяжное солнце в крыльях...
Почил перезвон погудный
На Прохорах и Васильях.

С того ль у Маланьи груди
Брыкасты, как оленята?
В лалотном лыковом гуде
Есть мед и мучная сата.

Вскисайте же, хлебные недра —
Микуловы отчие жилы!
Потемки и празелень кедра
Зареют в зрачках у Вавилы.

И крыльями плещет София —
Орлица запечных ущелий,
То вещая пряха — Россия
Прядет бубенцы и метели.

Осип Эмпильевич Мандельштам родился в Варшаве, в семье ремесленника-кожевника, впоследствии ставшего купцом. В детстве вместе с родителями переехал в Петербург. Окончил Тенишевское училище, где литературу преподавал известный ученый-пушкинист и поэт Вл. В. Гиппиус. В 1907—1910 гг. слушал лекции в Сорбонне, в Гейдельбергском университете. С 1911 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, занимаясь старофранцузским языком и литературой. Как поэт дебютировал в журнале «Аполлон» в 1909 г. Входил в группу акмеистов. Выпустил книги стихов «Камень» (1913), «Tristia» (1922), «Стихотворения» (1928). Мандельштам — поэт философского склада, с острым интересом к истории. Влюбленный в древнюю Элладу, он глубоко ощущал связь русской культуры с эллинизмом, полагая, что благодаря этой преемственности «русский язык стал именно звучащей и горящей плотью». Пушкина, Батюшкова, Баратынского Мандельштам считал представителями «эллинической линии» в русской поэзии и восхищался ими всю жизнь. В стихотворениях Мандельштама звучит торжественное, чуть архаичное, полновесное слово. Это поэт большой изобразительной точности: его стих лапидарен, изыскан по ритмам, очень выразителен и красив по звуковой инструментовке. Насыщенный литературно-историческими ассоциациями, строгий по архитектонике, он требует пристального чтения. Сочувственно принявший Октябрь, Мандельштам, однако, с трудом встал в революционную действительность и лишь нащупывал свои пути к широкому читателю, хотя в литературной среде его талант ценился всегда высоко. Перу Мандельштама принадлежат книги прозы «Шум времени» (1925), «Египетская марка» (1928), «Путешествие в Армению» (1933), книга статей «О поэзии» (1928) и «Разговор о Данте» (1933, издан в 1967 г.).

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ



1891—1938

Казино

Я не поклонник радости предвзятой,
Подчас природа — серое пятно.
Мне, в опьяненьи легком, суждено
Изведать краски жизни небогатой.

Играет ветер тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, как полотно,
Душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой.

И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино, —
Люблю следить за чайкою крылатой!

Петербургские строфы

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, — как бронёносец в доке, —
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница.
Самолюбивый, скромный пешеход,
Чудак Евгений бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

Домби и сын

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык,—
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик Домби-сын.
Веселых клерков каламбуры
Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья,
На шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле,—
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь.

* *
*

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

* *
*

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина, —
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет.
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

* *
*

Чуть мерцает призрачная сцена,
Хоры слабые теней,
Захлестнула шелком Мельпомена
Окна хра́мины своей.
Черным табором стоят кареты,
На дворе мороз трещит,
Всё космато — люди и предметы,
И горячий снег хрустит.

Понемногу челядь разбирает
Шуб медвежьих вороха.
В суматохе бабочка летает.
Розу кутают в меха.
Модной пестряди кружки и мошки,
Театральный легкий жар,
А на улице мигают плошки
И тяжелый валит пар.

Кучера измаялись от крика,
И храпит и дышит тьма.
Ничего, голубка Эвридика,
Что у нас студеная зима.
Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник.

Пахнет дымом бедная овчина.
От сугроба улица черна.
Из блаженного, певучего притива
К нам летит бессмертная весна,
Чтобы вечно ария звучала:
«Ты вернешься на зеленые луга»,
И живая ласточка упала
На горячие снега.

* *
*

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
«Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем», — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь — никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни,
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы — на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: «Виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке,
В каменистой Тавриде наука Эллады, — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки».

Ну а в комнате белой как прялка стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена, другая, — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

* *
*

Умывался ночью на дворе, —
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч — как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова, —
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее,
Чище смерть, соленее беда,
И земля правдивей и страшнее.

Анна Андреевна Ахматова родилась под Одессой, в семье морского инженера-механика. Настоящая фамилия поэтессы — Горенко, Ахматова — ее литературный псевдоним. Детские годы провела в Царском Селе. В 1907 г. окончила гимназию в Киеве. Училась на Высших историко-литературных курсах Раева в Петербурге, где и прошла почти вся ее жизнь. В 1910—1912 г. путешествовала по Германии, Франции, Италии. Печататься начала в 1907 г., примкнув к группе акмеистов. Уже первые сборники стихов Ахматовой принесли ей всероссийскую известность. Тесно связанная с дворянской культурой, с бытом привилегированных слоев царской России, Ахматова благодаря своему глубокому чувству патриотизма осталась после Октября на родине и прошла затем долгий творческий путь. В своих «камерных», преимущественно любовных, лирических миниатюрах с их характерным ахматовским тембром она по-своему отразила тревожную атмосферу предреволюционного десятилетия; впоследствии диапазон ее тем и мотивов стал более широким и сложным. Классическая строгость ее стихов, их ясность, лапидарность, редкое чувство гармонии, заставляющее вспомнить искусство древних греков, ставят Ахматову в число выдающихся мастеров поэзии XX в. Стиль Ахматовой как бы сплавил в себе традиции классики и новейший опыт русской поэзии. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. поэтесса, своими глазами видевшая блокаду Ленинграда, создает цикл стихов, полных любви к родине и советским людям. Ее поэзия обретает высокое гражданское звучание. В последние годы жизни Ахматова завершила «Поэму без героя», раскрыв в ней опыт своего литературного поколения и взглянув на прошлое строгим взглядом историка. Работала над переводами (древняя корейская поэзия, сербский эпос). Написала цикл этюдов о Пушкине. Прижизненные сборники стихов Ахматовой: «Вечер» (1912), «Четки» (1914), «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921), «Анпо domini MCMXXI» (1922), «Из шести книг» (1940), «Стихотворения» (1961), «Бег времени» (1965).

АННА АХМАТОВА



1889—1966

Вечером

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платя. —
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так глядят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных.
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

* *
*

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом,
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

* *
*

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

* *
*

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

* *
*

Н. Г. Чулковой

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

* *
*

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.

Не ласки жду я, не любовной лести,
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

* *
*

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Всё мне забава,—
Ночью Муза слетит утешать,
А на утро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

* *
*

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?

Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам...
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

* *
*

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полужакрытые глаза.

Прощай, прощай, будь счастлив,
друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред,—

Затем, что он пронизет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

* *
*

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я всеселье стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик анста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

* *
*

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

* *
*

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,

Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

* *
*

Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невиской дельте.
О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулочек снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутomu снегу
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до веспы тоскуют, —
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом,
И жаловался весело, и грустно
О радости небывшей говорил.
Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака, —
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

* * *

*

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль пораженных и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

* * *

*

Хорошо здесь: и шелест и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».



Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

Мартовская элегия

Прошлогодных сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто принял к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутином углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

АЛЕКСАНДР БЛОК



1880—1921

Александр Александрович Блок родился в Петербурге. Отец его был профессор-юрист. Родители поэта разошлись вскоре после его рождения. Раннее детство Блока протекало в семье его деда по матери Бекетова, известного ботаника, ректора Петербургского университета. Летом Блок жил в дедовском поместье — селе Шахматове, Клинского уезда, Московской губернии. Юного Блока окружала высокоинтеллигентная дворянская среда, которой была близка литература, музыка, театр. После гимназии Блок учился в Петербургском университете, сначала на юридическом, а затем на историко-филологическом факультете. Университет окончил в 1906 г. В печати выступил в 1903 г. В 1904 г. вышла первая книга Блока —

«Стихи о Прекрасной Даме». Блок-ская лирика той поры окрашена в молитвенно-мистические тона: реальному миру в ней противопоставлен постигаемый лишь в тайных знаках и откровениях призрачный, «потусторонний» мир. Поэт находился под сильным влиянием идеалистического учения Вл. Соловьева о «конце мира» и «мировой душе». В русской поэзии Блок занял свое место как яркий представитель символизма, хотя дальнейшее его творчество переклестнуло все символистские рамки и каноны. Социальные, гражданские мотивы явственно обозначились в стихах Блока еще накануне 1905 г. («Фабрика»); революционные события лишь укрепили в поэте чувство гуманиста и демократа. На страницах книг Блока встает образ родины, сквозь поэтические символы и метафоры просвечивает реальная русская жизнь. Блоку было свойственно острое чувство времени, истории. Он всем своим существом отрицал старый миропорядок, постигая его обреченность. Поэт жил и работал в напряженно-тревожном предчувствии «неслыханных» перемен, «невиданных мятежей». Вопреки всем срывам и падениям, вопреки звучащей в его поэзии жертвенности, Блок самозабвенно рвался к будущему, к революции. Это был, по словам М. Горького, человек «бесстрашной искренности». Блок — лирик мирового масштаба. Вклад его в русскую поэзию необыкновенно богат. Лирический образ России, страстная исповедь о светлой и трагической любви, величавые ритмы итальянских стихов, прозительное очерченный лик Петербурга, «заплаканная краса» деревень — все это с широтой и проникновением гения вместил в своем творчестве Блок. Октябрьскую революцию Блок принял и приветствовал как зарю новой эры человечества. Он деятельно участвовал в строительстве советской культуры. В январе 1918 г. поэт создает овеянную революционной романтикой знаменитую поэму «Двенадцать» — гимн победившему народу. Тогда же Блок написал и стихотворение-оду «Скифы». Несмотря на неверный тезис «Скифов», противопоставляющий Восток и Запад, поэт славит в нем освобожденную Россию

как оплот грядущего братства народов, зовет покончить с ужасами войны. «Мир и братство народов — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать», — говорил Блок. Творчеством Блока завершилось развитие русской поэзии дооктябрьского периода. В то же время как один из зачинателей советской поэзии Блок оказал большое влияние и на ее дальнейшие судьбы.

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столбков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» * кричат.

* «Истина в вине!» (лат.). — Ред.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и тумапами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

* *
*

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И, удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья; за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

Фабрика

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные слины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несущий...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

На поле Куликовом

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!

И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль..

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!

Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...

Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

* *
*

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах пбутру идти!

* *
*

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, по ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Равенна

Все, что минутно, все, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и царяц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далеко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Осенний день

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих.
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лѣтом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

* *
*

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локоп:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальной из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежную
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.



Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыхание,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтаешь!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный мóрок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

В ресторане

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Истпуленно запели смычки...

Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой, легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

* * *

*

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

Голоса скрипок

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море зарево.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь беспельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Художник

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирини райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Свежий свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

* *
*

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям па безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

* *
*

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взвывается с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

Скифы

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Владимир Соловьев

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плава наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далекий аромат,
И Кёльна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И умирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Большое позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

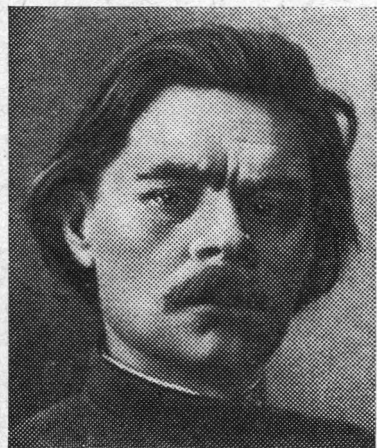
Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

МАКСИМ ГОРЬКИЙ



1868—1936

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) — великий русский писатель, основоположник социалистического реализма. Родился в Нижнем Новгороде, в семье столяра-краснодеревщика. В печати впервые выступил в 1892 г. (рассказ «Макар Чудра» в тифлисской газете «Кавказ»). За сорок с лишним лет своей литературной деятельности Горький создал целую библиотеку замечательных романов, повестей, рассказов, пьес, очерков. Но страсть Горького к литературе первоначально проявилась в поэтических опытах. Известно, что одну из своих ранних поэм — «Песнь старого дуба» — Горький отдал на суд Короленко и, получив неблагоприятный отзыв, уничтожил ее. В 1892 г. Горький написал сказку-поэму «Девушка и смерть». Печатаемая в самарской газете в 1895 г. рассказ «О маленькой фее и молодом чабане», Горький включил в него стихотворение «Легенда о Марко», которое потом было положено на музыку. В том же, 1895 г. Горький создал «Песню о Соколе», а в 1901 г. — «Песню о Буревестнике» — пламенный зов к борьбе, к свержению самодержавия. Появление горьковских «Песен» было знаменательным событием в литературной жизни России накануне революции 1905 г. Эти «Песни» стали любимейшим произведением всего передового человечества. Множество стихотворений Горького рассыпано в его романах, рассказах, пьесах как реплики того или иного персонажа. По признанию Горького, он писал стихи до конца жизни.

Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут. — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятые крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гнев грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

Легенда о Марко

В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась;
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.

Ее рыбаки испугались,
Но был с ними юноша Марко:
Схватил он красавицу фею
И стал целовать ее жарко.

А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела
И тихо над чем-то смеялась.

Весь день она Марка ласкала;
И как только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марка душа загрустила...

И дни ходит Марко и ночи
В лесу над рекою Дунаем,
Все ищет, все стонет: «Где фея?»
Но волны смеются: «Не знаем!»

Но он закричал им: «Вы лжете!
Вы сами играете с нею!»
И бросился юноша глупый
В Дунай, чтоб найти свою фею.

Купается фея в Дунае,
Как раньше до Марка купалась;
А Марка — уж нету... Но, все же,
О Марко хоть песня осталась.

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

Демьян Бедный — псевдоним Ефима Алексеевича Придворова. Родился в деревне Губовке, Херсонской губернии, в бедной крестьянской семье. Окончил киевскую военно-фельдшерскую школу. В 1900—1903 гг. служил в армии. С 1904 г., экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В 1912 г. вступил в РСДРП, активно сотрудничал в большевистской печати (газеты «Звезда» и «Правда»). В «Звезде» в 1911 г. в стихотворении «О Демьяне бедном, мужике вредном» впервые и прозвучало литературное имя поэта. Демьян Бедный — крупнейший мастер политической сатиры. Развивая традиции Крылова, Некрасова, Курочкина, он создает в предреволюционные годы множество басен, стихотворных фельетонов, эпиграмм. Непримиримый враг самодержавия, страстный противник империалистической войны, он обрушивался в своих произведениях на фабрикантов, помещиков, кулаков, попов, а позже — на буржуазных министров Временного правительства. Огромную политическую роль сыграла деятельность Демьяна Бедного в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Поэт был постоянно с бойцами — на фронтах, в воинских эшелонах. Он прибегал ко всем поэтическим жанрам, доступным для масс: писал и патетические, пафосные стихотворения, и частушки, и сатирические раешники, и песни. По выражению самого поэта, все это были боевые «разрывные снаряды». Напечатанные большими тиражами, с красочными карикатурами и шаржами, стихи Демьяна Бедного в ту пору были у всех на устах. По свидетельству современника, «его брошюры в соседстве с хлебом и махоркой можно было увидеть торчащими из карманов у грамотных крестьян в деревне, у рабочих, у красноармейцев». Как вспоминал Горький, В. И. Ленин усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил: «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немного впереди». Верный пропагандист и агитатор большевистской партии, Демьян Бедный интенсивно ра-

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ



1883—1945

ботал и в эпоху мирного социалистического строительства, и в дни Великой Отечественной войны. Творчество Демьяна Бедного опиралось на все богатство живого, разговорного языка. Демьян Бедный великолепно знал фольклор, знал жизнь широких народных масс, их нравы и вкусы. Будучи поэтом крестьянской, «мужичьей» закваски, он чудесно владел грубовато-насмешливой, хлесткой и меткой речью, в которой искрилась народная поговорка, присловье, истинно русский оборот.

Работнице

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — «работница-сестра».

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонила голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И мстью, реющей вдали,
Молю, сестра: твоею верой
Нас подними и исцели!

Печаль

Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... Следы борьбы.
Остановились. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе, —
Так хороша, в глазах — огонь.
Красноармеец — рваный тоже —
Пред нею вытянул ладонь.

Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.

Колеса снова застучали.
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу.
К чему? Я сроща с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошную красной краской
Пишу и небо и забор.
Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой...
В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой!
О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Все, что идет тогда на ум!
Какой восторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан,
Все, кто исполнен злой опаски,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому все светлое — обман!

Не избалован я судьбою.
Жизнь жестоко меня трясла.
Все ж не умножил я собою
Печальных нытиков числа.
Но — полустанок захолустный...
Гадалки эти... ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный
Все у меня нейдет с ума!

Дождем осенним плачут окна.
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно.
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

Снежинки

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

Велимир (Виктор) Владимирович Хлебников родился в Астраханской губернии, сын ученого-натуралиста. Учился в Казанском университете, затем, с 1908 г., в Петербургском; курса не закончил. В печати дебютировал в 1908 г., на страницах сборника футуристов «Садок судей». Один из ведущих участников движения футуристов в России, подписавший все их манифесты. Хлебникову принадлежит и русское название футуристов — «будетляне». Являя собой странную фигуру в литературном мире, вел неустроенную, полубродячую жизнь, был редкостным бессребреником, называл себя дервишем, йогом, марсианином. В апреле 1916 г., во время империалистической войны, был призван в армию, служил рядовым в запасном пехотном полку, испытал много непосильных для него мучений солдатчины. После Октября, в 1921 г., провел несколько месяцев в Северном Иране, куда пошел из Баку с частями Красной Армии. Всегда погруженный в фантастические умозаключения (попытки найти числовые закономерности истории, создать «звездный», или «мировой», язык — иероглифический язык понятий, «азбуку ума»), он редко завершал литературные работы и мало заботился об их сохранности, гаская бумаги в своих подуголодных страствнях в мешках, в наволочках. В печать его стихи готовили и сдавали обычно друзья. Хлебников — поэт-экспериментатор, искатель, по определению Маяковского — «Колумб новых поэтических материков». В глазах многих он и сейчас остается «поэтом для поэтов». Наделенный острым чувством природы, свежестью восприятия, особым чутьем к слову, Хлебников исходил в своем творчестве из собственных теорий и писал очень своеобразно, применяя чаще свободный интонационный стих, с неожиданными ритмическими и смысловыми сдвигами. Вникая в корни слов, в начальные звуки корней, хотел постигнуть древнейший смысл звука и слова и тем самым проникнуть в память человечества. По гнездам родственных слов обосновывал возможность и необходимость возникновения словесных и сам создавал их. Изобретенные

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ



1885—1922

им слова («смехачи», «смеево» от корня «сме», например) встречаются в его стихах рядом с архаизмами, новаторство сочеталось с горячей привязанностью к древнерусским сюжетам, к старинному синтаксису. Неровность и «раздерганность» его стихов как бы контрастирует с отдельными блестящими по выразительности кусками, с прекрасными образами и определениями. Многие строки Хлебникова, говорилось в одной критической статье 1914 г., «кажутся обрывками какого-то большого, никогда не написанного эпоса». В годы империалистической войны и революции стихи Хлебникова заметно приблизились к живой социальной жизни (поэмы «Ночь перед Советами», «Прачка»); революцию он воспринял как на-

Аул рассыпан был, казались сакли
Буквами нам непонятной речи.
Там камень красный подымался в небо
На полверсты прямою высотой, кем-то читаемой
довыне книгой,

Но я чтеца на небе не заметил,
Хотя, казалось, был он где-то около,
Быть может, он чалмой дождя завернут был.
Служебным долгом внизу река шумела,
И оттеняли высоту деревья-одиночки.
А каменные ведомости последней тьмы тех лет
Красны, не скомканы, стояли.

Окаменелых новостей висели правильно строки.
А через день Чека допрос окончила ненужный,
И я в Баку на поезде уехал.

Овраги, где клубилась река
В мешках внезапной пустоты,
Где сумрак служил небу,
Я узнавал растений храмы,
И чины и толпу.

Здесь дикий виноград я рвал,
Все руки исцарапав.

То торгова крик? Иль описание любви, и нежной и туманной?
Как пальцы рук над каменной газетой, белели облака
К какому множеству столетий.
И я уехал.

Овраги, где я лазил, мешки русла пустого, где
прятались святилища растений,
И груша старая в саду, на ней цветок богов — омела
раскинула свой город.

Могучее дерево мучая деревней крови другой, цветами краснея,
Прощайте все!

Прощайте, вечера, когда ночные боги, седые пастухи,
В деревни золотые вели свои стада.

Бежали буйволы, и запах молока вздымался деревом на небо
И к тучам шел.

Прощайте, черно-синие глаза у буйволиц
за черною решеткою ресниц,

Откуда лились лучи материнства и на телянка и на людей.
Прощай, ночная темнота,

Когда и темь и буйволы
Одной чернели тучей,
И каждый вечер натыкался я рукой
На их рога крутые,

Кувшин на голове
Печальнооких жен
С медлительной походкой!

* *
*

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, войны, строго уларим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споят у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца —
Самодержавном пароде.

Не шалить!

Эй, молодчики-күпчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях — рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговли.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Довом-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые уструги.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

Иранская песня

Как по речке по Ирану,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды
Ходят двое чудаков
Да стреляют судаков.
Они целят рыбе в лоб,
Стой, голубушка, стоп!
Они ходят, приговаривают.
Верю, память не соврет.
Уху варят и пѳваривают.
«Эх, не жизнь, а жестянка!»
Ходит в небе самолет,
Братвой облаку удалой,
Где же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказкам наперед:
Прежде сказки — станут былью,
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснуся, в землю втоптан,
Пыльным черепом тоскуя.
Или все свои права
Брошу будущему в печку?
Эй, черней, лугов трава!
Каменей навеки, речка!

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ



1893—1930

По силе таланта и размаху литературной деятельности Маяковский принадлежит к числу титанических фигур русского искусства. Его поэзия — художественная летопись нашей страны в эпоху Великой Октябрьской революции и построения социализма. Маяковский — истинный певец Октября, он как бы живое олицетворение нового типа поэта — активного борца за светлое будущее народа. Его стихи и поэмы «весомо, грубо, зримо» навсегда вошли в историю XX в. С удивительной смелостью новатора Маяковский вторгся в традиционную, утвердившуюся еще в XVIII столетии силлабо-тоническую систему стихосложения, сильно преобразив ее. Стих Маяковского опирается не

на музыку ритма, а на смысловое ударение, на интонацию. Количество слогов в строке утратило у Маяковского решающее значение, возросла и качественно изменилась организующая роль рифмы, резко выявился разговорный характер стиха, воспринимаемого прежде всего на слух, с голоса, в широкой аудитории. Стих, читаемый глазами, и стих речевой соединились. Это был крупнейший со времен Пушкина, принципиально новый шаг в развитии русской поэзии. Владимир Владимирович Маяковский родился в Грузии, в селе Багдади, в семье лесничего. С 1902 г. учился в гимназии в Кутаиси, затем в Москве, куда после смерти отца переехал вместе со всей семьей. В 1908 г. оставил гимназию, отдавшись подпольной революционной работе. В пятнадцатилетнем возрасте вступил в РСДРП(б), выполнял пропагандистские задания. Трижды подвергался аресту; в 1909 г. сидел в Бутырской тюрьме в одиночке. Там и начал писать стихи. С 1911 г. занимался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Приблизив к кубофутуристам, в 1912 г. опубликовал первое стихотворение — «Ночь» — в футуристическом сборнике «Поэзия общественному вкусу». В ранних стихах Маяковского, рисующих современный город, заключен страстный протест против капиталистического уклада жизни. Тема трагичности существования человека при капитализме пронизывает крупнейшие вещи Маяковского предреволюционных лет — трагедию «Владимир Маяковский», поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Война и мир». Уже тогда Маяковский стремился создать поэзию «площадей и улиц», обращенную к «низам», к широким массам. Он верил в близость наступающей революции. «В терновом венке революций грядет шестнадцатый год», — писал он в «Облаке». «Моя революция», — говорил Маяковский, когда грянул Октябрь 1917 г. Все свое поэтическое мастерство он отдал на службу революции — «чтоб выволочь республику из грязи». Медные трубы и литавры боевого марша, эпос и лирика, разящая сатира и агитационные плакаты

РОСТА — на всем этом многообразии жанров Маяковского лежит резкая печать его самобытности. В замечательных лиро-эпических поэмах «Владимир Ильич Ленин» (1924) и «Хорошо!» (1927) Маяковский воплотил мысли и чувства человека социалистического общества, героические черты эпохи. «Это Октябрь, отлитый в бронзу», — сказал о поэме «Хорошо!» А. В. Луначарский. В стихах о загранице поэт, развенчивая лживый характер буржуазных «свобод», раскрыл всемирно-историческое значение советского строя. В знаменитых «Стихах о советском паспорте» звучит голос Маяковского — великого патриота. Поэт весь был устремлен в будущее, в «завтра». «Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет!» — писал он. Огромное влияние Маяковского на советскую поэзию заключается не только в области стихотворных форм. Маяковский утвердил новый взгляд на поэта, на его роль в обществе как бойца. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», — требовал он. Маяковский мощно влиял на прогрессивную поэзию мира — у него учились Иоганнес Бехер и Луп Арагон, Назым Хикмет и Пабло Неруда. Поэзия Маяковского активно действует в нашей жизни и поныне.

А вы могли бы?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Скрипка и немножко нервно

Скрипка издергалась, упрашивая,
и вдруг разревелась
так по-детски,
что барабан не выдержал:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал,
не дослушал скрипичной речи,
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.
Оркестр чужо смотрел, как
выпдакивалась скрипка

без слов,
без такта,
и только где-то
глухая тарелка
вылязгивала:
«Что это?»
«Как это?»
А когда геликон —
медпорожий,
потный,
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» —
я встал,
шатаясь полез через ноты,
сгибающиеся под ужасом пюпитры,
зачем-то крикнул:
«Боже!»
Бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи.
Я вот тоже
ору —
а доказать ничего не умею!»
Музыканты смеются:
«Влип как!»
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне — наплевать!
Я — хороший.
«Знаете что, скрипка?
давайте —
будем жить вместе!
А?»

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.

Гроб.
Груб.—

Ветром опита,
льдом обута
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
питаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:

— Лошадь упала! —
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течет по-своему...

Подошел и вижу —
за каплицей каплища
по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылиплась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка.
Все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть,
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла́,
только

лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стойло жпть,
и работать стоило.

Флейта-позвоночник

Пролог

За всех вас,
которые правились или нравятся,
храпимых иконами у души в пещере,
как чашу вина в застольной здравнице,
подъемлю стихами наполненный череп.

Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт.

Память!
Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди.
Из тела в тело веселье лейте.
Пусть не забудется ночь никем.
Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике.

1

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я, этот ад тая!

Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!
Буре веселья улицы узки.
Праздник нарядных черпал и черпал.
Думаю.
Мысли, крови сгустки,
больные и запекшиеся, лезут из черепа.

Мне,
чудотворцу всего, что празднично,
самому на праздник выйти не с кем.
Возьму сейчас и грохнусь навзничь
и голову вывозжу каменным Невским!
Вот я богохулил.
Орал, что бога нет,
а бог такую из пекловых глубин,
что перед ней гора заволнуется и дрогнет,
вывел и велел:
люби!

Бог доволен.
Под небом в круче
измученный человек одичал и вымер.
Бог потирает ладони ручек.
Думает бог:
погоди, Владимир!
Это ему, ему же,
чтоб не догадался, кто ты,
выдумалось дать тебе настоящего мужа
и на рояль положить человечьи ноты.
Если вдруг подкрасться к двери спальни,
перекрестить над вами стёганье одеяло,
знаю —
запахнет шерстью паленной,
и серой издымится мясо дьявола.

А я вместо этого до утра раннего
в ужасе, что тебя любить увели,
метался
и крики в строчки выгранивал,
уже наполовину сумасшедший ювелир.
В карты б играть!
В вино
выполоскать горло сердцу изоханному.

Не надо тебя!
Не хочу!
Все равно
я знаю,
я скоро сдохну.

Если правда, что есть ты,
боже,
боже мой,
если звезд ковер тобою выткан,
если этой боли,
ежедневно множимой,
тобой ниспослана, господи, пытка,
судейскую цепь падень.
Жди моего визита.
Я аккуратный,
не замедлю ни на день.
Слушай,
всевышний инквизитор!

Рот зажму.
Крик ни один им
не выпущу из искусанных губ я.
Привяжи меня к кометам, как к хвостам лошадиным,
и вымчи,
рвя о звездные зубья.
Или вот что:
когда душа моя выселится,
выйдет на суд твой,
выхмурясь тупенько,
ты,
Млечный Путь перекинув виселицей,
возьми и вздерни меня, преступника.
Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только —
слышишь! —
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимой!

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда я денусь, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая!

И небо,
 в дымах забывшее, что голубь,
 и тучи, ободранные беженцы точно,
 вызарю в мою последнюю любовь,
 яркую, как румянец у чахоточного.

Радостью покрою рев
 скопа
 забывших о доме и уюте.

Люди,
 слушайте!
 Вылезьте из окопов.
 После довоюете.

Даже если,
 от крови качающийся, как Бахус,
 пьяный бой идет, —
 слова любви и тогда не ветхи.

Милые немцы!
 Я знаю,
 на губах у вас
 гётевская Гретхен.

Француз
 улыбаясь на штыке мрет,
 с улыбкой разбивается подстреленный авиатор,
 если вспомнят
 в поцелуе рот
 твой, Травиата.

Но мне не до розовой мякоти,
 которую столетия выжуют.
 Сегодня к новым ногам лягте!
 Тебя пою,
 покрашенную,
 рыжую.

Может быть, от дней этих,
 жутких, как штыков острия,
 когда столетия выбелят бороду,
 останемся только
 ты
 и я,
 бросающийся за тобой от города к городу.

Будешь за море отдана,
спрячешься у ночи в норе, —
я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона
огненные губы фонарей.

В зное пустыни вытянешь караваны,
где львы начеку, —
тебе
под пылью, ветром рваной,
положу Сахарой горящую щеку.

Улыбку в губы вложишь,
смотришь —
тореадор хорош как!
И вдруг я
ревность метну в ложи
мрущим глазом быка.

Вынесешь на мост шаг рассеянный —
думать
хорошо внизу бы.
Это я
под мостом разлился Сеной,
зову,
скалю гнилые зубы.

С другим зажгешь в огне рысаков
Стрелку или Сокольники.
Это я, взобравшись туда высоко,
луной томлю, ждущий и голенький.

Сильный,
понадоблюсь им я —
велят:
себя на войне убей!
Последним будет
твое имя,
запекшееся на выдранной ядром губе.

Короной кончу?
Святой Еленой?
Буре жизни оседлав валы,
я — равный кандидат
и на царя вселенной
и на
кандалы.

Быть царем назначено мне,—
твое личико
на солнечном золоте моих монет
велю народу:
вычекань!
А там,
где тундрой мир вылинял,
где с северным ветром ведет река торги,—
на цепь нацарапаю имя Лилино
и цепь исцелю во мраке каторги.

Слушайте же, забывшие, что небо голубб,
выщетинившиеся,
звери точно.
Это, может быть,
последняя в мире любовь
вызарила румянцем чахоточного.

3

Забуду год, день, число.
Запрусь одинокий с листом бумаги я.
Творишь просветленных страданием слов
нечеловечья магия!

Сегодня, только вошел к вам,
почувствовал —
в доме неладно.
Ты что-то таила в шелковом платье,
и ширился в воздухе запах ладана.
Рада?
Холодное
«очень».
Смятением разбита разума ограда.
Я отчаянье громозжу, горящ и лихорадочен.

Послушай,
все равно
не спрячешь трупа.
Страшное слово на голову лавь.
Все равно
твой каждый мускул
как в рупор

трубит:
умерла, умерла, умерла!
Нет,
ответь.
Не лги!
(Как я такой уйду назад?)

Ямами двух могил
вырылись в лице твоём глаза.

Могилы глубятся.
Нету дна там.
Кажется,
рухну с помоста дней.
Я душу над пропастью натянул канатом,
жонглируя словами, закачался над ней.

Знаю,
любовь его износила уже.
Скуку угадываю по стольким признакам.
Вымолоди себя в моей душе.
Празднику тела сердце вызнакомь.

Знаю,
каждый за женщину платит.
Ничего,
если пока
тебя вместо шика парижских платьев
одену в дым табака.

Любовь мою,
как апостол во время оно,
по тысяче тысяч разнесу дорог.
Тебе в веках уготована корона,
а в короне слова мои —
радугой судорог.
Как слоны стопудовыми играми
завершали победу Пиррову,
я поступью гения мозг твой выгромил.
Напрасно.
Тебя не вырву.

Радуйся,
радуйся,
ты доконала

теперь!
Такая тоска,
что только б добежать до канала
и голову сунуть воде в оскал.

Губы дала.
Как ты груба ими.
Прикоснулся и остыл.
Будто целую покаянными губами
в холодных скалах высеченный монастырь.

Захлопали
двери.
Вошел он,
весельем улиц орошен.
Я
как падвое раскололся в вопле,
Крикнул ему:
«Хорошо,
уйду,
хорошо!
Твоя останется.
Тряпок нашей ей,
робкие крылья в шелках зажирели б.
Смотри, не уплыла б.
Камнем на шее
навесь жепе жемчуга ожерелий!»
Ох, эта
ночь!
Отчаянье стягивал туже и туже сам.
От плача моего и хохота
морда комнаты выкосилась ужасом.

И видением вставал унесенный от тебя лик,
глазами вызарила ты на ковре его,
будто вымечтал какой-то новый Бялик
ослепительную царицу Сиона евреева.

В муке
перед той, которую отдал,
коленипреклоненный выник.
Король Альберт,
все города .

отдавший,
рядом со мной задаренный именинник.

Вызолачивайтесь в солнце, цветы и травы!
Весеньтесь, жизни всех стихий!
Я хочу одной отравы —
пить и пить стихи.

Сердце обокравшая,
всего его лишив,
вымучившая душу в бреду мою,
прими мой дар, дорогая,
больше я, может быть, ничего не придумаю.

В праздник красьте сегодняшнее число.
Творишь,
распятью равная магия.
Видите —
гвоздями слов
прибит к бумаге я.

Наши марш

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медлейна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг, луг,
выстели дно дням.
Радуга, дай дуг,
лет быстролётным коням.

Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьём.
Эй, Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша — медь литавр.

Левый марш

(Матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тихе, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами гбря

солнечный край непечатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нациятой,
стальной изливаются леевой,—
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Из поэмы „Хорошо!“

Дул,
как всегда,
 октябрь
 ветрами,
как дуют
 при капитализме.
За Троицкий
 дули
 авто и трамы,
обычные
 рельсы
 вызменв.
Под мостом
 Нева-река,
по Неве
 плывут кронштадтцы...

От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься.
В бешеном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий,
вроде
упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший. —
«В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»
Видят
редких звезд глаза,
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы.
А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.
Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!
Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.

не разнимал и не рвал.
Не выдержав
молчанья,
сдавался слабый —
уходил
от испуга,
от нерва.
Первым,
боязнью одолен,
снялся
бабий батальон.
Ушли с батарей
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы...
А Керенский —
спрятался,
попробуй
вымань его!
Задумывалась
казачья башка.
И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.
И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.
А в Зимнем,
в мягких мебелих
с бронзовыми выкрутами,
сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут

переспевшей грушею,
как только
их потрясут.
Голос — редок.
Шепотом,
знаками.
— Кéренский где-то? —
— Он?
За казаками.—
И снова молча.
И только
пóд вечер:
— Где Прокопович? —
— Нет Прокоповича.—
А из-за Николаевского
чугунного мостá
как смерть
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь.
И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.
Шум,
который
тек родником,
теперь
прибоем наваливал.
Кто длинный такой?..
Дотянуться смог!
По каждому
из стекол
удары палки.
Это —
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху —
город
как будто взорван —

бабахнула
 шестидюймовка Авророва.
И вот
 еще
 не успела она
рассыпаться,
 гулка и грозна —
над Петропавловкой
 взвился
 фонарь,
восстанья
 условный знак.
— Долой!
 На приступ!
 Вперед!
 На приступ! —
Ворвались.
 На ковры!
 Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
 каждый выступ
брали,
 перешагивая
 через юнкеров.
Как будто
 водою
 комнаты полня,
текли,
 сливались
 над каждой потерей,
и схватки
 вспыхивали
 жарче полдня
за каждым диваном,
 у каждой портьеры.
По этой
 анфиладе,
 приветствиями бранной
монархам,
 несущим
 короны-клады,—
бархатными залами,
 раскатистыми коридорами
гремели,

бились
 сапоги и приклады.
 Какой-то
 смущенный
 сукин сын,
 а над ним
 путиловец —
 нежней папаши:
 «Ты,
 парнишка,
 выкладывай
 ворованные часы —
 часы
 теперича
 наши!»
 Топот рос
 и тех
 тринадцать
 сгреб,
 забил,
 зашиб,
 затыркал.
 Забились
 под галстук —
 за что им приняться?
 Как будто
 топор
 навис над затылком.
 За двести шагов...
 за тридцать...
 за двадцать...
 Вбегают
 юнкер:
 «Драться глупо!»
 Тринадцать визгов:
 — Сдаваться!
 Сдаваться! —
 А в двери —
 бушлаты,
 шинели,
 тулупы...
 И в эту
 тишину,
 раскатившийся влать

бас,
окрепший
над реями рея:
«Которые тут временные?»
Слазь!
Кончилось ваше время»...
А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
— и это будет... —
пели:
— и это есть наш последний... —
До рассвета
осталось
не больше аршина,
руки
лучей
с востока взмóлены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
в Смольный».
Умолк пулемет.
Угодил толкóв.
Умолкнул
пуль
звонящий улей.
Горели,
как звезды,
границы штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.
Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.

Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы,
уже —
при социализме...

Во весь голос

Первое вступление в поэму

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный п призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы кауризной.

Засадил садик мило,
дочка,
 дача,
 вот
 и гладь —
«Сама садик я садил,
сама буду поливать».
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
 набравши в рот, —
кудреватые Митрейки,
 мудреватые Кудрейки —
кто их, к черту, разберет!
Нет на прорву карантина —
манголинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эп-н...»
Неважная честь,
 чтоб из этаких роз
мой изваяния высилась
по скверам,
 где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
 да сифилис.
И мне
 агитпроп
 в зубах навяз,
и мне бы
 строчить
 романсы на вас, —
доходней оно
 и прелестней.
Но я
 себя
 смирять,
 становясь
на горло
 собственной песне.
Слушайте,
 товарищи потомки,
агитатора,
 горлана-главаря!
Заглуша
 поэзии потоки,

я шагну
 через лирические томики,
 как живой
 с живыми говоря.
 Я к вам приду
 в коммунистическое далекó
 не так,
 как песенно-есененный провитязь.
 Мой стих дойдет
 через хребты веков
 и через головы
 поэтов и правительств.
 Мой стих дойдет,
 но он дойдет не так,—
 не как стрела
 в амурно-лировой охоте,
 не как доходит
 к нумизмату стершийся пятак
 и не как свет умерших звезд доходит.
 Мой стих
 трудом
 громаду лет прорвет
 и явится
 весомо,
 грубо,
 зримо,
 как в наши дни
 вошел водопровод,
 сработанный
 еще рабами Рима.
 В курганах книг,
 похоронивших стих,
 железки строк случайно обнаруживая,
 вы
 с уважением
 ощупывайте их,
 как старое,
 но грозное оружие.
 Я
 ухо
 словом
 не привык ласкать;
 ушку девическому
 в завиточках волоска

мы открываем ставни,
 но и без чтения
 мы разбирались в том,
 в каком идти,
 в каком сражаться стане.

Мы
 диалектику
 учили не по Гегелю.
 Бряцанием боев
 она врывалась в стих,
 когда
 под пулями
 от нас буржуи бегали,
 как мы
 когда-то
 бегали от них.

Пускай
 за гениями
 безутешною вдовой
 плетется слава
 в похоронном марше, —
 умри, мой стих,
 умри, как рядовой,
 как безымянные
 на штурмах мерли наши.

Мне наплевать
 на бронзы многопудье,
 мне наплевать
 на мраморную слизь.
 Сочтемся славою, —
 ведь мы свои же люди, —
 пускай нам
 общим памятником будет
 построенный
 в боях
 социализм.

Потомки,
 словарей проверьте поплавки:
 из Леты
 выплывут
 остатки слов таких,

как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».

Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.

И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.

Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН



1895—1925

Если Маяковский был громовой трубой революции, то Есенин — ее золотой флейтой. Оба эти голоса всегда будут звучать для читателей будущего... Сергей Александрович Есенин родился в селе Константинове, Рязанской губернии, в крестьянской семье. С малолетства воспитывался у деда по матери, человека предприимчивого и зажиточного, знатока церковных книг. Окончил четырехклассное сельское училище, затем церковно-учительскую школу в Спас-Клепиках. В 1912 г. Есенин переехал в Москву, где служил у купца его отец. Работал в типографии, вступил в литературно-музыкальный кружок имени Сурикова, посещал лекции в народном университете Шанявского. Впервые стихи Есенина появились в мос-

ковских журналах в 1914 г. В 1915 г. он едет в Петроград, знакомится там с А. Блоком, С. Городецким, Н. Клюевым и другими поэтами. Восторженно принятой литературной средой тогдашней столицы как посланец русской деревни, русских полей, Есенин быстро приобрел громкую славу. В 1916 г. вышел первый сборник его стихов — «Радуница». Это была пора стремительного духовного роста и совершенствования мастерства поэта. Короткое время Есенин служил в царской армии. «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». Сотрудничал в эсеровских изданиях, напечатал в них поэмы «Преображение», «Октоих», «Инония». В марте 1918 г. поэт снова поселился в Москве, где выступил одним из основателей группы имажинистов. В 1919—1921 гг. много путешествовал (Соловки, Мурманск, Кавказ, Крым). Работая над драматической поэмой «Пугачев», весной 1921 г. едет в Оренбургские степи, добирается до Ташкента. В 1922—1923 гг. вместе с жившей в Москве американской танцовщицей А. Дункан, которая стала женой Есенина, побывал в Германии, Франции, Италии, Бельгии, Канаде, США. Возвратился из-за границы, по собственному признанию, «еще более влюбленным в коммунистическое строительство». Часто наведывался в родное Константиново, никогда не порывая с ним связи. В 1924—1925 гг. трижды гостил в Грузии и Азербайджане, работая там с огромным подъемом и создав «Поэму о двадцати шести», «Анну Снегину», «Персидские мотивы». «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве», — говорил Есенин. Поэзия Есенина необыкновенна по своей предельной искренности. Как писал Горький, «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии». Октябрь придал голому Есенину удивительную мощь. Не будь Октября, Есенин, возможно, остался бы лишь певцом «печали полей», его пастушеский рожок не прозвучал бы так громко и не огласил бы всей нашей земли. Есенин выразил в своем твор-

честве и весеннюю радость освобождения, и порыв к будущему, и трагические коллизии переломной эпохи. В нем противоборствовали враждебные силы — многое тянуло его назад, к «деревянной Руси», к патриархальной старине («Я последний поэт деревни»), но магистральная линия его развития, несмотря на все случайное и наносное, была устремлена к светлым народным чаяниям. «Через каменное и стальное вижу мощь я родной стороны», — сказал поэт в одном из важнейших своих стихотворений 1925 г. Лучшие страницы Есенина ярко запечатали духовную красоту русского человека. Тончайший лирик, волшебник русского пейзажа, удивительно чуткий к земным краскам, звукам и запахам, Есенин был большим и смелым мастером стиха. Его емкие и ошеломляюще свежие образы — почти всегда настоящее художественное открытие. Пушкинская простота и прозрачность — вот идеал, который руководил Есениным в последние годы его работы.

* * *

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

* *

*

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

* *

*

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

* *
*

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольню крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

* *
*

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кучей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

* *
*

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О, лесная, дремучая муть!
О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

* *
*

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

* *
*

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

* *
*

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глухой страсти сердце жить не в силе, —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

* *

*

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облакает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

* *

*

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом,

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль.
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

* *
*

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

* *
*

Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль — на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх, ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

* *
*

Неуютная жидкая лунность
И тоска бескопечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

* *
*

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живетя на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью гой теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!



Я иду долиной. На затылке кеши.
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не гибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы, —
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —
Но косою выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках песня, в этих строчках слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

* *
*

Снежная замаять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу;
Через метель — огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам? —
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться,
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай — под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал,
Много любил я и много страдал —
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

* *
*

Эх вы, санн! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
Вдалеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вопрекор этой ночи,—
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку,—
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка!
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

* *
*

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Русь советская

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,

Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчаве
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, невымытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак, —
Буржуя энтото... которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе, и тем уж я доволен.
Пусть меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Борис Леонидович Пастернак родился в Москве, в семье академика живописи Л. О. Пастернака. Окончил гимназию, затем, в 1913 г., — Московский университет по философскому отделению историко-филологического факультета. Летом 1912 г. изучал философию в университете в Марбурге (Германия), ездил в Италию (Флоренция и Венеция). Находясь под сильным впечатлением от музыки А. Н. Скрябина, занимался шесть лет композицией. В печати с первыми стихами выступил в 1913 г. В 1917 г. пишет книгу лирики «Сестра моя жизнь», выдвинувшую его в число крупнейших мастеров стиха. В 1915—1917 гг. поэт жил на Урале, служа на частных химических заводах. После Октября некоторое время работал в библиотечном отделе Наркомпроса. В 20-х годах примыкал к литературной группе «Леф», возглавляемой В. Маяковским. Тогда же создал две крупные поэмы, посвященные революции 1905 г., — «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт». Замечательные по своему мастерству и вдохновенности, они явились значительным событием в советской поэзии тех лет. В 1932 г. выпустил книгу стихов «Второе рождение», преломив в своей лирике пафос социалистических преобразований в стране. В годы Отечественной войны 1941—1945 гг. написал цикл стихотворений, посвященных борьбе с фашизмом, был в качестве корреспондента на фронте под Орлом. Стихи военных лет составили книгу «На ранних поездах» (1944). В 1956—1959 гг. написал стихотворный цикл «Когда разгуляется». Истоки поэтического стиля Пастернака лежат в модернистской литературе начала XX в., в эстетике импрессионизма. Ранние стихотворения Пастернака сложны по форме, густо насыщены метафорами. Но уже в них чувствуется огромная свежесть восприятия, искренность и глубина, светятся первозданно чистые краски природы, звучат голоса дождей и метелей. С годами Пастернак освобождается от чрезмерной субъективности своих образов и ассоциаций. Оставаясь по-прежнему философски глубоким и напряженным, его стих обретает все большую прозрачность, клас-

БОРИС ПАСТЕРНАК



1890—1960

сическую ясность. Однако общественная замкнутость Пастернака, его интеллигентская отгороженность от мира социальных бурь в значительной мере сковывала силы поэта. Тем не менее Пастернак занял в русской поэзии место значительного и оригинального лирика, замечательного певца русской природы. Его ритмы, образы и метафоры влияли на творчество многих советских поэтов. Пастернак — выдающийся мастер перевода. Им переведены произведения поэтов Грузии, трагедии Шекспира, «Фауст» Гете.

* *
*

Февраль. Достать чернил и плакаты!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

* *
*

Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.

И, как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу,
Где тополь обветшалого-серый
Завесил лунную между.

Где пруд, как явленная тайна,
Где шепчет яблони прибой,
Где сад висит постройкой свайной
И держит небо пред собой.

Сон

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло и старилось, и глохло,
И, паволокой рамы серебра,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, загнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущим бегущих по небу берез.

Пирры

Пью горечь тубероз, небес осенних горечь,
И в них твоих измен горящую струю.
Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,
Рыдающей строфы сырую горечь пью.

Исчадья мастерских, мы трезвости не терпим.
Надежному куску объявлена вражда.
Тревожный ветер ночей — тех здравниц виночерпьем,
Которым, может быть, не сбывтся никогда.

Наследственность и смерть — застолицы наших трапез.
И тихую зарей — верхи дерев горят —
В сухарнице, какмышь, копаются анапест,
И Золушка, спеша, меняет свой наряд.

Полы подметены, на скатерти — ни крошки,
Как детский поцелуй, спокойно дышит стих,
И Золушка бежит — во дни удач на дрожках,
А сдан последний грош — и на своих двоих.

На пароходе

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

Гремели блюда у буфетчика.
Лакей зевал, сочтя судки.
В реке, на высоте подсвечника,
Кишмя кишели светляки.

Они свисали ниткой искристой
С прибрежных улиц. Било три.
Лакей салфеткой тщился выскрести
На бронзу всплывший стеарин.

Седой молвой, ползущей истари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе, в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.

Волной захлебываясь, на волос
От затопленья, за суда
Ныряла и светильней плавала
В лампаде камских вод звезда.

На пароходе пахло кушаньем
И лаком цинковых белил.
По Каме сумрак плыл с подслушанным,
Не пророня ни всплеска, плыл.

Держа в руке бокал, вы суженным
Зрачком следили за игрой
Обмолвок, вившихся за ужином,
Но вас не привлекал их рой.

Вы к былям звали собеседника,
К волне до вас прошедших дней,
Чтобы последнею отпединкой
Последней капли кануть в ней.

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компаниях
И городские фонари.

Светает

Ты в ветре, веткой пробуящем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь!

У капель — тяжесть запонок,
И сад спит, как плес,
Обрызганный, закапанный
Мильоном синих слез.

Моей тоскою вынынчен
И от тебя в шипах,
Он ожил ночью нынешней,
Забормотал, запах.

Всю ночь в окошко торкался,
И ставень дребезжал.
Вдруг дух сырой прогорклости
По платью пробежал.

Разбужен чудным перечнем
Тех прозвищ и времен,
Обводит день терепешный
Глазами анемон.

Петухи

Всю ночь вода трудилась без отдышки.
Дождь до утра льняное масло жег.
И валит пар из-под лиловой крышки,
Земля дымится, словно щей горшок.

Когда ж трава, отряхиваясь, вскочит,
Кто мой испуг изобразит росе
В тот час, как загорланит первый кочет,
За ним другой, еще за этим — все?

Перебирая годы поименно,
Поочередно окликая тьму,
Они пророчить станут перемену
Дождю, земле, любви — всему, всему.

Сосны

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.

Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся и снова
Меняем позы и места.

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болезней, эпидемий
И смерти освобождены.

С намеренным однообразьем,
Как мазь, густая синева

Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава.

Мы делим отдых краснолесья,
Под копошенье мураша
Сосновую снотворной смесью
Лимона с ладаном дыша.

И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,
И мы так долго рук не вынем
Из-под заломленных голов,

И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится все время мне.

Там волны выше этих веток
И, сваливаясь с валуна,
Обрушивают град креветок
Со взбаламученного дна.

А вечерами за буксиром
На пробках тянется заря
И отливает рыбьим жиром
И мглистой дымкой янтаря.

Смеркается, и постепенно
Луна хоронит все следы
Под белой магиею пены
И черной магией воды.

А волны все шумней и выше,
И публика на поплавке
Толпится у столба с афишей,
Неразличимой вдалеке.

Иней

Глухая пора листопада,
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.

Пусть ветер, рябину занячив,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.

Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет.

Все обледенело с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся росомахой
Подсматривает с ветвей.

Ты дальше идешь с недоверьем.
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь иная сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаща видна.

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

Опять весна

Поезд ушел. Насыпь черна.
Где я дорогу впотьмах раздобуду?
Неузнаваемая сторона,
Хоть я и сутки только отсюда.
Замер на шпалах лязг чугуна.
Вдруг — что за новая, право, причуда?
Бестолочь, кумушек пересуды...
Что их попутал за сатана?

Где я обрывки этих речей
Слышал уж как-то порой прошлогодней?
Ах, это сызнава, верно, сегодня
Вышел из роци ночью ручей.
Это, как в прежние времена,
Сдвинула льдины и вздулась запруда,
Это поистине новое чудо,
Это, как прежде, снова весна.

Это она, это она,
Это ее чародейство и диво.
Это ее телогрейка за ивой,
Плечи, косынка, стаи и спина.
Это Снегурка у края обрыва.
Это о ней из оврага со дна
Льется безумолку бред торопливый
Полубезумного болтуна.

Это пред ней, заливая преграды,
Тонет в чаду водяном быстрина,
Лампой висячего водопада
К круче с шипецем пригвождена.
Это, зубами стуча от простуды,
Льется чрез край ледяная струя
В пруд и из пруда в другую посуду, —
Речь половодья — бред бытия.

Зима приближается

Зима приближается. Сызнава
Какой-нибудь угол медвежий
Под слезы ребенка капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.

Домишки в озерах очутятся,
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятых распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.

Обитатели севера строгого,
Накрытые небом, как крышей!
На вас, захолустные логова,
Написано: сим победиши.

Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.

Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Вы с детства любимую книгою
Как бы посредине открыты.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый.
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Март

Солнца греет до седьмого пота,
И бушует, одурев, овраг.
Как у дюжей скотницы работа,
Дело у весны кипит в руках.

Чахнет снег и болен малокровьем
В веточках бессильно синих жил.
Но дымится жизнь в хлеву коровьем,
И здоровьем пышут зубья вил.

Эти ночи, эти дни и ночи!
Дробь капелей к середине дня,
Кровельных сосулек худосочье,
Ручейков бессонных болтовня!

Настежь всё, конюшня и коровник.
Голуби в снегу клюют овес,
И всего живитель и виновник —
Пахнет свежим воздухом навоз.

Зимняя ночь

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

* *
*

Во всем мне хочется дойти
До самой сути:
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад,
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, роцц, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Нагнутая тетива
Тугого лука.

* *
*

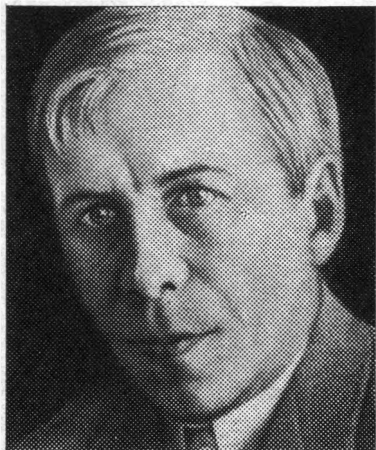
О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который,
Взамен турусов и колес,
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышит почва и судьба.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ



1889—1963

Николай Николаевич Асеев родился в городе Льгове, Курской губернии, в семье страхового агента. В 1909 г. окончил курское реальное училище. Дальнейшее образование получил в Коммерческом институте в Москве, одновременно слушал лекции на филологическом факультете в университете. Начальный сборник стихов Асеева («Ночная флейта») вышел в 1914 г. Во время первой империалистической войны поэт был призван в армию; в 1917 г. избирался в Совет солдатских депутатов. В годы гражданской войны жил во Владивостоке, работал в большевистской газете. Тираж его книги стихов «Бомба», напечатанной в ту пору, был сожжен японскими интервентами. В 1922 г. Асеева по указанию Луначарского вызывают с Дальнего Востока в Москву. Здесь он вошел в ядро литературной группы «Леф» (впоследствии «Новый Леф»), возглавляемой Маяковским. Дружба с Маяковским, завязавшаяся еще до революции, сыграла в судьбе Асеева огромную роль. Асеев учился у Маяковского слушать пульс жизни, учился гражданственности. Асеев — один из зачинателей советской поэзии. Это поэт-искатель, неутомимый разведчик поэтического слова. Ранние вещи Асеева окрасил острый интерес к русскому фольклору, к былинному эпосу. Звонкий, по-молодому задорный, изобретательный, несущий в себе грозовой ветер революции, стих Асеева неповторим по ритмам, по интонации, по своеобразной раскованности. Часто в этом стихе заложена мелодическая сила, которая, не нуждаясь в музыке, превращает его в песню. Песенная интонация у Асеева непосредственно сливается с ораторской. Сердцевина поэзии Асеева лежит в лирике, хотя он писал в различных и многообразных жанрах. «Я лирик по складу своей души, по самой строчечной сути», — говорил поэт. Сборник стихов «Стальной соловей», поэмы «Свердловская буря», «Семен Проскаков» и посвященная памяти В. И. Ленина «Русская сказка» —

главнейшие произведения Асеева 20-х годов. В 1940 г. он пишет широко известную поэму «Маяковский начинается». Пятидесятилетний литературный путь Асеева был завершен блестящим лирическим сборником «Лад». Асеев — автор многих работ по вопросам теории русского стиха, проблемам традиции и новаторства.

Марш Буденного

С неба полуденного
жара не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
в помещицьем дому,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились у врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку, —
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,

когда несется конница
рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкой
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем —
так растопчем всякую
гадину конем.

Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного,
армия — вперед!

Синие гусары

Раненым медведем
мороз дерет.
Санки по Фонтанке
летят вперед.
Полоз остер —
полосатит снег,

Нальем и осушим
и станем трезвей:
— За Южное братство,
за юных друзей!

4

Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан:
впервые читаются
строфы «Цыган».
Тени по Литейному
летят назад...
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа.
Гони коней!
Утро вечера —
мудреней.

5

Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?!
Голову
на руки
белые свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа!
синие гусары
под снегом лежат!

Поезда

Над пространствами оледенелыми,
где студеная блещет звезда,
пролетают калеными стрелами
огнедышащие поезда.

С продовольствием, танками, пушками,
с эшелонами силы живой
погромыхивают теплушками
на подмогу страде боевой.

Паровозы, заросшие в инее, —
воду взял на ходу и — прочь!
А над ними раскинулась синья
новогодняя грозная ночь.

Ни секунды промешки и праздности,
каждый миг у них на счету;
к постоянной привыкший опасности
глаз прощупывает темноту.

Ни жилья далеко в обе стороны,
ожидай непредвиденных встреч;
рыщут в небе железные вороны,
чтобы путь им навек пересечь.

Над просторами онемелыми,
дымный хвост по полям разметав,
пробегают, ведомые смелыми,
за составом гремящий состав.

Если хищник вблизи обнаружится,
если с неба сорвется гроза, —
не изменит суровое мужество,
не сдадут на ходу тормоза.

Горизонт полыхает пожарами.
Не замедли, не сдай, доведи!
Машинистами и кочегарами
много выдвано на пути.

Много бед пронеслось над бывалыми,
отклубилось, как пар на траве;
над горящими поддувалами
много дум проплыло в голове.

В небе — звезд золотистые оспины.
Постоянно держись начеку!
Много снов ими в жизни недоспано,
недовидено на веку.

Наклонись же над лицами дымными,
отведи беду от них прочь,
сохрани ты их невредимыми,
новогодняя синяя ночь!

Дед

Травкою зеленой одет,
лукавя прищуренным глазом,
охотничьим длинным рассказом
прошел и умолкнул мой дед.
Забросив и дом, и жену,
и службу в Казенной палате,
он слушал в полях тишину,
которой за подвиги платят.
Сверкала его «Лебеда»
на двести шагов без отказа,
и зверю из черного лаза
двуногая мнилась беда.
Медведицы жертвенный рев,
на лапах качавшейся задних,
когда выступал медвежатник
из мрака безмолвных дерев.
И зимнею ночью он шел
с волками на честную встречу;
и ахало эхо картечи
по заимкам заспанных сел.
И я, его выросший внук,
когда мне приходится худо,
лишь злую подушку примну,
все вижу в нем Робина Гуда,
зеленые волны хлебов,
ведущие с ветром беседу,
и первую в мире любовь
к герою, к охотнику — к деду.

* *
*

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка
ту, что много лет назад
без упрёка и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую —
все нежней и все тесней, —
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя,

где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты — всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

Из поэмы „Лирическое отступление“

Нет,
ты мне совсем не дорогая;
милые
такими не бывают...
Сердце от тоски оберегая,
зубы сжав,
их молча забывают.
Ты глядишь —
меня не понимая,
слушаешь —

не видя и не веря,
даже в этой дикой сини мая
видя жизнь —
как смену киносерий.
Целый день лукавя и фальшивя,
грустные выдумывая шутки,
вдруг —
взметнешь ресницами большими,
вдруг —
сведешь в стыде и страхе руки.
Если я такой тебя забуду,
если зубом прокушу я память —
никогда
к сиреневому гуду
не идти сырыми мне тропами.
«Я люблю, когда темнеет рано!» —
скажешь ты
и станешь как сквозная,
и на мертвой зелени экрана
только я тебя и распознаю.
И, веселье призраком пугая,
про тебя скажу, смеясь с другими:
— Эта —
мне совсем не дорогая!
Милые бывают не такими.

* *
*

Рука тяжелая, прохладная,
Легда доверчиво на эту,
Как кисть большая, виноградная,
Захолодевшая к рассвету.
Я знаю всю тебя по пальчикам,
По прядке, где пробора грядка,
И сколько в жизни было мальчиков,
И как с теперешним не сладко.
И часто за тебя мне боязно,
Что кто-нибудь еще и кроме,
Такую тонкую у пояса,
Тебя возьмет и переломит,
И ты пойдешь свой пыл раздаривать.
И станут гаснуть окна дома,
И станет повторенье старого

Тебе до ужаса знакомо...
И ты пойдешь свой пыл растрчивать...
Пока ж с весной не распрощаешься,
Давай, всерьез, по-настоящему,
Поговорим с тобой про счастье.

Ива

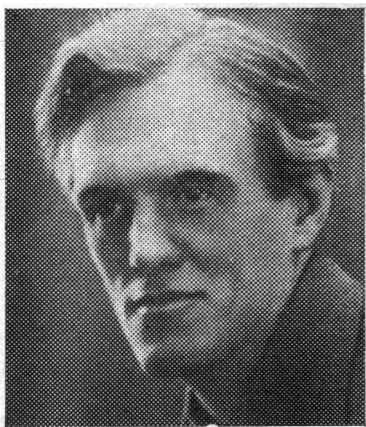
У меня на седьмом этаже, на балконе, — зеленая ива.
Если ветер, то тень от ветвей ее ходит стеной;
это очень тревожно и очень вольнолюбиво —
беспокойство природы, живущее рядом со мной!

Ветер гнет ее ветви и клонит их книзу ретиво,
словно хочет вернуть ее к жизни обычной, земной;
но — со мной моя ива, зеленая гибкая ива,
в леденящую стужу и в неуголяемый зной.

Критик мимо пройдет, ухмыльнувшись презрительно-киво:
— Эко диво! Все ивы везде зеленеют весной! —
Да, но не на седьмом же! И это действительно диво,
что, расставшись с лесами, она поселилась со мной!

Николай Семенович Тихонов родился в Петербурге, в семье ремесленника. В 1911 г. окончил торговую школу, затем служил конторщиком в Военно-морском хозяйственном управлении. С 1915 г. участвовал в первой мировой войне рядовым гусаром. Весной 1918 г. добровольно пошел в Красную Армию, сражался с войсками Юденича под Петроградом. Героика боевых походов, революционная романтика гражданской войны легли в основу первых поэтических книг Тихонова «Орда» и «Ерага» (1922). По выражению одного из сверстников Тихонова, «конь и пашка — любимые спутники его ранних стихов». Голосу Тихонова присущи резкая энергия и темперамент, мужественность интонаций. Широчайшую известность получили баллады Тихонова, оказав большое влияние на развитие советской литературы. При всех поисках поэтических форм Тихоновым всегда руководило пристрастие к острому сюжету, скупо переданному движению («баллада — скорость голая»), к афористической выразительности. Многочисленные поездки и странствия Тихонова по Советскому Союзу породили его стихи, посвященные Закавказью, Средней Азии, Карелии. В «Стихах о Кавказе» (1935) превосходно запечатлены грузинский быт и пейзаж, рассказано о классовой борьбе и социалистическом строительстве на Востоке. Отзвуками потрясений первой мировой войны и предчувствиями новой катастрофы пронизана книга стихов «Тень друга» (1936), написанная после поездки в Западную Европу. В дни Великой Отечественной войны Тихонов жил и работал в осажденном Ленинграде, воспевая героизм и стойкость ленинградцев (поэма «Киров с нами», сборник стихотворений «Огненный год», рассказы, статьи, очерки). Тихонов — великолепный переводчик, особенно хороши его переводы из грузинских поэтов. Тихонову принадлежит немало книг художественной прозы, которую он писал еще с 20-х годов. Николай Тихонов являлся видным общественным деятелем, был председателем Советского комитета защиты мира.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ



1896—1979

* *
*

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждой творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дорожке растоптала
Дней моих разгульная орда.

* *
*

Огонь, веревка, пуля и топор
Как слуги кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов.
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

* *
*

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке,
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в переключке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

* *
*

Когда уйду, — совсем согнется мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнутся пятна —
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

Пушка

Арнольду Пек

Как мокрые раздавленные сливы
У лошадей раскосые глаза,
Лоскутья умирающей крапивы
На колесе, сползающем назад.

Трясется холм от ужаса, как карлик,
Услышавший циклопью болтовню,
И скоро облачной не хватит марли
На перевязки раненому дню.

Циклопом правит мальчик с канарейку,
Он веселей горящего куста,
Ударную за хвост он ловит змейку, —
Поймает, и циклоп загрохотал.

И оба так дружны и так согласны,
Что, кончив быть горластым палачом,
Когда его циклопий глаз погаснет —
Он мальчика сажает на плечо.

И лошади их тащат по откосу —
Бездельников — двумя рядами пар,
И мальчик свертывает папиросу
Кривую, как бегущая тропа.

* *
*

Полюбила меня не любовью,
Как березу огонь — горячо,
Веселее зари над становьем,
Молодое блестяло плечо.

Но не песней, не бранью, не ладом
Не ужились мы долго вдвоем, —
Убежала с угрюмым номадом,
Остробоким свистя каиком.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берешь.

«Что же, видно, мои были хуже?» —
«Видно, хуже», — ответил якут,
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виною.
Видно, брат, и сожженной березе
Надо быть благодарной огню».

* *
*

Еще в небе предутреннем и горбатым
Тучи горят в пустырях ночных.
Самой последней и злою платой
Я откупил силу рук твоих.

Люди легли, как к саням собаки,
В плотно захлестнутые гужи, —
Если ты любишь землю во мраке
Больше, чем звезды, — встань и скажи.

Песню наладим, как ладят шхуну,
Встретим сосну — улыбнись, пойму.
Песенным ветром на камни дуну —
И камни встанут по одному.

Отчего и на глине и на алмазе
Рука твоё имя всегда найдет?
Ветка курчавая знает разве,
К солнцу какому она растёт?

Перекон

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ячеей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступить черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаяк качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет —
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз за четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

Баллада о синем пакете

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня — не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо», — прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу — колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост.

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост и пакет прост,

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударили в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла,

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту,

С размаху земля навстречу бьет,
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею пабитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось,

Прочел — о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер.

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам».

Баллада о звездах

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат, —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан».

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой:

«Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

* *
*

Я — одержимый дикарь, я гол.
Скалой меловой блестит балкон.
К Тучкову мосту шхуну привел
Седой чудак Стивенсон.

И лет ему нынче двадцать пять,
Он новый придумал рассказ —
Ночь отменена, и Земля опять
Ясна, как морской приказ.

Пуля дум-дум, стрела, динамит
Ловили душу мою в боях, —
И смеялась она, а сегодня дрожит
Болью о кораблях.

Но я такой — не молод, не сед, —
И шхуне, что в душу вросла,
Я не могу прочертить ответ
Соленым концом весла.

Пусть уходит в моря, в золото, в лак
Вонзая в китов острогу,
Я сердце свое, как боксер — кулак,
Для боя в степях берегу.

Финский праздник

Медной рябиной осыпан гравий,
Праздничный люд шуршит, разодет.
Солнце — вверху, внизу — Хэпо-Ярви,
Может быть, Хэпо, а может, и нет.

Пепельный финн в потертой кепке,
Древнебородый, и тот посвежел,
Место расчищено — ноги крепки,
Все приготовлены рты уже.

Медленной песни заняла нота,
Странствуя гнется, странно темна,
Гнется и тянется без поворота...

Из неподвижных рядов — короткой
Походкой выходят он и она.

Желтее желтка ее платок,
Синьки синее его жилет,
Четыре каблука черных сапог
Тупо стучат: туле-н! туле-т!

Он пояс цветной рукой обводит,
Угрюмо и молча, шагом одним
Обходят площадку, вновь обходят
И снова в обход идут они.

Стучат без улыбки на месте потом,
Странствует песня, гнетет и гнетет —
И дымнобородый с пепельным ртом
Сквозь желтые зубы нить ведет.

Упрямо и медленно ноги идут,
А звук на губах все один, один —
Как будто полки пауков прядут
Струну ледянее льдин...

Но вертятся вдруг каблуки. Жесток
Их стук тупой: туле-н! туле-т!
И желтой пеной горит платок,
И синим огнем пылит жилет.

Рябины ветви, как рога,
Летят на них — и сразу
В глазах косых — Алтай, снега,
Змеинные искры Азии.

Рябины красные рога
Их тусклый танец сторожит, —
Желтым огнем полыхает тайга,
Синей пылью пылят ножи.

Проходит тысяча темных лет,
И медленно снова: туле-н! туле-т!

Обходят опять неизменно и кротко,
Обходят площадку... Черной чечеткой
Оборвана песни нить...
Танцоры буксуют. Походкой короткой
Идут под рябину они.

С достоинством он на скамейку садится,
С цветного пояса руку берет,
Угрюмо и жестко целует девицу...
И праздник над ними шуршит и толпится,
А пепельный финн вытирает пот.

Переулок кота-рыболова

Там подошла, к стене почти, стена,
И нет у них ни двери, ни окна.

И между них, такой, что видно дно,
Бежит ручей — название одно.

Когда-то был он полон водных дел,
И умный кот на том ручье сидел.

И в поисках хозяину харчей
Кот лапу запускал свою в ручей,

Рассматривал, каков его улов,
На серый коготь рыбу наколов,

И если рыба шла как будто в брак,
То снова в воду лазал кот-батрак.

И говорили люди тех дворов:
«Вот это кот, прозваньем — рыболов».

И переулок отдали коту.
Как мастера ловить начистоту.

Уединясь от громких злов и зал,
Париж мне эту повесть рассказал.

Сейчас ручей такой, что видно дно,
Над ним дома — название одно.

И нет сентиментальности во мне,
Ни жалости к ручью или к стене.

Но так служивший человеку кот
Пускай героем в песню перейдет.

Из переулка, узкого, как дверь,
В страну родную я смотрю теперь.

Вам всем, собаки — сторожа границ,
Вам, лошади, что быстролетней птиц,

Олени тундр, глотатели снегов,
Верблюды закаспийских берегов —

Я не смеюсь и говорю не зря,
Спасибо вам от сердца говоря,

За дней труды, за скромность, простоту,
Уменьше делать все начистоту.

Хочу, чтоб вас, зверей моей земли,
За вашу помощь люди берегли

И чтили б так за лучшие дела,
К которым ваша доблесть привела,

Вот так, как этот город мировой
Чтит батрака с кошачьей головой!



Женщина в дверях стояла,
В закате с головы до ног,
И пряжу черную мотала
На черный свой челнок.

Рука блеснет и снова ляжет,
Темнея у виска,
Мотала жизнь мою, как пряжу,
Горянки той рука.

И бык, с травой во рту шагая,
Шел снизу в этот дом,
Увидел красные рога я
Под черным челноком.

Заката уголь предпоследний,
Весь раскален, дрожал,
Между рогов аул соседний
Весь целиком лежал.

И сизый пар, всползая кручей,
Домов лизал бока,
И не было оправы лучше
Косых рогов быка.

Но дунет ветер, леденя,
И кончится челнок,
Мелькнет последний взмах, чернея,
Последний шерсти клочок...

Вот торжество неодолимых
Простых высот.
А песни — что? Их тонким дымом
В ущелье унесет.

Цинандали

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,

Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Преодо мною, у пучины
Виноградарственных рек,
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину,
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты нежных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал.

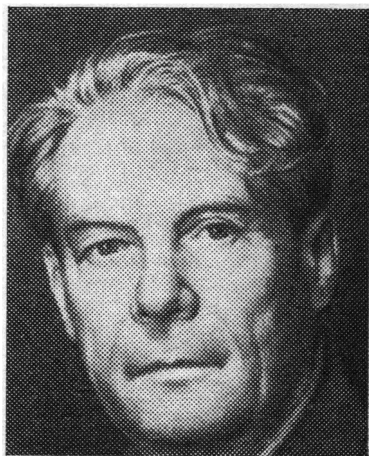
Потому что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому что поселиться
В этом крае я не мог.

Потому что я прохожий,
Легкой тени полосу,
Шел, на скалы не похожий,
Не похожий на леса.

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Михаил Александрович Зенкевич родился в селе Николаевский городок, Саратовской губернии. Отец его был преподавателем сельскохозяйственного училища. В 1915 г. Зенкевич окончил юридический факультет Петроградского университета, некоторое время слушал лекции по философии в Берлине. После Октябрьской революции добровольцем вступил в Красную Армию, затем был корреспондентом РОСТА, сотрудником «Известий». Много лет работал в московских издательствах и журналах. Внес большой вклад в искусство поэтического перевода, опубликовав на русском языке стихи современных поэтов Европы и США. Первый сборник стихотворений Зенкевича — «Дикая порфира» — появился в 1912 г., когда автор входил в объединение акмеистов «Цех поэтов». Сборник привлек к себе внимание оригинальностью материала — картинами доисторических эпох земли, образами древних ищеров и махайродусов. Крепко сколоченная, живописно яркая строфа, по особому весомый и сочный словарь, своеобразный, несколько громоздкий синтаксис, зрительно ощутимый образ — все эти черты поэтического стиля Зенкевича определились уже в «Дикой порфире» и остались неизменными в лучших его произведениях последующих лет. Но поэт обогатил свое творчество, пройдя огромный идейный путь. В 1914—1918 гг. он выступил убежденным противником империалистической войны («Пашня танков», «Проводы солнца»). В послеоктябрьские годы он славил в своих стихах мужество русских революционеров, воспевал созидательный труд народа, его ратный подвиг в Великой Отечественной войне. Важнейшие книги Зенкевича: «Поздний пролет» (1928), «Машинная страда» (1931), «Избранные стихи» (1933), «Сквозь грозы лет» (1962).

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ



1886—1973

* *
*

Подсолнух поздний догорал в полях,
И, вкрапленный в сапфировых глубинах,
На легком зное нежился размах
Поблескивавших крыльев ястребиных.

Кладя пределы смертному хотению,
Казалось, то сама судьба плыла
За нами по жнивью незримой тенью
От высоко скользящего крыла.

Как этот полдень, пышности и лени
Исполнена, ты шла, смиряя зной.
Лишь платье билось пеной кружевной
О гордые и статные колени.

Да там, в глазах, под светлой оболочкой,
На обреченного готовясь пасть,
Средь синевы темнела знойной точкой,
Поблескивая, словно ястреб, страсть.

* *
*

Вы хищная и нежная. И мне
Мерещитесь несущуюся с гиком
За сворою, дрожащей на ремне,
На жеребце степном и полудиком.
И солнечен слегка морозный день.
Охвачен стан ваш синею черкесской.
Из-под папахи белой, набекрень
Надвинутой, октябрьский ветер резкий
Взлетающие пряди жадно рвет.
Но вы несетесь бешено вперед
Через бурые бугры и перелески,
Краснеющие мерзлою листвою,
И словно поволокой огневой
Подернуты глаза в недобром блеске
Пьянящегося кровью торжества.
И тонкие уста полуоткрыты,
К собакам под арапник и копыта
Бросают в ветер страстные слова.

И вот, оканчивая бег упругий
Могучим сокрушительным броском,
С изогнутой спиной кобель муругий
С откоса вниз слетает кувырком
С затравленным матерым русаком.
Кинжала взлет серебряный и краткий —
И вы, взметнув сияньем глаз стальным,
Швыряете кровавою перчаткой
Отрезанные пазанки борзым.
И, в стремяна вскочив, опять во мглу
Уносите. И кто еще до ночи
На лошадь вспененную вам к седлу,
Стекая кровью, будет приторочен?
И верю, если только доезжачий
С выжлятниками, лихо отдаля
Борзятников, неожиданною удачей
Порадует и гончих гон горячий
Поднимет с лога волка-гнездара,—
То вы сумеете его повадку
Перехитрить, живьем, сострунив, взять
Иль в шерсть седеющую под лопатку
Ему вонзить кинжал по рукоять.
И проиграет сбор рожок веселый,
И вечерами, отходя ко сну,
Ласкать вы будете ногою голой
Его распластанную седину...
Так что же неожиданного в том,
Что я вымаливаю, словно дара,
Как волк, лежащий на жпивье густом,
Лучистого и верного удара!

Зимовье ворона

Еще вдали под первую звездою
Звенело небо гоготом гусей,
Когда с обрыва будто пред бедою
Вдруг каркнул ворон мощно грудью всей.

И сумерками ранними обвитый,
Направил над свинцом студеных вод
На запад, в степь, неспешный, домовитый,
Свистящий грузной силою полет.

Но вещей крик, что кинул ворон старый,
Моя душа, казалось, поняла,
Благоговейно слушая удары
По воздуху тяжелого крыла.

Он, не смутясь пролетом беспокойным,
Не бросит оскудевших мест родных,
В нужде питаюсь мусором помойным
У ям оледеневших выгребных.

Но сохранит в буранах силу ту же,
Что и в тепле, — а те из высоты
Низверглись бы на снег от первой стужи,
Как с дерева спаленные листья.

Меня ободрил криком ворон старый:
И я, как он, невзгодой несразим,
С угрюмой гордостью снесу удары
Суровейшей из всех грядущих зим!

В дрожках

Дрожа от взнузданного пыла,
В лицо швыряя мне землей,
Вся в мыльном серебре кобыла
Блестает шерстью вороной.

А я, весь брызгами покрыт,
Зажмурясь, слушаю — как четок
Под бабками косматых щеток
В два такта бьющий стук копыт.

Мне в этот вольный миг дороже,
Чем красные пивянки губ,
В оглоблях прыгающих дрожек
Размашистый рысистый круп.

И мягче брызжущие комья
Весенней бархатной земли
Прикосновений той, о ком я
Грустил и грезил там вдали.

Сев озимых

Хоть в золу да в пору, а только сей.
На полборозды промочило хотя бы...
Дождались дождя. И деревней всей
На пары потянулся мужицкий табор.

Чернобарханного бархата толщи
На тысячи верст вдоль, поперек
Снова промерит мирской исполец
Неторопливым аршинником ног.

Полдень. И лошадь, пахать учена,
Глаз фиолетовый к солнцу кося,
Знает, что там на телеге бочонок
С водой и припрятана торба овса.

Размашист и легок лапотный шаг,
И ливень зерна золотист и неспешен,
Но вот по увалам шимана шишак
Движет огромную тень среди пашен...

И уже незаметно там, наверху,
Озими новой сев непроросший,
Млечного Пути золотую леху
Заметает метелица лунной порошей.

ВАСИЛИЙ КАЗИН



Василий Васильевич Казин родился в 1898 г. в Москве, в семье водопроводчика. Окончил реальное училище. В 1918 г. принимал активное участие в организации Союза рабочей молодежи в Москве, впоследствии работал секретарем Бауманского райкома комсомола. Учился в литературной студии Московского пролеткульта. В 1920 г. был в числе основателей литературной группы «Кузница». Впервые напечатал свои стихи шестнадцатилетним юношей, в 1914 г., в газете. Первый сборник стихотворений В. Казина — «Рабочий май» — вышел в 1922 г. и принес поэту широкую известность. Затем последовали книжки «Лисья шуба и любовь» (1926), «Признания» (1928), в которых раскрылись черты его дарования: душевная, теплая тональность, стремление одухотворить явления природы, восприятие мастерства рабочих рук как чуда. В стихотворных миниатюрах В. Казина, где поэт берет, казалось бы, самый прозаический материал, лучится солнце, звенит весенняя капель. В лирической поэме «Великий почин» (1956) В. Казин рассказал о первом коммунистическом субботнике на Московско-Казанской железной дороге в 1919 г. В радостных, светлых по духу стихах В. Казина разработана тема свободного труда, воспет мир чувств и мыслей мастеровых и рабочих. В период становления советской литературы имя В. Казина среди молодых поэтов было одним из самых ярких и привлекательных. На его стихах многому училась впоследствии литературная молодежь.

Рабочий май

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе, —
И отговаривается гром
И в воздухе и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

Рубанок

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася, снеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша?

Я в то мгновение острой мукой
Глубоко сердце занозил
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запылил.

И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеси тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Ожидание

Я ждала, ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой, и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое, золотое волокно!

Издали клубился,
Вился дым из труб.
Мнилось — не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб?

И томленью, нетерпенью слуха
Было слышно, как у двери,
Вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.

И тянулась нудная обуза.
Вдруг — и синева края...
Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... Твоя! Твоя!

Дверь шушукнула, — и как во сне я
Сладко затуманилась в сиянье дня.
Подошел... прильнул и ну, синей,
Обнимать и обнимать меня...

Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя, и — ах!
Ах, и как я обозналась, ненаглядный, —
Это вечер обнимал меня впотьмах!

Гармонист

Было тихо. Было видно дворнику,
Как улегся ветер под забор
И позевывал... И вдруг с гармоникой
Гармонист вошел во двор.
Вскинул на плечо ремень гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул, — и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.

Закачались здания кирпичные,
Далью, далью опьянясь,
Ягодами земляничными
Стала сладко бредить грязь.

Высыпал народ на подоконники, —
И помчался каждый, бодр и бос,
Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.

Почтальон пришел и, зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидал, что письма адресованы
Только нивам да лесам.

Сон

За дверями мгла, а сам — в истоме,
Сам в истоме, да в такую мглу
Не пошел домой, а в новом доме
Сладко растянулся на полу.

Так душисто пахли половицы!
И, трудом и домом опьянен,
Стал дремать, и скоро мне ресницы
Засмолил цветистый сон.

Снилось мне: зарниц и радуг сотни
Паровоз привез, свалил на двор.
«Что ж, и радуги, — промолвил плотник, —
Да и солнце мой возьмет топор».

Пусть томятся радуги, зарницы
По родимым небесам своим,
Если радостные светлицы
На земле мы выстроить хотим.

На могиле матери

Сквозь гул Москвы, кипенье городское
К тебе, чей век нуждой был так тяжел,
Я в заповедник вечного покоя —
На Пятницкое кладбище пришел.

Глядит неброско надписи короткость.
Как бы в твоём характере простом
Взяла могила эту скромность, кротость,
Задумавшись, притихнув под крестом.

Кладу я розы пышного наряда.
И словно слышу, мама, голос твой:
— Ну что так тратишься, сынок? Я рада
Была бы и ромашке полевой.

Но я молчу. Когда бы мог, родная,
И сердце положил бы сверху роз.
Твоих забот все слезы вспоминая,
Сам удержаться не могу от слез.

Гнетет и горе, и недоуменье
Гвоздем засело в существо мое:
Стою — твоё живое продолженье,
Начало потерявшее своё.

Александр Алексеевич Жаров родился в 1904 г., в крестьянской семье, в деревне Семеновской, Можайского уезда, Московской губернии, на знаменитом поле Бородинской битвы. Окончил сельскую школу, затем учился в Можайском реальном училище. Начиная с 1918 г., несколько лет был на руководящей комсомольской работе в Можайске, потом в Москве. В 1921 г. поступил в Московский государственный университет, где занимался в поэтическом семинаре под руководством В. Я. Брюсова. Первые стихи Жарова печатались в 1921—1922 гг. в комсомольских газетах и журналах, в «Правде», в «Рабочей газете». В 1923 г. вышла книга его стихотворений «Ледоход», в 1926 г. — широко известная поэма «Гармонь», рисующая быт и работу сельской молодежи 20-х годов. В плеяде комсомольских поэтов, выдвинувшихся в ту пору, А. Жаров занимал одно из ведущих мест. Его стихи отличались большой непосредственностью чувства, свежестью, теплотой. Во время Великой Отечественной войны А. Жаров был политработником и военным корреспондентом в рядах действующего Военно-Морского Флота. Перу А. Жарова принадлежит много популярных песен — «Заветный камень», «Грустные ввы», «Ходили мы походами» и др. Стихотворение А. Жарова «Взвейтесь кострами, синие ночи!» долгое время было гимном пионеров.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ



Взвейтесь кострами

Взвейтесь кострами.
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело — за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом...
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Грядем мы дружно
Песнь удалую —
За пионеров
Семью мировую!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Во ржи

Тропой проторенной идешь.
А где — и сам не знаешь.
Ты это что ж, товарищ рожь,
Меня перерастаешь?

Сквозь строй стеблей не разглядишь:
Туда шагаю, что ли?
Безветренно.
Ложится тишь
На сердце и на поле.

Ведь заплутался. А средь нив
Вот здесь когда-то рос я...
С приветом головы склонив,
Задумались колосья,

Глазенки зерен на меня
Таращат изумленно.
И васильковая родня
В тиши застыла сонно.

Глядите шире! Ничего!..
Я послан комячейкой...
Не узнаете своего?
К вам прибыл шеф со жнейкой.

С серпом довольно мой народ
Сгибал до боли спину.
Вот и послал сюда завод
Взамен серпа машину.

Растите, нивы! В городах
Так, как и вы, бурливо
Растут и ширят свой размах
Другие наши нивы!

И мы растем — к плечу плечо.
Кругом
Так много воли!..
Ложится радость горячо
На сердце и на поле.

Вспотело солнце. Будет дождь.
Вон — туча виснет краем...
Так, значит, что ж, товарищ рожь,
Мы нынче
С урожаем?

Теплый ветер

Ты пишешь:
«Ветер теплыми руками
У нас в полях перебирает рожь».
А я смотрю,
Как расцветает камень
На мостовых,
Когда проходит дождь.

Любуюсь я,
Как быстро тают лужи
И прячутся пугливые ручьи...
Ни радуги, ни дождь у нас не хуже,
Ни зори, ни леса,
Ни соловьи.

Я помню, помню,
Как они звенели.
Но здесь утрами, небо полоня,
Пропеллеров
Причудливые трели
Бодрят меня и радуют меня.

Да, знаю я:
Леса растут красиво.
Но от восторга
Здесь схожу с ума,
Когда смотрю,
Как пышно, горделиво
На наших улицах
Растут дома.

Сегодня в них
Как будто больше граней
И света больше замечаю я, —
Не потому ль, что в боковом кармане
Твое письмо —
И в нем — любовь твоя?

Сегодня снова
В солнце потонули
Дома, бульвары, люди, небосклон...
Мой друг,
Я в жизнь влюблен — не потому ли,
Что я в тебя
Безвыходно влюблен?

Спросонья

Утром, над краем моей подушки,
Каждый день, как спросонья встряхнешь головой,
Александр Сергеевич Пушкин
Улыбается, кудрявый, живой...

Будто с Тверской, с пьедестала,
Он от кого-то услышал мельком
Про конгресс Интернационала,
Про свободу, Совет, Совнарком!..

Пушкин, в любимой твоей отчизне,
Где гарцевали Онегин и Ленский,
Светят иначе миллионы жизней...
В дружбе станка и страды деревенской!

Думал ты, что в проклятьях и славе
Серп в колосьях, в огне молоток
Над московским заводом возглавят
Мирового восхода Восток!

Долго, склонившись к моей подушке,
Когда веет кругом тишиной,
Александр Сергеевич Пушкин
Разговаривает со мной...

МИХАИЛ СВЕТЛОВ



1903—1964

Михаил Аркадьевич Светлов родился в г. Екатеринославе (ныне Днепропетровск), в семье ремесленника. В 1917 г. окончил начальное городское училище. Работал на товарной бирже и в частной фотографии. В 1919 г. заведовал отделом печати Днепропетровского губкома комсомола и был редактором первого на Украине комсомольского журнала «Юный пролетарий». В 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию. После демобилизации окончил рабфак, учился на факультете литературы и искусства Московского государственного университета. Первый сборник стихов М. Светлова «Рельсы» был издан в Харькове в 1922 г. С той поры М. Светлов вошел в плеяду комсомольских поэтов, занявших видное место в советской литературе. Своеобразный поэтический почерк М. Светлова, его полная обаяния лирика быстро завоевали сердца читателей. Особенно широкий отклик вызвала замечательная «Гренада», в которой поэт выразил интернациональную сущность взглядов и убеждений советских людей. В стихах Светлова неизменно светится добрая и мудрая, очень человеческая улыбка, чувствуется большая нежность. Это поэт глубокого гуманизма. Светлов — автор многих песен и пьес. Работая во фронтовой печати в годы Великой Отечественной войны, он создал поэмы «Лиза Чайкина» и «Двадцать восемь». Уже после кончины поэта вышел в свет его превосходный лирический сборник «Охотничий домик».



Я в жизни ни разу не был в таверне,
Я не пил с матросами крепкого виски,
Я в жизни ни разу не буду, наверно,
Скакать на коне по степям аравийским.

Мне робкой рукой не натягивать парус,
Веслом не взмахнуть, не кружить в урагане, —
Атлантика любит соленого парня
С обветренной грудью, с кривыми ногами...

Стеной за бортами льдины сожмутся,
Мы будем блуждать по огромному полю, —
Так будет, когда мне позволит Амундсен
Увидеть хоть издали Северный полюс.

Я, может, не скоро свой берег покину,
А так хорошо бы под натиском бури,
До косточек зная свою Украину,
Тропической ночью на вахте дежурить.

В черниговском поле, над сонною рощей
Подобные ночи еще не спускались,
Чтоб по небу звезды бродили на ощупь
И в темноте на луну натыкались...

В двенадцать у нас запирают ворота,
Я мчал по Фонтанке, смешавшись с толпою,
И всё мне казалось: за поворотом
Усатые тигры прошли к водопою.

Рабфаковке

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта, —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка, —
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета), —
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала, — под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томись минуты лишней,
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

Гренада

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родныя края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопча
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Украина

Сколько шашек, гремя о победе,
Эти травы роскошные трогали!..
Ты пришла к нам, изранена, бредя
Именами Шевченко и Гоголя.

По волнам голубого стекла
Ты неслась гайдамацкими пиками,
Ты не медом, а кровью текла
По усам генерала Деникина.

Ты свинцом провожала гостей,
Ты в дырявом платке замерзала
В ожиданьи советских частей
У Синельниковского вокзала.

Я хотел бы опять и опять
Комсомольскою песнею вторить
Всем победам твоим и шагать
По пространствам твоих территорий,

Чтобы в звенях полка молодого
Снова юным пройти сквозь бои,
Чтобы неба полтавского вдоволь
Мне хватило на годы мои!

Юных песен и родины жажда —
Я хожу и шепчу по Москве:
— Пусть живет она, счастлива дважды!..
Хай живе! Хай живе! Хай живе!

Перед боем

Я нынешней ночью
Не спал до рассвета,
Я слышал: проснулись
Военные ветры.
Я слышал: с рассветом
Девятая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.

За тонкой стеною
Соседи храпели,
Они не слышали,
Как ветры скрипели.
Рассвет подымался,
Тяжелый и серый,
Стояли усталые
Милиционеры,
Пятнистые кошки
По каменным зданьям
К хвостатым любовникам
Шли на свиданье.

Над улицей тихой,
Большой и безлюдной,
Вздымался рассвет
Государственных будней.
И, радуясь мирной
Такой обстановке,
На теплых постелях
Проснулись торговки.

Но крепче и крепче
Упрямая рота

Стучала, стучала,
Стучала в ворота.

Я рад, что, как рота,
Не спал в эту ночь,
Я рад, что хоть песней
Могу ей помочь.

Крепчает обида, молчит,
И внезапно
Походные трубы
Затрубят на Запад.
Крепчает обида.
Товарищ, пора бы,
Чтоб песня взлетела
От штаба до штаба!

Советские пули
Дождутся полета...
Товарищ начальник,
Откройте ворота!
Туда, где бригада
Поставит пикеты,—
Пустите поэта!
И песню поэта!

Знакомые тучи!
Как вы живете?
Кому вы намерены
Нынче грозить?
Сегодня на мой
Пиджачок из шевьота
Упали две капли
Военной грозы.

Возвращение

Ангелы, придуманные мной,
Снова посетили шар земной.
Сразу сократились расстоянья.
Сразу прекратились расставанья,
И в семействе объявился вдруг
Без вести пропавший политрук.

Будто кто его водой живую
Окропил на фронтовом пути,
Чтоб жене его не быть вдовою,
Сиротою сыну не расти.

Я — противник горя и разлуки,
Любящий товарищей своих,
Протянул ему на помощь руки:
— Оставайся, дорогой, в живых!

И теперь сидит он между нами —
Каждому наука и пример, —
Трижды награжденный орденами,
Без вести пропавший офицер.

Он сидит спокойно и серьезно,
Не скрывая счастья своего.
Тихо и почти религиозно
Родственники смотрят на него.

Дело было просто: в чистом поле
Он лежит один. Темным-темно.
От потери крови и от боли
Он сознание теряет, но

С музыкой солдаты смерть встречают,
И когда им надо умирать,
Ангелов успешно обучают
На губных гармониках играть.

(Мы, признаться, хитрые немного, —
Умудряемся в последний час,
Абсолютно отрицая бога,
Ангелов оставить про запас.)

Никакого нам не надо рая!
Только надо, чтоб пришел тот век,
Где бы жил и рос, не умирая,
Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколению
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Чтобы самой трудною порою
Кладь казалась легче на плечах...
Но вернемся к нашему герою —
Мы сегодня у него в гостях.

Он платил за все ценою крови,
Он пришел к родным, он спит с женой,
И парят над ним у изголовья
Ангелы, придуманные мной...

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ



1895—1934

Эдуард Георгиевич Багрицкий (Дэюбин) родился в Одессе, в мещанской среде. Учился в реальном училище и на землемерных курсах. Входя в молодежные литературные кружки, с 1915 г. стал выступать в одесских альманахах со стихами. Участник гражданской войны — был в рядах Особого партизанского отряда имени ВЦИК. В 1920 г. работал в ЮгРОСТА, писал боевые политические стихотворения, листовки, плакаты. С 1925 г., покинув Одессу, жил под Москвой, в Кунцеве, с которым связаны все последние его поэмы, затем — в самой столице. В ранних стихах Э. Багрицкого (цикл о Тиле Уленшпигеле и др.) нарисованы романтические образы вольнолюбивых, мужественных людей, ярко и эмоционально воспет мир природы. В 1926 г. Э. Багрицкий создал великолепную поэму «Дума про Опанаса», запечатлевшую картины гражданской войны на Украине. В центре поэмы — судьба крестьянина, пытавшегося в грозную годину остаться между двумя непримиримыми лагерями, уберечь свое личное счастье. Предательство народного дела и позорная гибель — таков трагический финал жизни Опанаса, образ которого можно в какой-то мере уподобить герою шолоховского «Тихого Дона» Григорию Мелехову. Поэма насыщена отзвуками украинских народных дум и древнерусского «Слова о полку Игореве», переплавленных в современном легком и певучем стихе. Первый сборник произведений Э. Багрицкого — «Юго-Запад» (1928) — закрепил уже широкую к тому времени известность поэта. В последующих книгах Э. Багрицкого — «Победители» и «Последняя ночь», вышедших в 1932 г., его талант проявился во всей своей глубине и мощи. В этих книгах раскрыта тема преэминентности революционных поколений, звучит страстное осуждение мира корысти, частнобственнического стяжательства. Поэт воспел отвагу воинов революции, их верность идее освобождения угнетенных. Э. Багрицкий вошел в историю советской литературы как певец молодости. Строители нового мира — «механики, чекисты, рыбоводы» — стали полновластными героями книг

поэта. Его стихотворения, с их праздничной романтичностью, могучей пластикой и красочностью, проникнуты радостью борьбы, жизнеутверждающим оптимизмом. Строгий, необычайно взыскательный к себе мастер слова, Эдуард Багрицкий был одним из популярнейших учителей поэтической молодежи 30-х годов.

Птицелов

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударит дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, —
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, —
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует, —
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, услышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, шелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузиновой,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

Арбуз

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно.
И ерзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навывлет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топочет, как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на мель,
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней еще не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду, —
Мне жизни веселой теперь не сберечь, —
И руль оторвало, и в кузове течь!..

Пустынное солнце над морем встает,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...

В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдет,
Окончены ветер и качка, —
Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

Контрабандисты

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
— Доброе дело! Хорошее дело! —
Чтоб звезды обрызгали
Грудю наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...

Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

.

Двенадцатый час —
Осторожное время.
Три пограничника,
Ветер и темень.
Три пограничника,
Шестеро глаз —
Шестеро глаз
Да моторный баркас...
Три пограничника!
Вор на дозоре!
Бросьте баркас
В басурманское море,
Чтобы вода
Под кормой загудела:
— Доброе дело!
Хорошее дело! —
Чтобы по трубам,
В ребра и винт,
Витговой пляской
Двинул бензин.

Ай, звездная полночь!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

.....

Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалясь на корме,
Да видеть звезду
Над бушпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
Иль правильней, может,
Сжимая наган,
За вором следить,
Уходящим в туман...
Да ветер почуять,

Скользкий по жилам,
Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме
Усамого грека
На черной корме...
Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
Коверкала рот, —
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
— Ай, Черное море,
Хорошее море!..

* *
*

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды, —
И горечь полыни на наших губах...
Нам пож — не по кисти,
Перо — не по праву,
Кирка — не по чести,
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север —
И мы облетаем.

Чей путь мы собою тогда устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потошчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший уют...
Бездомною стужей уют раздуваем...
Мы в ночь улетаем!
Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад...
Над нами гремят трубачи молодые,
Над нами восходят созвездья чужие,
Над нами чужие знамена шумят...
Чуть ветер,
Чуть север —
Срывайтесь за ними,
Неситесь за ними,
Гонитесь за ними,
Катитесь в полях,
Запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим в тучах,
За стуком копыта в берлогах дремучих,
За песней трубы, потонувшей в лесах...

Последняя ночь

Весна еще в намеке
Холодноватых звезд.
На явор кривобокий
Взлетает черный дрозд.

Фазан взорвался, как фейерверк.
Дробь вырвала хвою. Он
Пернатой кометой рванулся вниз,
В сумятицу вешних трав.

Эрдгерцог вернулся к себе домой.
Разделся. Выпил вина.
И шелковый сеттер у ног его
Расположился, как сфинкс.

Револьвер, которым он был убит
(Системы не вспомнить мне),
В охотничьей лавке еще лежал
Меж спиннингом и ножом.

Грядущий убийца дремал пока,
Голову положив
На юношески твердый кулак
В коричневых волосах.

.
В Одессе каштаны оделись в дым
И море по вечерам,
Хрипя, поворачивалось на оси,
Подобное колесу.

Мое окно выходило в сад,
И в сумерки, сквозь листву,
Синели газовые рожки
Над вывесками пивных.

И вот на этот шипучий свет,
Гремя миллионом крыл,
Летели скворцы, расшибаясь вдрызг
О стекла и провода.

Весна их гнала из-за черных скал
Бичами морских ветров.

Я вышел...
За мной затворилась дверь...
И ночь, окружив меня
Движеньем крыльев, цветов и звезд,
Возникла на всех углах.

Еврейские домики я прошел.
Я слышал свирепый хrap
Биндюжников, спавших на биндюгах.
И в окна была видна
Суббота в пурпуровом парике,
Идущая со свечой.

Еврейские домики я прошел.
Я вышел к сиянью рельс.
На трамвайной станции млея фонарь,
Окруженный большой весной.

Мне было только семнадцать лет,
Поэтому эта ночь

Клубилась во мне и дышала мной,
Шагала плечом к плечу.

Я был ее зеркалом, двойником,
Второю вселенной был.
Планеты пронизывали меня
Насквозь, как стакан воды,
И мне казалось, что легкий свет
Сочится из пор, как пот.

Трамвайную станцию я прошел,
За ней невесом, как дым,
Асфальтовый путь улетал, клубясь,
На запад — к морским волнам.

И вдруг я услышал протяжный звук:
Над миром плыла труба,
Изнывая от страсти. И я сказал:
— Вот первые журавли.

Над пылью, над молодостью моей
Раскатывалась труба,
И звезды шарахались, трепеща,
От взмаха широких крыл.

Еще один крутой поворот —
И море пошло ко мне,
Неся на себе обломки планет
И тени пролетных птиц.

Была такая голубизна,
Такая прозрачность шла,
Что повториться в мире опять
Не может такая ночь.

Она поселилась в каждом кремне
Гнездом голубых лучей;
Она превратила сухой бурьян
В студёные хрустали;
Она постаралась вложить себя
В травинку, в песок, во все —
От самой отдаленной звезды
До бутылки на берегу.

За неводом, у зеленых свай,
Где днем рыбаки сидят,
Я человека увидел вдруг —
Недвижного, как валун.

Он молод был, этот человек,
Он юношей был еще, —
В гимназической шапке с большим гербом,
В тужурке, сшитой на рост.

Я пригляделся,
Мне странен был
Этот человек:
Старчески согнутая спина
И молодое лицо.

Лоб, придавивший собой глаза,
Был не по-детски груб,
И подбородок торчал вперед,
Сработанный из кремня.

Вот тут я понял, что это он
И есть душа тишины,
Что тяжестью погасших звезд
Согнуты плечи его,
Что, сам не сознавая того,
Он совместил в себе
Крик журавлей и цветенье трав
В последнюю ночь весны.

Вот тут я понял:
Погибнет ночь
И вместе с ней отпадет
Обломок мира, в котором он
Родился, ходил, дышал.
И только пузырьки взвьются вверх,
Взвьются и пропадет.

И снова звезда. И вода рябит.
И парус уходит в сон.

Меж тем подымается рассвет.
И вот, грохоча ведром,
Прошел рыболов и, сев на скалу,
Поплавками истыкал гладь.

Меж тем подымается рассвет.
И вот на кривой сосне
Воздел свою флейту черный дрозд,
Встречая цветенье дня.

А нам что делать?
Мы побрели
На станцию, мимо дач...

Уже дребезжал трамвайный звонок
За поворотом рельс,
И бледной немочью млея фонарь,
Не погашенный поутру.

Итак, все кончено! Два пути!
Два пыльных маршрута в даль!
Два разных трамвая в два конца
Должны нас теперь умчать!

Но низенький юноша с грубым лбом
К солнцу поднял глаза
И вымолвил:
— В грозную эту ночь

Вы были вдвоем со мной.
Миру не выдумать никогда
Больше таких почей...
Это последняя... Вот и все!
Прощайте! —
И он ушел.

Тогда, растворив в зеркалах рассвет,
Весь в молниях и звонках,
Пылая лаковой желтизной,
Ко мне подлетел трамвай.

Револьвер вынут из кобуры,
Школяр обойму вложил.
Из-за угла, где навес кафе,
Эрцгерцог едет домой.

.
Печальные дети, что знали мы,
Когда у больших столов
Врачи, постучав по впалой груди,
«Годен», — кричали нам...

Печальные дети, что знали мы,
Когда, прошагав весь день,
В портянках, потных до черноты,
Мы падали на матрац.
Дремота и та избегала нас.
Уже ни свет ни заря
Врывалась казарменная труба
В отроческий покой.

Недосыпая, недолюбя,
Молодость наша шла.
Я спутника своего искал:
Быть может, он скажет мне,
О чем мечтать и в кого стрелять,
Что думать и говорить?

И вот неожиданно у ларька
Я повстречал его.
Он выпрямился... Военный френч,
Как панцирь, сидел на нем,
Плечи, которые тяжесть звезд
Упрямо сгибала вниз,
Чиновничий украшал погон;
И лоб, на который пал
Недавно предсмертный огонь планет,
Чистейший и грубый лоб,
Истыкан был тысячами угрей
И жилами рассечен.

О, где же твой блеск, последняя ночь,
И свист твоего дрозда!

Лужайка — да посредине сапог
У пушечной колен.
Консервная банка раздроблена
Прикладом. Зеленый суп
Сочится из дырки. Бродячий пес
Облизывает траву.
Деревни скончались.
Потоитан хлеб.
И вечером — прямо в пыль —
Планеты стекают в крови густой
Да смутно трубит горнист.
Дымятся костры у больших дорог,

Солдаты колют вшей.
Над Францией дым.
Над Пруссией вихрь.
И над Россией туман.

Мы плакали над телами друзей;
Любовь погребали мы;
Погибших товарищей имена
Доселе не сходят с губ.

Их честную память хранят холмы
В обветренных будяках,
Крестьянские лошади мнут полынь,
Проросшую из сердец,
Да изредка выгребает плуг
Пуговицу с орлом...

Но мы — мы живы наверняка!
Осыпался, отболев,
Скарлатинозною шелухой
Мир, окружавший нас.

И вечер наш трудолюбив и тих.
И слово, с которым мы
Боролись всю жизнь, — оно теперь
Подвластно нашей руке.

Мы навык воинов приобрели,
Терпенье и меткость глаз,
Уменье хитрить, уменье молчать,
Уменье смотреть в глаза.

Но если, строчки не дописав,
Бессильно падет рука,
И взгляд остановится, и губа
Отвалится к бороде,
И наши товарищи, поплевав
На руки, стащат нас
В клуб, чтоб мы прокисали там
Средь лампочек и цветов,
Пусть юноша (вузовец, иль поэт,
Иль слесарь — мне все равно)
Придет и встанет на караул,
Не вытирая слезы.

САМУИЛ МАРШАК



1887—1964

Самуил Яковлевич Маршак родился в Вороноже, где его отец служил мастером на химическом заводе. Детство и первые школьные годы, в связи с переездом семьи, С. Маршак провел в Острогжске. В 1902 г. в судьбе С. Маршака, к тому времени уже писавшего стихи и переводившего латинских поэтов, принял участие известный критик В. В. Стасов. По его настоянию С. Маршак был переведен из острогжской гимназии в 3-ю петербургскую. С 1904 по 1906 г. С. Маршак учился в Ялте, жил в семье Пешковых: его направил туда М. Горький. Зимой 1906 г., вследствие политических репрессий, С. Маршаку пришлось покинуть гимназию в Ялте. Он продолжил свое образование за границей — в Лондонском университете. В 1907—1908 гг. С. Маршак начал печатать в журналах свои лирические и сатирические стихотворения. Во время первой мировой войны, накануне которой С. Маршак вернулся на родину, он стал работать с детьми беженцев, оказавшихся в Вороноже. Затем, после революции, живя сначала в Краснодаре, а потом в Ленинграде, С. Маршак сотрудничал в учреждениях по народному образованию, в первых детских театрах. Эта работа заставила С. Маршака задуматься над многими вопросами воспитания. С. Маршак выступает как один из зачинателей советской литературы для детей. Его остроумные и веселые сказки, поэмы, рассказы в стихах стали любимыми книжками многих поколений ребят. Активно работал С. Маршак и для детского театра. Во время Великой Отечественной войны С. Маршак писал замечательные по своей остроте и меткости стихотворные плакаты, листовки и эпиграммы, направленные против фашизма. С. Маршак известен и как выдающийся мастер поэтического перевода; благодаря его труду великолепно звучали по-русски и стали достоянием широких масс стихи шотландского поэта Роберта Бернса, сонеты Шекспира, произведения Блейка, Вордсворта, английские и шотландские народные баллады. По выражению А. Фадеева, переводы С. Маршака стали «фактами русской поэзии». Наряду с работой над книга-

ми для детей С. Маршак создал много лирических стихотворений философского плана. Редкостный труженик, человек большой и глубокой культуры, С. Маршак был мудрым наставником многих писателей, неутомимым общественным деятелем. Его критические статьи и этюды о поэтическом мастерстве собраны в книге «Воспитание словом».

* *
*

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесье.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

А там еще живет петровский век
В углу между Фонтанкой и Невою...
Все то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

Словарь

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть,
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

*

*

Когда, изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значенье —
«Вода». «Огонь». «Старик». «Олень». «Трава»

По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.

Но часто жизнь бывает к нам сурова!
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.

*

*

*

И поступь и голос у времени типе
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов.

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь, — на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет.

Секундная стрелка бежит что есть мочи
Путем неуклонным своим.
Так поезд несется просторами ночи,
Пока мы за шторами спим,



Цените слух, цените зреньё,
Любите зелень, синеву —
Всё, что дано вам во владеньё
Двумя словами: «Я живу».

Любите жизнь, покуда живы.
Меж ней и смертью только миг.
А там не будет ни крапивы,
Ни роз, ни пепельниц, ни книг.

И солнце даже не заметит,
Что в глубине каких-то глаз
На этой маленькой планете
Навеки свет его погас.

Ночлег в пути

(Из Роберта Бернса)

Меня в горах застала тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала крепко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: — Нельзя ль
Еще подушку принести?

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла, —
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два эти маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ты, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
— Ах, погубили вы меня! —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: — Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

Пробираясь до калитки

(Из Роберта Бернса)

Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь!

И какая вам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ



1899—1968

Илья Львович Сельвинский родился в Симферополе, в семье меховщика. Образование получил в евпаторийской гимназии, затем окончил юридический факультет Московского университета (1923). В ранней молодости плавал юнгой по крымско-кавказскому побережью, был актером бродячего театра, работал грузчиком, репортером, инструктором тяжелой атлетики, рабочим консервной фабрики. В 1918 г. вступил в красногвардейский отряд и принимал участие в боях с немецкими оккупантами под Перекопом. Дважды сидел в тюрьме: в 1919 г. во время англо-французской оккупации Крыма и в 1920 г. при Врангеле. Первое стихотворение И. Сельвинского («Бой») появилось в печати в 1915 г. В 1922—1930 гг. И. Сельвинский возглавлял литературную группу конструктивистов, в которую входили Э. Багрицкий, В. Инбер, В. Луговской и другие. Перу И. Сельвинского принадлежат лирические сборники «Рекорды», «Тихоокеанские стихи», «Крым — Кавказ — Кубань», «О времени, о судьбах, о себе», эпопеи и романы в стихах «Улялаевщина», «Пушторг», «Арктика», драматические поэмы и трагедии «Командарм-2», «Пао-Пао», «Умка — Белый Медведь», «Рыцарь Иоанн», «Читая «Фауста», трилогия «Россия», трагедия о Ленине «Человек выше своей судьбы». Творчество И. Сельвинского отличается многогранностью, широтой и размахом. Эпос и драма, воссоздающие облик разных эпох и народов, занимают в нем главное место. Поэт открыто социальный, с острым чувством времени, И. Сельвинский стремился к монументальности, масштабности изображения. Тематический стержень его творчества — судьба родины, Россия и революция. Стих у И. Сельвинского энергичный, напористый, краски резкие, броские. Поэт мастерски умеет передать движение, процесс борьбы. Разнообразна ритмика И. Сельвинского — от гекзаметра и классического пятистопного ямба до внедренного им в советскую поэзию тактового стиха. Излюбленные объекты словесной живописи И. Сельвинского — просторы океана, южная степь и звери: тигры и нерпы, медведи и рыси. Пей-

заж в его стихах необычайно широк и охватывает почти все области нашей страны. И. Сельвинский познал его в дальних дорогах. Будучи уже сложившимся поэтом, он в качестве уполномоченного по заготовке пушнины изъездил европейскую часть Союза, побывал в Сибири и на Дальнем Востоке, жил на Камчатке. В 1933—1934 гг. корреспондентом «Правды» плывал на ледоколе «Челюскин» в экспедиции, возглавляемой Отто Шмидтом, прошел с чукчами на собаках по льдам Ледовитого океана и тундре до мыса Дежнева. В период Великой Отечественной войны И. Сельвинский находился в рядах действующей армии на Крымском и Кавказском направлениях и Втором Прибалтийском фронте. Несколько раз был ранен и контужен. Свои размышления о поэзии И. Сельвинский, крупнейший мастер слова и страстный экспериментатор, изложил в книге «Студия стиха» (1962).

Великий океан

Одиннадцать било. Часики сверь
В кают-компании с цифрами диска.
Солнца нет. Но воздух не сер:
Туман пронизан оравжевой искрой.

Он золотился, роился, мигал,
Пушком по щеке ласкал, колоссальный,
Как будто мимо проносят меха
Голубые песцы с золотыми глазами.

И эта лазурная мглистость несется
В сухих золотинках над мглою глубин,
Как если б самое солнце
Стало вдруг голубым.

Но вот загораются синие воды
Субтропической широты.
На них маслянисто играют разводы,
Как буквы «О», как женские рты...

О океан, омывающий облако
Океанийских окраин!
Даже с берега, даже около,
Галькой твоей ограян,

Я упиваюсь твоей синевою,
Я улыбаюсь чаще,
И уж не нужно мне ничего —
Ни гор, ни степей, ни чащи.

Недаром храню я, житель земли,
Морскую волну в артериях
С тех пор, как предки мои взошли
Ящерамп на берег.

А те из вас, кто возникли не так
И кутаются в одеяла,
Все-таки съездите хоть в поездах
Послушать шум океана.

Кто хоть однажды был у зеркал
Этих просторов — поверьте,
Он унес в дыхательных пузырьках
Порыв великого ветра.

Такого тощища не загрызет,
Такому в беде не согнуться —
Он ленинский обоймет горизонт,
Он глубже поймет революцию.

Вдохни ж эти строки! Живи сто лет —
Ведь жизнь хороша, океанная...

Пускай этот стих на твоём столе
Стоит как стакан океана.

Охота на тигра

1

В рыжем лесу звериный рев:
Олень скликает коров,
Другой с коронованной головой
Отзывается воем на вой —
И вот сквозь кусты и через ручьи
На поединок летят рогачи.

2

Важенка робко стоит бочком
За венценосным быком.

Его плечи и грудь покрывает грязь,
Измазав чалый окрас,
И он, оскорбляя соперника басом,
Дует в лоздри и водит глазом.

3

И тот выходит, огромный, как лось,
Шею вдвое напруживая.
До третьих сучьев поразрослось
Каменное оружие.
Он грезит о ней,
о единственной,
то й!
Глаза залиты кровавой мечтой.

4

В такие дни, не чуя ног,
Иди в росе по колени.
В такие дни бери мапок,
Таящий голос оленя.
И, лад
его
добросовестно зубря,
Вопиственной песнью мани изюбря.

5

Так и было. Костром начдив,
Засели в кустарнике на ночь
Охотник из гольдое я и начдив,
Некто Игорь Шланч.
Мы слушали тьму. Но забрезжил рассвет,
А почему-то изюбрей нет.

6

Охотник дунул. (Эс*.) Тишина.
Дунул еще. Тишина.
Без отзыва по лесам неслась
Искусственная страсть.

* Эс — означает паузу и произносится про себя. (Прим. Сельвинского.)

Что ж он оглох, этот каверзный лес-то?
Думали — уж не менять ли место.

7

И вдруг вдалеке отозвался рев.
(В уши ударила кровь...)
Мы снова — оп ближе. Он там. Он тут —
Прямо на наш редут.
Нет сомненья: на дудошный зык
Шел великолепный бык.

8

Небо уже голубело всюю.
Было светло в лесу.
Трубя по тропам звериных аллей,
Сейчас
на нас
налетит
олень...
Сидим — не дышим. Наизготовке
Три винтовки.

9

И вдруг меж корней — в травяном горизонтце
Вспыхнула призраком вихря
Золотая. Закатная. Усатая, как солнце,
Жаркая морда тигра!
Полный балдеж во блаженном усенье —
Даже... выстрелить не успели.

10—11

Олени для нас потускнели вмиг.
Мы шли по следам напрямик.
Пройдя километр, осели в кустах.
Час оставались так.
Когда ж тишком уползали в ров,
Снова слышим изюбревый рев —
И мы увидали нашего тигра!
В оранжевый за лето выгоря,
Расписанный чернью, по золоту сед,
Драконом, покинувшим храм,
Хребтом повторяя горный хребет,
Спускался он по горам.

Порой остановится, взглянет грустно,
 Раздраженно дернет хвостом,
 И снова его невесомая грузность
 Двигается сопками в пебе пустом.
 Рябясь от ветра, ленивый, как знамя,
 Он медленно шел на сближение с нами.

Это ему от жителей мирных
 Красные тряпочки меж ветвей.
 Это его в буддийских кумирнях
 Славят, как бога: Шан-
 Жен-
 Мет-
 Вэй *!

Это он, по преданью, огнем дымящий,
 Был полководцем китайских династий.

Громкие галки над ним летали,
 Как черные ноты рычання его.
 Он был пожилым, но не стар летами —
 Ужель ему падать уже на стерво?
 Увы! — все живое швыряет взапуск
 Пороховой тигриный запах.

Он шел по склону военным шагом,
 Все плечо выдвигая вперед;
 Он шел, высматривая по оврагам,
 Где какой олений народ —
 И в голубые струны усов
 Ловко цедил... изюбевый зов.

* Шан - Жен - Мет - Вэй — Истинный Дух Гор и Лесов — так китайцы называют тигра. (Прим. Сельвинского.)

Милый! Умница! Он был охотник:
 Он применял, как и мы, «манок».
 Рогатые дурни в десятках и сотнях
 Летели скрестить клинок о клинок,
 А он, подвывая с картавостью слабой,
 Целился пятизарядной лапой.

Как ему, бедному, было тяжело!
 Как он, должно быть, страдал, рыча:
 Иметь. Во рту. Призыв. Рогача —
 И не иметь в клыках его ляжки.
 Пожалуй, пздавши излюбревый зык,
 Он первое время хватал свой язык.

Так, вероятно, китайский монах,
 Косу свою лаская, как девичью,
 Стонет...

Но гольд вынимает «манок».
 Теперь он суровой, чем давеча.
 Гольд выдувает возглас оленя,
 Тигр глянул — и нет умиленья.

С минуту насквозь прожигали меня
 Два золотых огня...
 Но вскинул винтовку товарищ Игорь,
 И вот уже мушка села под глаз,
 Ахнуло эхо! — секунда — и тигр
 Нехотя повалился в грязь.

Но миг — и он снова пред нами, как миф,
 Раскатом нас огромив,
 И вслед за октавой глубокой, как Гендель,
 Харкнув на нас горячо,
 Он ушел в туман. Величавой легендой.
 С красной лентой. Через плечо,

Белый песец

Мы начинаем с тобой стареть,
Спутница дорогая моя...
В зеркало вглядываешься острей,
Боль от самой себя затая:

Ты еще ходишь-плывешь по земле
В облаке женственного тепла.
Но уж в улыбке, что света милей,
Лишняя черточка залегла.

Но ведь и эти морщинки твои
Очень тебе, дорогая, к лицу.
Нет, не расплющить нашей любви
Даже и времени колесу!

Меж задушевных имен и лиц
Ты как червонец в куче пезет,
Как среди меха цветных лисиц
Свежий, как снег, белый песец.

Если захочешь меня проклясть,
Буду униженней всех людей,
Если ослепнет влюбленный глаз,
Вспоминаньями буду глядеть.

Сколько отмучено мук с тобой,
Сколько иссмеяно смеха вдвоем!
Как мы, невзысканные судьбой,
К радужным далям друг друга зовем.

Радуйся ж каждому новому дню!
Пусть оплетает лукавая сеть —
В берлоге души тебя сохраню,
Мой драгоценный, мой Белый Песец.

Умка — Белый Медведь

(Пролог к трагедии)

Возьмите в руки, родная моя, глобус
голубой

И путешествуйте
 карандашом,
 огибая рябой
 прибой,

И путешествуйте карандашом
 в северные моря,
 Где траурным кораблем враспах летит
 тоска моя...

Где носом к носу,
 как два петуха,
 гребни пургой промыв,
 Чукотка с Аляской рвутся в бой,
 но их разделяет пролив,

Где много дней солнца нет
 и часто луны
 нет,

И тюленья отдушины
 вихрь
 вмиг
 зализывает, как след,

И только изредка —
 в те часы,
 когда отойдет пурга, —

В полгоризонта
 Великий Олень
 зажигает свои рога.

Здесь много дней солнца нет.
 Здесь край ледяной синевы.

Здесь живут голубые песцы, обаятельные,
 как вы...

Здесь под перьями зари,
 чернеющей на лету,
 Гренландский медведь
 с жировым горбом
 идет в Россию по льду.

Здесь сивучи,
 заплывая весной,
 подымают свадебный вой

И, как боксеры, дерутся в кругу
 ластами
 и головой.

Здесь ребра кита и его позвонки
 находят посмертный приют,

И недопёски у китобоев градусняки крадут.

Вот тут-то

в дымных дырищах,

похожих на шарабан,

Покрытых кожами моржей,

гулками, как барабан,

В округлых ярангах,

лишенных окон и дверь которым чужда,

Обитает народ,

наивный, как миф,

и опытный, как нужда.

Немало буйных кораблей к себе привлек

этот край,

Чтобы, как нежную виолончель, послушать

песцовый лай,

Чтобы скорей вернуться домой

— к матери —

видит бог!

Чтоб умереть,

поймав ненароком

удар клыка в бок,

Чтобы за пенью мокрых вант

и трудный скрип рей,

Перечеканить в серебро

серебряный мех зверей,

Чтобы за пару дешевых серег и всякий

шурум-бурум

Больших Медведиц звездами

набить корабельный трюм...

А чукча глядел —

и на лбу его

собиралась угрюмая морщ,

И был ему ближе белых людей

любой одичалый морж.

И ждал он ветра,

который бы мог

разбить этот белый плен,

Как белые льды расшибает шторм у бухты Уэллен.

И ждал он северных ветров, —

но вот примчался норд:

Норвежский бриг

скупает собак,

льдинами затерт;

И ждал восточных он ветров, —
но вот примчался ост:
Американский пароход... зубочистки ему
привез.
И южных выждал он ветров, —
но вот примчался зюйд:
Японские шхуны
вкрадчиво
с опиумом ползут.
Дождался западных ветров, —
но вот примчался вест:
И русский клипер
вышел из дрейфа
с пушками наперевес.
Но ждал он вновь. Как чуда, ждал!
Душа
вся извелась...
И только не знал,
что ветер такой
зовется Советская власть.

Песня казачки

Н. Асееву

Над рекой-красавицей птица не воркует —
Голос пулемета заменил дрозда.
Там моя заботушка, сокол мой воюет,
На папахе алая звезда.

Я ли того сокола сердцем не кормила?
Я ли не писала кровью до зари?
У него, у милого, от его да милой
Письмами набиты газыри.

Письма — не спасенье. Но бывает слово —
Душу озаряет веселей огня.
Если там хоть весточки ожидают снова,
Это значит — помнят и меня.

Это значит — летом ли, зимней ли порошей
Постучит в оконце звонкое ружье.
Золотой-серебряный, друг ты мой хороший,
Горюшко военное мое.

Над моей бессонницей пролетают ночи.
Как закрою веки — вижу своего.
У него, у милого, каренькие очи...
Не любите, девушки, его.

Тамань

Когда в кавказском кавполку я вижу казака
На белоногом скакуне гнедого косяка,
В черкеске с красною душой и в каске набекрень,
Который хату до сих пор еще зовет «курень», —
Меня не надо просвещать, его окликну я:
— Здорово, конный человек, таманская земля!

От Крымской от станицы до Чушки до косы
Я обошел твои, Тамань, усаые овсы,
Я знаю плавней боевых кровавое гнильцо,
Я хату каждую твою могу узнать в лицо.
Бывало, с фронта привезешь от казака письмо —
Усадят гостя на топчан под саблю с тесьмой,
И небольшой крестьянский зал в обоях из газет
Портретами станишников начнет на вас глазеть.
Три самовара закипят, три лампы зажужжат,
Три девушки наперебой вам голову вскружат,
Покуда мать не закричит и, взяв турецкий таз,
Как золотистого коня, не выкупает вас.

Тамань моя, Тамань моя, форпост моей страны!
Я полюбил в тебе уклад батальной старины,
Я полюбил твой ветерок военно-полевой,
Твои гортанные ручьи и гордый говор твой.
Кавалерийская земля! Тебя не полонить,
Хоть и бомбежкой распахать, пехотой бронить.
Чужое знамя над тобой, чужая речь в дому,
Но знает враг:

никогда

не сдаться ты ему.

Тамань моя, Тамань моя! Весенней кутерьмой
Не рвется стриж с такой тоской издалека домой,
С какою тянутся к тебе через огонь и сны
Твои казацкие полки, кубанские сыны.

Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века
Стояла грудью боевой у русского древка;
За то, что, где бы ни дралось, развеяв чубовье,
Всегда мечтало о тебе казачество твое;
За этот дом, за этот сад, за море во дворе,
За красный парус на заре, за чаек в серебре,
За смех казачек молодых, за эти песни их,
За то, что Лермонтов бродил на берегах твоих.

России

Взлетел расщепленный вагон!
Пожары... Беженцы босые...
И снова по уши в огонь
Вплываем мы с тобой, Россия.
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна, —
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!
Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли ветер?
Гордись тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством ранним,
Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем дыханьем.

Люблю, Россия, твой пейзаж:
Твои курганы печенежьи,
Стамухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюленьи игры,
И в кедраче над Уссури
Шаманскую личину тигра.

Люблю твое речное дно
В ершах, и раках, и русалках;
Моря, где в горизонтах валких,
Едва меж волнами видно,

Рыбачье судно ладит парус,
И прямо в небо из воды
Дредноут в космах бороды
Выносит театральный ярус.

Люблю, Россия, птиц твоих:
Военный строй в гусином стане,
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых,
И писк луна среди жнивья
В очарованье лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья*.

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубит:
Всегда событие! Вечно мета!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полюбить.

Люблю великий русский стих,
Не всеми понятый, однако,
И всех учителей своих —
От Пушкина до Пастернака.
Здесь та большая высота,
Что и не пахнет трын-травой,
Недаром русское всегда
Звучало в них как мировое.

Люблю стихию наших масс:
Крестьянство с философской хваткой,
Станину нашего порядка —
Передовой рабочий класс
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —
Все общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

* У соловьев во время пения иногда разрывается сердце. (Прим.)

Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабриста в эполетах
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы.
Так пусть галдит над нами грай,
Черня привычную неправдой,
Но мы мостим прямую гать
Через всемирную трясицу,
И ныне воспринять Россию —
Не человечество ль принять?

Какие ж трусы и ввали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли.
В удушье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

Вера Михайловна Инбер родилась в Одессе. Отец ее возглавлял книжное издательство, мать была преподавательницей русского языка. Закончив гимназию, В. Инбер поступила на историко-филологический факультет Одесских высших женских курсов, но вскоре уехала на лечение в Швейцарию, а оттуда — во Францию. В 1912 г. в Париже издается ее первый сборник стихов — «Печальное вино». Две следующие книжки («Горькая услада» и «Бренные слова») вышли уже в России, куда поэтесса вернулась в 1914 г. С 1922 г. она жила в Москве и активно сотрудничала в прессе. Как журналистка В. Инбер в 20-х и 30-х годах много ездила по Советскому Союзу, не раз бывала в странах Западной Европы. Первый свой революционный сборник стихов — «Цель и путь» (1923) — Вера Инбер назвала началом подлинной писательской биографии. Вскоре она пробует свои силы в прозе, пишет рассказы, автобиографическую повесть «Место под солнцем», книгу очерков «Америка в Париже». В 1938 г. В. Инбер заканчивает поэму о Грузии «Путевой дневник» (по признанию поэтессы, ее любимая вещь), а в 1939 г. — поэму «Овидий». Во время Великой Отечественной войны В. Инбер находилась в осажденном Ленинграде. Печатаясь в газетах, выступая по радио, в госпиталях, выезжая на линию фронта, В. Инбер создает поэму «Пулковский меридиан», а также ленинградский дневник «Почти три года». В послевоенные годы В. Инбер написала цикл стихотворений «Путь воды», работала над стихами о В. И. Левине. Стихи В. Инбер, как правило, сюжетны. Поэтессе свойственна доверительная интонация, нередко мягкая, усмешливая ирония («Я просто спасаюсь юмором, когда я до слез расстрогана»). Мягким изяществом, добрым юмором отмечены и многие страницы прозы В. Инбер.

ВЕРА ИНБЕР



1890—1972

Пять ночей и дней

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней.

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

Сыну, которого нет

(Колыбельная песня)

Ночь идет на мягких лапах,
Дышит, как медведь.
Мальчик создан, чтобы плакать,
Мама — чтобы петь.

Отгону я сны плохие,
Чтобы спать могли
Мальчики мои родные,
Пальчики мои.

За окошком ветер млечный,
Лунная руда,
За окном пятиконечна
Синяя звезда.

Сын окрепнет, осмелеет,
Скажет: «Ухожу».
Красный галстучек на шею
Сыну повяжу.

Шибче барабанной дроби
Побегут года;
Приминая пыль дороги,
Лягут холода.

И прилаженную долю
Вскинет, как мешок,
Сероглазый комсомолец,
На губе пушок.

А пока еще ни разу
Не ступив ногой,
Спи, мой мальчик сероглазый,
Зайчик дорогой...

Налепив цветные марки
Письмам на бока,
Сын мне письма и подарки
Шлет издалека.

Заглянул в родную гавань
И уплыл опять.
Мальчик создан, чтобы плавать,
Мама — чтобы ждать.

Вновь пройдет годов немало...
Голова в снегу;
Сердце скажет: «Я устало,
Больше не могу».

Успокоится навеки,
И уже тогда
Весть помчится через реки,
Через города.

И бледней, как бумага,
Смутный, как печать,
Мальчик будет горько плакать,
Мама — будет спать.

А пока на самом деле
Все наоборот:
Мальчик спит в своей постели,
Мама же — поет.

И фланелевые брючки,
Первые свои,
Держат мальчишкины ручки,
Пальчики мои.

Москва в Норвегии

Облаков колорит
О зиме говорит.
Пахнет влагой и хвоей,
Как у нас под Москвою.
Мох лежит под сосной,
Как у нас под Москвой.
Все как дома
И очень знакомо.
Только воздух не тот,
Атмосфера не та,
И от этого люди другие.
Только люди не те, что у нас,
И на вас
Не похожи, мои дорогие.
Дорогие друзья, я писала не раз,
Что разлука — большая обуза,
Что разлука — змея.
И действительно, я
Не должна уезжать из Союза.
За границей легко только первые дни,
В магазине прилавок наряжен.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Эти перья и эти тетради!)
А какие здесь есть города! Например,
Старый Берген, который недаром
(Это скажет вам каждый порядочный гид)
Знаменит
Своим рыбным базаром.

Голубая макрель, золотая треска
На холодном рассвете багровом.
Я взглянула на рыбу — и в сердце тоска
Вдруг впилась мне крючком рыболовным.
Я припомнила ясно: в корзине, в ведре ль,
Распластав плавников острия,
Та же белая в синих полосках макрель,
Только звали ее «скумбрия».
И какая чудесная юность была
В те часы на песке под горой!
И какая огромная жизнь пролегла
Между этой и той скумбрией!
И печаль об исчезнувшей прелести дней
Полоснула меня, как ножом.
И подумала я: «Ничего нет грустней
Одиночества за рубежом».
Только вижу: у рыбного ряда стоит,
Упершись рукавицей в бедро,
В сапогах и брезенте, назад козырек,
Ну, точь-в-точь паренек
Из метро.
Я невольно воскликнула: «Ах ты,
Из какой это вылез он шахты?»
Он ко мне по-норвежски (а я ни гу-гу),
По-иному он, вижу, не слишком.
Неужели же, думаю, я не смогу
Побеседовать с этим парнишкой?
И, доставши блокнот, так, чтоб он увидал,
На прилавке под рыбным навесом
Я рисую родимого моря овал
И пишу по-латински «Odessa».
И тогда паренек на чужом берегу
Улыбается мне, как рыбак рыбаку.
Паренек улыбается мне от души,
Он берет у меня карандаш.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Если держит их кто-нибудь наш!)
Он выводит знакомое слово «Moskwa»,
И от этого слова — лучи.
(До чего хорошо, что иные слова
Даже в дальних краях горячи!)
Он приветствует в эту минуту Союз,
Он глядит хорошо и всерьез.

И, содрав рукавицу и сбросив картуз,
Он трясет мою руку до слез.
Хорошо, что на грусть мы теряем права
И что, как бы он ни был далек,
Человек с удивительным словом «Москва»
Не бывает нигде одинок.

Воспоминание об Узбекистане

Я узнала апрельскую прелесть твоей
Остроконечной листвы.
Цветущие руки твоих ветвей
Касались моей головы.

Твои арыки поили меня,
Мне запомнилась их вода.
Средняя Азия, сердце мое
Не забудет тебя никогда.

Спроси меня, я знаю теперь,
Как, умно обходя углы,
Работает твой шелковичный червь,
Двоюродный брат пчелы.

Он, этот подлинно скромный герой,
Не бросает (была не была),
Как это делаем мы порой,
Задуманные дела.

И рождается кокон, прекрасный плод
Терпения и труда.
Средняя Азия, сердце мое
Не забудет тебя никогда.

Я видела твой виноградный рай.
Когда наступает срок,
Весной говорят ему: «Друг, вставай»,
И он отвечает: «Хоп»*.

* Х о п — хорошо, отлично (узб.).

Я видела девушку: маковый рот,
Синеватые косы, пробор.
Эту девушку только вчера Грензавод
Посадил за научный прибор.

Что за ресницы! Они таковы,
Что мешают смотреть в микроскоп.
Я ей сказала: «Привет из Москвы».
И она мне ответила: «Хоп».

И длинные брови сомкнула опять,
Потому что была занята.
Средняя Азия, сердце мое
Не забудет тебя никогда.

Пусть легла между нами разлука-змея,
Ты мне дорогá вдвойне.
Средняя Азия, карта твоя
Висит на моей стене.

Солнце и говор в далеких рядах
Колхозников и горожан.
По цветущей долине в плодовых садах
Протекает река Зеравшан.

Я слышу: звенит колокольцем верблюду
Через равные доли секунд:
То пушистое золото — хлопок везут
На далекий приемочный пункт.

Чем дальше, тем больше полуденный зной.
Тем жарче в полях тишина.
У афганской границы стоит часовой, —
Там кончается наша страна.

Там кончается мирная песня моя,
Жаркая песня труда.
Средняя Азия, сердце мое
Не забудет тебя никогда.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ



1901—1957

Владимир Александрович Луговской родился в Москве, в семье учителя, преподававшего русскую литературу. В 1918 г. окончил гимназию, поступил в Московский университет, но вскоре уехал на Западный фронт, где служил в полевом госпитале. После возвращения с фронта работал в угрозыске, учился в Главной школе Всеобуча, в Военно-педагогическом институте. В 1921 г. служил в Управлении делами Кремля и в военной школе ВЦИК. Революция, гражданская война, русская история и природа Севера, откуда происходил отец поэта, составили первоначальный круг впечатлений и поэтических образов В. Луговского. Писать стихи В. Луговской начал еще курсантом школы Всеобуча, но впервые напечатался в 1924 г. В 1926 г. вышел его сборник «Сполохи». Затем были изданы книги «Мускул», «Страдания моих друзей», «Большевикам пустыни и весны», «Европа», «Жизнь», «Каспийское море». Книга «Большевикам пустыни и весны», родившаяся в результате поездки в Среднюю Азию весной 1930 г., знаменовала собой непосредственное приобщение поэта к будням социалистического строительства. Тогда же в стихах Луговского вошла тема границы — он стал другом и певцом советских пограничников. Республики Средней Азии, Урал, Азербайджан, Дагестан, русский Север, страны Западной Европы — таковы маршруты многократных путешествий В. Луговского, щедро отразившихся в его книгах. «Слово «ветер» в моих стихах, — писал поэт, — стало для меня синонимом революции, вечного движения вперед, бодрой радости и силы». Мускулистый и крылатый стих В. Луговского отличается огромной искренностью, масштабностью мысли. Большим творческим подъемом отмечены последние годы жизни В. Луговского. За короткий срок им созданы сборники стихотворений «Солнцеворот», «Синяя весна», книга поэм «Середина века». В этих поэмах звучит тревога за судьбы мира, за судьбы человеческой культуры, утверждается мысль об ответственности каждого за происходящее на земле.

Песня о ветре

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обугом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эга песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главарь говорят, —
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стучат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Луна. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры, —
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нареза меня ранила!

Ты прости, прости, прощай!
Прощевай пока,
А покуда обещаю
Не беречь бока.

Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть,

Пулеметные дорожки расстеливать,
Беляков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку,
ругает вагоны,
Волокет Колчаку
тысячу погонов.
Он идет впереди,
атаман удалый,
У него на груди
фонари-медали.
Командир-паровоз
мучает одышка,
Впереди откос —
паровозу крышка!

А пока поручики пиво пьют,
А пока солдаты по-своему поют:

«Россия ты, Россия, российский страна,
Соха тебя пахала, боронила борона.
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда!

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
А хочется, ребята, душе вздохнуть.

Ах, сукин сын, машина, сибирский паровоз,
Куда же ты, куда же ты солдат завез?
Ах, мама моя, мама, крестьянская дочь,
Меня ты породила в несчастную ночь!

Зачем мне, мальчишке, на жизнь начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить у Колчака?
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда.
Направо окоlesiца, налево лабуда!»

...Радио... говорят...
(Флагов вскипела ярь):
«Восьмого января

Армией пятой
Взят Красноярск!»

Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный,
в морозы наряженный,
Червонными флагами
выкинулся.

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат!
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.
Эй, партизан!
Поднимай сельчан:
Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снегу волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.
«Эх, шарабан мой, американка!
А я девочка да шарлатанка!»
Стой!

Кто идет?
Кончено. Залп!!

Большевикам пустыни и весны

В Госторге, у горящего костра,
Мы проводили мирно вечера.
Мы собирали новостей улов
И поглощали бесконечный плов.
А ночь была до синевы светла,
И ныли ноги от казачьего седла.
Для нас апрель просторы распростер,
Мигала лампа,
И пылал костер.

Член посевокма зашивал рукав,
Предисполкома отгонял жука,
Усталый техник, лежа на боку,
Выписывал последнюю строку.
А по округе, на плуги насев,
Нукал верблюдов
Большевицкий сев.

Шакалы воем оглашали высь.
На краткий отдых люди собрались.
Пустыня била ветром в берега,
Она далеко чужла врага,
Она далеко слышала врагов —
Удары заступа
И шарканье плугов.

Три раза в час в ворота бился гам:
Стучал дежурный с пачкой телеграмм,
И цифры, выговоры, слов напор
В поспешном чтеньи наполняли двор.
Пустыня зыбилась в седой своей красе.
Шел по округе
Большевицкий сев.

Ворвался ветер, топот лошадей,
И звон стремян, и голоса людей.
Свет фонаря пронесся по траве,
И на веранду входит человек,
За ним другой, отставший на скаку.
Идет пустыня, ветер,
Кара-Кум!

Крест-накрест маузеры. Рубахи из холстин.
Да здравствуют работники пустынь!
Ложатся люди, кобурой стуча,
Летают шутки, и крепчает чай.
На свете все одолевать привык
Пустыню обуздавший большевик.
Я песни пел, я и сейчас пою
Для вас, ребята из Ширам-Кую.
Вам до зари осталось отдохнуть,
А завтра — старый караванный путь
На те далекие колодцы и посты.
Да здравствуют
Работники пустынь!

Потом приходит юный агроном,
Ему хотелось подкрепиться сном,
Но лучше сесть, чем на постели лечь,
И лучше храпа — дружеская речь.
В его мозгу гектары и плуги,
В его глазах зеленые круги.
Берись за чайник, пиалу налей.
Да здравствуют
Работники полей!

И после всех, избавясь от беды,
Стучат в Госторг работники воды.
Они в грязи, и ноги их мокры,
Они устало сели на ковры,
Сбежались брови, на черту черта.
«Арык спасли.
Устали. Ни черта!
Хороший чай — награда за труды».
Да здравствуют
Работники воды!

Но злоба конскими копытами стучит,
И от границы мчатся басмачи,
Раскинув лошадиные хвосты
На землю, воду и песок пустынь.
Дом, где сидим мы, — это байский дом.
Колхоз вспахал его поля кругом.
Но, чтобы убивать и чтобы взять,
Бай и пустыня возвращаются опять.
Тот топот конницы и осторожный свист

Над лесами вышек
развернул норд-ост
Полночь,
расцветающую,
как павлиний хвост.

И, перерастая
голосов прибой,
Выжимая волосы,
встает перед тобой
Женщина,
как облако
приснившегося сна,
В ней будто лампа розовая
под кожей зажжена.

Но ты лежишь, товарищ,
на простом столе.
Море рассыпается,
двигаясь во мгле,
В город, кровью купленный,
где пятнадцать лет
По рукам студентов
бродит твой скелет.

Ты лежишь, товарищ,
на простом столе,
Море дымной славы
движется во мгле.

* *
*

Сивым дождем на мои виски
падает седина,
И страшная сила пройденных дней
лишает меня сна.
И горечь, и жалость, и ветер ночей,
холодный, как рыба кровь,
Осенним свинцом наливают зрачок,
ломают тугую бровь.
Но несгибаема ярость моя,
живущая столько лет.

«Ты утомилась?» —

я говорю.

Она отвечает: «Нет!»

Именем песни,

предсмертным стихом,

которого не обойти,

Я заклинаю ее стоять

всегда на моем пути.

О, никогда, никогда не забыть

мне этих колючих ресниц,

Глаз, расширенных и косых,

как у летящих птиц.

Я слышу твой голос —

голос ветров,

высокий и горловой,

Дребезг манерок,

клекот штыков,

ливни над головой.

Много я лгал, много любил,

сердце не уберег,

Легкое счастье пленяло меня

и легкая пыль дорог.

Но холод руки твоей не оторву

и слову не изменю,

Неси мою жизнь,

а когда умру —

тело предай огню.

Светловолосая, с горестным ртом, —

мир обступил меня,

Сдвоенной молнией падает день,

плечи мои креня.

Словно в полете,

резок и тверд

воздух моей страны.

Ночью,

покоя не принося,

дымные снятся сны.

Кожаный шлем надевает герой,

древний мороз звенит.

Слава и смерть — две родные сестры —

смотрят в седой зенит.

Юноши строятся,

трубы кипят

плавленным серебром

Гуси

Над необъятной Русью
С озерами на дне
Загоготали гуси
В зеленой вышине.

Заря огнем холодным
Позолотила их,
Летят они свободно,
Как старый русский стих.

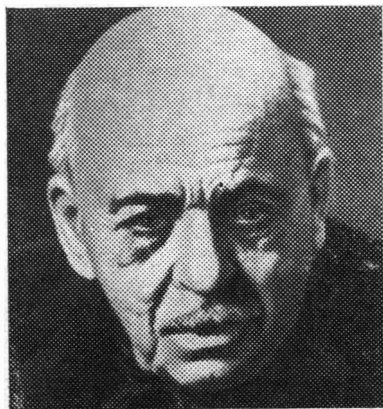
До сосен Заонежья
Река небес тиха.
Так трепетно и нежно
Внизу цветет ольха.

Вожак разносит крылья,
Спешит на брачный пир,
То сказкою, то былью
Становится весь мир.

Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна,
Миллионы лет за ними
Стремилась к нам весна.

Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны — на север!
На север, как всегда.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ



1896—1978

Павел Григорьевич Антокольский родился в Петербурге, в семье адвоката. Окончил гимназию в Москве. С 1915 г. учился на юридическом факультете Московского университета. В это же время поступил в студенческую драматическую студию, руководимую Евг. Вахтанговым, был актером, после Октябрьской революции, вплоть до середины 30-х годов, уже в театре им. Вахтангова — режиссером. Печататься начал в 1918 г. Первую книгу стихотворений издал в 1922 г. Ранним стихам П. Антокольского свойственна романтическая пентонация, широкое вторжение в мпр русской и западной истории. Позднее в книги поэта вошел и многокрасочный Восток. Пребывание в 20-х годах в Швеции, Германии и Франции дало П. Антокольскому материал для книги стихов «Запад», поэм «Робеспьер и Горгона», «Коммуна 1871 года», «Франсуа Вийон». В 30-х годах развернулась бурная переводческая и литературно-педагогическая деятельность П. Антокольского. Выходят его книги стихов «Большие расстояния», «Пушкинский год», поэма «Кощей». В Великую Отечественную войну поэт работал во фронтовой печати, руководил труппой фронтового театра. Важнейшее произведение П. Антокольского той поры — проникновенная, трагическая поэма «Сын» (1943). В послевоенные годы, не прекращая интенсивного труда, поэт много путешествовал. Им были созданы поэмы «В переулке за Арбатом», книги стихов «Мастерская», «Сила Вьетнама», «Высокое напряжение», «Четвертое измерение», «Ночной смотр». Расщепленный атом и угроза новой войны, борьба человечества за социальный прогресс и культуру, седая древность и XX век — таковы тематические контуры этих книг П. Антокольского. Одновременно он пишет рассказы и очерки о Пушкине и Лермонтове, великолепные статьи о поэтах-современниках (книга «Пути поэтов», 1965). П. Антокольский — один из активных пропагандистов и переводчиков поэзии Азербайджана, Грузии, Армении, Украины. Его легкой, патетически звучащий, вобравший в себя бо-

гостейшие традиции классической русской поэзии стих экспрессивен и горяч. Любимая муза поэта — муза истории. «Сегодня, когда мне больше шестидесяти,— писал П. Антокольский в 1958 г., — я так же страстно люблю историю, как любил ее двадцатилетним юношей, накануне Октябрьской грозы».

Застольная

Друзья! Мы живем на зеленой земле,
Пируем в ночах, истлеваем в золе.
Неситесь, планеты, неситесь, неситесь!
Ничем не насытятся,

Мы сгинем во мгле.
Но будем легки на подъем и честны,
Увидим, как дети, тревожные сны,
Чтоб снова далече, целуя, калеча,

Знобила нам плечи
Погода весны.
Скрежещет железо, сверкает вода,
Ликует огонь и гудят провода,

И снова нам кажется мир великаном,
И снова легка нам
Любая беда
Да здравствует время, да здравствует путь!

Рискуй, не робей, нерасчетливым будь!
А если умрешь, берегись, не воскресни!
А песня?
А песню споет кто-нибудь!

Ремесло

Вне сильных чувств и важных категорий,
Без бурных сцен в сиянье тысяч свеч,
Неприбранное будничное горе —
Единственная стоящая вещь.

Одень ее в шелка или в железо,
Дай ей одно иль множество имен,
Какие там подробности ни лезут,
Но если ты несчастен и умен,

И если звон последних медных денег
Знаком тебе, и вышел твой табак,
И если так пошло твое паденье,
Так мешкотно и незаметно так...

Тогда не спи всю ночь. Крепись, товарищ!
Еще не все потеряно. Еще
На собственной золе ты песню сваришь,
Чтобы другим дышалось горячо.

Ты будешь весь в поту, в соленой пене —
Не человек, а отданное в рост
Немое, медленное упоенье
Тумана, ветра, времени и звезд.

Ночь бредит рынком, руганью и рванью.
Чужая жизнь! В ней места нет двоим.
Но есть у ночи это дарованье —
Казаться собеседником твоим.

Бульвар Сен-Мишель

Здесь, в серой тесноте Латинского квартала...
Так я хотел начать. Но старость этих стен
Сильна в схоластике. Она отбормотала
Давно все, что могла, по части всех систем.

Здесь висельник Вийон шептал за кружкой пенной
Распутные стихи сорбоннским школярам.
Здесь, может быть, Бальзак, мрачней постепенно,
Распутывал ходы житейских дрязг и драм.

Здесь было почему не спать ночей. И время
Для воспаленных глаз бессонницы росло,
До хруста сжатое. Декартом в теореме,
Чтобы упасть без чувств, как исповедь Руссо.

Здесь... но постой! Вернись к дыханью этой скуки,
В междуязычный гам, в международный шлак.
Хлыщей потасканных прельщают потаскухи,
Под ветром плещется трехцветный старый флаг.

И вот едят и пьют. Ползут в музеи. Лезут
На вышку Эйфеля. Болеют и блюют.
Вдыхают пудру, пыль и пепел «Марсельезы»,
Блуд мировых ревю, размер валют и блюд.

А может быть, затем и шла раскачка истин,
Стук ставок и костей, швыряемых в ничто,
Чтоб мир обугленный был юным ненавистен
И глухо отступал пред всяческой мечтой...

Но столько вышины и воздуха, впоенных
Смертями стольких слав, — и тут, и там, и над...
Так, может, для того и вешали Вийонов,
Чтоб этот висельник сосал свой ситронад!

Нико Пиросманишвили

В духане, меж блюд и хохочущих морд,
На черной клеенке, на скатерти мокрой
Художник белилами, суриком, охрой
Наметил огромный, как жизнь, натюрморт.

Духанщик ему кахетинским платил
За яркую вывеску. Старое сердце
Стучало от счастья, когда для кутил
Писал он пожар помидоров и перца.

Верблюды и кони, медведи и львы
Смотрели в глаза ему дико и кротко.
Козел улыбался в седую бородку
И прыгал на коврик зеленой травы.

Цыплята, как пули, нацелившись в мир,
Сияли прообразом райского детства.
От жизни художнику некуда деться!
Он прямо из рук эту прорву кормил.

В больших шароварах серьезный кинто,
Дитя в гофрированном платьице, девы
Лилейные и полногрудые! Где вы?
Кто дал вам бессмертие, выдумал кто?

Расселины, выставившись напоказ,
Сверкали бесстрашием рысей и кошек.
Как бешено залит луной, как роскошен,
Как жутко раскрашен старинный Кавказ!

И пенились винные роги. Вода
Плескалась в больших тонкогорлых кувшинах.
Рассвет наступил в голосах петушинных.
Во здравие утра сказал тамада.

Работа

Он сейчас не сорвиголова, не бретёр,
Как могло нам казаться по чьим-то запискам,
И в ответах не столь уже быстр и остр,
И не юн на таком расстоянии близком.

Это сильный, привыкший к труду человек,
Как арабский скакун уходившийся, в пене.
Глубока синева его выпуклых век.
Обожгло его горькие губы терпенье.

Да, терпенье. Свеча наплывает. Шандал
Неудобен и погнут. За окнами выюга.
С малых лет он такой тишины поджидал
В дортуарах Лицея, под звездами юга.

На Кавказе, в Тавриде, в Молдавии — там,
Где цыганом бродил или бредил о Ризнич.
Но не кинется старая грусть по следам
Заметенным. Ей нечего делать на тризне.

Все стихии легли, как овчарки, у ног.
Эта ночь хороша для больших начинаний.
Кончен пир. Наконец человек одинок.
Ни друзей, ни любовниц. Одна только няня.

Тишина. Тишина. На две тысячи верст
Ледяной каземат, ледяная империя.
Он в Михайловском. Хлеб его черен и черств.
Голубеют в стакане гусиные перья.

Нянька бедная, может быть, вправду права,
Что полжизни ухожено, за тридцать скоро.
В старой печке стреляют сухие дрова.
Стонет вьюга в трубе, как из дикого хора
Заклинающий голос:

«Вернись, оглянись!

Меня по снегу мчат, в Петропавловке морят.
Я — как Терек, по кручам свергаемый вниз.
Я — как вольная прозелень Черного моря».

Что поймешь в этих звуках? Иль это в груди
Словно птица колотится в клетке? Иль снова
Ничего еще не было, все — впереди?
Только б вырвать единственно нужное слово!

Только б вырвать!

Из няниной сказки, из книг,
Из пурги этой, из глубины равелина,
Где бессонный Рылеев к решетке приник, —
Только б выхватить слово!

И, будто бы глина,
Рухнут мокрыми комьями на черновик
Ликованье и горе, сменяя друг друга.
Он рассудит их спор. Он измлада привык
Мять, ломать и давить у гончарного круга.

И такая наступит тогда тишина,
Что за тысячи верст и в течение века
Дальше пушек и дальше набата слышна
Еле слышная, тайная мысль человека.

Из поэмы „Сын“

(Вступление)

Бова! Я не опоздал? Ты слышишь?
Мы сегодня рядом встанем в строй.
Почему ты писем нам не пишешь,
Ни отцу, ни матери с сестрой?

Вова! Ты рукой не в силах двинуть,
Слез не в силах с личика смахнуть,
Голову не в силах запрокинуть,
Глубже всеми легкими вздохнуть.

Почему в глазах твоих навеки
Только синий, синий, синий цвет?
Или сквозь обугленные веки
Не пробьется никакой рассвет?

Видишь — вот сквозь вьющуюся зелень
Светлый дом в прохладе и в тени.
Вот мосты над кручами расселин.
Ты мечтал их строить. Вот они.

Чувствуешь ли ты, что в это утро
Будешь рядом с ней, плечо к плечу,
С самой лучшей, с самой златокудрой,
С той, кого назвать я не хочу?

Слышишь, слышишь, слышишь канонаду?
Это наши к западу пошли.
Значит, наступленье. Значит, надо
Подыматься, встать с сырой земли.

И тогда из дали неоглядной,
Из далекой дали фронтовой,
Отвскает сын мой ненаглядный
С мертвою горящей головой:

«Не зови меня, отец, не трогай,
Не зови меня — о, не зови!
Мы идем нехоженой дорогой,
Мы летим в пожарах и в крови.

Мы летим и бьем крылами в тучи,
Боевые павшие друзья.
Так сплотился наш отряд летучий,
Что назад вернуться нам вельзя.

Я не знаю, будет ли свиданье.
Знаю только, что не кончен бой.
Оба мы — несчинки в мирозданье.
Больше мы не встретимся с тобой».

Рабы Микеланджело

Как нам выдрать
Колени, и плечи, и локти свои?
Как нам выкарабкаться
Из косяго камня,
Родиться?
Во вселенной летят ястреба
И поют соловьи,
А у нас только в ребрах
Колотится пленная птица.

Подари нам топор,
Дай нам в руки мотыгу и лом,
И свою мастерскую,
И окна, раскрытые настежь,
И всю знойную землю,
Чтоб выкорчевать бурелом,
И все небо, грозой озаренное,—
Ты его застишь!

Ты, художник, устал!
Ты забыл, что сквозь трещины скал
Прорезаются к свету
Глаза твоих будущих статуй.
В каждой мраморной глыбе,
Которую ты обласкал,
Притаился и ждет
Твой завистник и твой соглядатай.

В три погибели сторбленный,
Бедный, развенчанный царь!
Ты когда-то упорствовал,
Странствовал, слыл полубогом.
Так ударь же резцом,
И еще, и еще раз ударь!
Сделай нас
Иль разбей на куски
В отвращенье глубоком!

Миновали столетья,
Как это мучительство длится!
Мы исхлестаны плетью,

Мы прячем безликие лица,
В первозданных породах
Смыкаем постылые веки.
Труд не начат,
А отдых
Нам тоже заказан навеки.

Спит музейная зала.
Двухсветное это пространство
Нам давно рассказало
О жизни прекрасной и страстной.
Да красотка девица
В оправе из перьев и кружев
Восхищенно дивится,
Как рвемся мы,
Мышцы напряжив!
Как, угрюмы и грубы,
Засунуты в оползни трещин,
Тянем черные губы
И пальцы
Ко всякой из женщин...

Как это ни печально

Как это ни печально, я не знаю
Ни прадеда, ни деда своего.
Меж нами связь нарушена сквозная,
Само собой оборвалось родство.

Зато и внук, и правнук, и праправнук
Растут во мне, пока я сам расту,
И юностью своей по праву равных
Со старшим делятся начистоту.

Внутри меня шумят листвою весенней,
И этот смутный, слитный шум лесной
Сулит мне гибель и сулит спасенье,
И воскресенье каждую весной.

Растут и пьют корнями соль и влагу.
А зимние настанут вечера —
Приду я к ним и псом косматым лягу,
Чтобы дремать и греться у костра.

Потом на расстоянье необъятном,
Какой бы вихорь дальше их ни гнал,
В четвертом измеренье или в пятом
Они заметят с башен мой сигнал,

Услышат позывные моих бедствий,
Найдут моих погасших звезд лучи, —
Как песни, позабывшиеся в детстве,
В коротких снах звучащие в ночи.

ИОСИФ УТКИН



1903—1944

Иосиф Павлович Уткин родился на станции Хинган, Восточно-Китайской железной дороги, в семье служащего. Учился в Иркутской гимназии. В 1920 г. добровольцем вступил в Красную Армию и принимал активное участие в гражданской войне в Сибири. Демобилизовавшись, в 1924 г. переехал в Москву, в 1927 г. окончил Государственный институт журналистики. Печататься начал с 1923 г. Первая книга, принесшая Иосифу Уткину известность, — «Повесть о рыжем Мотеле, господине инспекторе, раввине Исае и комиссаре Блох» — вышла в 1926 г. В этой поэме ярко раскрылась характерная черта дарования Уткина: проницательность, мягкий и добрый, непринужденный юмор. Рассказывая о жителях еврейского местечка, в застойный быт которых ворвалась революция, поэт утверждал заново родившееся радостное чувство родины. Много стихотворений И. Уткина посвящено гражданской войне, им присуща романтическая приподнятость, сочетающаяся с большой правдивостью и достоверностью. Среди постоянных тем поэта была и тема любви и дружбы. Порой в лирику И. Уткина проникала ложная сентиментальность, романсная чувствительность. Однако в хоре поэтических голосов 20-х и 30-х годов его, по определению самого же Уткина, «девичий голос» был хорошо слышен и заметен. В дни Великой Отечественной войны поэт служил в качестве военного корреспондента в редакции армейской газеты и написал много ценных стихотворений и песен. В 1941 г. в боях под Ельней был тяжело ранен, но вернулся в ряды Советской Армии. Погиб при авиационной катастрофе.

Гитара

А. Жарову

Не этой песней старой
Растоптанного дня,
Интимная гитара,
Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
Я нежил, строг и юн,
Серебряную косу
Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
Пронес я за собой
И женскую фигуру
Гитары дорогой!

Всегда смотрю с любовью
И с нежностью всегда
На политые кровью,
На бранные года.

Мне за былую муку
Покой теперь хорош.
(Простреленную руку
Сильнее бережешь!)

...Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают на закат...

Ни сена! И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Томится эскадрон...

...Что пуля? Пуля — дура.
А пуле смерть — сестра.
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берет за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зеленых рек,
Повыпрямились кони
И вырос человек!

...Короткие кварталы —
Летучие года!
И многого не стало,
Простилось навсегда.

Теперь веселым скопом
Не спеть нам, дорогой.
Одни —
Под Перекопом,
Другие —
Под Ургой.

Но стань я самым старым, —
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Сейчас она забыта.
Она ушла в века
От конского копыта,
От шашки казака.

Но если вновь, бушуя,
Придет пора зари, —
Любимая,
Прошу я —
Гитару подари!

Канцеляристка

А. Хребтовой

Где хитрых ног смиренное движенье,
Где шум и дым,
Где дым и шум, —
Она сидит печальным отраженьем
Своих высокопарных дум.

Глаза расширились, раскинулись,
И реже
Смыкается у голубых границ
Задумчивое побережье
Чуть-чуть прикрашенных ресниц.

Она глядит, она глядит в окно,
Где тает небо голубое.
И вдруг...
Зеленое сукно
Ударило морским прибоем!..

И люди видеть не могли,
Как над столом ее, по водам,
Величественно протекли
И корабли
И небосводы.

И как менялась бирюза
В глазах глубоких и печальных,
Пока... не заглянул в глаза
Суровый и сухой начальник...

Я знаю помыслы твои
И то,
Насколько сердцу тяжко, —
Хоть прыгают, как воробьи,
По счетам черные костяшки.

Лыжни

Вы уедете; я знаю.
За ночь снег опять пройдет.
Лыжня синяя, лесная
Постепенно пропадет.

Я опять пойду среди просек,
Как бывало в эти дни.
Лесорубы, верно, спросят:
«Что ж вы, Павлович, одни?..»

Как мне гражданам ответить?
О себе не говорю!
Я сошлюсь на сильный ветер
И, пожалуй, закурю.

Ну, а мне-то?..
Ну, а мне-то?..
Ветра нет... ведь это ж факт...
Некурящему поэту
Успокоить сердце как?

Или так и надо ближним,
Так и надо без следа,
Как идущим накрест лыжням,
Расходиться навсегда?..

Гостеприимство

Мы любим дом,
Где любят нас.
Пускай он сыр, пускай он душен.
Но лишь бы теплое радушье
Цвело в окне хозяйских глаз.

И по любой мудреной карте
Мы этот странный дом найдем —
Где длинный чай,
Где робкий фартук,
Где равно — в декабре и в марте —
Встречают
Солнечным лицом!

СЕМЕН КИРСАНОВ



1906—1972

Семен Исаакович Кирсанов родился в Одессе, в семье ремесленника. Окончил филологический факультет Одесского института народного образования. В 1922 г. начал печататься в периодических изданиях. В 1924 г. стихи С. Кирсанова появились в журнале В. Маяковского «ЛЕФ». В 1925 г. С. Кирсанов переезжает в Москву, сотрудничает с В. Маяковским. Тогда же издает первые два сборника стихов — «Прицел» и «Опыты». В 1927—1928 гг. принимает участие в поездках В. Маяковского по Советскому Союзу, активно работает в газетах. В 1930 г. создает поэму «Пятилетка», затем — «Золушку» и «Твою поэму». В 1937 г. выходит его антифашистская поэма «Война — чума!» С первых дней Великой Отечественной войны, находясь в рядах армии, С. Кирсанов работает в армейских газетах, пишет солдатский лубок «Заветное слово Фомы Смыслова». Был одним из организаторов «Окоп ТАСС». В послевоенные годы написал много поэм и стихотворных циклов, среди них — «Александр Матросов», «Небо над Родиной», «Макар Мазай», «Вершина», «Семь дней недели», «Меловой круг». Стремясь следовать новаторским приемам Маяковского и расширить выразительные средства поэзии, С. Кирсанов часто экспериментировал, искал свежие ритмы. Любил фантастический, сказочный поворот в теме, открытую игру словом. В погоне за оригинальной формой порой терпел неудачи, нанося ущерб смысловой стороне стиха. Плодотворно работал в области поэтического перевода (произведения Назыма Хикмета, П. Неруды, П. Элюара, Л. Арагона).

Погудка о поголке

Теплотой меня пор,
поле юга — родина.
Губы нежные твои —
красная смородина!

Погляжу в твои глаза —
голубой крыжовник!
В них лазурь и бирюза,
ясно, хорошо в них!

Скоро, скоро, как ни жаль,
летняя долина,
вновь ударится в печаль
дождик-мандолина.

Листья леса сгложет медь,
станут звезды тонкими,
щеки станут розоветь —
яблоки антоновки.

А когда за синью утр
лес качнется в золоте,
дуб покажет веткой: тут
клад рассыпан — желуди.

Лягут белые поля
снегом на все стороны,
налетят на купола
сарацины-вороны...

Станешь, милая, седеть,
цвет волос изменится.
Затоскует по воде
водяная мельница.

И начнут метели выть
снежные — повсюду!
Только я тебя любить
и седую буду!

Творчество

Принесли к врачу солдата
только что из боя,
но уже в груди не бьется
сердце молодое.

В нем застрял стальной осколок,
обожженный, грубый.
И глаза бойца мутнеют,
и синеют губы.

Врач разрезал гимнастерку,
разорвал рубашку,
врач увидел злую рану —
сердце параспашку!

Сердце скользкое, живое,
сине-кровяное,
а ему мешает биться
острие стальное...

Вынул врач живое сердце
из груди солдатской,
и глаза устлали слезы
от печали братской.

Это было невозможно,
было безнадежно...
Врач держать его старался
бесконечно нежно.

Вынул он стальной осколок
нежною рукою
и зашил иглою рану,
тонкою такою...

И в ответ на нежность эту
под рукой забилося,
заходило в ребрах сердце,
оказало милость.

Посвежели губы брата,
очи пояснили,
и задвигались живые
руки на шинели.

Но когда товарищ лекарь
кончил это дело,
у него глаза закрылись,
сердце онемело.

И врача не оказалось
рядом по соседству,
чтоб вернуть сердцебиенье
и второму сердцу.

И когда рассказ об этом
я услышал позже,
и мое в груди забилося
от великой дрожи.

Понял я, что нет на свете
выше, чем такое,
чем держать другое сердце
нежною рукою.

И пускай мое от боли
сердце разорвется —
это в жизни, это в песне
творчеством зовется.

Этот мир

Мой родной, мой земной,
мой кружащийся шар!
Солнце в жарких руках,
наклонясь, как гончар,

вертит влажную глину,
с любовью лепя,
округляя, лаская,
рождая тебя.

Керамической печью
космических бурь
обжигает бока
и наводит глазурь,

наливает в тебя
голубые моря,
и где надо, — закат,
и где надо, — заря.

И когда ты отделап
и весь обожжен,
солнце чудо свое
обмывает дождем

и отходит за воздух
и за облака
посмотреть на творение
издалека.

Ни отнять, ни прибавить —
такая краса!
До чего ж этот шар
гончару удался!

Он, руками лучей
сквозь туманы светя,
дарит нам свое чудо:
— Бери, мол, дитя!

Дорожи, не разбей:
на гончарном кругу
я удачи такой
повторить не смогу!

Николай Алексеевич Заболоцкий родился в Казани, в семье агронома. С 1910 г. жил в глухом селе Сернуре, Уржумского уезда, Вятской губернии. В 1920 г. окончил среднюю школу в Уржуме, в 1925 г. — отделение языка и литературы педагогического института им. Герцена в Ленинграде. Начал печататься в 1926 г. В 1929 г. в Ленинграде вышла первая книга стихов Н. Заболоцкого — «Столбцы», в 1937 г. — «Вторая книга». В «Столбцах» поэт зло обличал ненавистных ему вапманских торгашей и мещан, прибегая к причудливому гротеску, иронически осмысленной одической интонации. Позднее Н. Заболоцкий резко изменил свой стиль, выступив с философско-лирическими стихотворениями о природе, о месте в ней человека, о борьбе диких хаотических сил и разума, гармонии в мироздании. В цикле стихов 30—40-х гг. Н. Заболоцкий славит подвиги исследователей и создателей («Город в степи», «Творцы дорог»), человек трактуется поэтом как высшее выражение творческого начала в природе. Наряду с темой природы в творчестве Н. Заболоцкого звучала тема человеческих душ и сердец, человеческих судеб. Зрелый Н. Заболоцкий — это поэт мысли, прекрасно владеющей точным и зримым образом, при всей строгости и скупости своего языка. Неторопливый, очень весомый, важный, даже торжественный тон его стиха свидетельствует о творческом освоении традиций Державина, Баратынского, Тютчева, преломленных с глубокой оригинальностью и очарованием. Перу Н. Заболоцкого принадлежит историческая поэма «Рубрук в Монголии» и замечательное переложение на язык современной поэзии «Слова о полку Игореве». Н. Заболоцкий — один из выдающихся мастеров перевода. Среди крупнейших его переводческих работ — «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели и произведения других грузинских поэтов.

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ



1903—1958

Весна в лесу

Каждый день на косогоре я
Пропадаю, милый друг.
Вешних дней лаборатория
Расположена вокруг.

В каждом маленьком растеньице,
Словно в колбочке живой,
Влага солнечная пенится
И кипит сама собой.

Эти колбочки исследовав,
Словно химик или врач,
В длинных перьях фиолетовых
По дороге ходит грач.

Он штудирует внимательно
По тетрадке свой урок
И больших червей питательных
Собирает детям впрок.

А в глуши лесов таинственных,
Нелюдимый, как дикарь,
Песню прадедов воинственных
Начинает петь глухарь.

Словно идолище древнее,
Обезумев от греха,
Он рокочет за деревнею
И колышет потроха.

А на кочках под осинами,
Солнца праздную восход,
С причитаньями старинными
Водят зайцы хоровод.

Лапки к лапкам прижимаючи,
Вроде маленьких ребят,
Про свои обиды заячьи
Монотонно говорят.

А над песнями, над плясками
В эту пору каждый миг,
Населяя землю сказками,
Пламенеет солнца лик.

И, наверно, наклоняется
В наши древние леса
И невольно улыбается
На лесные чудеса.

Воздушное путешествие

В крылатом домике, высоко над землей,
Двумя ревущими моторами влекомый,
Я пролетал вчера дорогой незнакомой,
И облака, скользя, толпились подо мной.

Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с блистанием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли.

Лентообразных рек я видел перелив,
Я различал полей зеленоватых призму,
Туманно-синий лес, прижатый к организму
Моей живой земли, гнезвился между нив.

Я к музыке винтов прислушивался, я
Согласный хор винтов распределял на части,
Я изучал их песнь, я понимал их страсти,
Я сам изнемогал от счастья бытия.

Я посмотрел в окно, и сквозь прозрачный дым
Блестательных хребтов суровые вершины,
Торжественно скользя под грозный рев машины,
Дохнули мне в лицо дыханьем ледяным.

И вскрикнула душа, узнав тебя, Кавказ!
И солнечный поток, прорезав тело тучи,
Упал, дымясь, на кристаллические кучи
Огромных ледников, и вспыхнул, и погас.

И далеко внизу, расправив два крыла,
Скользило подо мной подобье самолета.
Казалось, из долин за нами гнался кто-то,
Похитив свой наряд и перья у орла.

Быть может, это был неистовый Икар,
Который вырвался из пропасти вселенной,
Когда напев винтов с их тяжестью мгновенной
Нанес по воздуху стремительный удар.

И вот он гонится над пропастью земли,
Как привидение летающего грека,
И славит хор винтов победу человека,
И Грузия моя встречает нас вдали.

Ночь в Пасанаури

Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,
И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.

С Крестового спустившись перевала,
Где в мае снег и каменистый лед,
Я так устал, что не желал нимало
Ни соловьев, ни песен, ни красот.

Под звуки соловьиного напева
Я взял фонарь, разделся догола,
И вот река, как бешеная дева,
Мое большое тело обняла.

И я лежал, схватившись за камешья,
И надо мной, сверкая, выл поток,
И камни шевелились в исступленьи
И бормотали, прыгая у ног,

И я смотрел на бледный свет огарка,
Который колебался вдалеке,
И с берега огромная овчарка
Величественно двигалась к реке.

И вышел я на берег, словно воин,
Холодный, чистый, сильный и земной,
И гордый пес, как божество, спокоен,
Узнав меня, улегся предо мной.

И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,
Я принял в сердце первый звук пандури,
Как в отрочестве — первый поцелуй.

Я не ищу гармонии в природе

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чувствует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой, —
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

Ночной сад

О сад ночной, таинственный орган,
Лес длинных труб, приют виолончелей!
О сад ночной, печальный караван
Немых дубов и неподвижных елей!

Он целый день метался и шумел.
Был битвой дуб, и тополь — потрясеньем.
Сто тысяч листьев, как сто тысяч тел,
Переплелись в воздухе осеннем.

Железный Август в длинных сапогах
Стоял вдали с большой тарелкой дичи.
И выстрелы гремели на лугах,
И в воздухе мелькали тельца птичьи.

И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
Легли внизу десятки длинных теней,
И толпы лип вздымали кисти рук,
Скрывая птиц под купами растений.

О сад ночной, о бедный сад ночной,
О существа, заснувшие надолго!
О вспыхнувший над самой головой
Мгновенный пламень звездного осколка!

Утро

Петух запеваает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы — клены,

Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубает своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рожденный пустыней,
Колелется звук,
Колелется синий
На нитке паук.
Колелется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колелется лист.

И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запекает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

Сквозь волшебный прибор Левенгука

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено, —
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

В результате их общих усилий
Зажигается пламя Плеяд,
И кометы летят легкокрылей,
И быстрее созвездья летят.

И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

Там я звездное чую дыхапье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.

Некрасивая девочка

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчишки, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!

И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Гроза идет

Двигается пахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Двигается, огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.

Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!

Сколько раз, ее увидев в поле,
Замедлял я робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!

Вот он — кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплен,
Он стоит, и мертвая корона
Подпирает темный небосклон.

Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы, почерневшие с вершины,
Осыпают звездами меня.

Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнем сжигали на лету.

Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе все тот же лютый голод,
И любовь, и песня до конца!

Признание

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

Александр Андреевич Прокофьев родился в селе Кобоне, на берегу Ладожского озера, в семье крестьянина — рыбака и землепашца. Окончил сельскую школу, с 1913 по 1917 г. учился в Петербургской учительской семинарии. Затем вернулся в Кобону. В 1919 г. вступил в Красную Армию, участвовал в боях с Юденичем под Петроградом. Печататься начал с 1927 г. До 1930 г. служил в Красной Армии. В 1931 г. выпустил первую книгу стихов — «Полдень». За нею последовали сборники «Улица Красных Зорь» (1931), «Победа» (1932). Краски, образы, ритмы — весь строй поэзии А. Прокофьева сложился под впечатлением его деревенской юности. «Ладога! — говорил поэт в автобиографии. — Я навеки полюбил свое родное море с его низкими туманами, с его ветрами — шелонником, межещем, зимняком, с его безбрежным, то суровым, то ласковым, простором. Я навеки полюбил леса и перелески Приладожья, простой быт моих родителей и односельчан, небогатую северную русскую природу, рыбацкие деревни и села, где «с печки рукой достанешь до воды». Поэзия А. Прокофьева — это бьющая через край любовь к жизни, к земной радости, завоеванной в мужественной борьбе. Дарование А. Прокофьева чрезвычайно самобытно. С детства слушавший гармонику и хороводные песни, поэт не признает речи вполголоса, его яркая, словно радуга, и темпераментная строка часто звучит открытым вызовом: «Ну так бейся, кровь орла и волка, пролетай, что молния, в века!» В стихах А. Прокофьева есть романтическая, светлая приподнятость и взволнованность. Они насквозь пронизаны фольклорными интонациями. Звуки народной речи поэт воспринимает как бы на вкус, на ощупь и бережет их, будто самоцветы. Множество своих стихотворений он посвящает родине. «Всю Россию дали мне в наследство, всю мою судьбу», — говорит А. Прокофьев в одном из них. Во время Великой Отечественной войны, работая в политуправлении Ленинградского фронта, А. Прокофьев пишет лиро-эпи-

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ



1900—1971

ческую поэму «Россия» — своеобразный сказ о стране, грудью вставшей против жестокого врага. А. Прокофьев обогатил советскую поэзию новыми мотивами, ритмами, обогатил своим подходом к изображению природы. От его лирики веет непередаваемо свежим духом бодрости, сохраненной им до последних своих дней.

Разговор по душам

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год!
Не армии, скажем прямо, — народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька.
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Везде по земле железной железная шла страда...
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда.
Я всякую чертовщину на памяти разотру,
У нас побелели волосы на лютом таком ветру.
Нам крышей служило небо, как ворон, летела мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла,
Мы шли от предгорий к морю, — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какой не ел сатана!
Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг.
Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк!
И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь огненный шквал.
Ты в гроб пойдешь — и заплачешь, что жизни такой не знал!
Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь,
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
И всякая тля в долине на сердце вела обрез.
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем».
Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы единственная страна.
Ты видишь ее раздольный простор полей и лугов...
Но ненависть ставь сначала, а после веди любовь!
Проверьте по документам, которые не солгут, —
Невиданные однолюбы в такое время живут.
Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана.
Возьми это верное слово и выпей его до дна.
Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависть ощетинь!
От нас шарахались волки, когда, мертвецы почти,
Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха.

Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!

Враги прокричали: «Амба!»

«Полундра!» — сказали мы.

И вот провели эпоху среди ненавистой тьмы.

Зеленые, синие, белые — сходились друг другу в масть,

Но мы отстояли, товарищ, нашу Советскую власть.

Матрос в Октябре

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нател!
Так до ленты молодой
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Все готово к нападенью,
К бою насмерть...

И углом
Он вторгается в Литейный,
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем Советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем»...

И, прям и светел,
С бомбой падает в века.
Мир ломается. И ветер
Давят два броневика.

Невеста

По улице полдень, летя напролом,
Бьет черствую землю зеленым крылом.
На улице, лет молодых не тая,
Вся в бусах, вся в лентах — невеста моя.
Пред нею долины поют соловьем,
За нею гармоники плачут вдвоем.
И я говорю ей: «В нарядной стране
Серебряной мойвой ты кажешься мне.
Направо взгляни и налево взгляни,
В зеленых кафтанах выходят линии.
Ты видишь линия иль не видишь линия?
Ты любишь меня иль не любишь меня?»
И слышу, по чести, ответ не прямой:
«Подруги, пора собираться домой,
А то стороной по камням-валунам
Косые дожди приближаются к нам».
«Червоная краля, постой, подожди,
Откуда при ясной погоде дожди?
Откуда быть буре, коль ветер — хромой?»
И снова: «Подруги, пойдемте домой.
Оратор сегодня действительно прав:
Бесчинствует солнце у всех переправ;
От близко раскиданных солнечных вех
Погаснут дарёные ленты навек».
«Постой, молодая, постой, — говорю, —
Я новые ленты тебе подарю
Подругам на зависть, тебе на почет,
Их солнце не гасит и дождь не сечет.
Что стало с тобою? Никак не пойму.
Ну, хочешь, при людях тебя обниму...»
Тогда отвечает, как деверю, мне:
«Ты сокол сверхъясный в нарядной стране.
Полями, лесами до огненных звезд
Лететь тебе, сокол, на тысячу верст!
Земля наши судьбы шутя развела:
Ты сокол, а я дожидаю орла!
Он выведет песню, как конюх коня,
Без спросу при людях обнимет меня.
При людях, при солнце, у всех на виду».

...Гармоники смолкли, почувяв беду.
И я, отступая на прах медуниц,
Кричу, чтоб «Разлуку» играл гармонист.

Развернись, гармоника...

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму.
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.
На деревне ничего не слышно,
А на слободе моей родной
Легкий ветер на дорогу вышел
И не поздоровался со мной.
И, твоею лаской зачарован.
Он, что целый день не затихал,
Крыльями простуженных черемух
Издали любимой замахал.
Ночь кричала запахами сена,
В полушалок кутала лицо.
И звезда, как ласточка, присела
На мое широкое крыльцо.
А березки белые в истоме
В пляс пошли — на диво нам.
Ай да Тоня, ай да Тоня,
Антонина Климовна!

* *
*

Что весной на родине?
Погода.
Волны неумолчно в берег бьют.
На цветах настоящую воду
Из восьми озер родные пьют.

Пьют, как брагу, темными ковшами
Парни в самых радостных летах,
Не испытать ее:

она большая.

И не расплескать:

она в цветах!

Мне до тех озер дорогой длинной
Не дойти.

И вот в разбеге дня
Я кричу товарищам старинным:
«Поднимите ковшик за меня!»

* * *

*

Задрожала, нет — затрепетала
Невеселой, сонной лебедой,
Придолинной вербой-красноталом,
Зорями в полнеба и водой.

Плачем в ленты убранной невесты,
Днями встреч, неделями разлук,
Песней золотой, оглохшей с детства
От гармоник, рвущихся из рук!

Чем еще?

Дорожным легким прахом,
Ветром, бьющим в синее окно.

Чем еще?

Скажи, чтоб я заплакал,
Я тебя не видел так давно...

Закат

Да, такого неба не бывало,
Чтоб с полнеба сразу стало алым,
Чтоб заката лента обвивала
Облака, грозящие обвалом!
Вот отсюда и пошло:

в лугу

Розовый стожар горит в стогу,
Розовые сосны на снегу,
Розовые кони в стойла встали,
Розовые птицы взвились в дали,
Чтобы рассказать про чудеса...
Это продолжалось полчаса!

Россия

(Вступление к поэме)

Сколько звезд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколько гроз.
Соловьиное горло — Россия,
Белоногие пуши берез.

Да широкая русская песня,
Вдруг с каких-то дорожек и троп
Сразу брызнувшая в поднебесье
По-родному, по-русски — взახлеб;

Да какой-нибудь старый шалашик,
Да задумчивой ивы печаль,
Да родимые матери наши,
С-под ладони глядевшие вдаль;

Да простор вековечный, огромный,
Да гармоник размах шире плеч,
Да вагранки, да краны, да домны,
Да певучая русская речь!

Каждый день был по-своему громок,
Нам войти в эти дни довелось,
Сколько ливенок, дудочек, хромок
Над твоими лугами лилось!

Ты вовек не замолкнешь, родная,
Не померкнут веснянки твои,
Коль сейчас по переднему краю
Неумолчно свистят соловьи!

Все равно на тропинках знакомых
И сейчас, у любого крыльца,
Бело-белая пена черемух
Льется, льется — и нет ей конца!

Соловьи, соловьи, соловьи,
Не заморские, не чужие,

Голосистые, наши, твои,
Свет немеркнувший мой, Россия!

Им, певучим, остаться в веках
Над ватагой берез непослушных,
На прибрежных густых лозняках,
Над малиной — зеленой и душиной;

Над черемухой дикой, лесной,
Чей веселый наряд неизменен, —
Вся она в белой пене весной,
В бело-белой и в розовой пене!

Край родной, весну твою
Сердцем принимаю,
Я весной в родном краю
Наломая Маю.

Я пройду с полянками,
Радость понимая,
Праздничного, яркого
Наломая Маю.

Я пройду, где разметалась
Широко долина.
Наломая краснотала,
Ивы и калины.

К ним в сыром, но теплом рву
На глухой дорожке,
Желтых лютиков нарву,
Ландышей в сережках.

Дальше пусть в моем дому
Счастье будет полным, —
Колокольчиков приму
Голубые волны.

И пойду к себе домой
В голубом и синем...
Милый отчий край, ты — мой,
Ты моя, Россия!



Нынче удались цветы повсюду,
Вволю им дано покрасоваться.
Я смотрю на небо, как на чудо,
Просто не могу налюбоваться.

Всё в цветах! Везде я их встречаю,
Даже пробиваются как — слышу.
Куст какой-то смелый иван-чая
Смотрит на собратьев прямо с крыши.

Вот раскрылся лютик милый, милый,
А на холм, где расцвела ромашка,
Где калина руки заломила,
Вышел клевер в розовой рубашке!

Разлеглись, как в сказке, голубые,
Синие, зеленые края...
Неужель тебя железом били,
Мать моя, сыра-земля моя?!

Я поднял дерево

Я поднял дерево,
Оно росло не стоя,
Лесок его, как в битве, потерял.
Оно не говорило со звездой,
И соловей его не удивлял.

Оно, скажу, ползло в лесу заветном,
Что кронами встречает синеву,
Оно ползло,
Униженное ветром,
Им брошенное намертво в траву!

О нем уже не помнила округа,
Ликуя, вешней свежестью дыша...
Я поднял это дерево,
Как друга.
О, как заговорила в нем душа!

Чем знаменита Ладога?

Чем знаменита Ладога?
А собственно, водою —
Холодною, крутою,
Прозрачною, седою!

А чем еще?

Болотами,
Цветными берегами
Да шукой большеротою,
Степенными сигами;

Еще травкою донником
Да резкими ветрами —
Меженцем и шелонником,
Да блеклыми утрами;

Плакучею, заплаканной
Березой над полями,

Да всякой мелкой птахою —
Стрижами, соловьями;

Да просто перелесками,
Да за просто лугами...

Да сильными, советскими,
Широкими шагами,
Что накрепко впечатаны
В мою родную землю!..

...Идут деды с внучатами,
Идут деды и внемлют
Своим садам, посаженным
И ждущим совершенства,
Большим шагам — по сажени
Своим ветрам-меженцам!..

Всеволод Александрович Рождественский родился в Царском Селе, в семье учителя. Окончив гимназию, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где сблизился с кружком акмеистов. После Октября, весной 1918 г., добровольцем вступил в Красную Армию. Участвовал в обороне Петрограда от Юденича. В 1922 г., демобилизовавшись, вернулся в Петроград, сотрудничал в издательстве «Всемирная литература», куда его ввел М. Горький. Первые стихотворные сборники Вс. Рождественского — «Лето» и «Золотое веретено» — вышли в 1920—1921 гг. В них чувствовалось сильное влияние книжно-условного романтизма. С годами творчество Вс. Рождественского обретает все большую самобытность и жизненность. Решающий сдвиг в его работе произошел в пору первых пятилеток — время плодотворных поездок поэта по стране. Стихи Вс. Рождественского стали как бы лирической летописью, где отразились стройки Днепротэса и Турксиба, новая жизнь в степях Казахстана и в горах Армении. С началом Великой Отечественной войны Вс. Рождественский — в рядах народного ополчения. В должности военного корреспондента он был на Ленинградском, Волховском и Карельском фронтах, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В эту пору в стихи Вс. Рождественского еще шире, чем раньше, вошла скромная и трогательная северная русская природа. «Грозди брусники на болотных кочках, запахи грибов, прелых листьев, речного тумана живут во мне как ощущение полного и неповторимого счастья», — говорил Вс. Рождественский. Наряду с темой природы у поэта есть и другое пристрастие: вековой народный созидательный труд, народное искусство. Много стихотворений Вс. Рождественский посвятил любимому им Ленинграду. Стих Вс. Рождественского задушевно прост и ясен. В его строфах, лишенных броскости и внешнего эффекта, но чеканно точных и грациозных, скрыто незаурядное мастерство. «Истинная красота, точность и ясность, присущие реалистическому искусству, — утверждает поэт, — не элементарность, а выс-

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ



1895—1977

шая ступень очень сложного движения мысли и чувств». В 50—70-х гг. выходили сборники стихов Вс. Рождественского «Иволга», «Русские зори», «Золотая осень», «Аленушка», «Лицом к заре». Интересна книга мемуаров поэта «Страницы жизни» (1962). Вс. Рождественский много работал над переводами произведений классиков Запада и поэтов братских республик.

Коктебель

Я камешком лежу в ладонях Коктебеля...
И вот она плывет, горячая неделя,

С полынным запахом в окошке на закат,
С ворчанием волны и трескотней цикад.

Здесь, в этом воздухе, пылающем и чистом,
Я сразу звонким стал и жарко-золотистым,

Горячим камешком, счастливым навсегда,
Соленым, как земля, и горьким, как вода.

Вот утро... Все в луче, лазурью пропыленном,
Оно к моим зрачкам подкралось полусонным,

И, распахнув окно, сквозь жаркий полумрак
Впускаю в сердце я огонь и Карадаг.

Пересекая свет и голубые тени,
Подошвой чувствуя горячие ступени,

По лестнице бегу на раскаленный двор,
На берег, где шумит взлохмаченный простор

И, с пеной на гребне, обрушив нетерпенье,
В тяжелых пригоршнях ворочает камешья.

Там, с ветром соцветав стремительный разбег,
Я телом брошенным разбрызгиваю снег,

Плечом взрезаю синь, безумствую на воле
В прозрачной, ледяной, зеленоватой соли.

Ловлю дыханье волн и, слушая прибой,
Качаюсь на спине под чашей голубой.

Потом на берегу, песком наполнив руки,
Я долго предаюсь пленительной науке,

Гляжу на камешки, на форму их и цвет...
То четки мудрости, жемчужины примет.

У ног моих шуршит разорванная влага,
Струится в воздухе громада Карадага,

И дымчатый янтарь расплавленного дня
Брожением вина вливается в меня.

* *
 *

Нет, не напрасно я в звездном лесу
Радостно легкое сердце несусь.

Переплывая извечный поток,
Знаю я: мир полногласный широк.

Буду я камнем у моря молчать,
Розовым озером небо качать,

• Руки раскинув на лунном пути,
Буду торжественным дубом расти,

Солнечной ласточкой резать лазурь,
Прыгать дельфином — товарищем бурь.

Время настанет — войду в хоровод
Скал и деревьев, равнины и вод,

Вечной останусь над морем звездой,
Птицей, растением, зверем, водой,

И человеческий голос во мне
Чьей-то по-братски ответит струне!

Деревья

В земном пути, меняющем кочевья,
Жилища, встречи, лица и края,
Беседу с вами я веду, деревья,
Ни в чем не изменившие друзья.

И как мне было с вами не сродниться,
Приветившими Родину мою,
Когда живые образы и лица
Я в ваших очертаньях узнаю!

Вот старый дуб — листва из звонкой меди,
Могучий стан в извилинах коры —
Он весь гудит, рокочет о победе,
Как некогда на струнах гуслияры.

Вот сосны. Прямоствольны и упруги,
Колючие — ветрам не разорвать,
Стоят в своей чешуйчатой кольчуге,
Спокойные, как Игорева рать.

И елки, неподвижны и суровы,
Роняя низко рукава ветвей,
Ждут, пригорюнясь — матери и вдовы,
Молчальницы в платочках до бровей.

А рядом боязливая осина
И вовсе простодушная ольха
Глядят поверх кустов, как из-за тына,
На тропку, что тениста и глуха.

Но всех милей мне девушка-береза,
Пришедшая из сказок и былин,
Снегурочка, любимица мороза,
Алеушка пригорков и равнин.

Ей любви наши зори, сенокосы,
Ромашки в росах, звонкие стрижи,
Зеленые она качает косы
Над волнами бегущей с ветром ржи.

И с нею сам я становлюсь моложе,
Позабывая беды и года.

Она ведь чем-то на тебя похожа...
Ну что ж! Мы были молоды тогда.

Петух

Фанфарой утра петушиный крик
Ворвался в уши, тронул мне ресницы.
А солнца пламенеющий язык
Уже лизнул окно и половицы.

То луч иль звук? Кто в душу мне проник?
Окошко настезь! Как щебечут птицы!
Сверкает сад. И даже клен-старик,
Приятель мой, весь в искрах, золотится.

Дождя ночного лужи у крыльца
Морщинятся, задеты ветром чистым,
Прохладою стекает сон с лица.

А в воздухе, слепительно-лучистом,
Второй и третий раз, дрожа, возник
Фанфарой утра петушиный крик.

* *
*

Сердце, неумный бубенец,
Полно заливаться под дугою,
Покорись со мною наконец
Светлому осеннему покою.

В путь с тобой мы вышли налегке
(Я напрасной не искал печали),
И меня в родном березнике
Соловьи да звезды провожали.

Было время музыки и книг,
Встреч, разлук, бессонных разговоров,
А теперь понятней мне язык
Тишины и голубых просторов.

Высоко над пламенем рябин,
На заре прозрачной и нескорой,

Журавли ведут свой легкий клин
В дальний путь, на теплые озера.

И отныне в слове у меня
Есть какой-то привкус — легкий, дикий —
Кострового дымного огня
И морозом тронутой брусники.

Тем и жизнь была мне хороша,
Что, томясь, как птица, синей далью,
Русская жила во мне душа
Радостью и песенной печалью.

* *
 *

Сын Мстислава, княжич Мономаха,
Всеволод, в крещенье Гавриил,
Туров бил, в бою не ведал страха
И на Чудь с товарами ходил.

Бился князь с ливонскими волками,
И за каждую родную пядь
Меч его — отточенное пламя —
В грудь врага входил по рукоять.

А когда под пенье литургии
Мертвого в ладье его несли,
Слышал он не колокол Софии —
Звон кольчуг и ратный гул земли.

Не молитвой жил он, а любовью
К луговинам и лесам родным,
И горячий, освященный кровью
Меч в гробницу положили с ним.

Вот я Всеволодом назван тоже.
Дай мне быть, пока светла свеча,
Хоть немного на него похожим —
Никому не отдавать меча!

Под грозой решительного боя
За родные сердцу рубежи
Дай мне сталь и мужество героя,
В грудь любовь и ненависть вложи.

Павел Николаевич Васильев родился в городе Зайсане, недалеко от монгольской границы, в семье учителя, позднее преподавателя высшей математики в Омске. Детство П. Васильева протекало в Павлодаре, на Иртыше. В 1926 г. он окончил в Павлодаре среднюю школу и шестнадцатилетним юношей уехал во Владивосток, поступив там в университет на японское отделение факультета восточных языков. В декабре того же года с рекомендательным письмом Рюрика Ивнева поехал в Москву, но застрял в Новосибирске. Работал здесь инструктором физкультуры. Вскоре пустился в странствия: работал на золотых приисках на Витиме, плавал на баржах и пароходах по Оби, Енисею и Амуру, служил рулевым на каботажном судне во Владивостоке, побывал в Японии. С 1927 г. начал печататься в журнале «Сибирские огни». Осенью 1929 г. переехал в Москву и учился на Высших государственных литературных курсах. При жизни П. Васильева отдельным изданием вышли лишь две его книги очерков о Сибири (1930) и поэма «Соляной бунт» (1934). Он трагически погиб двадцати шести лет. П. Васильев — поэт огромной и буйной изобразительной силы. В своих стихах и поэмах он громоздил мощные, как глыбы, сочащиеся красками образы. Замечательный эпик, П. Васильев с равным умением рисовал и мир природы, и фигуры многочисленных персонажей своих поэм. Лирика в творчестве П. Васильева занимала подчиненное место. Почти весь материал, все краски поэзии П. Васильева шли от родных ему казахских степей Прииртышского края. В основе тематики большинства его поэм лежит жестокая борьба нового со старым, борьба классов. Лучшая поэма П. Васильева — «Соляной бунт» (1933). Это историческое полотно, повествующее о разгроме казахского аула семиреченскими казаками. Сытая и хищная казачья верхушка противопоставлена в поэме угнетен-

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ



1910—1937

ному населению степей и наиболее сознательным людям из казаков, поднимавшимся на борьбу с эксплуататорами. Кроме «Соляного бунта», П. Васильев написал поэмы «Лето», «Песня о гибели казачьего войска», «Сяницын и К°», «Принц Фома», «Кулаки», «Христоклюбовские ситцы». Значительную роль в творчестве П. Васильева играли фольклорные мотивы.

* *
*

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!

К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

Лето

(Отрывок)

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Поводырем по всей России
Ты сказку за руку водил.
Шумели Обь, Иртыш и Волга,
И девки пели на возах,
И на закат смотрели до-о-лго
Их золоченые глаза.
Возы прошли по гребням пенным
Высоких трав, в тенях, в пыли.
Как будто б вместе с первым сеном
Июнь в деревни привезли.
Он выпрыгнул, рудой, без шубы,
С фиалками вместо глаз,
И, крепкие оскалив зубы,
Прищурившись, смотрел на нас.
Его уральцы, словно друга,

Сажали в красные углы,
Его в вагонах красных с юга
Веселые везли хохлы.
Он на перинах спал, как барин,
Он мылся ключевой водой.
В ладони бил его татарин
На ярмарке под Куяндой.
Какой пригожий!
А давно ли
В цветные копны и стога
Метал январь свои снега
И на свободу от неволи
Купчиху-масленицу в поле
Несла на розвальнях пурга!
Да и запомнится едва ли
Средь всяческих людских затей,
Что сани по ветру пускали,
Как деревянных лебедей?
Но сквозь ладошь взгляни на солнце —
Весь мир в березах, в камыше,
И слаще, чем заря в оконце,
Медовая заря в ковше.
Когда же яблоня опала?
А одуванчик? Только дунь!
Под стеганные одеяла
К молодым в темень сеновала
Гостить повадился июнь.
Ну, значит, ладны будут дети —
Желтоволосы и крепки,
Когда такая сладость в лете,
Когда в медовом, теплом свете
Сплетает молодость венки.
Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Ты, может, не один в России
Такую сказку полюбил.
Да то не сказка ль, что по длинной
Дороге в травах, на огонь,
Играя, в шубе индюшиной,
Без гармониста шла гармонь?
Что ель шептала: «Я невеста»,
Что пух кабан от пьяных сал,
Что статный дуб сорвался с места
И до рассвета проплясал!

Стихи в честь Натальи

В наши окна, шурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок пету,
Ветреных, веселых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И еще прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твое яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до поготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка — ведь какая малость! —
Но хочу, чтоб вечно улыбалась —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Все в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ,
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идет, что ветви зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,
Так идет, что облака стоят.
Так идет, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идет, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табупов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бедра крыты кожей гусиной,
На ногах мозоли от обнос.

Лето пьет в глазах ее из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране веселое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава.
Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального падень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

* *
*

В полях пемятый снег дымится,
Но мне в метелях не пропасть, —
Одену руку в рукавицу
Горячую, как волчья пасть,

Плечистую надену шубу
И вспомяну любовь свою,

И чарку поцелуем в губы
С размаху насмерть загублю.

А там за крепкими сенями
Людей попутных сговор глух.
В последний раз печное пламя
Осыплет петушиный пух.

Я дверь раскрою, и потянет
Угаром баннным, дымной тьмой...
О чем глаз на глаз нынче станет
Кума беседовать со мной?

Луну покажет из-под спуда,
Иль полыньей растопит лед,
Или синиц замерзших груду
Из рукава мне натрясет?

* * *

*

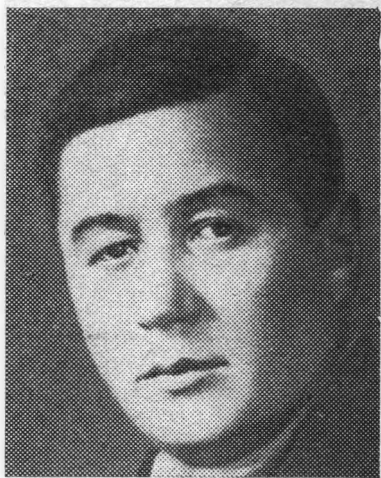
Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе,
Чтоб останавливать мрамора гиблый разбег и крушенье,
Лить жеребцов из бронзы гудящей, с ноздрями, как розы,
И быков, у которых вздыхают острые ребра.

Веки тяжелые каменных женщин не дают мне покоя,
Губы у женщин тех молчаливы, задумчивы и ничего не расскажут.
Дай мне больше недуга этого, жизнь, — я не хочу утоленья,
Жажды мне дай и уменья в искусной этой работе.

Вот я вижу, лежит молодая, в длинных одеждах, опершись
о локоть, —
Ваятель теплого, ясного сна вокруг нее пол-аршина оставил,
Мальчик над ней наклоняется, чуть улыбаясь, крылатый...
Дай мне, жизнь, усыплять их так крепко — каменных женщин.

Борис Петрович Корнилов родился в городе Семенове, Нижегородской губернии, в семье сельского учителя. По окончании средней школы, в 1926 г., переехал в Ленинград, вступил в члены литературной группы «Смена». В 1927—1928 гг. учился на курсах при Институте истории искусств в Ленинграде, одновременно печатаясь в ленинградских газетах и журналах. Первый стихотворный сборник поэта «Молодость» вышел в 1928 г. Ранние стихи Б. Корнилова были отмечены влиянием С. Есенина, однако быстро определился собственный голос поэта. Для поэтического почерка Б. Корнилова характерны острая драматичность, размахистость, тяга к стихии крестьянской северной речи. Творчество Б. Корнилова развивалось по многим направлениям: он писал и любовную лирику, и стихотворные сказания, и сказки, поэмы и песни. «Песня о встречном» Б. Корнилова, положенная на музыку Д. Шостаковичем для фильма «Встречный» (1931), долгие годы пользовалась широкой популярностью. В 1933 г. поэт создает замечательно яркую поэму о подвигах украинских комсомольцев в годы гражданской войны — «Триполье». Позднее Б. Корниловым была написана «Моя Африка» — поэма, в которой на примере судьбы павшего в боях гражданской войны африканца показана интернациональная сущность Октябрьской революции. Поэт погиб молодым, не успев проявить во всю мощь свой крупный талант.

БОРИС КОРНИЛОВ



1907—1938

Качка на Каспийском море

За кормою вода густая —
солона она, зелена,
неожиданно вырастая,
на дыбы поднялась она,
и, качаясь, илут валы
от Баку
до Махачкалы.

Мы теперь не поем, не спорим,
мы водою увлечены —
ходят волны Каспийским морем
небывалой величины.

А потом —
затишают воды,
ночь каспийская,
мертвая зыбь;
знаменуя красу природы,
звезды выпали, как сыпь;
от Махачкалы
до Баку
луны плавают на боку.
Я стою себе, успокоюсь,
я насмешливо щурю глаз —
мне Каспийское море по пояс,
нипочем...
Уверяю вас.

Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле. —
качка в море берет начало,
а бесчинствует на земле.
Нас качало в казачьих седлах,
только стыла по жилам кровь,
мы любили девчонок подлых —
нас укачивала любовь.

Водка, что ли, еще?
И водка —
спирт горячий,
зеленый,
злой, —

нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок
и с ног долой...

Только звезды летят картечью,
говорят мне:

«Иди, усни...»

Дом, качаясь, идет навстречу,
сам качаешься, черт возьми...

Стынет соль
девятого пота
на протравленной коже спины,
и качает меня работа
лучше спирта
и лучше войны.

Что мне море?
Какое дело
мне до этой
зеленой беды?
Соль тяжелого, сбитого тела
солонее морской воды.

Что мне (спрашиваю я), если
наши зубы,
как пена, белы —
и качаются наши песни
от Баку
до Махачкалы.

Соловьяха

У меня к тебе дела такого рода,
что уйдет на разговоры вечер весь, —
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо,
парни мимо,
и гадали бы и пели бы, скорбя:
«Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...»

Чтобы самый ни на есть раскучерявый,
рвя по вороту рубахи алый шелк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошел.
Он все тенором,
все тенором,
со злобой
запевал — рука протянута к ножу:
«Ты забудь меня, красавица,
попробуй...
я тебе тогда такое покажу...
Если любишь хоть всего наполовину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и топкого сукна...»
А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута соминого левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так что справа самый старый соловей.
Перед ним вода — зеленая, живая —
мимо заводей несется напролом,
он качается на ветке, прикрывая
соловьишу годовалую крылом.
И трава грозой весепнею измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
пол-аршинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу,
много ужаса вода в себе таит...
Щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит...
Соловьиша в тишине большой и душной...

Вдруг ударил золотистый вдалеке,
видно, злой и молодой и непослушный,
ей запел на соловьином языке:
«По лесам,
на пустырях
и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,
нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,

мы помчимся над грозюю, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела,
вылетай же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла».

И молчит она,
все в мире забывая, —
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...
«Ты куда же, Серафима?» —
«Ухожу».
Кисти шали, словно перышки, расправи,
влюблена она,
красива,
нехитра, —
улетела.
Я держать ее не вправе —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнет по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придет она домой
с красивым,
с теплым —
меркнут глаз его татарских лезвия.
От нее и от него
пахнуло мятой,
он прощается
у крайнего окна,
и намок в росе
пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

НИКОЛАЙ УШАКОВ



1899—1973

Николай Николаевич Ушаков родился в городе Ростове Великом, в семье военного. В 1924 г. окончил юридический факультет института народного хозяйства в Киеве. В Киеве прошла и вся дальнейшая жизнь поэта. Печататься Н. Ушаков начал в 1923 г. Примыкал к группе конструктивистов. Первый сборник его стихотворений — «Весна республики» — вышел в 1927 г. в Москве. В нем уже вполне определилось своеобразие дарования Н. Ушакова — поэта-лирика. Скупое и точно выбранная деталь, крайняя сжатость языка, топкая, искусная ритмика, ясный, по-весеннему бодрый и в то же время «пристальный» взгляд на жизнь стали постоянными чертами поэзии Н. Ушакова. В стихах Н. Ушакова отразились и гражданская война и восстановительный период на Украине; с особым чувством поэт описывает Донбасс, его вышки и шахты, его теплые дожди. С молодых лет работавший в газетах, Н. Ушаков неутомимо ездил по стране и создал много стихотворений, посвященных Грузии, Заполярью, Средней Азии. Лучшее из последних прижизненных изданий стихов Н. Ушакова — «Есть такая сторона» (1965). В 1969 г. в Киеве издана ценная книга статей поэта — «Состязание в поэзии».

Украина глухо волновалась

Как быстро время протекло —
уже январь не за горами.
Начальник станции в стекло
глядит сквозь тощие герани.

Каких-то паровозов дых,
каких-то эшелонов волок, —
и на площадках голубых
оглобли задраны двуколок.

На кукурузе снег повис,
и в инее лесные дачи.
Неведомый кавалерист
по шпалам
на восток проскачет.

Летят теплушки кверху дном,
мосточки головы срываюи.
Солдат в буфете ледяном
от черной оспы умирает.

Он мертвой матери сказал,
что вылечить его не поздно.
Луна в нетопленный вокзал
плывет торжественно
и грозно.

Слепец частушки говорит,
и «яблочком» рокошет лира.
Начальник станции зарыт
перед крыльцом своей квартиры.
Глядят по-прежнему в стекло
сквозь кисею
его герани...

Как быстро время протекло —
уже февраль не за горами!

«К Киеву приближались части Красной Армии».

Дезертир

Познав дурных предчувствий мир,
в вокзальных комнатах угарных
транзитный трется дезертир
и ждет

облавы
и товарных.

И с сундучка глазком седым
на конных смотрит он матросов
и, вдруг устав,
сдается им
и глухо просит
папиросу.

И зазвенел за ним замок.
И с арестованными вместе
он хлещет синий кипяток
из чайников
тончайшей
жести.

Пайковый хлеб
лежит в дыму,
свинцовые
пылают блюда, —
он сыт,
и вот велят ему
фуфайку снять
и скинуть бутсы.

Свистят пустые поезда,
на полках —
тощая бригада.

Над мертвецом висит звезда,
и ничего звезде не надо.

Фруктовая весна предместий

Разъезд,
товарная,
таможня...

И убегает под откос
за будкой железнодорожной
в дыму весеннем абрикос,
еще не зелен,
только розов.

И здесь,
над выдохом свистков,
над жарким вздохом паровозов,
воздушный холод лепестков.

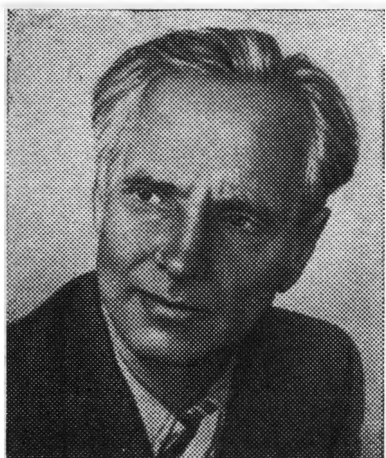
В депо трезвон
и гром починок,
а в решето больших окон
прозрачным золотом тычинок
дымится розовый циклон.

И на извозчиьем дворе
хомут и вожжи на заборе
в густом и нежном серебре
как утопающие в море.

В депо,
в конюшни
и дома
летит фруктовое цветенье.

И сходят лошади с ума
от легкого прикосновенья.

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ



Степан Петрович Щипачев родился в 1899 г., в деревне Щипачи, Камышловского уезда, Пермской губернии, в семье крестьянина. Учился «полторы зимы» в церковно-приходской школе. После смерти отца, по бедности семейства, с девяти лет начал работать по найму. Был батраком, работал в забое на асбестовых приисках, приказчиком в книжной лавке. В мае 1917 г. был призван в армию и встретил Октябрьскую революцию в Глазове, солдатом. Летом 1918 г., когда старая армия развалилась, а родные места С. Щипачева занял Колчак, был мобилизован в колчаковские войска. В апреле 1919 г. бежал от колчаковцев, перейдя под Бугурусланом на сторону Красной Армии. Попал в легендарную Чапаевскую дивизию. Участвовал в боях с уральскими белоказаками. Осенью 1919 г. стал членом Коммунистической партии. Позднее был направлен на восьмимесячные военно-педагогические курсы в Москве и окончил их в феврале 1922 г. С тех пор был политработником в военных учебных заведениях, прослужив в Красной Армии до 1930 г. В 1931—1934 гг. учился в Институте красной профессуры. Стихи С. Щипачев начал писать, еще живя в деревне. В Красной Армии, будучи рядовым бойцом, писал агитационные листовки. Первая книжка стихотворений С. Щипачева вышла в Крыму, где он тогда служил, в 1923 г. В 1926 г. его стихи начали печатать и московские журналы. За исключением редких удач, стихи С. Щипачева той поры были риторичными, бледными. Лишь постепенно в них зазвучал собственный лирический голос поэта. Поворот в литературной судьбе С. Щипачева наступил в 1938 г. Одна за другой, обратив на себя всеобщее внимание, стали появляться его лирические миниатюры о любви, о времени, о простых советских людях. Ценой большого труда С. Щипачев нашел свой почерк, свою поэтическую тему. В годы Великой Отечественной войны С. Щипачев работал военным корреспондентом во фронтовой газете «За Родину», затем — в журнале «Красноармеец».

В 1944 г. закончил одну из лучших своих поэм — поэму о Ленине «Домик в Шушенском». Среди книг С. Щипачева последних десятилетий — поэма «В добрый час», сборник лирики «Ладонь», «Русый ветер», поэма «Из дневника». В 1956 г. поэт опубликовал свое первое прозаическое произведение — повесть «Березовый сок».

По дороге в совхоз

Сады притихли. Туча
Идет, темна, светла.
Двух путников дорога
Далёко увела.
Проходит мимо яблонь,
Смородины густой
С попутчицей случайной
Учитель молодой.
Не зная, кто такая,
Он полпути молчал
И тросточкой кленовой
По яблоням стучал.
Потом разговорились.
Но, подступив стеной,

Дождь зашумел по листьям
И хлынул — проливной.
Они под клен свернули;
Его листва густа,
Но падает сквозь листья
Тяжелая вода.
Накрылись с головою
Они одним плащом,
И девушка прижалась
К его груди плечом...
Идет в район машина.
Водителю смешно:
Стоят, накрывшись, двое,
А дождь прошел давно.

В троллейбусе

Идет троллейбус возле кленов.
Льет дождь, шумит вода везде.
К стеклу прилип листок зеленый.
Деревья топчутся в воде.

Прямой, прохожих не щадя,
Дождь припустил еще сильнее.
Всё в каплях светлого дождя,
Стекло троллейбуса синеет.

И можно ль не принять участия
И ливня не желать земле!
На город, как сквозь слезы счастья,
Гляжу сквозь капли на стекле.

Березка

Ее к земле сгибает ливень,
Почти нагую, а она
Рванется, глянет молчаливо, —
И дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперед,
Ее буран берет за плечи,
За руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
Из силы выбьется... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

Подъезжая к городу

Свисток. Должно быть, скоро
Вокзал. Полудугой
В ночи сверкает город.
Где есть еще такой!
Столбами расстоянье
Бежит в поля и тьму.

Завидев то сиянье,
Волнение не уйму,
Хоть в том сиянье где-то
Не больше, чем одна
Пылинка, блестка света —
Свет твоего окна.

Примета

В одной рубашке дрожь берет.
Слышал, примета есть в народе:
Когда черемуха цветет,
Холодный ветер на свободе.

Пора домой. Но в ясный вечер
Нам хорошо сидеть одним.
О, эти худенькие плечи
Под синим пиджаком моим!

Поди, и звезды понимают,
Что нас обоих дрожь берет...
Но так всегда бывает в мае,
Когда черемуха цветет.

Соседка

Я да соседка за стеной,
Во всей квартире — только двое,
А ветер в поздний час ночной
То вдруг засвищет, то завоет.
Вот в комнате моей, вздохнув,
Он ищет в темноте опору,
Он ходит, двери распахнув,
По кухне и по коридору,
Он звонкую посуду бьет
И створкой хлопает, задорен.
Соседка, слышу я, встает,
В испуге голос подает, —
И вот — мы оба в коридоре.
И я не знаю (все жильё
Насквозь пробрало сквозняками),
Как руки теплые ее
С моими встретились руками.
В продутой ветром темноте
Она легка, полуодета.
Где дверь на кухню? Створка где?
Стоим, не зажигая света.
А ветер, северный, седой,
Шумит, свистит в подзвездном мире,
И мы с соседкой молодой
В такую ночь одни в квартире.

На свадьбе

Иные к старости горюют,
А я скажу: за возраст пей,
В котором женят сыновей,
На свадьбах дочерей пируют!

Хмелеют гости и родня.
Влажней, покраснелись лица.
Застолье свадебного дня
До самой ночи в доме длится.

Тут не гадали об ином.
Тут все торжественно и просто.
Бокалы плещутся вином,
В веселье общем тонут тосты.

Военный с ежиком седым,
За ним соседка пожилая
Под крики «горько!» молодым
Любви до старости желают.

Но есть движенья чувств простых,
Что и словам не поддаются.
Встают две матери седых
И молча пьют за молодых,
Обнявшись, плачут и смеются.

* *
*

Ой, вьюга, ой, вьюга какая!
Клубится, пылит, под ногами метет.
И женщина в ботиках, еле шагая,
С разъезда в рабочий поселок идет.

Под шубкой, под ситцевой кофточкой стужа
Уже подбирается к самой груди.
Снег вьется жгутами, воронками кружит,—
И женщине трудно дорогу найти.

Но пусть перезябнет она не на шутку,
Пусть брякнет не скоро дверное кольцо,
Лишь было б кому отряхнуть ее шубку,
Замерзшее целовать лицо.

* *
*

Любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.

Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

* *
*

Себя не видят синие просторы,
И, в вечном холоде светлы, чисты,
Себя не видят снеговые горы,
Цветок своей не видит красоты.

И сладко знать, идешь ли ты лесам,
Спускаешься ли горною тропой:
Твоими ненасытными глазами
Природа восхищается собой.

Седина

Рукою волосы поправлю,
Иду, как прежде, молодой,
Но девушки, которым нравлюсь,
Меня давно зовут «седой».
Да и друзья, что помоложе,
Признаться, надоели мне —
Иной руки пожать не может,
Чтоб не сказать о седине.
Ну что ж, мы были в жарком деле.
Пройдут года — заговорят,
Как мы под тридцать лет седели
И не старели в шестьдесят.

* *
*

Пускай умру, пускай летят года,
Пускай я прахом стану навсегда.

Полями девушка пойдет босая.
Я вострепнусь, превозмогая тлен,
Горячей пылью ног ее касаясь,
Ромашкою пропахших до колен.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ



Алексей Александрович Сурков родился в 1899 г., в деревне Середнево, Рыбинского уезда, Ярославской губернии, в бедной крестьянской семье. Окончил сельскую школу и в 1912 г. был отправлен в Петербург, «в люди». Работал в мебельном магазине, был столяром, учеником в типографии, весовщиком в Петроградском торговом порту. Осенью 1918 г. ушел добровольцем на фронт, в Красную Армию. В ее рядах находился до 1922 г., воевал на Северо-Западном фронте, был в плену у белозастовцев, участвовал в операциях против кулацких банд Антонова в Тамбовской губернии. В 1922—1924 гг. крестьянствовал, работал секретарем волисполкома, избачом и политпросветорганизатором в своей родной деревне. Затем был на комсомольской и партийной работе в Рыбинске, на редакторской — в Ярославле. Член коммунистической партии с 1925 г. Печататься начал в 1924 г. в «Правде». С 1928 г. живет в Москве, ведя работу в литературных организациях и журналах. В 1934 г. окончил Институт красной профессуры. Под руководством М. Горького редактировал журнал «Литературная учеба». В 1934—1939 гг. преподавал в Московском редакционно-издательском институте и в Литературном институте им. М. Горького. В период Великой Отечественной войны, с начала ее и до конца, был в действующей армии на политической и газетной работе. Первый сборник стихов А. Суркова — «Запев» — вышел в Москве в 1930 г. Наибольшей удачей А. Суркова в 30-х годах было изображение героев гражданской войны, маршевая военная песня — «Кон-армейская», «Терская походная» и др. «Фронтовой бродяга-газетчик, я в любом блиндаже родня», — сказал о себе А. Сурков еще в 1940 г. на финской войне. С особой силой талант поэта развернулся в пору суровых испытаний Отечественной войны. Его упругие, жестковато-отчетливые, скупые на детали фронтовые стихи закаляли сердца бойцов, вооружая их непримиримой ненавистью к врагу. Созданные А. Сурковым трагической осенью 1941 г. «Песню сме-

лых» и знаменитую «Землянку» («Бьется в тесной печурке огонь») пела вся армия, весь народ. В послевоенное время А. Сурков много писал на зарубежные темы. Поэт, воспевавший ратный солдатский труд, А. Сурков выступает активным борцом за мир и демократию. Он является членом Всемирного Совета Мира.

О нежности

Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули путались в мякоти аржаного омета.
Трехаршинный матрос Петро Гамащенко
Вынес Леньку, дозорного, из-под пулемета.

Ленька плакал. Глаза его синие, щелками,
Затекали слезами и предсмертным туманом.
На сутулой спине, разможенной осколками,
Кровь застыла пятном, густым и багряным.

Подползла санитарка отрядная рыжая,
Спеленала бинтом, как пеленками, туго.
Прошептала: «Отплавал матросик, не выживет,
Потерял ты, Петрусь, закадычного друга!»

Бился «максим» в порыве свирепой прилежности.
Бредил раненый ломким, надорванным голосом.
Неуклюжими жестами наплывающей нежности
Гамащенко разглаживал Ленькины волосы.

По сутулому телу расплзлась агония,
Из-под корки бинта кровоточила рана.
Сквозь пальбу уловил в замирающем стане я
Нервный всхлип, торопливый выстрел нагана.

...Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули грызли разбитый снарядами угол.
Трехаршинный матрос Петро Гамащенко
Пожалел закадычного друга.

Ночной разговор

Что смерть есть смерть — понимает каждый,
И все перед ней равны...
Так вот, довелось мне в жизни однажды
Изведать холод стены.

Шагал я по жизни довольно просто,
А смерть считала следы.
В ночном бою у Черного моста
Скрутили меня «дрозды».

Ласкали меня в четыре приклада
На смерть, не на живот.
Потом повели за ограду сада
И стали пускать в расход.

Шел август. Все в звездах синело небо.
Шуршали в листьях плоды.
У края жизни подумал: «Мне бы
Хоть каплю одну воды».

И вспомнил ручей, студеный, чистый,
Все в галечнике берега.
И вспомнил: вступая в смерть, коммунисты
Не смеют просить врага.

И, сдвинув буденовку до затылка, —
О мелочах ли тужить? —
Стою во фронт, а каждая жилка
Дрожит и просится жить.

Ночная птица с дуба слетела,
Заржал за оградой конь.
В мое большое, жадное тело
В шесть вспышек вошел огонь.

Сдавило грудь. Опалило брови.
Ударило по плечу.
Глотаю соленую горечь крови
И чувствую, что лечу.

Лечу в облаках, в беспокойных звездах,
Теря над телом власть.

Лечу, разрывая пальцами воздух,
И все не могу упасть.

Несет меня страшная эта сила
Сквозь синий дым полусна
Куда-то вверх, где мир обступила
Нетронутая тишина.

В такой тишине не шелохнет волос,
Не смеют дохнуть ветра.
Лечу и слышу ласковый голос:
«Проснись, мой сынок, пора!»

Пора... И почувствовал под руками
Густую, в росе, траву,
Дыханье ветра, холодный камень
И понял, что я живу.

С рассветом меня нашли часовые
В овраге у шалаша.
Я в эту смертную полночь впервые
Узнал, как жизнь хороша.

* *
*

В смертном ознобе под ветром трепещет осина.
Окна распахнуты настежь. Темная хата пуста.
Мать причитает над трупом убитого сына.
Вдаль без пути, без дороги тихо бредет сирота.

Ворон-могильщик, от пепла горячего серый,
Падает в черную ночь с обгорелых ворот...
Пламенем, сталью, мстью, не знающей меры,
Будет платить по кровавому счету народ.

Нейависть в сердце, как порох сухой, пронесли мы.
Скоро окрепнут морозы. В поле завоюет пурга.
Воины-мстители встанут, яростны, неумолимы;
Грозной, разящей лавиной хлынут по следу врага.

Будет земля под ногами врага расступаться.
Мстящее пламя пройдет от стрехи до стрехи.
Горе вам, девушки Шлезвига, Шварцвальда, Гарца!
Не возвратятся с востока в свадебный день женихи.

Смерть их настигнет в каждом лесу и долине,
Каждое дерево встретит смертным ожогом ружья!
Горе вам, жены в Мюнхене, Кёльне, Берлине!
Не возвратятся с востока к вашему крову мужа.

Смерть их настигнет, в какую ни прятались щель бы.
Ярость сожжет их, как жжет сорняки суховой.
Горе вам, матери с Одера, Рейна и Эльбы!
Вам не дожидаться с востока, вам не встречать сыновей..

Не возвратится ваш выводок волчий с востока.
Орды пришельцев утонут в черной разбойной крови.
Именем жизни клянемся — гнать, истребляя жестоко,
И ненавидеть клянемся — именем нашей любви.

* *
*

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Череда лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна,
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все навестать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

Солдат

Стирая рукавом
Со лба густую кровь,
Перед бойницей вражеского дота,
Укрыт глубоким рвом,
Он целится и вновь
Сечет разящей строчкой пулемета.

Взрывается снаряд,
Земля летит вразброс,
Осколки рвут бугры промерзлых кочек,
А пули все летят,
Как будто в землю врос
Ожесточенный боем пулеметчик.

Смешался с кровью пот
Солдатского труда.
Несутся с лязгом танки по полянке.
Метелица метет,
И красная звезда
Мерцает на заснеженной ушанке.

И динамит, и тол,
И воюющий металл,
И злая лихорадка автомата...
Он в этот ад вошел,
Он в пламени познал
Свой трудный долг пехотного солдата.

Ведя за годом год
Жестокую борьбу,
Он, в громе исполинских наступлений,
На сотни лет вперед
Устраивал судьбу
Рожденных и грядущих поколений.

Для радости труда
Отвагою храним,
Он родине несет победы дар чудесный.
Душа моя горда,
Что жил я рядом с ним,
Что помогал ему своей солдатской песней.

* *
*

Софье Кривс

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой,

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Михаил Васильевич Исаковский родился в деревне Глотовке, Ельнинского уезда, Смоленской губернии, в крестьянской семье. Окончил сельскую школу и пять классов гимназии. В 1917—1918 гг. был учителем сельской школы, в 1919—1921 гг. редактировал уездную газету в Ельне, затем, до 1931 г., работал в смоленской газете «Рабочий путь». Печатать стихи начал в 1924 г. В 1931 г. переехал в Москву, редактировал журнал «Колхозник». Первая книга стихов М. Исаковского — «Провода в соломе» — вышла в 1927 г. Критика встретила ее недружелюбно, но живший тогда в Италии М. Горький заинтересовался книжкой и выступил со статьей о М. Исаковском в «Известиях». «Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью», — писал М. Горький, отметив общественную значимость поэзии М. Исаковского, в которой глубоко и разносторонне отразился быт советской деревни, живущей в тесной смычке с городом. В дальнейшем М. Исаковский выпустил много стихотворных книг: «Провинция», «Мастера земли», «Стихи и песни» и др. Неразрывно связанный с интересами и настроениями простых советских людей, М. Исаковский рассказывал в своих стихах о победе колхозного строя, о торжестве новых, светлых начал в сознании человека. С особой проникновенностью развита в творчестве М. Исаковского тема социалистической родины. М. Исаковский вошел в историю советской литературы прежде всего как поэт-песенник. Начиная с 1934 г., когда на стихи М. Исаковского «Вдоль деревни» написал музыку один из руководителей хора им. Пятницкого В. Захаров, поэт создал множество песен, получивших всенародную известность. Герой песен М. Исаковского — человек труда, строитель социализма, русский человек, выросший и поднявшийся за годы Советской власти. В суровые дни Великой Отечественной войны трогательные сердца, прекрасные песни М. Исаковского, как на крыльях, облетали фронты и тылы, помогая советским людям бороться с врагом. Они проникали в широчайшие массы и, близкие по духу устному народному творчеству,

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ



1900—1973

сами становились как бы фольклором. Особенность песен М. Исаковского заключается в том, что они живут не только при наличии написанной композитором музыки, но и самостоятельно, как стихотворения. Поэтическая речь М. Исаковского народна по природе, напевна, ей свойственна глубокая внутренняя мелодичность. Чистый и прозрачный, с блестками лукавого юмора, язык М. Исаковского плодотворно развивает традиции классической поэзии, прежде всего поэзии Некрасова.

Шел со службы пограничник...

(У колодца)

Шел со службы пограничник,
Пограничник молодой.
Пошел ко мне и просит
Угостить его водой.

Я воды достала свежей,
Подала ему тотчас.
Только вижу — пьет он мало,
А с меня не сводит глаз.

Начинает разговоры:
Дескать, как живете здесь?
А вода не убывает —
Сколько было, столько есть.

Не шути напрасно, парень, —
Дома ждут меня дела...
Я сказала: «До свиданья!» —
Повернулась и пошла.

Парень стал передо мною,
Тихо тронул козырек:
— Если можно, не спешите, —
Я напьюсь еще разок.

И ведро с водой студеной
Ловко снял с руки моей.
— Что же, пейте, — говорю я, —
Только пейте поскорей.

Он напился, распрявился,
Собирается идти:
— Если можно, пожелайте
Мне счастливого пути.

Поклонился на прощанье,
Взялся за сердце рукой...
Вижу — парень он хороший
И осанистый такой.

И чего — сама не знаю —
Я вздохнула горячо
И сказала почему-то:
— Может, выпьете еще?

Улыбнулся пограничник,
Похвалил мои слова...
Так и пил он у колодца,
Может, час, а может, два.

В прифронтовом лесу

Л и д е

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подружки нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не утрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора,—
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

Враги сожгли родную хату

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа, —
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Где ж вы, где ж вы, очи карие?

Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.

Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей родины
Не забыли мы нигде.

И под звездами балканскими
Вспоминаем неспроста
Ярославские, да брянские,
Да смоленские места.

Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

Лучше нету того цвету...

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милая придет.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

Как увижу, как услышу —
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами —
Словно пьяные, бредем.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.

Русской женщине

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И всё — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей —
А надо повсюду поспеть;

Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею странюю,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские войны в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха.
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала —
Да разве всего перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Ови хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

Услышь меня, хорошая...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена,

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби ж, куда любится.
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Снова замерло все до рассвета

Снова замерло все до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалеко,
Да не знает — ее ли ты ждешь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?!

Летят перелетные птицы

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидал,
Шагая с винтовкой в руке,
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю,
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утону я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не пужна.

ДМИТРИЙ КЕДРИН



1907—1945

Дмитрий Борисович Кедрин родился в Донбассе, на Богодуховском руднике, в семье счетовода. Детство и юность его прошли в Днепропетровске. В 1924 г. окончил два курса Днепропетровского техникума путей сообщения, работал в редакции днепропетровской комсомольской газеты. Начал печататься в 1924 г. В 1931 г. переехал в Москву, сотрудничал в многотиражной газете Мытищинского вагонного завода, позже был литературным консультантом в издательстве «Молодая гвардия». В 1943 г. ушел добровольцем в Советскую Армию. Работал в газете Северо-Западного фронта. Демобилизовавшись и вернувшись в Москву, был убит неизвестными в пригородном поезде. Первый и единственный прижизненный сборник стихов Кедрина — «Свидетели» — вышел в 1940 г. У Д. Кедрина был чудесный дар проникать в далекие исторические эпохи. Поэта интересовали в истории не князья и вельможи, а люди труда, творцы материальных и духовных ценностей мира. Особенно любил он Русь, написав о ней, кроме «Зодчих», поэмы «Конь», «Ермак», «Набег», «Песню про Алену-старницу» и др. Замечательна его драма в стихах «Рембрандт» — о великом голландском художнике. Д. Кедрин был не только мастером исторической поэмы и баллады, но и превосходным лириком. В стихах Д. Кедрина очень сильно живописное начало, его краски звонки и точны. Д. Кедрин был исключительно скромен и трудолюбив. «Требуйте от себя, — писал он молодым поэтам, — абсолютной честности, не выпускайте стихи из рук, пока замечаете в них хотя бы один недостаток».

Зодчие

Как побил государь
Золотую Орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель, —
Гласит летописца сказанье, —
В память оной победы
Да выстроят каменный храм!

И к нему привели
Флорентинцев,
И немцев,
И прочих
Иноземных мужей,
Пивших чару вина в один дых.
И пришли к нему двое
Безвестных владимирских зодчих,
Двое русских строителей,
Статных,
Босых,
Молодых.

Лился свет в слюдяное оконце.
Был дух вельми спертый.
Изразцовая печка.
Божница.
Угар и жара.
И в посконных рубахах
Пред Иоанном Четвертым,
Крепко за руки взявшись,
Стояли сии мастера.

— Смерды!
Можете ль церкву сложить
Иноземных пригожей?
Чтоб была благолепней
Заморских церквей, говорю? —
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!
Прикажи, государь! —
И ударились в ноги царю.

Государь приказал.
И в субботу на вербной неделе,
Покрестясь на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера выплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды, —
Купол золотом жгли,
Кровли крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху,
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И дивились ученые люди, —
Зане́ эта церковь
Краше ви́л италийских
И пагод индийских была!

Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван.
В алтаре, и при входах,
И в царском притворе самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом...

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Таровато кричала купцам:
— Покажи, чем живешь! —
Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах,

А утрами истошно вопил,
Становясь на правеж.

Тать, засеченный плетью,
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды.
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной Орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту, —
Непотребная девка
Стояла у Лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту...

А как храм осветили,
То с посохом,
В шапке монашьей,
Обошел его царь —
От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни,
— Лепота! — молвил царь.
И ответили все: — Лепота!

И спросил благодетель:
— А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю? —
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!
Прикажи, государь! —
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стоял одна такова,
Чтобы в Суздальских землях,
И в землях Рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли.
Их клеймили клеймом,
Их секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных,
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая пела,
Где сивухой разило,
Где было от пару темно,
Где кричали дьяки:
«Государево слово и дело!»
Мастера Христа ради
Просили на хлеб и вино.

И стояла их церковь
Такая,
Что словно приснилась.
И звонила она,
Будто их отпевала навзрыд.
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гусляры.

Кофейня

...Имеющий в кармане мускус не
кричит об этом на улицах. Запах
мускуса говорит за него.

Саади

У поэтов есть такой обычай:
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.
Магомет, в Омара пальцем тыча,
Лил ушатом на беднягу ругань.

Он в сердцах порвал на нем сорочку
И визжал в лицо, от злости пьяный:
— Ты украл пятнадцатую строчку,
Низкий вор, из моего «Дивана»!

За твоими подлыми следами
Кто пойдет из думающих здраво? —
Старики кивали головами,
Молодые говорили: — Bravo!

А Омар плевал в него с порога
И шипел: — Презренная бездарность!
Да минет тебя любовь пророка
Или падишаха благодарность!

Ты бесплоден! Ты молчишь годами!
Быть певцом ты не имеешь права! —
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: — Bravo!

Только некто пил свой кофе молча,
А потом сказал: — Аллаха ради!
Для чего пролито столько желчи? —
Это был блистательный Саади.

И минуло время. Их обоих
Завалил холодный снег забвенья,
Стал Саади золотой трубою,
И Саади слушала кофейня.

Как ароматические травы,
Слово пахло медом и плодами.
Юноши не говорили: «Браво!»,
Старцы не кивали бородами.

Он заворожил их песней птичьей —
Песней жаворонка в росах луга...
У поэтов есть такой обычай:
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.

Красота

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

Ярослав Васильевич Смеляков родился в городе Луцке, Волынской губернии, в семье железнодорожного весовщика. Раннее детство провел в деревне. В 1928 г. окончил школу-семилетку в Москве, пошел учиться в полиграфическую школу ФЗУ, затем работал в типографии наборщиком. Занимался в литературном кружке при «Комсомольской правде». Когда в журнале «Октябрь» было принято первое стихотворение Я. Смелякова, автор сам набирал его в типографии. В 1932 г. в библиотеке «Огонек» вышла в свет книжка стихов Я. Смелякова, тогда же появился его сборник «Работа и любовь». Скоро Я. Смеляков твердо встал на путь профессионального литератора. Книги стихов «Кремлевские ели», «Разговор о главном», великолепная поэма о комсомольцах первых пятилеток «Строгая любовь» и другие работы Я. Смелякова 40-х и 50-х годов вместе с прежними его произведениями внесли крупный и весомый вклад в советскую поэзию. Из позднейших его книг наиболее значительным был сборник «День России» (1967). Поэт кровно ощущал свою принадлежность к рабочему классу, хорошо чувствовал «климат фабричный», металл и камень, идущий в дело. Образ поэта, рисующийся в лирике Я. Смелякова, неотделим от характера и судеб молодого поколения, вышедшего на передовые рубежи в начале 30-х годов, в пору бурной социалистической стройки. Я. Смелякова как поэта привлекали чаще обычные, будничные явления бытия, но в них он умел видеть возвышенное и прекрасное. Деловитость и конкретность его лапидарного, пластичного стиха сочетается с большой смелостью сопоставлений и образов. «Тема молодежи, тема рабочего класса, — писал Я. Смеляков в 1961 г., — до сих пор остается главной, преобладающей темой моей литературной работы. Мои стихи совершенно не годятся для литературных салонов и не рассчитаны на любителей изысканных пустяков, потому что я нарочито отвергаю ложные поэтические красоты и стремлюсь к точности, к строгому лаконизму».

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ



1913—1972

Наш герб

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлевский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнейей,
ткачиха с батраком.

А у дверей,
отважен и усат,
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живем
и нашу землю
сделаем гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд! —
пусть делегаты
сами принесут.

Принес кузнец
из дымной мастерской
свое богатство —
вечный молот свой.

Тяжелый сноп,
в колосьях и цветах,
батрак принес
в натруженных руках.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мерзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжелый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвил
октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не мог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народов
воину сказал,

чтоб он ее
из рук не выпускал.

С тех пор солдат —
почетная судьба —
стоит на страже
нашего герба.

Кремлевские ели

Это кто-то придумал
счастливо,
что на Красную площадь
привез
не плакучее
празднество ивы
и не легкую сказку
берез.

Пусть кремлевские
темные ели
тихо-тихо
стоят на заре,

островерхие
дети метели —
ваша память
о том январе.

Нам сродни
их простое убранство,
молчаливая
их красота,
и суровых ветвей
постоянство,
и сибирских стволов
прямота.

Пряха

Раскрашена розовым палка,
дощечка сухая темна.
Стучит деревянная прялка.
Старуха сидит у окна.

Бегут, утончаясь от бега,
в руке осторожно гудя,
за белою ниткою снега
весенняя нитка дождя.

Ей тысяча лет, этой пряхе,
а прядей не видно седых.
Работала при Мономахе,
при правнуках будет твоих.

Ссыпается ей на колени
и стук партизанских колес,
и пепел сожженных селений,
и желтые листья берез.

Прядет она ветер и зори,
и мирные дни и войну,
и волны свободные моря,
и радиостанций волну.

С неженскою гордой любовью
она не устала сучить
и нитку, намокшую кровью,
и красного знамени нить.

Декабрь сменяется маем,
цветы окружают жилье,
идут наши дни, не смолкая,
сквозь темные пальцы ее.

Суровы глаза голубые,
сияние молний в избе.
И ветры огромной России
скорбят и ликут в трубе.

Земля

Тихо прожил я жизнь человечью:
ни бурана, ни шторма не знал,
по волнам океана не плавал,
в облаках и во сне не летал.

Но зато, словно юность вторую,
полюбил я в просторном краю
эту черную землю сырую,
эту милую землю мою.

Для нее, ничего не жалея,
я лишался покоя и сна,
стали руки большие темнее,
но зато посветлела она.

Чтоб ее не кручинились кручи
и глядела она веселей,
я возил ее в тачке скрипучей,
так, как женщины возят детей.

Я себя признаю виноватым,
но прощенья не требую в том,
что ее подымал я лопатой
и валил на колени кайлом.

Ведь и сам я, от счастья бледнея,
зажимая гранату свою,
в полный рост поднимался над нею
и, простреленный, падал в бою.

Ты дала мне вершину и бездну,
подарила свою широту.
Стал я сильным, как терн, и железным —
даже окиси привкус во рту.

Даже жесткие эти морщины,
что по лбу и по щекам прошли,
как отцовские руки у сына,
по наследству я взял у земли.

Человек с голубыми глазами,
не стыжусь и не радуюсь я,
что осталась земля под ногтями
и под сердцем осталась земля.

Ты мне небом и волнами стала,
колыбель и последний приют...
Видно, значишь ты в жизни немало,
если жизнь за тебя отдают.

Милые красавицы России

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.

На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

* *
*

Там, где звезды светятся в тумане,
мерным шагом ходят марсиане.

На холмах монашеского цвету
ни травы и ни деревьев нету.

Серп не жнет, подкова не куется,
песня в тишине не раздается.

Нет у них ни счастья, ни тревоги —
все отвергли маленькие боги.

И глядят со скукой марсиане
на туман и звезды мирозданья.

...Сколько раз, на эти глядя дали,
о величье мы с тобой мечтали!

Сколько раз стояли мы смиренно
перед грозным заревом вселенной!

...У костров солдатского привала
нас иное пламя озаряло.

На морозе, затаив дыханье,
выпили мы чашу испытанья.

Молча братья умирали в ротах.
Пели школьницы на эшафотах.

И решили пехотинцы наши
вдоволь выпить из победной чаши.

Было марша нашего начало,
как начало горного обвала.

Пыль клубилась. Пенились потоки.
Трубачи трубили, как пророки.

И солдаты медленно, как судьба,
наводили тяжкие орудья.

Дым сраженья и труба возмездья.
На фуражках алые созвездья.

...Спят поля, засеянные хлебом.
Звезды тихо освещают небо.

В темноте над братскою могилой
пять лучей звезда распространила.

Звезды полуночные России.
Звездочки армейские родные.

...Телескопов точное мерцанье
мне сегодня чудится вдали:
словно дети, смотрят марсиане
на Великих Жителей Земли.

Русский язык

У бедной твоей колыбели,
еще еле слышно сперва,
рязанские женщины пели,
роняя, как жемчуг, слова.

Под лампой кабацкой неяркой
на стол деревянный поник
у полной нетронутой чарки,
как раненый сокол, ямщик.

Ты шел на разбитых копытах,
в кострах староверских горел,
стирался в бадьях и корытах,
сверчком на печи свиристел.

Ты, сидя на позднем крылечке,
закату подставя лицо,
забрал у Кольцова колечко,
у Курбского занял кольцо.

Вы, прадеды наши, в недоле,
мукою запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.

Вы взяли немецкого малость,
хотя бы и больше могли,
чтоб им не одним доставалась
ученая важность земли.

Ты, пахнувший прелой овчиной
и дедовским острым кваском,
писался и черной лучиной
и белым лебяжьим пером.

Ты — выше цены и расценки —
в году сорок первом, потом
писался в немецком застенке
на слабой известке гвоздем.

Владыки и те исчезали
мгновенно и наверняка,
когда невзначай посягали
на самую суть языка.

* *
*
* *

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану,
обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.

Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
вот чем стоит лечить.

От морей и от гор
так и веет веками,
как помотришь — почувствуешь:
вечно живем.
Не облатками желтыми
путь мой усеял, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
А Млечным Путем.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ



Константин (Кирилл) Михайлович Симонов родился в 1915 г. в Петрограде. Детство провел в Рязани и Саратове. Семья была военная, жила в командирских общежитиях. Окончив в 1930 г. школу-семилетку, К. Симонов учился в ФЗУ, работал токарем по металлу в Саратове и Москве. С 1934 по 1938 г. учился в Литературном институте им. М. Горького. Печататься начал в 1934 г. В последующие годы выпустил книгу стихов «Настоящие люди» (1938), поэмы «Ледовое побоище» (1938), «Суворов» (1939). В 1939 г. в период боев с японцами на Халхин-Голе был военным корреспондентом в Монголии. Вскоре выступил как драматург (пьесы «История одной любви», «Парень из нашего города»). В годы Великой Отечественной войны работал корреспондентом газеты «Красная звезда», постоянно находясь в действующей армии. В феврале 1942 г., когда под ударами советских войск гитлеровцы откатились от Москвы, «Правда» опубликовала стихотворение К. Симонова «Жди меня». Оно быстро завоевало сердца читателей. Солдаты вырезали его из газет, переписывали, сидя в окопах, заучивали наизусть и посылали в письмах женам и невестам. Его находили в нагрудных карманах раненых и убитых бойцов. Огромной популярностью пользовались и другие фронтовые стихотворения поэта. Советские люди на фронте и в тылу видели в лирике К. Симонова верное отражение своих чувств и дум, своих чаяний. В послевоенные годы К. Симонов — поэт, журналист и общественный деятель — пишет по впечатлениям поездок за границу книгу стихотворений «Друзья и враги» (1948), много работает в драматургии, создает трилогию романов об Отечественной войне — «Живые и мертвые» (1959), «Солдатами не рождаются» (1964), «Последнее лето» (1971). В мужественных, волевых стихах К. Симонова и во всем остальном его творчестве всегда стояли самые животрепещущие вопросы времени. Поэт чутко улавливает их как бы в самом зародыше, в возникновении. В центре творческих исканий К. Симонова — образ положительного героя, нашего современника.

* *
*

В. С.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

* *
* .

Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда.
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пускай они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прощусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездой,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки,
Я не звезда. Я удержу тебя.

День рождения

Поздравляю тебя с днем рожденья, —
Говорю, как с ребенком:
Пусть дыханье твое и пенье
Будет чистым и звонким.

Чтобы были тебе не метели
Злой купелью,
А чтоб вечно грачи летели
Над капелью.

Всё еще впереди — обаянье
Первых книжек,
И выстукивание на рояле
«Чижик-пыжик».

Бесконечные перемены
Тьмы и света,
И далеко, но непременно
Я там где-то.

Поздравляю тебя с днем рожденья, —
Говорю, как с большой,
Со своей единственной тенью
И второю душой:

Поздравляю тебя с сединой,
С первой прядью, что я замечаю,
Даже если я сам ей виной,
Все равно поздравляю.

Поздравляю со снегом большим
До окон, с тишиною
И со старым знакомым твоим,
Что тут в доме с тобою.

Сыплет, сыплет метель, как вчера,
На дорогу,
И ни следа с утра
Нет к порогу.

Наконец мы с тобою вдвоем
В этой вьюге,
У огня мы молча поем
Друг о друге.

А в огне чудеса:
Там скитаются воспоминанья.
Как моря и леса,
Дров сухое пыланье.

Поздравляю тебя с днем рождения.
Как давно мы знакомы с тобой!
Начинает темнеть, а поленья
Все трещат и все пахнут смолой.

Надо будет послать
За свечою к соседу.
Дай мне руку поцеловать.
Скоро гости приедут.

Через двадцать лет

Пожар стихал. Закат был сух.
Всю ночь, как будто так и надо,
Уже не поражая слух,
К нам долетала канонада.

И между сабель и сапог,
До стремени не доставая,
Внизу, как тихий василек,
Бродила девочка чужая.

Где дом ее, что случилось с ней
В ту ночь пожара, мы не знали.
Перегибались к ней с коней,
К себе на седла поднимали.

Я говорил ей: «Что с тобой?» —
И вместе с ней в седле качался.
Пожара отсвет голубой
Навек в глазах ее остался.

Она, как маленький зверек,
К косматой бурке прижималась,
И глаза синий уголек
Все догореть не мог, казалось.

.

Когда-нибудь в тиши ночной,
С черемухой и майской дремой,
У женщины совсем чужой
И всем нам вовсе незнакомой

Заметив грусть и забытьё
Без всякой видимой причины,
Что с нею, спросит у нее
Чужой, не знавший нас, мужчина.

А у нее сверкнет слеза,
И, вздрогнув, словно от удара,
Она поднимет вдруг глаза
С далеким отблеском пожара.

«Не знаю, милый». — А в глазах
Вновь полетят в дорожной пыли
Кавалеристы на конях,
Какими мы когда-то были.

Деревни будут догорать,
И кто-то под ночные трубы
Девчонку будет поднимать
В седло, накрывши буркой грубой.

Летаргия

В детстве был мне бабка рассказала
Об ожившей девушке в гробу,
Как она металась и рыдала,
Проклиная страшную судьбу,

Как, услышав неземные звуки,
Спяв с усопшей тяжкий гнет земли,
Выраженье небывалой муки
Люди на лице ее прочли.

И в жару, подняв глаза сухие,
Мать свою я трепетно просил,
Чтоб меня, спасая от летаргии,
Двадцать дней никто не хоронил.

Мы любовь свою сгубили сами,
При смерти она, из ночи в ночь
Просит пересохшими губами
Ей помочь. А чем нам ей помочь?

Завтра отлетит от губ дыханье,
А потом, осенним мокрым днем,
Горсть земли ей бросив на прощанье,
Крест на ней поставим и уйдем.

Ну, а вдруг она, не как другие,
Нас навеки бросить не смогла,
Вдруг ее не смерть, а летаргия
В мертвый мир обманом увела?

Мы уже готовим оправданья,
Суетные круглые слова,
А она еще в жару страданья
Что-то шепчет нам, полужива.

Слушай же ее, пока не поздно,
Слышишь ты, как хочет она жить,
Как нас молит — трепетно и грозно —
Двадцать дней ее не хоронить!

Родина

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидел.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

Александр Трифонович Твардовский родился в деревне Загорье, Смоленской губернии, в семье крестьянина-кузнеца. До 1928 г. жил в деревне, учился в школе, работал в кузнице, был секретарем сельской комсомольской ячейки. С 1924 г. стал печатать заметки и стихи в смоленских газетах. С 1928 г. жил в Смоленске, учился в педагогическом институте, сотрудничал в местных газетах и журналах. Много ездил по Смоленщине, в толькo что возникшие тогда колхозы и, как он сам пишет, «вникал со страстью во все, что составляло собой новый, впервые складывающийся строй сельской жизни». Именно этим годам он обязан своим поэтическим рождением. В 1936 г. А. Твардовский приехал в Москву и учился на филологическом факультете Московского института истории, философии и литературы, который окончил в 1939 г. Во время Великой Отечественной войны работал во фронтовой печати. «Счет своим писаниям» А. Твардовский начинает с поэмы «Страна Муравия» (1936), в которой на полусказочном сюжете — страсти крестьянина-единоличника Никиты Моргунка в поисках мужицкого рая — показана широкая картина великого социалистического перелома в деревне. Вслед за «Страной Муравией» А. Твардовский выпустил лирические сборники: «Дорога», «Сельская хроника», «Загорье». Среди фронтовых тревог и будней родилась у А. Твардовского изумительная «книга про бойца» — поэма «Василий Теркин», получившая всенародное признание. Эта книга, писал А. Твардовский в автобиографии, была «моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю». Поэма «Дом у дороги» (1946), привлекая всеобщее внимание поэма «За далью — даль» (1960), «Теркин на том свете» (1962) — таковы были дальнейшие работы замечательного поэта-эпика. Стремление сказать о нашей жизни самое существенное и объективное — едва ли не главное свойство поэтического творчества А. Твардовского. Судьбы народа, его пути к общему счастью, духовная красота и сила советских людей, их

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ



1910—1971

беспримерный трудовой подвиг в послевоенные десятилетия нашей истории, государство и личность, общественное назначение искусства и художника — вот круг вопросов, которые вдумчиво и глубоко охватывает эпос и лирика поэта. А. Твардовского отличало превосходное знание народной жизни, народного характера и правдивость истинного реалиста, убежденного сторонника «правды вещей, правды, впрямо в душу бьющей». Его гибкий, меткий, всем доступный и будто врезающийся в суть предмета стих органически тяготеет к народному присловию, к шутке, он впитал в себя наиболее живые традиции устного поэтического творчества и уроки русских поэтов-классиков.

Про Данилу

Дело в праздник было,
Подгулял Данила.

Праздник — день свободный,
В общем любо-мило,
Чинно, благородно
Шел домой Данила.

Хоть в нетрезвом виде
Совершал он путь,
Никого обидеть
Не хотел отнюдь.

А наоборот, —
Грусть его берет,
Что никто при встрече
Ему не перечит.

Выпил, — спросу нет.
На здоровье, дед!

Интересней было б,
Кабы кто сказал:
Вот, мол, пьян Данила,
Вот, мол, загулял.

Он такому делу
Будет очень рад.
Он сейчас же целый
Сделает доклад.

— Верно, верно, — скажет
И вздохнет лукаво, —
А и выпить даже
Не имею права.

Не имею права,
Рассуждая здраво.
Потому-поскольку
За сорок годов
Вырастил я только
Пятерых сынов.

И всего имею
В книжечке своей
Одну тыщу двести
Восемь трудовней.

Но никто при встрече
Деду не перечит.
Выпил, ну и что же?
Отдыхай на славу.
— Нет, постой, а может,
Не имею права?..

Но никто — ни слова.
Дед работал век.
Выпил, что ж такого? —
Старый человек.

«То-то и постыло», —
Думает Данила.
— Чтоб вам пусто было, —
Говорит Данила.

Дед Данила плотник,
Удалой работник,
Запевае песню
«В островах охотник...»

«В островах охотник
Целый день гуляет,
Он свою охоту
Горько прокликает...»

Дед поет, но нету
Песни петь запрету.
И тогда с досады
Вдруг решает дед:
Дай-ка лучше сяду,
Правда или нет?

Прикажу-ка сыну:
Подавай машину,
Гони грузовик,—
Не пойдет старик.

Не пойдет, и только,
Отвались язык.
Потому-поскольку —
Мировой старик:
Новый скотный двор
В один год возвел.

— Что ж ты сел, Данила,
Стало худо, что ль?
Не стесняйся, милый,
Проведем, позволю.

Сам пойдет Данила,
Сам имеет ноги.

Никакая сила
Не свернет с дороги.

У двора Данила.
Стоп. Конец пути.
Но не тут-то было
На крыльцо взойти.

И тогда из хаты
Сыновья бегут.
Пьяного отца-то
Под руки ведут.

Спать кладут, похоже,
А ему не спится.
И никак не может
Дед угомониться.

Грудь свою сжимает,
Как гармонь, руками
И перебирает
По стене ногами.

А жена смеется,
За бока берется:
— Ах ты, леший старый,
Ах ты, сивый дед.
Подорвал ты даром
Свой авторитет...

Дело в праздник было,
Подгулял Данила...

Ленин и печник

В Горках знал его любой.
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.

С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти, —
По-хозяйски руку в бок, —
Ведь при царской прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе, —
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

— Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! —
Да сплеча на всю округу
И поехал и понес.

Разошелся.
А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
— Хорошо ругаться можешь, —
Только это и сказал.

Постоял еще немного,
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая, —
Знай меня, не лыком шит! —
Припугнуть еще желая:
— Как фамилия? — кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
— Ленин, — просто отвечает.
— Ленин? — Тут и сел старик.

День за днем проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

И по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника
На коне в возке хорошем —
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.
Входят гости:
— Вы такой-то?
Свесил руки:
-- Вот он я...

— Собирайтесь! —
Взял он шубу,
Не найдет, где рукава.
А жена ему:
— За грубость,
За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе — головой.
— Попрошу, — сказал военный, —
Ваш инструмент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки напрямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котенка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом, —
Ну овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок —
Вдруг шага, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог —

Сам, такой же, тот прохожий.
Печника тотчас узнал:
— Хорошо ругаться можешь, —
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно все, что было, — прочь.
— Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
— То есть как же так нельзя?
То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достает инструмент. — Ну-ка... —
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстучал.

В чем причина, в чем беда
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Все нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней зацелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, — тех слов дороже
Не слышал еще печник:
— Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.
Ну а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то все зашнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел — его уж нет...

За столом сидели вместе,
Пили чай, велася речь
По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощением
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.

Сознаю свою ошибку...
Только Ленин перебил:
— Вон ты что, — сказал с улыбкой, —
Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей, —
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идет — не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
— Где ты, как? — душа горит...
— Да у Ленина за чаем
Засиделся, — говорит...

Переправа

(Из поэмы «Василий Теркин»)

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся

И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,
Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.
Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишпых глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом,
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.
Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.
И чернеет там зубчатый
За холодную чертой
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок,
И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...
И не все успели с ходу
Повернуть, отплыть назад.

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь, как год.
Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу...

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудюю взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи
И уже давно
Он не тает в их глазницах

И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.
Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы. Свое сказали
И уже навек правы.
И тверда, как камень, груды,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маета.

— Не пловец ли одиночка?
— Шутить, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было,— впервой.
Подошел сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтои.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться...
— Братцы,— он!

И у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой,— добрался вплавь.
Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — светлО.
Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров пазло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.
— Молодец, — сказал полковник, —
Молодец! Спасибо, брат...

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца:
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в крошечной мгле.
Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Я убит подо Ржевом

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет...
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за п и м уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно;
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой!—
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,—

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святсе,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот — еще под Москвой.
Где-то, вонны, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
Не на нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах или в снегу...
Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воица-брата,
Что погиб за нее.

Две кузницы

(Из поэмы «За далью — даль»)

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

И отсвет жара горнового
Под закопченным потолком,
И свежесть пола земляного,
И запах дыма с деготком —
Привычны мне с тех пор, пожалуй,
Как там, взойдя к отцу в обед,
Мать на руках меня держала,
Когда ей было двадцать лет...

Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный,
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном выручкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне,
Где меж болот, кустов и леса
Терялись бойкие пути;
Где мог бы все свое железо
Мужик под мышкой унести;
Где был заказчик — гость случайный,
Что к кузнецу раз в десять лет
Ходил, как к доктору, от крайней
Нужды — когда уж мочи нет.

И этот голос наковальни,
Да скрип мехов, да шум огня
С далекой той поры начальной
В ушах не молкнет у меня.
Не молкнет память жизни бедной,
Обидной, горькой и глухой,
Пускай исчезнувшей бесследно,
С отцом ушедшей на покой.

И пусть она не повторится,
Но я с нее свой начал путь,
Я и добром, как говорится,
Ее обязан помянуть.
За все ребячьи впечатленья,
Что в зрелый век с собой принес,
За эту кузницу под тенью
Дымком обкуренных берез.
На малой той частице света

Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.

И с топором отхожим плотник,
И старый воин — грудь в крестах,
И местный мученик-охотник
С ружьишком ветхим на гвоздях,
И землемер, и дьякон медный,
И в блестящих сбруи коновал,
И скупщик лиха Ицка бедный, —
И кто там только не бывал!

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках-барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях;
О боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затмениях солнца и луны;
О наставленьях Льва Толстого
И притесненьях от казны...

Там человеческой природе
Отрада редкая была
Побыть в охоту на народе,
Забыть, что жизнь невесела.
Сиди, пристроившись в прохладе,
Чужой махоркою дыми,
Кряхти, вздыхай — не скуки ради,
А за компанию с людьми.
И словно всяк — хозяин-барин,
И ни к чему спешить домой...

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой.
За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласье с волей кузнеца.

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось все, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

Я им гордился бесконечно,
Я знал уже, что мастер мог
Тем молотком своим кузнечным
Сковать такой же молоток.
Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедышки
И лаптя толком не сплести.

Мне с той поры в привычку стали
Дутья тугой, бодрящий рев,
Тревожный свет кипящей стали
И под ударом взрыв паров.
И сладкий бой кувалды древней,
Что с горделивою тоской
Звенела там, в глуши деревни,
Как отзвук славы заводской...

Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала
В работе видеть боевой.

И хоть волною грозной жара
Я был далеко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн...

Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...

И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.
Я запах, издавна знакомый,
Огня с окалиной вдыхал,

Я был в той кузнице, как дома,
Хоть знал,
 что это был Урал.

Урал! Завет веков и вместе —
Предвестье будущих времен,
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он —
Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли,
Ту мощь брони незачехленной
Стволов и гусениц везли, —
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:

— Батюшка Урал...

Когда добром его груженный,
На встречной скорости состав,
Как сквозь тоннель вструбит бетонный,
С прогибом рельсов даль прорвав, —
Не диво мне, что люд вагонный,
Среди своих забот, забав,
Невольно связь речей теряя,
На миг как будто шапку снял,
Примолкнет, сердцем повторяя
Два слова:

— Батюшка Урал...

Урал! Я нынче еду мимо,
И что-то сжалось в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади.
Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю — как лег, как встал, —
И все теплей и благодарней
Два слова:

— Батюшка Урал...

Урал! Невольною печалью
Я отдаю прощанью дань...

А за Уралом —
Зауралье,
И там своя, иная даль.

* *
*

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен стороны родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захоlustье, потрясенном
Всемирным чудом наших дней, —
Старинных зим с певучим стоном
Далеких — за лесом — саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты и наготы.
Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.

Ни щедрой выдачей здоровья
И сил, что были про запас;
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз;

Ни славы замыслом зеленым,
Отравой сладкой строк и слов;
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов —

Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра и недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним.
Не обошла тридцатым годом,
И сорок первым, и иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даться до поры,
Какие жесткие под силу
Ему ознобы и жары.

И что мне малые напасти
И незадачи на пути.
Когда я знаю это счастье
Не мимоходом жизнь пройти.

Не мимоездом, стороною
Ее увидеть без хлопот,
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Все, что затеял и слепил,
Считать одной лишь малой долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда:
Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно —
Никогда.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ



1910—1975

Ольга Федоровна Берггольц родилась в Петербурге, в семье врача. В 1926 г. окончила среднюю школу, в 1930 г. — филологический факультет Ленинградского университета. В 1930—1931 гг. — разъездной корреспондент газеты «Советская степь» в Казахстане. Затем, возвратившись в Ленинград, редактировала комсомольскую страницу многотиражной газеты завода «Электросталь». В 1934—1936 гг. была редактором и одним из авторов истории этого завода. Писательская работа О. Берггольц началась с книжек для детей, вышедших в 1929—1932 гг., а также с очерков и рассказов, отражающих героизм строителя первых пятилеток. Молодой поэтессе помогал своими советами С. Маршак, внимательно следил за ее работой М. Горький. Впечатления комсомольской юности легли в основу начальных поэтических сборников О. Берггольц — «Стихотворения» (1934) и «Книга песен» (1936). В годы Великой Отечественной войны, находясь в осажденном Ленинграде, О. Берггольц создала свои лучшие стихи и поэмы, посвященные защитникам города: полный скорбной силы «Февральский дневник» (1942), гневную и суровую «Ленинградскую поэму» (1942), трагически печальный «Твой путь» (1945). В ту пору поэтесса выступала перед ленинградцами по радио, на фабриках и заводах, в воинских частях и на кораблях Балтийского флота. Ее редкостные по своему трагедийному накалу стихи отражали высокий и гордый дух ленинградцев, вынесших беспримерно тяжкие испытания и невзгоды. В послевоенный период О. Берггольц работает над поэмой «Первороссийск» (о петроградских рабочих, строивших в годы гражданской войны город-коммуна на Алтае), пишет несколько пьес и киносценариев, а также книгу лирической прозы «Дневные звезды», своеобразно показывающую «биографию века», судьбу поколения. В 1965 г. вышел замечательный сборник ее стихов «Узел». Творчество О. Берггольц глубоко лирично и очень искренно. В нем звучит напряженная трагическая нота и в то же время твердая убежденность коммуниста в правоте своих идеалов, своего дела.

Обещание

Вот я выбирала для разлуки
самые печальные слова.
На прощанье многим жала руки,
с горя ни мертва и ни жива.

Только о тебе еще не спела,
об единственном в моей судьбе;
я словам глухим и неумелым
не доверю песню о тебе.

Потому что всю большую дружбу,
всю любовь прекрасную твою
в верности, любви и дружбе мужа,
Родина, все время узнаю.

Все твои упреки и тревоги,
всю заботу сердца твоего...
Даже облик твой, родной и строгий,
неразлучен с обликом его.

Оселяет шлем литые брови,
Млечный Путь струится по штыку...
Кто еще любимей и суровей,
чем красноармеец начеку?

Для кого ж еще вернее слово
и прекрасней песня — для кого?
Сорок раз спою для прочих снова
и единожды — для одного.

Но с такую гордостью и силой,
чтобы каждый вздрогнул: красота!
Чтоб дыханье мне перехватило
счастье, чистое, как высота...

Памяти защитников

(отрывок)

..Когда прижимались солдаты, как тени,
к земле и уже не могли оторваться, —
всегда находился в такое мгновенье
один безымянный, Сумевший Подняться.

Правдива грядущая гордая повесть:
она подтвердит, не украсив нимало, —
один поднимался, но был он — как совесть.
И всех за такими с земли поднимало.

Не все имена поколение запомнит.
Но в тот иступленный, клокочущий полдень
безусый мальчишка, гвардеец и школьник,
поднялся — и цепи штурмующих поднял.

Он знал, что такое Воронья гора.
Он встал и шепнул, а не крикнул: — Пора!

Он полз и бежал, распрямлялся и гнулся,
он звал, и хрипел, и карабкался в гору,
он первым взлетел на нее, обернулся
и ахнул, увидев открывшийся город!

И может быть, самый счастливый на свете,
всей жизнью в тот миг торжествуя победу, —
он смерти мгновенной своей не заметил,
ни страха, ни боли ее не изведав.

Он падал лицом к Ленинграду. Он падал,
а город стремительно мчался навстречу...
...Впервые за долгие годы снаряды
на улицы к нам не ложились в тот вечер.

И звезды мерцали, как в детстве, отрадно
над городом темным, уставшим от бедствий...
— Как тихо сегодня у нас в Ленинграде, —
сказала сестра и уснула, как в детстве.

«Как тихо», — подумала мать и вздохнула.
Так вольно давно никому не вздыхалось.
Но сердце, привыкшее к смертному гулу,
забытой земной тишины испугалось.

* *
*

Я иду по местам боев.
Я по улице нашей иду.
Здесь оставлено сердце мое
в том свирепо-великом году.

Здесь мы жили тогда с тобой.
Был наш дом не домом, а дотом,
окна комнаты угловой —
амбразурами пулеметам.
И всё то, что было вокруг —
огнь и лед,

и шаткая кровля, —
было нашей любовью, друг,
нашей гибелью, жизнью, кровью.

В том году,
в том бреду,
в том чаду,

в том, уже первобытном, льду,
я тебя, мое сердце, найду,
может быть, себе на беду.
Но такое,

в том льду,
в том огне,
ты всего мне сейчас нужней.

Чтоб сгорала мгновенно ложь —
вдруг осмелится подойти, —
чтобы трусость бросало в дрожь,
в леденящую — не пройдешь! —
если встанет вдруг на пути.

Чтобы лести сказать: не лги!
Чтоб хуле сказать: не твое!
Друг, я слышу твои шаги
Рядом, здесь, на местах боев.
Друг мой,

сердце мое, оглянись:
мы с тобой идем не одни.
Да, идет по местам боев
поколение твое и мое,
и еще неизвестное нам —
все пройдут по тем же местам,
так же помня, что было тут,
с той железной молитвой пройдут...

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ



1909—1969

Николай Иванович Рыленков родился в деревне Алексеевке, Рославльского уезда, Смоленской губернии, в крестьянской семье. Алексеевка (по-местному Ломпя, или Корчевка) в ту пору была глухой, затерявшейся среди дремучих лесов деревушкой. Учился Н. Рыленков в волостном селе Тюнине, закончил среднюю школу в городе Рославле в 1926 г. Работал сельским учителем на Брянщине. Весной 1927 г. вернулся в Алексеевку и был там председателем сельского Совета. В 1933 г. окончил отделение языка и литературы Смоленского педагогического института. Работал в редакции смоленской областной газеты «Рабочий путь», а затем — в смоленском областном издательстве. В начале Великой Отечественной войны был командиром саперного взвода, потом — военным журналистом, работал в штабе партизанского движения. Писать стихи Н. Рыленков начал еще в тюнинской школе, где имелась хорошая библиотека, Фета, Бунина. В 1926 г. Н. Рыленков напечатал в газете свои первые строки. Постоянную творческую помощь Н. Рыленкову оказывал переписывавшийся с ним М. Исаковский. В 1933 г. в Смоленске вышел первый поэтический сборник Н. Рыленкова — «Мои герои». Н. Рыленков — по преимуществу лирик. Бережно выписанные пейзажи и философские миниатюры, раздумья о духовном мире советского человека, о его нравственном богатстве — таков основной характер стихотворений Н. Рыленкова. В его стихах неизменно чувствуешь человека, знающего и любящего землю. Поэт воспевает русскую природу в органическом единстве с трудом пахаря и сеятеля. Жизни Смоленщины поэт посвящал и свои работы в прозе — повести и рассказы.

* *
*

На войне пути судьбы разведав,
Коль удел солдатский наш таков,
Вспомним, брат мой, прадедов и дедов,
Коренных смоленских мужиков.

Нам с тобой краснеть за них не надо.
Скажем прямо — крепкий был народ!
Против окон — белый кипень сада
И колодец прямо у ворот.

От гостей не прятались за прясло,
Гость пришел — он праздник в дом привел.
Чтоб беседа за столом не гасла,
Все, что есть в печи — мечи на стол.

Как зачин в беседе, чарка водки,
Домовитой щедрости звезда.
Не напрасно дом наш в околотке
Хлебосольством славится всегда!

Угостить друзей — завидный жребий,
Без друзей и полный дом постыл.
Говорят, что благочинный с требой
В этот дом на цыпочках входил.

Так и жили, жизнь держа в охапке,
Как на пожне держат сноп ржаной.
Богачам не кланялись и шапки
Не ломали перед старшиной.

Что им старшина, на самом деле?
Камень, чтоб споткнуться на пути!
Если б живы были, так в артели
Бригадиров лучших не найти.

И неужто в этом доме сядет
Недруг на дубовую скамью?
— Костылем прибью, — сказал бы прадед, —
Если честь порушите свою!

На войне пути судьбы разведав,
Коль удел солдатский наш таков,
Вспомним, брат мой, прадедов и дедов,
Коренных смоленских мужиков.

Ладони, пахнущие хлебом

Кому какой дается жребий,
Какая песня под луной,
А я возрастал на черном хлебе,
То хлеб земли моей родной.

Его солил я крупной солью
И запивал воды глотком,
С ним по широкому раздолью
Ходил за плугом босиком.

Я молотил и веял жито,
За стол садился не спеша,
Я знал: в ржаной ковриге скрыта
Всей доброты земной душа.

Святая мудрость землепашца
В ней навсегда воплощена.
Ни возгордиться, ни зазнаться
Не даст в дороге мне она.

И нужно мне под русским небом,
Чтоб каждый день и каждый миг
Ладони, пахнущие хлебом,
Я чуял на плечах моих.

* *
*

Кувшин, в кургане найденный, и фреска
В забытой церкви — все меня влечет.
Когда гляжу на древний герб Смоленска,
Мне никакие тяготы не в счет.

Я не дивлюсь, что в нем смогли сродниться
У перекрестка грозových путей

И пушка, что таит грома, и птица,
О ясном дне поющая на ней.

Живой комочек пуха на металле
Напоминает, что из века в век
Чем яростнее пушки грохотали,
Тем больше жаждал мира человек.

Я тоже пел о мире в годы битв,
Как герб родного города велит.

Олень

По дороге на Карадаг
Палку вырезал я из кизила,
Чтоб в селеньях и городах
Свежесть горных лугов сквозила.

Мне такую строгать не лень,
По душе мне пришлась работа,
И на палке моей олень
Запрокинул рога с разлета.

Он, познавший немало круч,
Лучший спутник души поэта,
Взять велит не перо, а луч,
Не чернила, а синь рассвета.

Я на палку мою обопрюсь,
Всей природы пойму веленья.
Пусть за каждой опушкой Русь
Слышит трубный голос оленя.

Рябиновый свет

Над зеленью озими рдяное пламя рябины,
Туман разошелся и ветер улегся, затих,
Так ясно вокруг, что прозрачными стали глубины
Счастливых и горестных воспоминаний моих.
Я жил не скупясь, не жалел беспокойного сердца,
Под грозами лета весне отзывался, как мог.
Так дай же мне, осень, как эта рябина, зардеться
И людям светить у скрещенных заветных дорог!

Живая ветвь

За это чувство все отдашь,
Все выведешь на линию.
Рука сжимает карандаш,
Как ветку тополиную.

Он тоже соками набух
И тоже полон свежести.
Не удивлюсь я, если вдруг
Листок на нем прорежется.

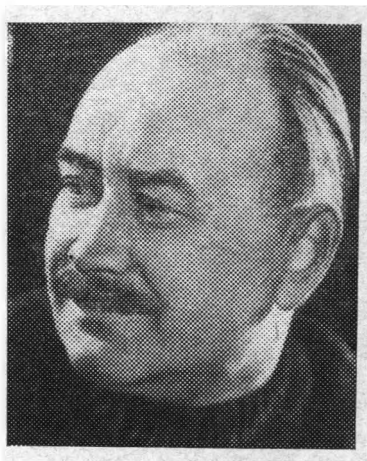
Пойдет, пойдет расти росток
По щучьему велению.
И вот уже от беглых строк
Запахло клейкой зеленью.

Зеленый свет слепит глаза,
Но все острее зрение.
Гремит за окнами гроза,
Спешит в поля весенние.

Ручьи торопятся к реке,
В края мои долинные,
И карандаш в моей руке —
Как ветка тополиная.

Сергей Александрович Поделков родился в 1912 г. в деревне Песочне, Калужской губернии, в доме деда. Его отец, рабочий Замоскворецкого трамвайного парка, с двенадцати лет постоянно жил в Москве. В 1914 г. отец ушел на фронт, и мать увезла сына в Киев. С 1918 г., после побега отца из германского плена, вся семья вновь поселилась в Москве, а поздней осенью 1920 г., как и многие петроградские и московские рабочие семьи в ту пору, выехала в Сибирь. Отец поэта, Александр Михайлович, был одним из трех московских ходоков, ездивших облюбовывать место для сельскохозяйственной коммуны на плодородных землях степного Алтая. Коммуна, состоявшая из приезжих рабочих, впоследствии распалась, и в начале 1926 г. Поделковы возвратились в Москву. Сергей Поделков еще подростком приобщился к сельскому быту и полевым работам: пахал, косил, жал пшеницу. В Москве он окончил школу-семилетку и был направлен биржей труда на фабрику «Ливерс», где после краткого обучения в ФЗУ работал ткачом. Трудовая жизнь С. Поделкова складывалась так, что ему пришлось быть грузчиком, землекопом, лесорубом, журналистом, редактором, играть в самодеятельном театре. Учился он в Литературном институте им. М. Горького. Первое стихотворение С. Поделков опубликовал в журнале «Огонек» в 1931 г. Первая книга вышла в 1934 г. Его поэтический голос испытывал влияние «Орды» и «Браги» Н. Тихонова и «Юго-запада» Э. Багрицкого, но вскоре обрел самостоятельное звучание — у поэта появился свой взгляд на мир, выработалась своя манера изображения действительности. Философская лиричность, свежий, связанный с трудом и природой, с русской историей словарь, скупая и прочная живопись стали неизменными приметами его поэтических книг («Горящие деревья», «Ступени», «Журавлиная клинопись» и др.). Он создал пронизанный любовью к родине цикл стихотворений о гербах русских городов, несколько поэм о Петре Первом; его перу принадлежит поэма о герое Великой Отечественной войны, распятом фашистами

СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ



юноше Юрии Смирнове («Героический триптих»), поэма «Три часа наедине», где нарисованы образы В. И. Ленина и М. В. Фрунзе. С. Поделков известен как переводчик фольклора народов СССР; наиболее крупные его работы в этой области — «Марийские народные песни», киргизский эпос «Эр Табылды», мордовское повествование «Сияжар». Во время Великой Отечественной войны С. Поделков сражался на фронте, был пулеметчиком, сапером, понтонером. В течение многих лет он преподает в Литературном институте им. М. Горького.

Круговорот

Солнцестояние! Метель бежит.
Песцы поземки — белое виденье.
Капель. Лучи сквозь кровь. Изюбрь трубит
от нарастающего возбужденья.
День — в воздухе мощнее излученье,
ночь — песеннее в звездах небосвод.
Гудит земля. Стремительно вращенье.
То свет, то тьма... Идет круговорот.

Весна! Природа потеряла стыд.
И от безвыходного опьяненья
цветут цветы, и женщина родит,
и чудо плачет, празднуя рожденье.
О чувств нагих святое воплощенье!
Трепещут грозы. Зреет каждый плод.
Страда. Жнут люди до самозабвенья.
То гул, то тишь... Идет круговорот.

Над увяданьем восковых раки
прощальный крик живого сновиденья —
синь, журавлиный перелет звучит.
И плуг блеснит. И озимь веет тенью.
Исполненный зазывного томленья,
колышется девичий хоровод.
И свадьбы. И листвы седой паденье.
То дождь, то снег... Идет круговорот.

И вновь зима. И вновь преображенье.
Чередованье смен, за родом род,
мышленья восходящие ступени —
то жизнь, то смерть... Идет круговорот,

* *
*

Однажды степь умерла.
Погасли цветы, и бежали звери,
над черствым пространством серая мгла,
в ней горе невидимо, скрыта потеря.

Сгинули
мчащиеся ястреба,
озер камышовый и синий трепет,
воздух, пересыщающийся, как пепел,
в солнечной дрожи хлеба.

Сгнуло
пиршество летней поры,
эхо не движется над равниной,
ни ястребиной брачной игры,
ни переклички перепелиной.

Ах, под солнце вилась кутерьма,
ликовала, светилась тут самая малость...
Не приложу ни рук, ни ума —
куда это все девалось?

Выгорело?
Выморозили внезапно ветра?
От радиации мертвым стало?
Ни полымя перекидывающегося пала,
ни гололеди,
ни взрыва атомного ядра...

А степь умерла.

Только зренье мое наподобье сверла
к горизонту тропу все сверлило, сверлило,
а по ней в платье ситцевом,
тепла и смугла,
она, не оглядываясь,
навсегда уходила.

* *
*

Все скрыто, все заточено,
здесь дождь прошел, зола прибита,
неподалеку от ракиты
костра оставшееся дно.
Останки плах. Обуглен вид.
Кругом отметины толоки,
след сапога, след одинокий,
в нем мертвая вода стоит.
Здесь кто-то жил короткий срок,
курил, снедь вынимал из ранца,
и пламени протуберанцы
охватывали котелок.
А ты спешишь... Какой тут прок!..
Бог с ним, с кострищем! Мимо, мимо...
Над ним почти неуловимый,
почти что солнечный парок.
Нас часто водит на цепи
высокомерность заблужденья,
нас гонит в сторону сомненья...
Нагнись и пепел разгреби,
не поленись, не пожалей
из книжки записной страницу,
подуй на слепоту углей —
и пламя в нем зашевелится.

* *
*

Горы оседают —
недра раздаются,
реки высыхают —
русла остаются.

Степь. Пожар играет.
Пламя. Космы выются.
Травы выгорают —
корни остаются.

Осень. Солнце тает
в небе, как на блюде,

птицы улетают —
гнезда остаются.

Глухо лес вздыхает,
тучи вдаль несутся,
листья опадают —
ветви остаются.

Люди жить мечтают,
над землю гнутся,
люди умирают —
песни остаются.

Говорит охотник

Суровостью коня я привечал:
свистел аркан — и сдерживал магнитом...
Конь ржал,
бить норовил меня копытом,
зубами клейма ставил на плечах,
покамест не пошел на поводу,
косясь и вздрагивая, —
на ходу
слегка поекивала селезенка.

Потом я взлез к орлиному гнезду,
чтобы добыть на скалах беркутенка.
За пазухой мне грудь он рвал кроваво,
но я принес его в свое жилище,
я выпестовал, вынянчил на славу
крылатое оружие мое.

А недруг мой уже оскалил пасть;
в прибрежных зарослях,
между камнями
таясь,
сверкает, щелкает клыками,
готов на тонкорунный гурт напасть.

И вот я оседлал коня,
и беркут у меня на рукавице.
Степь! Степь!
Снят колпачок, как западня,
с жестоких глаз самолюбивой птицы.
Взмывает беркут в небо выше гор
и вниз — на волка, что у купы ивок,
срывается пернатый метеор,
и крючья лап впиваются в загривок...

Я бросил в бой природу на природу
существовапью своему в угоду.

Говорит солдат

Ракета раздирала небосвод,
клинообразной птицей трепетала,

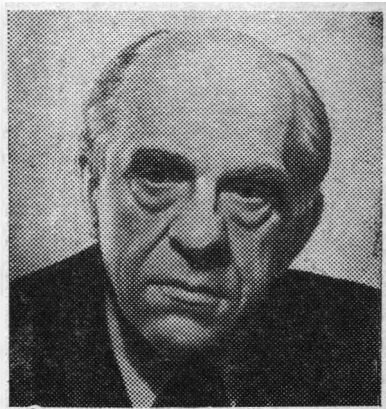
полк — острями выстрелов вперед —
был брошен в бой свечением сигнала.

А в час салюта — грохот батарей
в тумане человеческой печали,
и зерна осыпавшихся огней
тревожной радостью в глазах мерцали.

И я б хотел так жить и умереть —
дай силы мне, о русская природа,
сигналом в лихолетие взлететь
и просить на празднике народа.

Сергей Николаевич Марков родился в посаде Парфентьева, на костромской земле. Его отец служил землемером и часто переезжал с семьей с места на место, оказавшись в конце концов в Зауралье. И отца, и мать С. Маркова в 1919—1921 г. унесли тогдашние эпидемии, и, будучи старшим из шестерых осиротевших детей, он стал их кормильцем. Начал работать в редакции газеты в Акмолинске, где в 1920 г. были напечатаны его первые стихи («Революция»). Впоследствии выступал в журнале «Сибирские огни», в московской прессе. Долго вел жизнь журналиста. Увлекаясь историей русских географических открытий, был тесно связан с путешественниками, геологами, этнографами. В 1929 г. рассказ С. Маркова «Голубая ящерица», помещенный в «Сибирских огнях», привлек внимание Максима Горького. Горький вызвал к себе С. Маркова, беседовал с ним и ввел его в круг авторов журнала «Наши достижения». С. Марков объездил всю Сибирь, Среднюю Азию, Забайкалье, Дальний Восток. Особую страницу в его жизни, как он пишет, составляет Север — «костромские и вологодские черные леса, белокаменный Великий Устюг, голубые валуны, разбросанные по долине Онеги, затерянная в лесах Тотьма, беломорские маяки». В Великую Отечественную войну он почти три года служил в армии рядовым. Первая книга стихов С. Маркова, «Радуга-река», была напечатана в 1946 г. Потом появились сборники «Золотая пчела», «Топаз», «Серебряный простор». Наряду со стихами С. Марков написал роман о русских землепроходцах на Аляске «Юконский ворон», повествование о казахском просветителе Чокане Валиханове, Ф. Достоевском и П. Семенове-Тян-Шанском, книги по истории географических открытий — «Земной круг» и «Вечные следы». Стихи С. Маркова, отличающиеся свежестью материала и чудесным русским колоритом, несут в себе отзвук научных изысканий поэта.

СЕРГЕЙ МАРКОВ



1906—1979

Велимир Хлебников в казарме

Растет поэмы нежный стебель,
Запретный теплится огонь
В казарме, где орет фельдфебель
И плачет пьяная гармонь.

Где тускло светятся приклады
И плавает угарный свет, —
Для русской музыки — русой Лады —
На грязных нарах места нет.

Искусства страшная дорога
Ведет к несбыточной мечте,
А жизнь — нелепа и убога
В своей обидной нагоде.

А если сон смежит ресницы —
Он явит скорбную судьбу;
Все чаще Полежаев снится,
Босой, в некрашеном гробу.

И только свет посмертной славы
Поэту оставляет мир;
Как лист языческой дубравы,
Заплещет имя: Велимир.

Не стыдно миру... В смрадном лоне
Томится гордость лучших лет,
И на скоробленном погоне
Желтеет грубый трафарет.

Ну что ж!.. Он к этому привычен,
Одним святым трудом дыша.
Сочтите — сколько зуботычин
Сносила гордая душа.

Пусть, надрывая бранью глотку,
Склоняясь к острому плечу,
Фельдфебель требует на водку —
Грозится отобрать свечу!

* *
*

Если голубая стрекоза
На твои опустится глаза,
Крыльями заденет о ресницы,
В сладком сне едва ли вздрогнешь ты.
Скоро на зеленые кусты
Сядут надоедливые птицы.

Из Китая прилетит угод.
Болтовню пустую заведет,
Наклоня красноватый гребень.
Солнце выйдет из-за белых туч,
И, увидев первый теплый луч,
Скорпион забьется в серый щербень.

Спишь и спишь... А солнце горячо
Пригревает круглое плечо,
А в долине — горная прохлада.
Ровно дышат теплые уста.
Пусть приснится: наша жизнь чиста
И крепка, как ветка винограда!

Пусть приснятся яркие поля,
Глыбы розового хрустала
На венцах угрюмого Тянь-Шаня!
Дни проходят, словно облака,
И поют, как горная река,
И светлы свершенные желанья.

Тает лед ущелий голубой.
Мир исполнен радостного смысла.
Долго ль будет виться над тобой
Бирюзовой легкою судьбой
Стрекозы живое коромысло?

Рябинин-город

Цветет в Рябинине герань,
И на столе вздыхает ткань
Камчатой скатертью с кистями.

Смеются алые уста,
Когда — нарядна и проста —
Ты пьешь рябиновку с гостями.

В ковригу воткнут синий нож,
И чарка алою слезою
Блестит...

Я знаю — ты живешь
За малой речкой Бирюзою.

К тебе за Бирюзу пойду,
Щеколду у дверей найду,
Сдержу, чтоб не раздалось звона...

Ушли ли гости? Все ли спят?
Не спишь ли ты? Считает сад
Хладеющие листья клена.

Рябинин-город! Явь иль сон?
И смех, и волосы, что лен,
И рассудительные речи,

В светлице — шитые холсты,
И вздохи теплой темноты,
И в полотне прохладном плечи!

Не зря в Рябине подряд
Семь дней сверкает листопад,
Не быть ли заморозку ныне?

И не сочтешь ли ясным днем
Ты утром иней за окном
И снег туманный на рябине?..

* *
*

Знаю я — малиновою ранью
Лебеди плывут над Лебедянью,
А в Медыни золотится мед.
Не скопá ли кружится в Скопине?
А в Серпейске ржавой смерти ждет
Серп горбатый в дедовском овине.

Наливные яблоки висят
В палисадах тихой Обояни,
Город спит, но в утреннем сиянье
Чей-нибудь благоуханный сад.

И туман рябиновый во сне
Зыблется, дороги окружая,
Горечь можжевельная мне
Жжет глаза в заброшенном Можее.

На заре Звенигород звенит —
Будто пчелы обновляют соты,
Все поет — деревья, камни, воды,
Облака и ребра древних плит.

Ты проснулась, И лебяжий пух
Лепестком на брови соболиной,
Губы веют теплою малиной,
Звоном утра околдован слух.

Белое окошко отвори!
От тебя, от ветра, от зари
Вздогнут ветви яблони тяжелой,
И росой омытые плоды
В грудь толкнут, чтоб засмеялась ты
И цвела у солнечной черты,
Босоногой, теплой и веселой.

Я тебя не видел никогда...
В Тёмникове темная вода
В омуте холодном ходит кругом;
Может быть, над омутом седым
Ты поешь, а золотистый дым
В три столба встает над чистым лугом.

На Шехонь дорога пролегла,
Пыльная, кремнистая дорога.
Сторона веснянская светла.
И не ты ль по косогору шла
В час, когда как молоко бела
Медленная тихая Молога?

Кто же ты, что в жизнь мою вошла:
Горлица из древнего Орла?
Любушка из тихого Любима?
Не ответит, пролетая мимо,
Лебедь, будто белая стрела.

Или ты в Архангельской земле
Рождена, зовешься Ангелиной,
Где морские волны с мерзлой глиной
Осенью грызутся в звонкой мгле?

Зимний ветер и упруг и свеж,
По сугробам зашагали тени,
В инее серебряном олени,
А мороз всю ночь ломился в сени.
Льдинкою мизинца не обрежь,
Утром умываючись в Мезени!

На перилах синеватый лед.
Слабая снежинка упадет —
Таять на плече или реснице.
Посмотри! На севере туман,
Ветер, гром, как будто океан,
Небом, тундрой и тобою пьян,
Ринулся к бревенчатой светлице.

Я узнаю, где стоит твой дом!
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в седом уборе.
Если я когда-нибудь умру,
Все равно услышишь на ветру
Голос мой в серебряном просторе!

Леонид Николаевич Мартынов родился в 1905 г. в Омске, в семье техника путей сообщения. В 1921 г., уйдя из пятого класса школы, начал жить литературным трудом. Стал печататься в омской газете «Рабочий путь». В качестве корреспондента газет и журналов в 20-х и 30-х годах много ездил по Сибири и Казахстану. Опубликовал несколько очерковых книг. Первый поэтический сборник Л. Мартынова — «Стихи и поэмы» — вышел в Омске в 1939 г. Затем последовали «Поэмы» (1940) и «Лукоморье» (1945). В «Поэмах» («Тобольский летописец», «Правдивая история об Увенькае» и др.) с их самобытным, эпически неторопливым и емким языком, с их выпуклыми характеристиками персонажей Л. Мартынов нарисовал красочные картины быта старой Сибири. Внутренняя тема поэм, посвященных старине, — созидание, творческая деятельность людей. «Я ощущал прошлое на вкус, цвет и запах», — говорит поэт, подчеркивая, что в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, он искал в истории взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, воспринимал ее «как меч и как щит». «Лукоморье» раскрыло романтическую сторону дарования Л. Мартынова. Поэтически преображая в своих стихах действительность, Л. Мартынов как бы вел спор с бескрылым, мечанским восприятием мира. За тридцать послевоенных лет работы Л. Мартынов, уделяя немалое внимание переводам (преимущественно из венгерской поэзии), создал огромную сюиту лирических стихотворений. В них воплощены раздумья поэта о времени, о том новом, чем радуется нас жизнь, о «следе», оставляемом человеком в мире. Острая мысль в них сочетается с душевностью, большой добротой. «Гордость за нашего современника, творящего, мыслящего, идущего непроторенными путями, делающего чудеса и достойного этих чудес, составляет краеугольный камень творчества Л. Мартынова», — писал В. Луговской. Слово бы наэлектризованное, предельно афористичное, прошитые искусной цепной рифмой, строки Л. Мартынова носят резкую печать индивидуальности.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ



Замечали —
По городу ходит прохожий?
Вы встречали —
По городу ходит прохожий,
Вероятно, приезжий, на нас непохожий?
То вблизи он появится, то в отдаленье,
То в кафе, то в почтовом мелькнет отделенье.
Опускает он гривенник в щель автомата,
Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата
И всегда об одном затевает беседу:
— Успокойтесь, утешьтесь — я скоро уеду!

Это — я!
Тридцать три мне исполнилось года.
Проникал к вам в квартиры я с черного хода,
На потертых диванах я спал у знакомых,
Приклонивши главу на семейных альбомах.
Выходил по утрам я из комнаты ванной.
«Это гость, — вспоминали вы, — гость не незванный,
Но, с другой стороны, и не слишком желанный.
Ничего! Беспорядок у нас постоянный!»
— Это гость, — поясняли вы мельком соседу
И попутно со мной затевали беседу:

— Вы надолго к нам снова?
— Я скоро уеду!
— Почему же? Гостите. Придете к обеду?
— Нет.
— Напрасно торопитесь! Чаю попейте!
Отдохните да, кстати, сыграйте на флейте!

Да! Имел я такую волшебную флейту.
За миллионы рублей ту не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь одну я из песен:
«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»
Вот о чем вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните соседу,
Но, друзья, торопитесь, — я скоро уеду!
Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря!

Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдете вы края чудесней!

И являлись тогда, возбужденные песней,
Люди. Разные люди. Я видел их много,
Чередой появлялись они у порога.
Помню — некий строитель допрашивал строго:
— Где чертог? Каковы очертанья чертога? —
Помню также: исторпи некий учитель
Все пытал: — Лукоморья кто был покоритель? —
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккря,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетал еще старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной палатой.
— Лукоморье! Изволите звать в Лукоморье!
Лукоморье отыщете только в фольклоре! —
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: — Вы воздушные строите замки! —
И соседи, никак не участвуя в споре,
За стеной толковали:
— А?
— Что?
— Лукоморье?
— Мукомолье?
— Какое еще Мухоморье?
— Да о чем вы толкуете? Что за история?
— Рукомойня? В исправности.
— На пол не лейте!
— Погодите — в соседях играют на флейте!

Флейта, флейта!

Охотно я брал тебя в руки.

Дети, севши у ног моих, делали луки,

Но, нахмурившись, их отбирали мамыши:

— Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!

Вот сначала своих воспитать вы сумеите,

А потом в Лукоморье зовите на флейте! —

Флейту прятал в карман.

Почему ж до сих пор я

Не уехал с экспрессом туда, в Лукоморье?

Ведь давным бы давно уж добрался до гор я,

Уж давно на широкий бы вышел простор я.

Объясните знакомым, шепните соседу,
Успокойте, утешьте, — я скоро уеду!
Я уеду, и гнев стариков прекратится,
Злая мать на ребенка не станет сердиться,
Смолкнут толки соседей, забудькает ванна,
Распряжится со звоном пружина дивана.

Но сознайтесь!

Недаром я звал вас, недаром!

Пробил час — по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За мою спиною, за мою спиною.

Все вы тут! Все вы тут! Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта —

Злая спорщица с нами, и клоп из дивана...
О холодная ясность в чертоге рассвета,

Мерный грохот валов — голоса океана.

Так случилось —

Мы вместе!

Ничуть не колдуя,

В силу разных причин за собой вас веду я.

Успокойтесь, утешьтесь!

Не надо тревоги!

Я веду вас по ясной, широкой дороге.

Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,

Скороходу подобный, на вас непохожий, —

Тот прохожий, который стеснялся в прихожей,

Тот приезжий, что пахнет коричневой кожей,

Неуклюжий, но дюжий в тужурке медвежьей.

...Реки, рощи, равнины, печаль побережий.

Разглядели? В тумане алеют предгорья.

Где-то там, за горами, волнуется море.

Горы, море... Но где же оно, Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

Балерина

Ночь шуршит в канаве желтым листом,

Бьет подковой.

Поверяет дворничиху свистом

Участковый.

А девчонка с бантиком над челкой
Тут же вьется,
Меж совком танцует и метелкой
И смеется.

Все ночами участковый видит
В лунном свете:
— Из девчонки толк, наверно, выйдет:
Быть в балете!

Дворничиха несколько надменно
Рассмеялась:
— Ну так что же! Ведь и я на сцену
Собиралась.

— На каком же это основанье?
— Так вот..., было.
Только высшего образованья
Не хватило!

— Да, конечно... Если уж учиться —
Надо с детства. —
Он уходит. И свистит, как птица,
По соседству.

...Дворничиха выросла в детдоме,
Грубовата.
Дочь родилась в орудийном гrome
От солдата.

На войне, уж ясно и понятно,
Убивают.
Этот парень не пришел обратно...
И бывает,

Кое-как метет она дорожки,
Матерится...
А у дочки луч на босоножке
Серебрится.

Ходит баба в час похмелья горький
Туча-тучей...
...Будет, будет ваша дочь танцоркой
Самой лучшей!

Первый снег

Ушел он рано вечером,
Сказал:

— Не жди. Дела...

Шел первый снег.
И улица
Была белым-бела.

В киоске он у девушки
Спросил стакан вина.

«Дела... —
Твердил он мысленно, —
И не моя вина».

Но позвонил он с площади:
— Ты спишь?
— Нет, я не сплю.
— Не спишь? А что ты делаешь? —
Ответила:
— Люблю!

...Вернулся поздно утром он,
В двенадцатом часу,
И озирался в комнате,
Как будто бы в лесу.
В лесу, где ветви черные
И черные стволы,
И все портьеры черные,
И черные углы,
И кресла черно-бурые,
Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь!

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
— Что это? —
Сказал он:
— Первый снег!

Нежность

Вы поблекли. Я — странник, коричневый весь.
Нам и встретиться будет теперь неприятно.
Только нежность, когда-то забытая здесь,
Заставляет меня возвратиться обратно.

Я войду, не здороваясь, громко скажу:
— Сторож спит, дверь открыта, какая небрежность!
Не бледнейте! Не бойтесь! Ничем не грожу,
Но прошу вас: отдайте мне прежнюю нежность.

Унесу на чердак и поставлю во мрак
Там, где мышь поселилась в дырявом штаблете.
Я старинную нежность снесу на чердак,
Чтоб ее не нашли беспризорные дети.

Вода

Вода
Благоволила
Литься!

Она
Блистала
Столь чиста,
Что ни напиться,
Ни умыться.

И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

Листья

Они
Лежали
На панели.

И вдруг
Они осатанели
И, изменив свою окраску,
Пустились в пляску, колдовские.

Я закричал:
— Вы кто такие?

— Мы — листья,
Листья, листья, листья! —
Они в ответ зашелестели, —
Мечтали мы о пейзажисте,
Но руки, что держали кисти,
Нас полюбить не захотели.
Мы улетели.
Улетели!

* *
*

Примерзло яблоко
К поверхности лотка,
В киосках не осталось ни цветка,
Объявлено открытие катка,
У лыжной базы — снега по колено,
Несутся снеговые облака,
В печи трещит еловое полено...

Все это значит, что весна близка!

* *
*

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песен.
Люди мыслят о лютне, о лире.
Мир без песен
Неинтересен.

Ветер,
Ветви,
Весенняя сырость,
И черны, как истлевший папирус,
Прошлогодние травы.
Человечеству хочется песен.
Люди правы.

И иду я
По этому миру.
Я хочу отыскать эту лиру,
Или — как там зовется он ныне —
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.
Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугуны,
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть.

Умоляют:

— О, тронь же!

Но еще не успел я потрогать —

Слышу гул отдаленный,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнаженный,
Исцеляется прокаженный;
Воскресает невинно казненный,
Что случилось, не может представить:
— Это я! — говорит. — Это я ведь!

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен.

* *
*

В расширяющейся вселенной —
Если это действительно так, —
Что ты чувствуешь,
Обыкновенный
Человек,
Неученый простак?

Эти споры о красном смещении,
Возле них создаваемый шум
Не приводят в смущенье
Твой ум.

И когда
Разбеганье галактик
Наблюдаешь в космической мгле,
То не столь теоретик, сколь практик,
Обращаешь ты взоры
К Земле.

Все
Стремится

Здесь сблизиться, слиться,
В косяки собираются птицы,
В элеваторы льется зерно,
И, устав проклинать и молиться,
Людам хочется быть заодно,
Чтобы спорился труд вдохновенный,
Окрыляя людские сердца
В этом мире,
Вот в этой вселенной,
Расширяющейся
Без конца!

Эхо

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту
В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах,
И на всяческих пепелищах,
И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности это неплохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо.
Очевидно, такая эпоха!

М. В. Ломоносов

«Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года». *Возлюбленная тишина* — мир. *Классы* — колосья. *И зрак приятнее раё* — вид, который приятнее райского. *Понт* — море. *Верхи Парнасски* — поэты, художники, ученые (от горы Парнас, обиталища муз). *Восстенали* — стенали, оплакивали скончавшегося Петра I. *Секвана* — Сена; имеется в виду Парижская Академия наук. *Ляки* — снова, вновь. *Верхи Рифейски* — Уральские горы. *Ньютон* — Ньютон, великий английский ученый.

«Я знак бессмертия себе воздвигнул...». Переложение XXX оды римского поэта Квинта Флакка Горация (65 г. — 8 г. до п. э.), положившее начало разработке темы «Памятника» в русской поэзии (у Державина, Пушкина, Фета, Брюсова и других поэтов). *Аквилон* — северо-восточный ветер. *Авфил* — река в южной Италии, на родине Горация. *Давнус* — Давн, легендарный царь Апулии, родины Горация. *Стихи эольски* — или эолийские стихи, считавшиеся образцом древнегреческой лирики и введенные в латинскую поэзию Горацием. *Альцейской лирой* — т. е. лирой Алкея, древнейшего греческого лирика. *Дельфийским* — от имени города Дельфы, где был храм бога Аполлона, покровителя поэзии.

Г. Р. Державин

«На смерть князя Мещерского». *Тать* — вор. *Персть* — прах, земная плоть. *Купно* — вместе. *Пиршеств раздавались лики* — здесь лики в значении: праздничные хоры, песни. *Перфильев* — друг князя Мещерского; на пирах Мещерского часто бывал Державин.

«Властителям и судиям». Стихотворение является вольным переложением 81-го псалма из Библии. *Земных богов во сонме их; сонм, сонмище* — сборище, толпа, скопление. *Рек* — сказал. *Покрыты мздою очеса* — ослеплены подаянками очи.

«Осень во время осады Очакова». Осенью 1788 г. русские войска под командованием кн. Г. А. Потемкина взяли на побережье Черного моря турецкую крепость Очаков. В ожидании вестей о победе под Очаковым Державин и написал эти стихи, находясь в Тамбове. *Спустил седой Эол Борей*; *Эол* — в греческой мифологии бог ветров, *Борей* — северный ветер. *Криле* — крылья. *Колтик* — анст. *Выжлицы* — гончие собаки. *Нимфы голосисты* — Нимфами здесь Державин называет крестьянок. *Небесный Марс* — *Марс* — бог войны у древних римлян. *Гром* — один из атрибутов Марса. *Царство Митридата* — Понтийское государство (II—I вв. до н. э.) у берегов Черного моря (включая Крым), царем которого был Митридат. *Орел... летает и темнит луну* — *Орел* — герб России. *Луна* (полумесяц) — герб Турции. *Эвксин* — древнее название Черного моря. *Росс* — русский. *Мраз* — мороз.

«Арфа». *Иль шумом будит вдруг меня перуным; перун, перуны — гром и молнии* (по имени древнеславянского бога). Как Павел в ней явился — в 1798 г. Павел I посетил Казань.

«Русские девушки». *Певец Тииский* — Анакреон, древнегреческий поэт, уроженец Тиоса. *Бычок* — народная женская лирическая пляска XVIII — начала XIX в., получившая такое название потому, что основное движение пляски напоминало бодание. Историк русской народной хореографии К. Голейзовский характеризует «бычок» как «необыкновенно красивый» танец.

«Снегирь». У Державина, по его собственному объяснению, был прирученный снегирь, умевший петь «одно колено военного марша». Возвратясь от умершего 6 мая 1800 г. Суворова, поэт услышал, как снегирь поет «военную песнь», и «написал сию оду в память столь славного героя». *Гиена* — имеется в виду наполеоновская армия.

Д. П. Фонвизин

«Послание к слугам моим...». *И палочьем гостей к каретам провожают* — т. е. палками расчищают в толпе путь господам, идущим к своим каретам. *Щечи его казну* — Щечить — теребить, дергать, поживляться.

А. Ф. Мерзляков

«Велизарий». *Велизарий* — знаменитый византийский полководец (VI в.). Согласно легенде, попав в опалу, по приказу императора Юстиниана Велизарий был ослеплен. Имя его стало нарицательным, означая благородного мученика, жертву деспотизма. Стихотворение Мерзлякова было положено на музыку, стало романсом; оно пелось и на петербургской сцене — в постановке П. Ободовского драмы баварского драматурга Э. Шенка «Велизарий».

В. А. Жуковский

«Вечер». *Филомела* — на поэтическом языке того времени — соловей. «Торжество победителей». В балладе описывается исход Троянской войны, известной нам по поэме Гомера «Илиада». Баллада построена на чередовании двух голосов, один из которых выполняет роль античного хора. С речью, сопровождаемой «хором», в балладе выступают оставшиеся в живых после победы над Троей (Илионом) предводители греков, или эллинов (элленов). *Приамов град* — город царя Трои Приама. *Пергам* — крепость Трои. *И носящему Горгону богу смертных и богов* — царю богов Зевсу (Крониду), на груди которого висела голова Горгоны — мифического чудовища со змеями вместо волос. *Брег Сигея* — мыс в Малой Азии, неподалеку от Трои. *Эреб (Эреб)* — пространство вечного мрака в подземном царстве мертвых.

Среди помещенных стихотворений Жуковского являются переводами: «К месяцу» (из Гете), «Лесной царь» (из Гете), «Желанье» (из Шиллера), «Торжество победителей» (из Шиллера).

К. Н. Батюшков

«К Дашкову». *Я видел море зла* — поэт описывает Москву, опустошенную наполеоновской армией в 1812 г. *На голос мирных цевниц; цевница* — пастушеская свирель. *Армид и ветреных Цирцей* — обольстительных красавиц (по нарицательному именам, идущим от героинь поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» и «Одиссея» Гомера).

«К Никите». Обращено к Никите Муравьеву, троюродному брату Батюшкова, впоследствии видному декабристу, автору проекта русской конституции.

«**Песнь Гаральда Смелого**». Вольное изложение старинной северной песни, приписываемой королю Норвегии скальду Гаральду Смелому (1015—1066), женившемуся на дочери киевского великого князя Ярослава Мудрого. *Сиканская земля* — Франция (Сикана — Секвана — Сена). *Дронггейм* — область Норвегии. *Гела* — богиня смерти в скандинавской мифологии.

«**Есть наслаждение и в дикости лесов...**». Вольный перевод отрывка из четвертой песни поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».

А. С. Пушкин

«**Нереида**». *Нереида* — морская нимфа. *Таврида* — старинное название Крыма.

«**19 октября**». Посвящено дате открытия Царскосельского лицея (19 октября 1811 г.). *Он не пришел, кудрявый наш певец* — Н. А. Корсаков, лицейский товарищ Пушкина, поэт и музыкант, скончавшийся в 1820 г. во Флоренции. *Чужих небес любовник беспокойный* — Ф. Ф. Матюшин, по окончании лицея служивший во флоте. *Вильгельм* — В. К. Кюхельбекер.

«**Пророк**». *Зеницы* — очи. *Прозябанье* — здесь: прорастание. *Десница* — правая рука (левая — шуйца).

«**В степи мирской, печальной и безбрежной...**». *Кастальский ключ* — источник вдохновения, ключ на Парнасе.

«**Для берегов отчизны дальней...**». Посвящено памяти знакомой Пушкина по Одессе Амалии Ризнич (1803—1825), родившейся в Италии.

«**Труд**». *Пенаты* — в римской мифологии — боги, покровители дома и семьи.

«**Полководец**». Посвящено полководцу Барклаю де Толли (1761—1818) и навеяно его портретом (работы художника Доу) в галерее героев Отечественной войны 1812 г. в Зимнем дворце.

«**Памятник**». *Александрийский столп* — колонна, памятник Александру I, воздвигнутый в Петербурге против Зимнего дворца в 1834 г. *Пиит* — поэт (старославянская форма).

К. Ф. Рылеев

«**Гражданин**». *Ни Брута, ни Риеги; Брут* — древнеримский республиканец, участник заговора против диктатуры Юлия Цезаря, любимый образ в поэзии декабристов. *Риега* — испанский революционер, поднявший восстание в 1819—1820 гг.

А. А. Дельвиг

«**Первая встреча**». Перевод из немецкого поэта Матиаса Клауднуса (1743—1815). Положено на музыку А. С. Даргомыжским (романс «Шестнадцать лет»).

«**К Днону**». *Ир* и *Крез* — бедный и богатый (Ир — персонаж из «Одиссеи» Гомера, Крез — легендарный царь Лидии).

«**Пушкину**». *Авзоня* — поэтическое название Италии. *Арей* — бог войны у древних греков (Марс — у римлян). *Ланиты* — щеки.

В. К. Кюхельбекер

«**Участь русских поэтов**». *Или болезнь наводит ночь и мелу* — данное стихотворение было последним из тех, которые слепнувший Кюхельбекер правил своей рукой. В последующих строках говорится о гибели Пушкина и Грибоедова, убитого в 1829 г. в Тегеране взбунтовавшейся толпой.

Д. В. Давыдов

«**Гусарский пир**». *Бурцов* (ум. в 1813 г.) — гусарский офицер, известный своей удалой и разгульной жизнью. *Понтируй* — понтировка — термин карточной игры. *Фланкируй* — фланкировка — маневр кавалерии в рассыпном строю.

«**Песня старого гусара**». *Жомини* — барон Апри Жомини (1779—1869), генерал французской, а затем русской армии, военный писатель, учредитель русской Академии генерального штаба.

«**Ответ**». *Пинд* — горный хребет в Греции, по мифологии — обиталище муз.

П. А. Вяземский

«**Масленица на чужой стороне**». *Вдовушка Кликко* — название марки шампанского (по имени владелицы виноградников вдовы Кликко).

«**Русский бог**». *Анненская на шею* — царский орден св. Анны. Присуждался «в петлицу» или «для вошения на шею».

Е. А. Баратынский

«**Смерть**». *Дщерью тьмы не назову я; дщерь* — дочь (старославянск.). *Согласье прам ее лия; прам* — дательный падеж существительного множеств. числа *пра* — раздор, спор.

«**Спасибо злобе хлопотливой...**». *Уж пил летийские струи; Лега* — река забвения, смерти. *Как богоизбранный еврей* — имеется в виду персонаж Библии, полководец Иисус Навин, остановивший солнце, чтобы продлить день и выиграть завязанную битву. *Флакк* — римский поэт Гораций, воспевавший в своих посланиях любовь, дружбу и молодость.

«**Небо Италии, небо Торквато...**». *Торквато* — знаменитый итальянский поэт Торквато Тассо (1544—1585).

«**Пироскаф**». *Пироскаф* — пароход. *Фетида* — морская богиня в греческой мифологии. *Ливурны* — Ливорно, приморский город в Италии. *Элизий* — блаженное царство теней, рай в представлении древних греков и римлян.

И. И. Козлов

Стихотворения «На погребение английского генерала сира Джона Мура» и «Вечерний звон» — переводы с английского (из Чарльза Вольфа и Томаса Мура).

А. И. Полежаев

«**Негодование**». *Немезида* — богиня справедливого мщения.

«**Цыганка**». *Фараонка* — во времена Полежаева считали, что цыгане — выходцы из Египта.

Н. М. Языков

«**Песня**». *Наш Август смотрит сентябрем; Август* — титул императоров в древнем Риме; здесь намек на Александра I, которого беспокоило революционное движение начала 20-х годов.

«**П. А. Осиповой**». *Прасковья Александровна Осипова (1781—1859)* — владелица села Тригорского, расположенного рядом с Михайловским. *Сорочь* — река в Тригорском и Михайловском. *Зане* — потому что, ибо.

М. Ю. Лермонтов

«**Смерть Поэта**». *Как тот певец... воспетый им с такою чудной силой* — имеется в виду Владимир Лепский из романа «Евгений Онегин».

«**Ветка Палестины**». *Иордан* — река в Палестине. *Ливан* — горная цепь в Сирии. *Солим* — Иерусалим. *Кивот* — божница, застекленный шкаф для икон.

К. К. Павлова

«**10 ноября 1840**». Воспоминание о 10 ноября 1827 г., когда Каролине Яниш было сделано предложение великим польским поэтом Адамом Мицкевичем.

А. А. Григорьев

«Я ее не люблю, не люблю...». Вольный перевод стихотворения А. Микевича «Сомнение».

«Цыганская венгерка». *Баядерка* — танцовщица и певица в Индии. *Квинта* — в данном случае первая струна у гитары.

Н. П. Огарев

«Упование». *Я слышу вас, далекие народы...* — в последующих строках Огарев говорит о революционных событиях в Италии и Германии, ознаменовавших 1848 год. *Волхв* — восточный мудрец, кудесник и колдун у древних славян.

Ф. И. Тютчев

«Весенняя гроза». *Гэба* — богиня вечной юности, служившая богам за трапезой.

«Видение». *Атлас* — в античной мифологии гигант, держащий на своих плечах небесный свод.

«Полдень». *Пан* — божество стад и пастухов.

«Певучесть есть в морских волнах...». *Музыкальный шорох*; *музыкальный* — музыкальный.

Н. А. Некрасов

«В полном разгаре страда деревенская...». *Приподнимая косулю тяжелую*; *косуля* — род сохи, отваливающей землю на одну только сторону.

«Орина, мать солдатская». *Вышло молодцу в бессрочные; бессрочный* — в отпуску от военной службы, но без срока впредь до призыва. *Рекрутское присутствие* — комиссия по приему новобранцев в армию. *Артикула ружьем выкидывал* — делал ружейные приемы согласно артикулу (уставу).

Л. А. Мей

«Плясунья». В стихотворении говорится о настенном изображении — фреске, обнаруженной при раскопках древнеримского города Помпеи. Этот город был засыпан цеплом при извержении Везувия в 79 г. н. э. *Тедеска* (итал.) — германка.

А. Н. Майков

«Я в гроте ждал тебя в урочный час...». *Гальционы* — чайки (от имени дочери бога ветров Эола Гальционы, превращенной, согласно древнегреческому мифу, в чайку). *Любовница Кефала* — утренняя заря (по мифу об охотнике Кефале, в которого влюбилась Эос — богиня зари).

А. А. Фет

«Ласточки». *Сосуд скудельный; скудельный* — глиняный, земной, глennyй, преходящий; старинное выражение, обозначающее человека как слабое, обреченное на гибель существо.

Я. П. Полонский

«Старый сазандар». *Сазандар* — певец, *Чингури* (чонгури) — музыкальный инструмент.

«Не жди». *Азлабар* и *Саллалаки* — районы Тифлиса. *Личак* — головной убор грузинок в виде длинной вуали.

К. К. Случевский

«Вспоминаешь вы убить хотите!..». *И тенью Банко сядет за столом; Банко* — персонаж из трагедии Шекспира «Макбет»; призрак Банко явился его убийце Макбету во время пира и занял место, предназначенное Макбету.

П. Ф. Якубович

«Красный снег». Стихотворение является откликом на расстрел манифестации рабочих царскими войсками 9 января 1905 г. у Зимнего дворца. При издании тома стихотворений Якубовича в 1910 г. «Красный снег» был по требованию цензуры вырезан из книги за «возбуждение к революционной борьбе против существующего государственного строя». *Каин, что ты сделал?!* — по Библии, слова, обращенные богом к Каину, предательски убившему брата Авеля.

И. А. Бунин

«Мушкет». *Цареград* — Константинополь, тогдашняя столица Турции. «Обрыв Яйлы. Как руки фурий...». *Яйла* — плоскогорье в Крыму. *Фурии* — богини-мстительницы. *Астрагал* — род кустарника. *Василиск* — сказочное существо, полуптица-полузмей, убивающее одним взглядом.

«Гробница Сафии». *Сафия* — одна из жен турецкого султана Мехмеда II, завоевателя Константинополя (1453); была сербского происхождения. *Гелеспонт* — древнегреческое название пролива Дарданеллы. *Тюрбе* — надгробие, усыпальница у мусульман.

В. Я. Брюсов

«Служителю муз». *Сирануз* — родина Архимеда (в Сицилии). Архимед был убит римлянами при взятии Сиракуз. *Урания* — муза астрономии.

«Грядущие гуны». Тюркское племя гунов в IV в. огнем и мечом прошло через степи Черноморья в Европу; синоним варваров, уничтожавших ценности культуры. В годы первой русской революции, когда было написано это стихотворение, Брюсову были свойственны чувства жертвенности, отразившиеся и в других его произведениях.

«Век за веком». *Микула* — Микула Селянинович, богатырь-пахарь в русских былинах.

«Хвала Человеку». *На стальных левиафанах* — на кораблях; *левиафан* — огромное морское чудовище (в Библии).

«Парки в Москве». *Парки* — богини судьбы у древних римлян. Их было три («силуэты трех старух»): Клото — богиня рождения, ее изображали с прялкой и куделью, Лахезис — с веретеном, Атропос — с ножницами. Эти богини, считавшиеся сестрами, пряли и пресекали нить жизни. *Иван Калига* — великий князь Московский (1328—1340), один из первых объединителей Русской земли под властью Московского княжества. «Калита» — прозвище, означающее денежную сумку, мешок.

И. Ф. Анненский

«Дочь Иaira». *Дочь Иaira* — по евангельскому преданию, девушка, воскрешенная Христом.

«Старые эстонки». *Сыновей ваших... я ж не казнил их...* В 1905—1906 гг. царское правительство чинило в Эстонии расправы с революционными рабочими и крестьянами. В частности, 16 октября 1905 г. была расстреляна демонстрация в Таллине (тогда Ревель), о которой, возможно, и говорит поэт в этом стихотворении.

В. И. Иванов

«Собор святого Марка». Здесь описан знаменитый собор св. Марка, стоящий на главной площади Венеции — столицы богатейшей в свое время морской державы. *Фригийскою скуфьей*, то есть красной шапкой, которую носили венецианские правители — дожи. Она напоминала по форме фригийский колпак, с узким, загнутым вперед верхом. *Где с книгой лев крылатый*

каменет — изваяние крылатого льва (символ покровителя Венеции св. Марка), с раскрытой книгой в лапе, водруженное на высоком столпе; находится на той же площади.

«*Дельфины*». *Тритон* — в греческой мифологии — морской бог, получеловек, полурыба. Трубя в раковину, он возбуждал или умирал волны. *Перей* — бог спокойного моря. Морские нимфы девы-нерейды — его дочери.

«*Зых*». *Зых* — пригород Баку. *Хвалынские струи* — каспийские струи (по старинному названию Каспия — Хвалынское море).

М. А. Кузмин

«Где слог найду, чтоб описать прогулку...». *Шабли* — сорт белого виноградного вина. *Мариво* — изысканно манерный французский писатель XVIII века.

«*Бисерные кошельки*». *Геридон* — экран у камина, загораживающий пламя.

«Если б я был древним полководцем...». *Менкаура* (Микерин) — один из фараонов Древнего Египта, построивший себе огромную пирамиду в Гизе. *Ангиной* — необычайно красивый юноша, любимец римского императора Адриана (II в. н. э.). После смерти был обожествлен.

М. А. Волошин

«*Гроза*». *Весть Стрибожью*; *Стрибог* — бог ветра у древних славян. Упоминается в «Слове о полку Игореве».

«*Сердце мира, солнце Алкиана*...». *Алкиан* — звезда. *Рыбак из малой Галилеи* — Иисус Христос, согласно легенде родившийся в Галилее, на севере Палестины.

«*Быть черною землей. Раскрыть покорно грудь*...». *И видеть над собой алмазных рун чертеж*; *руны*, рунические письма — древнейшие письма, сохранившиеся на камнях и металлических предметах, преимущественно у скандинавских народов.

«*Коктебель*». *О, Киммерии темная страна* — Киммерией, по имени киммерийцев, древнего населения этих мест, Волошин называл восточный Крым от Керчи до Судака. *Карадаг* — гора вулканического происхождения в Коктебеле, близ Феодосии.

О. Э. Мандельштам

«Я не слыхал рассказов *Оссиана*...». *Оссиан* — легендарный певец-бард, герой древних ирландских и шотландских поэм и сказаний; предание относит его жизнь к III веку н. э. *Скальд* — певец, слагатель стихов и песен у древних скандинавов.

«*Чуть мерцает призрачная сцена*...». *Хоры слабые теней* — хоры теней в опере Глюка «*Орфей*». *Мельпомена* — муза трагедии, покровительница театра. *Эвридика* — в греческой мифологии жена поэта и певца Орфея. Когда она скончалась, Орфей отправился в подземное царство, чтобы заворожить своим пением царя преисподней Аида и вывести Эвридику на землю, но, уже уводя жену за собой, обернулся назад и взглянул на нее, чем нарушил поставленное ему условие и потерял Эвридику навсегда. *Прити* — крайний предел, полуденное стояние солнца. «*Ты вернешься на зеленые луга*» — ария Орфея в опере Глюка.

«*Золотистого меда струя из бутылки текла*...». *Не Елена, другая* — Елена — легендарная царица Спарты, из-за которой будто бы возникла Троянская война, описанная в «Илиаде» Гомера. *Другая* — Пенелопа, жена Одиссея, хранившая ему верность во время его двадцатилетних странствий. Женихам, упорно сватавшимся к ней, обещала выйти замуж, когда закончит ткать холст, но каждую ночь распускала вытканное ею за день

А. А. Блок

«**Равенна**». *Равенна* — захолустный городок в Италии, в прошлом пышная столица Западной Римской империи. В 493 г. н. э. была завоевана королем остготов Теодорихом Великим, который в Равенне похоронен. Здесь же находится могила Данте, произведение которого «Новая жизнь» упоминает Блок в конце стихотворения. *Мозаика* — изображение, выполненное из цветных камней, смальты, керамических плиток и применяемое для украшения зданий. *Базилика* — в данном случае христианский храм. *Галла*, она же *Плакида*, — западноримская императрица V в. н. э., похороненная в Равенне.

«**В ресторане**». *Золотого, как небо, ай; ай* — старинный сорт шампанского, назван по месту произрастания виноградников во Франции.

«**Скифы**». *Провал и Лиссабона, и Мессины*. Столица Португалии Лиссабон дважды, в XIV и XVIII вв., разрушалась землетрясением; в 1908 г. землетрясение разрушило итальянский город Мессину (в Сицилии). *Пестум* — древнегреческая колония в Италии, разгромленная в IX в. сарацинами. *Эдип* — по древнегреческому сказанию, сын фиванского царя, разгадавший загадку Сфинкса — чудовища с головой женщины и туловищем льва. Сфинкс поселился около Фив и требовал от города жертв, пока не была разгадана предложенная, им загадка: кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех. Лишь Эдип ответил на это: человек — и тем изгнал Сфинкса, освободив от него город. *Галльский* — французский.

В. В. Хлебников

«**Не шалить!**» В этом стихотворении, публиковавшемся 5 марта 1922 г. в газете «Известия», отразилась свойственная в те дни многим поэтам тревога Хлебникова по поводу оживления буржуазно-мещанских элементов в Советской России на первых порах после введения новой экономической политики.

В. В. Маяковский

«**Флейта-позвоночник**». *Какому небесному Гофману; Гофман* (1776—1822) — немецкий писатель, известный своими романтико-фантастическими произведениями. *Бахус* (Вакх) — бог вина. *Гётевская Гретхен* — Маргарита из «Фауста» Гете. *Травиата* — героиня оперы Верди «Травиата». *Стрелка* — место загородных прогулок в Петрограде. *Сокольники* — то же в Москве. *Короной кончу? Святой Елсной?* На острове св. Елсны в Атлантическом океане умер сосланный туда Наполеон. *Как слоны стопудовыми играми завершили победу Пиррову*. В одной из битв эпирского царя Пирра с римлянами Пирр применил слонов; их появление решило исход сражения. *Будто вымечтал какой-то новый Бялик ослепительную царицу Сиона евреева; Бялик* (1873—1934) — еврейский поэт. *Сион* — столица древней Иудеи. *Король Альберт, все города отдавший* — король Бельгии во время первой мировой войны; в 1914 г. бельгийская армия была быстро разгромлена германской.

С. А. Есенин

«**Гой ты, Русь моя родная...**». *Корогод* — хоровод.

Н. Н. Асеев

«**Синие гусары**». В стихотворении говорится о декабристах. *Фонтанка* — набережная реки Фонтанки в Петербурге. *Ты не тронь палаша; палаш* — холодное оружие с длинным, прямым, обоюдоострым клинком, вкладываемым в ножны. *Строфы «Цыган»* — поэма А. С. Пушкина «Цыганы».

Н. С. Тихонов

«**Я — одерживаемый дикарь, я гол...**». *Седой чудак Стивенсон* — имеется

в виду известный английский писатель Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894), автор «Острова сокровищ».

М. А. Зенкевич

«Вы хищная и нежная...». *Муругий* — рыже-бурый или буро-черный. *Лазанки* — лапы, отрезаемые у зайцев на псовой охоте. *Выжлятники* — охотники, ведающие гончими собаками.

«Сев озимых». *Шиман* — холм, бугор. *Лéха* — часть засеваемого загона земли (в говоре Саратовской губернии).

М. А. Светлов

«Рабфаковке». *Это скачет Жанна д'Арк к осажденному Орлеану; Жанна д'Арк* — Орлеанская дева, национальная героиня Франции, воевавшая в XV в. с английскими захватчиками; освободила осажденный город Орлеан. По приказу англичан католическая церковь приговорила Жанну д'Арк к сожжению на костре. Сожжена 30 мая 1431 г. *Трианон* — королевский дворец во Франции, в парке Версаля. *Мария-Антуанетта* — французская королева, казненная во время Великой французской революции.

Э. Г. Багрицкий

«Последняя ночь». *Эрцгерцог вернулся к себе домой*. Здесь говорится об убийстве австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. Его застрелил 28 июня 1914 г. в городе Сараеве сербский студент Гаврило Принцип. Австрия по соглашению с Германией использовала это убийство для объявления войны Сербии. Война с Сербией в течение нескольких дней переросла в первую мировую войну. *Биндюжник* — ломовой извозчик. *Биндюга* — его телега.

В. А. Луговской

«Песня о ветре». *По следам Улагая; Улагай* — один из белогвардейских атаманов в Сибири в годы гражданской войны.

П. Г. Антокольский

«Бульвар Сен-Мишель». *Латинский квартал* — старинный квартал Парижа, с университетом, ядро которого составляет Сорбонна. *Вийон* — Франсуа Вийон — крупнейший французский поэт средневековья (XV в.). Выходец из народных низов. Был магистром словесности. Убил священника, подозревался в ограблении церкви. Неоднократно сидел в тюрьме и присуждался к смертной казни, замененной изгнанием.

«Нико Пиросманишвили». *Нико Пиросманишвили* — замечательный грузинский художник-самоучка (1862—1918).

«Рабы Микеланджело». Здесь говорится о четырех изваяниях великого итальянского скульптора Микеланджело, изображающих рабов. В этих статуях Микеланджело оставил неснятой большую массу мрамора, не выявив до конца фигуры. Статуи находятся во Флоренции.

В. А. Рождественский

«Коктебель». См. примечания к стихотворениям М. А. Волошина.

«Сын Метислава, княжич Мономах...». *Колокол Софии* — имеется в виду собор св. Софии в Новгороде Великом.

Д. Б. Кедрин

«Красота». *Эти гордые лбы винчианских мадонн* — речь идет о мадонах, писанных великим итальянским художником Леонардо да Винчи.

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריה
פס. פלאי.....

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Михаил Ломоносов	7
Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года. 1747. Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного, сияния. 1748. «Я знак бессмертия себе воздвигнул...». 1747.	
Александр Сумароков	16
«Прости, моя любезная, мой свет, прости...». 1770. «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой...». 1770. «Тщетно я скрываю сердца муки люты...». 1759.	
Гавриил Державин	19
На смерть князя Мещерского. 1779. Властителям и судиям. 1780. Осень во время осады Очакова (Отрывок). 1788. Приглашение к обеду. 1795. Арфа. 1798. Русские девушки. 1799. Снегирь. 1800.	
Денис Фонвизин	29
Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке. 1763—1766.	
Николай Карамзин	33
Выздоровление. 1789. Осень. 1789. Веселый час. 1791.	
Иван Крылов	37
Квартет. 1811. Лебедь, Щука и Рак. 1814. Любопытный. 1814. Демьянова уха. 1813. Зеркало и Обезьяна. 1815. Свинья под Дубом. 1821—1823. Две собаки. 1821—1823. Рыбья пляска. 1821—1823. Щука. 1830.	
Алексей Мерзляков	45
«Среди долины ровныя...». 1810. Велizarий. 1814.	
Василий Жуковский	49
К месяцу. 1817. Песня. 1818. Лесной царь. 1818. Дружба. 1805. Воспоминание. 1821. Вечер (Отрывок). 1806. Светлана (Отрывок). 1808—1812. Море. 1822. Желание. 1811. Торжество победителей. 1828.	
Константин Батюшков	62
Мой гений, 1815. Совет друзьям (Отрывок). 1806. К Дашкову. 1813. К Никите (Отрывок). 1817. Песнь Гаральда Смелого. 1816. «Есть наслаждение и в дикости лесов...». 1819.	

- Александр Пушкин** 68
 К Чаадаеву. 1818. «Погасло дневное светило...». 1820. «Редет облаков летучая гряда...». 1820. Нереида. 1820. Ночь. 1823. 19 октября. 1825. Вакхическая песня. 1825. К*** («Я помню чудное мгновенье...»). 1825. Зимний вечер. 1825. Пророк. 1826. «Во глубине сибирских руд...». 1827. Поэт. 1827. «В степи мирской, печальной и безбрежной...». 1827. Анчар. 1828. Зимнее утро. 1829. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». 1829. Обвал. 1829. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». 1829. Элегия. 1830. «Для берегов отчизны дальней...». 1830. Бесы. 1830. Труд. 1830. Осень. 1833. Полководец. 1835. «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...». 1834. «...Вновь я посетил...». 1835. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». 1836.
- Кондратий Рылеев** 95
 Стансы. 1824. Гражданин. 1824—1825. Смерть Ермака. 1821. Из поэмы «Войнаровский». 1825. Из поэмы «Наливайко». 1824—1825.
- Антон Дельвиг** 101
 Первая встреча. 1814. К Диону. 1814. Пушкину. 1815. Вдохновение. 1822. Русская песня. 1823. Элегия. 1821—1822.
- Енльгельм Кюхельбекер** 107
 К Ахатесу. 1821. 19 октября. 1837. Участь русских поэтов. 1845.
- Денис Давыдов** 111
 Песня («Я люблю кровавый бой...»). 1815. Гусарский пир. 1804. Песня старого гусара («Где друзья минувших лет...»). 1817. Ответ. 1826. Полусолдат. 1826. Вальс. 1834. Романс. 1834.
- Федор Глинка** 118
 Тройка. 1825. Москва. 1841.
- Петр Вяземский** 121
 Дорожная дума. 1830. Метель. 1828. Разговор 7 апреля 1832 г. 1832. Еще тройка. 1834. На память. 1837. Масленица на чужой стороне. 1853. Царскосельский сад зимой. 1861. Русский бог. 1828. «Жизнь наша в старости — изношенный халат...». 1875—1877.
- Евгений Баратынский** 133
 Водопад. 1821. «Чудный град порой сольется...». 1829. Дельвигу. 1821. Разуверенне. 1821. Поцелуй. 1822. Стансы. 1827. Смерть. 1828. Муза 1829. «Болящий дух врачует песнопенье...». 1834. На смерть Гете. 1832. «Были бури, непогоды...». 1839. «Сначала мысль, воплощена...». 1837. «Спасибо злобе хлопотливой...». 1842. На посев леса. 1842. «Когда, дитя и страсти и сомненья...». 1844. «Небо Италии, небо Торквата...». 1843. Пироскаф. 1844.
- Дмитрий Веневитинов** 145
 Послание к Рожалину. 1825. Элегия. 1826. Поэт. 1826. «Люби питомца вдохновенья...». 1827.
- Иван Козлов** 149
 Венецианская ночь. 1825. На погребение английского генерала сира Джона Мура. 1825. Вечерний звон. 1827. К тебе Дездемоны. 1829.

- Александр Одоевский** 155
Сон поэта. 1826—1827. Ответ А. С. Пушкину. 1828—1829. «Ты знаешь их, кого я так любил...». 1836. «Куда несетесь вы, крылатые станицы...». 1837. Славянские девы. 1830.
- Александр Полежаев** 159
Песнь погибавшего пловца. 1832. Негодование. 1834. Цыганка. 1833. Романс. 1832.
- Николай Языков** 164
Песня («Мы любим шумные пиры...»). 1823. Родина. 1825. «Не вы ль убранство наших дней...». 1826. Молитва. 1825. Песня («Когда умру, смиренно совершите...»). 1829. П. А. Осиповой. 1827. К няне А. С. Пушкина. 1827. Из послания Д. В. Давыдову. 1835. Пловец. 1829. Весенняя ночь. 1831.
- Алексей Кольцов** 173
Кольцо. 1830. Сельская пирушка. 1830. Песня пахаря. 1831. Косарь. 1836. Раздумье селянина. 1837. Горькая доля. 1837. Первая песня Лихача Кудрявича. 1837. Разлука. 1840.
- Михаил Лермонтов** 180
Парус. 1832. Русалка. 1832; 1836. Смерть Поэта. 1837. Ветка Палестины. 1837. «Спеша на север издалека...». 1837. Кинжал. 1838. Дума. 1838. Три пальмы. 1839. Дары Терека. 1839. Казачья колыбельная песня. 1840. Воздушный корабль. 1840. «Есть речи — значенье...». 1840. Из Гете («Горные вершины...»). 1840. Родина. 1841. «На севере диком стоит одиноко...». 1841. Утес. 1841. Спор. 1841. Завещание. 1840. Сон. 1841. Листок. 1841. «Нет, не тебя так пылко я люблю...». 1841. «Выхожу один я на дорогу...». 1841. Пророк. 1841.
- Каролина Павлова** 206
10 ноября 1840. 1840. «Снова над бездной, опять на просторе...». 1857. «Ты, уцелевший в сердце нищем...». 1854.
- Аполлон Григорьев** 209
Комета. 1843. «Над тобою мне тайная сила дана...». 1843. «Я ее не люблю, не люблю...». 1853; 1857. «...К чему они, к чему свиданья эти?...». 1857. Цыганская венгерка (*Отрывок*). 1857. «О, говори хоть ты со мной...». 1857. «Когда колокола торжественно звучат...». 1846.
- Николай Огарев** 215
Деревенский сторож. 1840. *Ségénade* (*Из Людвиг Рельштаба*). 1840. Дедушка. 1859. Дорога. 1841. Упование. Год 1848. 1848. Арестант. 1850. Свобода. 1858. «Сторона моя родимая...». 1858.
- Федор Тютчев** 222
Весенняя гроза. *Конец 20-х годов*. «Как океан объемлет шар земной...». 20-е—30-е годы. Видение. *Конец 20-х годов*. Полдень. *Конец 20-х годов*. Циперон. 1830. Весенние воды. 1830? *Silentium!* 1830. «Песок сыпучий по колени...». 1830. Осенний вечер. 1830. Конь морской. 1830. «Душа моя — Элизий тений...». *Середина 30-х годов*. «Что ты клонишь над водами...». *Середина 30-х годов*. «О чем ты воешь, ветр ночной?...». *Середина 30-х годов*. Фонтан. *Середина 30-х годов*. «Люблю глаза твои, мой друг...». *Сере-*

- дина 30-х годов. День и ночь. 30-е годы. «Еще томлюсь тоской желаний...». 1848. «Тихой ночью, поздним летом...». 1849. «О, как убийственно мы любим...». 1851. «Смотри, как на речном просторе...». 1851. «Не остывшая от зноя...». 1851. «В разлуке есть высокое значенье...». 1851. «Как весел грохот летних бурь...». 1851. Предопределение. Начало 50-х годов. «Не говори: меня он, как и прежде, любит...». Начало 50-х годов. Последняя любовь. 1853? «Увы, что нашего незнанья...». 1854. «Эти бедные селенья...». 1855. «Слезы людские, о слезы людские...». 1849. «Есть в осени первоначальной...». 1857. «Весь день она лежала в забыты...». 1864. «Певучесть есть в морских волнах...». 1865. «Как хорошо ты, о море ночное...». 1865. «Как неожиданно и ярко...». 1865. «Ночное небо так угрюмо...». 1865. «Когда дряхлеющие силы...». 1860. «Умом Россию не понять...». 1860. «В небе тают облака...». 1868. «От жизни той, что бушевала здесь...». 1871.
- Иван Тургенев** 240
 Баллада. 1841. В дороге. 1843. Первый снег. 1846.
- Николай Некрасов** 243
 Тройка. 1846. «Ты всегда хороша несравненно...». 1847. «Я не люблю иронии твоей...». 1850. «Еду ли ночью по улице темной...». 1847. В больнице. 1855. Зеленый Шум. 1862. Несжатая полоса. 1854. «В полном разгаре страда деревенская...». 1862. Орина, мать солдатская. 1863. Крестьянские дети. 1861. Мороз, Красный нос (Отрывок). 1863. «О муза, я у двери гроба...». 1877.
- Иван Никитин** 268
 Зимняя ночь в деревне. 1853. Утро. 1854. «По всей степи — ковыль, по краям — все туман...». (Из поэмы «Городской голова»). 1859. «Ярко звезд мерцанье...». 1858. «В синем небе плывут над полями...». 1858. Гнездо ласточки. 1856. Рассказ крестьянки. 1854. Пахарь. 1856. «Вырыта заступом яма глубокая...». 1860. «Падет презренное тиранство...». 1857—1861.
- Михаил Михайлов** 278
 «Смело, друзья! Не теряйте...». 1861. «Вышел срок тюремный...». 1862. «Снова дней весенних...». 1862. «Вечером душным, под черными тучами нас похоронят...». 1864—1865. Гренадеры (Из Гейне). 1858.
- Лев Мей** 282
 «О господи, пошли долготерпенье!..». 1855. Плясунья. 1859. Хозяин. 1849. Русалка. 1850; 1856. Вихорь. 1856.
- Василий Курочкин** 290
 Человек с душой. 1860. Знаки препинания. 1859. В разлуке. 1856. Старый капрал (Из Беранже). 1855. Знатный приятель (Из Беранже). 1856.
- Дмитрий Мипаев** 297
 Юмористам. 1862—1863. Две смерти. 1831.
- Алексей Плещеев** 304
 «Вперед! Без страха и сомненья...». 1846. «Скучная картина!..». 1860. «Отдохну-ка, сяду у лесной опушки!..». 1861. На берегу. 1874.

- Аполлон Майков** 308
 Октава. 1841. «Я в гроте ждал тебя в урочный час...». 1841.
 «Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!...». 1844.
 «Я б тебя поцеловала...». 1858—1862. Тарантелла. 1859. «Она еще
 едва умеет лепетать...». 1857. Летний дождь. 1856. «Весна! выстав-
 ляется первая рама...». 1854. Сенокос. 1856. Гроза. 1837. «Поле
 выблется цветами...». 1857. Нива. 1856. Кто он? 1841—1858.
- Алексей Толстой** 318
 «Колокольчик мой...» (Отрывок). 40-е годы. «Край ты мой, ро-
 димый край...». 1856. «Средь шумного бала, случайно...». 1851.
 «Не ветер, вея с высоты...». 1851—1852. «Не верь мне, друг, когда
 в избытке горя...». 1856. «Ты клонишь лик, о нем упоми-
 ная...». 1858. «Слеза дрожит в твоем ревнивном взоре...». 1858.
 «Острою секирой ранена береза...». 1856. «Солнце жжет; перед
 грозой...». 1856—1858. «Звонче жаворонка пенье...». 1858. «То бы-
 ло ранену весной...». 1871. «Ой, честь ли то молодцу лен пря-
 сти?...». 1857. «Кабы знала я, кабы ведала...». 1858. Колодники.
 50-е годы. «Как селянин, когда грозит...». 1858. «У приказных
 ворот собирался народ...». 1857. Илья Муромец. 1871.
- Афанасий Фет** 330
 Ласточки. 1884. «Учись у них — у дуба, у березы...». 1883. «Какая
 грусть! Конец аллеи...». 1862. Степь вечером. 1854. «Ель рукавом
 мне тропинку завесила...». 1891. «Как здесь свежо под липою гу-
 стою...». 1854. «Я пришел к тебе с приветом...». 1843. Буря. 1854.
 Вечер. 1855. «Шепот, робкое дыханье...». 1850. «На стоге сена
 ночью южной...». 1857. «Зреет рожь над жаркой нивой...». 1858—
 1859. «Ласточки пропали...». 1854. «Облаком волнистым...». 1843.
 «Чудная картина...». 1842. «Есть ночи зимней блеск и сила...». 1855.
 «Еще весны душистой нега...». 1854. Весна на дворе. 1855.
 Весенние мысли. 1848. «Всю ночь гремел овраг соседний...». 1872.
 «Это утро, радость эта...». 1881. У камна. 1856. «Одним толчком
 согнать ладью живую...». 1887. «Как беден паш язык! — Хочу и
 не могу...». 1887. «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...». 1842.
 Змей. 1847.
- Яков Полонский** 343
 Дорога. 1842. «Пришли и стали тени ночи...». 1842. Затвори-
 ца. 1846. Качка в бурю. 1850. Старый сазандар. 1853. Не жди. 1849.
 Песня цыганки. 1853. Колокольчик. 1854. На закате. 1877.
- Иван Суриков** 353
 «Сиротой я росла...». 1870. Горе. 1872. Летом. 1874. Рябина. 1864.
- Алексей Жемчужников** 359
 Нищая. 1857. Осенние журавли. 1871. Придорожная береза. 1895.
 Старость. 1896.
- Алексей Апухтин** 362
 «Ни отзыва, ни слова, ни привета...». 1867. «Сухие, редкие, неча-
 янные встречи...». 1869; 1874. «Ночи безумные, ночи бессон-
 ные...». 1876. «Из отроческих лет он выходил едва...». 1882. «Мне
 не жаль, что тобою я не был любим...». 70-е годы. Пара гне-
 дых (Из Донаурова). 70-е годы. Памяти Ф. И. Тютчева. 1873—
 1875.

- Константин Случевский** 367
 «Полдневный час. Жара гнетет дыханье...». 1884. Рассвет в деревне. 1860. Из «Мурманских отголосков». 80-е годы. Шарманщик. 1881. «Воспоминанья вы убить хотите?!». 1898.
- Константин Фофанов** 371
 «Весенней полночью бреду домой усталый...». 1882. После грозы. 1892. «Как стучит уныло маятник...». 1893. «Потуши свечу, занавесь окно...». 1881. «Пел соловей, цветы благоухали...». 1897. «Догорает мой светильник...». 1908.
- Леонид Трефолев** 375
 Дубинушка. 1865. Дочь охотника. Не позднее 1894.
- Петр Якубович** 379
 Песня бурильщиков. 1892. Ледоход. 1903. Красный снег. 1905.
- Спиридон Дрожжин** 382
 «Быстро тучи проносились...». 1880. Первая борозда. 1884. «Труд да горе, капли пота...». 1875.
- Иван Бунин** 386
 Октябрьский рассвет. 1887. «Не видно птиц. Покорно чахнет...». 1889. «Седое небо надо мной...». 1889. Иней. 1907. «Густой зеленый ельник у дороги...». 1905. Холодная весна. 1913. «Перед закатом набежало...». 1902. Степь. 1912. «В гелиотроповом свете молний летучих...». 1922. Молодость. 1916. Последний шмель. 1916. Вечер. 1909. Собака. 1909. Горе. 1903—1906. Мушкет. 1913. Сиваш. 1902. «Обрыв Яйлы. Как руки фурий...». 1903. Песня. 1906. Гробница Сафии. 1905. В горах. 1916. «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...». 1918. Свет незакатный. 1917.
- Константин Бальмонт** 397
 Осень. 1905. Безглагольность. 1903. Меж подводных стеблей. 1903. Воспоминание о вечере в Амстердаме. 1900. Зарождающаяся жизнь. 1894. Белый пожар. 1900. Скиф. 1914. Дюнные сосны. 1926.
- Федор Сологуб** 403
 Судьба. 1889. «Где ты делась, несказанная...». 1887. «На серой куче сора...». 1895. Чертовы качели. 1907. «В поле не видно ни зги...». 1897. «Только забелели поутру окошки...». 1913. Ириана. 1892. Расточитель. 1917.
- Валерий Брюсов** 410
 Ассаргадон. 1897. В дни запустений. 1899. Служителю муз. 1907. Каменщик. 1901. Сумерки. 1906. Облака. 1902. Ковь блед. 1903—1904. Грядущие гунны. 1905. Городу. 1907. По меже. 1910. У земли. 1902. Век за веком. 1907. Хвала Человеку. 1906. Парки в Москве. 1920.
- Андрей Белый** 423
 Заброшенный дом. 1903. На горах. 1903. В полях. 1904. На улице. 1904. На рельсах. 1908. Изгнанник. 1904. Предчувствие. 1908. Родине. 1917.
- Иннокентий Анненский** 431
 Бабочка газа. Свечку внесли. 1906. Смычок и струны. «Когда б не смерть, а забытье...». Среди миров. 1901. Снег. Дочь Ианра. Старые эстонки.

- Вячеслав Иванов** 437
 Любовь. 1901. Собор святого Марка. 1911. «Обнищало листья златое...». 1911. Троицын день. 1911. Из «Зимних сонетов». 1919. Дельфины. 1913. Зых. 1922. Каменный дуб. 1925. Сонет из Петrarки. 1915.
- Михаил Кузмин** 442
 «Где слог найду, чтоб описать прогулку...». 1906. Бисерные кошельки. 1912. «Все тот же сон, живой и давний...». 1915. Дом. 1916. «Ах, не плыть по голубому морю...». 1911. Из «Александрийских песен» — «Если б я был древним полководцем...», «Что за дождь...», «Сладко умереть...». 1905—1908.
- Максимлиан Волошин** 449
 Из цикла «Киммерийские сумерки» — I. «Старинным золотом и желчью...». II. «Здесь был священный лес. Божественный гонец...». Гроза. 1907. «Зеленый вал отпрянул и пугливо...». 1907. «Сердце мира, солнце Алкиана...». 1907. «Быть червою землей. Раскрыв покорно грудь...». 1906. «Ступни горят в пыли дорог...». 1910. «Звенит в горах, весну встречая...». 1910. «Я, полуднем объятый...». 1910. Коктебель. 1918.
- Сергей Городецкий** 455
 Журавль (из цикла «Колдунок»). 1906. Весна (Монастырская). 1906. Странник. 1906. Береза. 1906. Ярила (Отрывок). 1906. Нищая. 1909.
- Марина Цветаева** 460
 «Идешь, на меня похожий...». 1913. «Красною кистью...». 1916. «За девками доглядывать, не скис...». 1916. «Белое солнце и низкие, низкие тучи...». 1916. «Вчера еще в глаза глядел...». 1920. «Вот опять окно...». 1916. «Откуда такая нежность?..». 1916. «Милые спутники, делившие с нами ночлег...». 1917. Глаза. 1918. «Русской ржи от меня поклон...». 1925. «Вскрыла жилы: неостановимо...». 1934. Из цикла «Стихи к дочери». 1919.
- Николай Клюев** 468
 «Я надену черную рубаху...». 1908. «Темным зовам не верит душа...». 1912. «Я люблю цыганские кочевья...». 1914. «От кудрявых стружек тянет смолью...». 1915—1916. «Пашни буры, межи зеленые...». 1914. «Талы избы, дорога...». 1914—1915. «Уже хоронится от слезки...». 1915. «Зима изгрызла бок у стога...». 1916. «Вернуться с оленьего извоза...». 1928.
- Осип Мандельштам** 475
 Казино. 1912. Петербургские строфы. 1913. Домби и сын. 1914. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...». 1915. «Я не слышал рассказов Оссиана...». 1914. «Чуть мерцает прозрачная сцена...». 1920. «Золотистого меда струя из бутылки стекла...». 1917. «Умывался ночью на дворе...». 1921.
- Анна Ахматова** 481
 Вечером. 1913. «Вечерние часы перед столом...». 1913. «Проводила друга до передней...». 1913. «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...». 1913. «Перед весной бывают дни такие...». 1915. «Я слышу иволги всегда печальный голос...». 1917. «Кое-как удалось разлучиться...». 1921. «Зачем притворяешься ты...». 1915. «Пусть голоса

- органа снова грянут...». 1921. «Я научилась просто, мудро жить...». 1912. «Долгим взглядом твоим истомленная...». 1921. «Просыпаться на рассвете...». 1917. «Покинув рощи родины священной...». 1914—1916. «Мне голос был. Он звал утешно...». 1917. «Хорошо здесь: и шелест и хруст...». 1922. Муза. 1940. «Мне ни к чему одические рати...». 1940. Мартовская элегия. 1960.
- Александр Блок** 490
 Незнакомка. 1906. «О, весна без конца и без краю...». 1907. Фабрика. 1903. Россия. 1908. На поле Куликовом (*Отрывок*). 1908. «Май жестокий с белыми ночами...». 1908. «О доблестях, о подвигах, о славе...». 1908. Равенна. 1909. Осенний день. 1909. «Синеокая, бог тебя создал такой...». 1909. На железной дороге. 1910. «Черный ворон в сумраке снежном...». 1910. В ресторане. 1910. «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...». 1912. Голоса скрипок. 1910. Художник. 1913. «Земное сердце стынет вновь...». 1911—1914. «Рожденные в года глухие...». 1914. Скифы. 1918.
- Максим Горький** 508
 Песня о Буревестнике. 1901. Легенда о Марко. 1895—1903.
- Демьян Бедный** 511
 Работнице. 1918. Печаль. 1920. Снежинки. 1925.
- Велимир Хлебников** 515
 «Ручей с холодною водою...». 1921. «Свобода приходит ная...». 1917. Не шалить! 1922. Иранская песня. 1921.
- Владимир Маяковский** 520
 А вы могли бы? 1913. Скрипка и немножко нервно. 1914. Хорошее отношение к лошадям. 1918. Флейта-позвоночник. 1915. Наш марш. 1917. Левый марш. 1918. Из поэмы «Хорошо!». 1927. Во весь голос. 1930.
- Сергей Есенин** 548
 «Гой ты, Русь моя родная...». 1914. «Не бродить, не мять в кустах багряных...». 1915. «О край дождей и непогоды...». 1917. «Запели тесаные дроги...». 1916. «Разбуди меня завтра рано...». 1917. «Я по первому снегу бреду...». 1917. «Я покинул родимый дом...». 1918. «Не жалею, не зову, не плачу...». 1921. Письмо матери. 1924. «Я обманывать себя не стану...». 1922. «Мы теперь уходим понемногу...». 1924. «Отговорила роща золотая...». 1924. «Никогда я не был на Босфоре...». 1925. «Несказанное, синее, нежное...». 1925. «Неуютная жидкая лунность...». 1925. «Спит ковыль. Равнина дорогая...». 1925. «Я иду долиною. На затылке кепи...». 1925. «Снежная замять дробится и колется...». 1925. «Эх вы, сани! А кони, кони!...». 1925. «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...». 1925. Русь советская. 1924.
- Борис Пастернак** 567
 «Февраль. Достать чернил и плакать!...». 1912. «Как бронзовой золой жаровень...». 1913. Сон. 1913. Пыры. 1913. На пароходе. 1915. Светает. 1917. Петухи. 1923. Сосны. 1941. Иней. 1941. Опять весна. 1941. Зима приближается. 1943. Март. 1946. Зимняя ночь. 1946. «Во всем мне хочется дойти...». 1956. «О, знал бы я, что так бывает...». 1931.

- Николай Асеев** 580
 Марш Буденного. 1925. Синие гусары. 1927. Поезда. 1942. Дед. 1930.
 «Не за силу, не за качество...». 1925. «Нет, ты мне совсем не до-
 рогая...» (Из поэмы «Лирическое отступление»). 1925. «Рука тя-
 желая, прохладная...». 1933. Ива. 1950.
- Николай Тихонов** 589
 «Праздничный, веселый, бесноватый...». 1920. «Огонь, веревка,
 пуля и топор...». 1921. «Мы разучились вищим подавать...». 1921.
 «Когда уйду, — совсем согнется мать...». 1920. Пушка. 1920. «По-
 любила меня не любовью...». 1920. «Еще в небе предутреннем и
 горбатым...». 1922. Перекоп. 1922. Баллада о синем пакете. 1922.
 Баллада о гвоздях. 1919—1922. «Я — одержимый дикарь,
 я гол...». 1922. Финский праздник. 1932. Переулоч котарыболо-
 ва. 1935. «Женщина в дверях стояла...». 1939. Цинандали. 1935.
- Михаил Зенкевич** 603
 «Подсолнух поздний догорал в полях...». 1916. «Вы хищная и
 нежная. И мне...». 1916. Зимовье ворона. 1918. В дрожках. 1913.
 Сев озимых. 1926.
- Василий Казин** 608
 Рабочий май. 1919. Рубанок. 1920. Ожидание. 1923. Гармо-
 нист. 1922. Сон. 1922. На могиле матерп. 1954.
- Александр Жаров** 613
 Взойтесь кострами. 1922. Во ржи. 1925. Теплый ветер. 1928.
 Спросонья. 1922.
- Михаил Светлов** 618
 «Я в жизни ни разу не был в таверне...». 1926. Рабфаковке. 1925.
 Гренада. 1926. Украина. 1936. Перед боем. 1927. Возвращение.
 1946.
- Эдуард Багрицкий** 626
 Птицелов. 1918; 1926. Арбуз. 1924. Контрабандисты. 1926—1927.
 «От черного хлеба и верной жены...». 1926. Последняя ночь. 1932.
- Самуил Маршак** 640
 «Все то, чего коснется человек...». 1945. Словарь. 1945. «Когда
 изведат трудности учебья...». 1945. «И поступь и голос у времени
 тише...». 1945. «Цените слух, цените зренья...». 1958. Ночлег
 в пути (Из Роберта Бернса). 1946. Пробираясь до калитки
 (Из Роберта Бернса). 1941.
- Илья Сельвинский** 646
 Великий океан. 1932. Охота на тигра. 1932. Белый песец. 1932.
 Умка — Белый Медведь (Пролог к трагедии). 1933. Песня ка-
 зачки. 1943. Тамань. 1943. России. 1942.
- Вера Инбер** 661
 Пять ночей и дней. 1924. Сыну, которого нет. 1927. Москва в Нор-
 вегии. 1934. Воспоминание об Узбекистане. 1934.
- Владимир Луговской** 668
 Песня о ветре. 1926. Большевикам пустыни и весны. 1931. Де-
 вушка моет волосы. 1936. «Сивым дождем на мои виски...». 1936.
 Гусь. 1956.

- Павел Антокольский** 680
 Застольная. 1939. Ремесло. 1928. Бульвар Сен-Мишель. 1928. Нико Пирсоманишвили. 1935. Работа. 1937. Из поэмы «Сын» (*Вступление*). 1943. Рабы Микеланджело. 1963. Как это ни печально. 1964.
- Посиф Уткин** 690
 Гитара. 1926. Канцеляристка. 1925. Лыжни. 1935. Гостеприимство. 1925.
- Семен Кирсанов** 694
 Погудка о погодке. 1923. Творчество. 1943. Этот мир. 1962.
- Николай Заболоцкий** 699
 Весна в лесу. 1935. Воздушное путешествие. 1947. Ночь в Пасанаури. 1947. Я не ищу гармонии в природе. 1947. Ночной сад. 1936. Утро. 1946. Сквозь волшебный прибор Левенгука. 1948. Некрасивая девочка. 1955. Гроза идет. 1957. Признание. 1957.
- Александр Прокофьев** 709
 Разговор по душам. 1930. Матрос в Октябре. 1933. Невеста. 1934. Развернись, гармоника... 1928. «Что весной на родине?..». 1935. «Задрожала, нет — затрепетала...». 1933. Закат. 1945. Россия (*Вступление к поэме*). 1943—1944. «Нынче удались цветы повсюду...». 1945. Я поднял дерево. 1961. Чем знаменита Ладога? 1960.
- Всеволод Рождественский** 719
 Коктебель. 1929. «Нет, не напрасно я в звездном лесу...». 1936. Деревья. 1956. Петух. 1961. «Сердце, неуемный бубенец...». 1938. «Сын Мстислава, княжич Мономаха...». 1943.
- Павел Васильев** 725
 «Родительница степь, прими мою...». 1935. Лето (*Отрывок*). 1932. Стихи в честь Натальи. 1934. «В полях немаятый снег дымится...». 1933. «Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе...». 1932.
- Борис Корнилов** 731
 Качка на Каспийском море. 1930. Соловьяха. 1934.
- Николай Ушаков** 736
 Украина глухо волновалась. 1930. Дезертир. 1929. Фруктовая весна предместий. 1926.
- Степан Шипачев** 740
 По дороге в совхоз. 1939. В троллейбусе. 1939. Березка. 1937. Подъезжая к городу. 1948. Примета. 1938. Соседка. 1944. На свадьбе. 1953. «Ой, вьюга, ой, вьюга какая!..». 1958. «Любовью дорожить умеете...». 1939. «Себя не видят синие просторы...». 1945. Седина. 1939. «Пускай умру, пускай летят года...». 1940.
- Алексей Сурков** 746
 О нежности. 1928. Ночной разговор. 1935. «В смертном ознобе под ветром трепещет осина...». 1941. «Видно, выписал писарь мне дальний билет...». 1942. Солдат. 1943. «Бьется в тесной пещурке огонь...». 1941.
- Михаил Исаковский** 753
 Шел со службы пограничник... 1939. В прифронтовом лесу. 1942.

- Враги сожгли родную хату... 1945. Где ж вы, где ж вы, очи карие? 1944. Лучше нету того цвету... 1944. Русской женщине. 1945. Услышь меня, хорошая... 1945. Снова замерло все до рассвета... 1945. Летят перелетные птицы. 1948.
- Дмитрий Кедрин** 762
Зодчие. 1938. Кофейня. 1936. Красота. 1942.
- Ярослав Смеляков** 769
Наш герб. 1948. Кремлевские ели. 1946. Пряжа. 1946. Земля. 1945. Милые красавицы России. 1946. «Там, где звезды светятся в тумане...». 1946. Русский язык. 1966. «Если я заболел...». 1940.
- Константин Симонов** 778
«Жди меня, и я вернусь...». 1941. «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». 1941. «Над черным носом нашей субмарины...». 1941. День рождения. 1947. Через двадцать лет. 1942. Летаргия. 1944. Родина. 1941.
- Александр Твардовский** 787
Про Данилу. 1937. Ленин и печник. 1938—1940. Переправа (Из поэмы «Василий Теркин»). 1941—1945. Я убит подо Ржевом. 1945—1946. Две кузницы (Из поэмы «За далью — даль»). 1953. «Нет, жизнь меня не обделила...» (Из поэмы «За далью — даль»). 1953.
- Ольга Берггольц** 812
Обещание. 1936. Памяти защитников (Отрывок). 1944. «Я иду по местам боев...». 1964.
- Николай Рыленков** 816
«На войне пути судьбы разведав...». 1942. Ладони, пахнущие хлебом. 1965. «Кувшин, в кургане пайденный, и фреска...». 1960. Олень. 1962. Рябиновый свет. 1960. Живая ветвь. 1965.
- Сергей Поделков** 821
Круговорот. 1935. «Однажды степь умерла...». 1963. «Все скрыто, все заточено...». 1964. «Горы оседают...». 1954. Говорит охотник. 1952. Говорит солдат. 1949.
- Сергей Марков** 827
Велимир Хлебников в казарме. 1941. «Если голубая стрело-за...». 1931. Рябинин-город. 1938. «Знаю я — малиновую ранью...». 1940.
- Леонид Мартынов** 833
«Замечали — по городу ходит прохожий?...». 1935—1945. Балерина. 1948. Первый снег. 1946. Нежность. 1924. Вода. 1946. Листья. 1951. «Примерзало яблоко...». 1952. «Что-то новое в мире...». 1948—1954. «В расширяющейся вселенной...». 1972. Эхо. 1956.
- Примечания** 844

ТРИ ВЕКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Составитель:

Николай Васильевич Банников

Редактор С. Г. Безрукова. Художественный редактор Н. М. Ременникова. Технические редакторы С. Н. Филатова, Н. А. Биркина. Корректор А. А. Барина.

ИБ № 1198

Сдано в набор 03.07.78. Подписано к печати 05.06.79. А 03880. 60×84^{1/8}. Бум. тип. № 2. Обыкн. нов. гарн. Высокая печать. Усл. п. л. 50,22. Уч.-изд. л. 28,37. Тираж 200 000 экз. Заказ № 558. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи 41.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

OCR Давид Титиевский, март 2021 г., Хайфа

